

The image shows a close-up of a mechanical watch movement, likely a Rolex Caliber 2230, set against a dark blue background. The watch's intricate gears, including a prominent five-spoke rotor, are visible. A small, round, red jewel is positioned near the center of the movement. The text 'УЧЛОЖИ КОЛЛЪБИЗ' is printed in white, uppercase letters on the right side of the image.

УЧЛОЖИ КОЛЛЪБИЗ

## Annotation

В этот том вошли последние книги и эпилог романа одного из зачинателей детективного направления в литературе, не публиковавшегося в России многие годы. Сложно переплетаются судьбы основных героев остросюжетного романа. Отношения отцов и детей исследуются в контексте эпохи в ярких, подчас трагических ситуациях и образах.

---

- [Уилки КОЛЛИНЗ](#)
  - [КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Глава VI](#)
    - [Глава VII](#)
    - [Глава VIII](#)
    - [Глава IX](#)
    - [Глава X](#)
    - [Глава XI](#)
    - [Глава XII](#)
    - [Глава XIII](#)
    - [Глава XIV](#)
    - [Глава XV](#)
  - [КНИГА ПЯТАЯ](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
  - [КНИГА ПОСЛЕДНЯЯ](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)

- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)

---

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

**Уилки КОЛЛИНЗ**  
**АРМАДЭЛЬ. ТОМ 2**

# КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

## Глава I

# МИССИС МИЛЬРОЙ

Через два дня после ухода Мидуинтера из Торп-Эмброза миссис Мильрой, кончив свой утренний туалет и отпустив свою сиделку, через пять минут позвонила в колокольчик и, когда снова явилась эта женщина, спросила нетерпеливо, пришла ли почта.

— Почта? — повторила сиделка. — Разве у вас нет часов? Разве вы не знаете, что ещё рано спрашивать о письмах?

Она говорила с самоуверенной дерзостью служанки, давно привыкшей пользоваться слабостью своей госпожи. Миссис Мильрой, со своей стороны, по-видимому, привыкла к обращению сиделки, она отдавала приказания спокойно, не замечая этого.

— Когда придёт почтальон, — сказала она, — выйдите к нему сами. Я ожидаю письмо, которое должна была получить уже два дня назад. Я этого не понимаю. Я начинаю подозревать слуг.

Сиделка презрительно улыбнулась.

— Кого ещё будете вы подозревать? — спросила она. — Не гневайтесь! Я сама отворю дверь, когда почтальон позвонит, и мы посмотрим, принесу ли я вам письмо. Сказав эти слова тоном и с видом женщины, успокаивающей капризного ребёнка, сиделка, не ожидая, чтобы её отпустили, ушла из комнаты.

Миссис Мильрой, оставшись одна, медленно, с трудом повернулась на постели. Свет от окна прямо падал на её лицо.

Это было лицо женщины, когда-то прекрасной и по летам ещё не старой. Продолжительное страдание от тяжёлого недуга и постоянная раздражительность изнурили её до такой степени, что от неё, как говорится, остались кости да кожа. На разрушение её красоты было страшно смотреть, хотя она и предпринимала отчаянные усилия скрыть это от своих собственных глаз, от глаз мужа и дочери, даже от глаз доктора, лечившего её, а он-то должен был знать правду. Голова её, из которой вылезли почти все волосы, может быть не была бы так неприятна на вид, если бы не отвратительный парик, под которым она старалась скрыть свои потери. Никакие изменения цвета лица, никакая морщинистая кожа не могли быть так ужасны на вид, как

румяна, густо лежавшие на её щеках, и белая глазурь, прилепленная на лбу. Тонкие кружева, яркая обшивка на блузе, ленты на чепчике, кольца на костлявых пальцах — все, имевшее целью отвлечь глаза от перемены, пронёсшейся над нею, напротив, привлекало взор, увеличивало её и силой контраста делало ещё ужаснее, чем она была на самом деле. Иллюстрированная книга мод, в которой женщины и девушки демонстрировали свои наряды в различных позах и движениях, лежала на постели, с которой больная не вставала несколько лет без помощи сиделки. Ручное зеркало находилось возле книги, так что она легко могла его достать. Миссис взяла зеркало, когда сиделка вышла из комнаты, и взглянула на своё лицо с таким интересом и вниманием, которых она застыдилась бы в восемнадцать лет.

— Все старше и старше, все худее и худее! — сказала она. — Майор скоро будет свободен, но я прежде выгоню из дома эту рыжую шлюху!

Она бросила зеркало на одеяло и сжала кулак. Глаза её вдруг остановились на небольшом портрете её мужа, висевшем на противоположной стене. Она поглядела на этот портрет со свирепым выражением глаз, как у хищной птицы.

— На старости лет у тебя явился вкус к рыжим? — сказала она портрету. — Рыжие волосы, золотушный цвет лица, фигура, обложенная ватой, походка, как у балетной танцовщицы, и проворные пальцы, как у вора. Мисс Гуильт! Мисс с этими глазами и с этой походкой!

Она вдруг повернула голову на подушке и засмеялась безжалостно, саркастически.

— Мисс, — повторила она несколько раз с ядовитой выразительностью, самой беспощадной из всех видов презрения, презрения одной женщины к другой.

В девятнадцатом веке, в котором мы живём, нет ни одного человеческого существа, которого нельзя бы понять и извинить. Есть ли извинение для миссис Мильрой? Пусть история её жизни ответит на этот вопрос.

Она вышла за майора в весьма раннем возрасте, а он был в таких годах, что годился ей в отцы. В то время он был довольно состоятельным, весьма обаятельным человеком, пользующимся

хорошей репутацией в обществе женщин. Не получив большого образования и будучи ниже своего мужа по интеллекту, она, польщённая его интересом к своей особе, весьма тщеславной, наконец, поддалась тому очарованию, которое майор Мильрой в молодости производил и на женщин гораздо выше её во всех отношениях. Он, со своей стороны, был тронут её преданностью и в свою очередь поддался влиянию её красоты, её свежести и непосредственности молодости. До того времени, когда их единственная дочь достигла восьмилетнего возраста, супружеская жизнь была необыкновенно счастлива. Но позднее двойное несчастье обрушилось на их дом: расстройство здоровья жены и почти полная потеря состояния мужа, и с этой поры домашнее счастье супругов кончилось.

Достигнув того возраста, когда мужчины способны под тяжестью несчастья больше покоряться своей участи, чем сопротивляться ей, майор собрал последние остатки своего состояния, удалился в провинцию и постепенно нашёл успокоение в своих механических занятиях. Женщина, ближе подходившая к нему по возрасту, или женщина с лучшим воспитанием и с более терпеливым характером, чем его жена, поняла бы поведение майора и сама нашла бы утешение, покорившись судьбе. Миссис Мильрой не находила утешения ни в чём. Ни интеллект, ни воспитание не помогли ей безропотно покориться жестокому бедствию, поразившему её в расцвете молодости и красоты. Неизлечимая болезнь поразила миссис вдруг и на всю жизнь.

Страдание может развить всё, что в человеке скрывается дурного, так же, как и хорошего. Все хорошее, что было в натуре миссис Мильрой, было подавлено под влиянием дурного. Месяц за месяцем становясь все слабее физически, она становилась хуже нравственно. Всё, что в ней было низкого, жестокого и фальшивого, увеличивалось соразмерно уменьшению всего, что было когда-то великодушно, кротко и правдиво. Прежние подозрения в готовности её мужа вернуться к разгульным дням его холостой жизни, подозрения, в которых она, ещё будучи здоровой, откровенно признавалась ему, которых, как она многократно убеждалась раньше или позже, он не заслуживал, возвратились теперь, когда болезнь развела её с ним, в виде той низкой супружеской недоверчивости, которая хитро



скрывается, которая собирается воспламенимыми частичками, атом по атому, в целую кучу и поджигает воображение медленным огнём ревности. Никакие доказательства беспорочной и достойной уважения жизни её мужа, никакие призывы к чувству собственного достоинства и к сохранению спокойствия дочери, ставшей уже взрослой, не могли рассеять ужасного ослепления, происходившего от её прогрессирующей ужасной болезни и увеличивавшегося вместе с нею. Подобно всяким другим случаям помешательства, это чувство ревности имело свой отлив и прилив, своё время внезапных вспышек и своё время обманчивого спокойствия, но, активное или пассивное, оно всё-таки постоянно было в ней. Своими подозрениями она обижала невинных служанок и оскорбляла посторонних женщин. Это помешательство вызывало часто слезы стыда и горечи на глазах дочери и проложило глубокие морщины на лице мужа; это составляло тайное несчастье маленького семейства уже много лет, а теперь переходило даже за границы их личной жизни и должно было иметь влияние на наступающие события в Торп-Эмброзе, которые касались будущих интересов Аллэна и его друга.

Взгляд на положение семейных дел в коттедже до приглашения новой гувернантки необходим для того, чтобы понять, как следуют серьёзные последствия появления мисс Гуилът на сцене.

Когда гувернантка, жившая у них много лет (женщина таких лет и такой наружности, что даже ревность миссис Мильрой успокоилась), вышла замуж, майор стал смотреть на вопрос о том, чтобы удалить дочь из дома, гораздо серьёзнее, чем жена его предполагала. С одной стороны, он сознавал, что в его доме происходили такие сцены, при которых молодая девушка не должна была присутствовать, с другой стороны, он чувствовал непреодолимое отвращение обратиться к единственному действительному средству — удалить свою дочь из дома не только в часы уроков, но и в праздничные дни. Когда борьба, поднявшаяся в его душе по этому случаю, прекратилась принятым решением пригласить новую гувернантку, природная склонность майора Мильроя избегать неприятности, скорее чем идти к ним навстречу, обнаружилась своим обычным образом. Он опять закрыл глаза на свои домашние неприятности и возвратился, как возвращался уже сотни и сотни раз в

прежних случаях, к утешительному обществу своего старого друга — к часам.

Совсем не то было с женой майора. Возможность, на которую не обратил внимания её муж, что новая гувернантка могла быть моложе и привлекательнее прежней, сразу же представилась уму миссис Мильрой. Она не сказала ничего. Втайне поджидая и втайне испытывая своё постоянное недоверие, она не возражала тому, чтобы муж и дочь оставили её и уехали на пикник, нарочно для того, чтобы иметь случай увидеть новую гувернантку первой. Гувернантка приехала, и тлеющий огонь ревности вспыхнул в миссис Мильрой в ту минуту, когда она и красивая гувернантка в первый раз посмотрели друг на друга.

По окончании свидания подозрения миссис Мильрой тотчас пали на мать мужа. Миссис было известно очень хорошо, что майор ни к кому другому не мог обратиться в Лондоне для получения необходимых сведений, ей было хорошо известно, что мисс Гуильт явилась по объявлению, напечатанному в газете, однако, зная это, она упорно закрывала глаза со слепым неистовством ревнивой женщины на этот бесспорный факт, и, наоборот, вспомнив последнюю из многочисленных ссор между ней и свекровью, кончившихся разлукой, она убедила себя, что мисс Гуильт была приглашена свекровью из мстительного чувства сделать вред ей. Заключение, сделанное даже слугами, свидетелями семейных скандалов, и сделанное справедливо о том, что мать майора, выбирая хорошо рекомендованную гувернантку для дочери своего сына, не считала своей обязанностью обратить внимание на то, неприятна ли будет красота этой гувернантки для жены майора, никоим образом не могло прийти в голову миссис Мильрой. Решение, которое её ревность к мужу во всяком случае заставила бы принять после того, как она увидела мисс Гуильт, вдвойне подкрепилось убеждением, теперь овладевшим ею. Только что мисс Гуильт закрыла дверь комнаты больной, как она прошипела слова:

— Не пройдёт и недели, моя милая, как вы отправитесь отсюда.

С этой минуты в бессонные ночи и томительные дни единственная цель, занимавшая эту больную женщину, состояла в том, чтобы найти предлог, как отправить новую гувернантку из дома. Помощь сиделки в качестве шпиона была куплена, как миссис

Мильрой привыкла покупать другие услуги, которые сиделка не была обязана оказывать ей, — подарком платья из гардероба её госпожи. Один за другим наряды, теперь ненужные миссис Мильрой, использовались на то, чтобы удовлетворить жадность сиделки, ненасытную жадность безобразной женщины к нарядам. Подкупленная таким щегольским платьем, какого ей ещё не давали, домашняя шпионка получила секретное приказание и с гнусной радостью принялась за своё тайное дело.

Дни проходили, а дело не подвигалось, ничего из слежки не выходило. И госпожа, и служанка имели дело с женщиной, которая в хитрости им не уступала. Беспрестанные внезапные приходы к майору, когда гувернантка была в одной комнате с ним, не могла открыть ни малейшего неприличия в словах, взглядах или поступках с той или другой стороны. Подсматривание и подслушивание под дверями спальни гувернантки показали, что она долго по ночам не гасит свечу в своей комнате, что она стонет и скрежещет зубами во сне, а больше ничего. Бдительное наблюдение днём показало, что она аккуратно относилась на почту свои письма сама, вместо того, чтобы отдавать их слугам, и что в некоторых случаях, когда она могла располагать своим временем, она вдруг пропадала из сада и обратно возвращалась одна из парка. Раз, только раз сиделка нашла случай пойти за ней из сада, и мисс Гуильт тотчас же заприметила её в парке и спросила чрезвычайно вежливо, не желает ли она гулять вместе с нею. Маленьких обстоятельств такого рода, которых было совершенно достаточно для воображения ревнивой женщины, было примечено множество, но обстоятельства, на которых можно было бы основать достаточный повод к жалобе майору, не было никаких. День проходил за днём, а поведение мисс Гуильт оставалось постоянно правильным, и отношения её к хозяину и к её ученице — постоянно безукоризненны.

Потерпев неудачу в этом отношении, миссис Мильрой старалась найти достаточный предлог к жалобе в аттестатах гувернантки, выпросив у майора подробное письмо, которое мать писала ему об этом. Миссис Мильрой читала и перечитывала его и никак не могла найти слабый пункт, отыскиваемый ею в каждой части письма. Все обыкновенные вопросы в подобных случаях были заданы, на все был дан простой и добросовестный ответ. Единственная возможность к

придирке, которую можно было найти, заключалась в последних фразах письма.

«Я была так поражена, — говорилось в письме, — грацией, изяществом, обращением мисс Гуильт, что я воспользовалась случаем, когда она вышла из комнаты, и спросила, каким образом поступила она в гувернантки? Самым обыкновенным образом, сказали мне, грустное семейное несчастье, в котором она показала себя благородно. Она очень чувствительная девушка и не любит говорить об этом с посторонними. Это естественное нежелание, которое всегда деликатность предписывала мне уважать. Услышав это, я, разумеется, проявила такую же деликатность и со своей стороны. Разузнать семейные горести бедняжки не входило в мои обязанности. Мой долг было сделать только то, что я сделала, — удостовериться, что я нанимаю способную и достойную уважения гувернантку для моей внучки».

Старательно обдумав эти строчки, миссис Мильрой при сильном желании найти эти обстоятельства подозрительными, конечно, нашла их такими. И она решилась разведать тайну семейных несчастий мисс Гуильт с надеждой найти в них что-нибудь полезное для достижения своей цели. Для этого было два способа: она могла или расспросить гувернантку, или ту женщину, которая поручилась за неё. Зная по опыту находчивость мисс Гуильт при ответах на неприятные вопросы, которые она задала ей при первом свидании, миссис решилась на последнее.

«Я прежде расспрошу поручительницу, — подумала миссис Мильрой, — потом и эту тварь и посмотрю, совпадут ли обе истории».

Письмо было короткое. Миссис Мильрой сначала уведомляла свою корреспондентку, что состояние её здоровья принуждало её оставлять дочь совершенно под влиянием и присмотром гувернантки. По этой причине она старается больше многих других матерей узнать во всех отношениях ту особу, которой она полностью поручила свою единственную дочь. По этой причине её можно было извинить за то, что она задаёт поручительнице после превосходной аттестации, полученной от неё мисс Гуильт, несколько простых вопросов. После этого предисловия миссис Мильрой прямо приступала к делу и

просила, чтобы её уведомили об обстоятельствах, принудивших мисс Гуильт пойти в гувернантки.

Письмо, написанное в этих выражениях, было отдано на почту в тот же день. Утром, когда должен быть получен ответ, ответа не поступило. Настало следующее утро — и ответа всё не было. На третье утро нетерпение миссис Мильрой перешло через все границы. Она вызвала сиделку, как мы уже говорили, и приказала ей самой получить письмо в это утро. В таком положении находились теперь дела, и при таких домашних обстоятельствах произошёл новый ряд событий в Торп-Эмброзе.

Миссис Мильрой только что взглянула на часы и опять протянула руку к колокольчику, когда дверь отворилась и сиделка вошла в комнату.

— Пришёл почтальон? — спросила миссис Мильрой.

Сиделка молча положила письмо на постель и ждала с нескрываемым любопытством, какой эффект произведёт оно на госпожу.

Миссис Мильрой вскрыла конверт в ту же минуту и увидела печатную бумажку, которую она отбросила, около письма, на которое она смотрела, написанного её собственным почерком! Она схватила печатную бумажку. Это был обычный циркуляр почтамта, уведомляющий о том, что её письмо было отправлено по адресу и что той, к кому оно было написано, не нашли.

— Что-нибудь не так? — спросила сиделка, заметив перемену в лице госпожи.

Вопрос этот остался без внимания. Письменная шкатулка миссис Мильрой стояла на столе возле кровати. Она вынула из неё письмо, которое мать майора писала к сыну, и отыскала имя и адрес мисс Гуильт.

«Миссис Мэндевилль, 18, Кингсдоун Крешент, Бэнсуотер», — прочитала она, а потом взглянула на адрес своего собственного возвращённого письма: никакой ошибки не было сделано: адрес был точно такой же.

— Что-нибудь не так? — снова спросила сиделка, сделав шаг ближе к постели.

— Слава Богу, да! — вскричала миссис Мильрой во внезапном порыве восторга.

Она швырнула циркуляр почтамта сиделке и хлопнула своими костлявыми руками по одеялу в избытке чувств от ожидаемого триумфа.

— Мисс Гуильт обманщица, мисс Гуильт обманщица! Если я умру от этого, Рэчел, я велю отнести себя к окну, чтобы посмотреть, как её будет выгонять полиция.

Говорить за глаза, что она обманщица, одно, а доказать ей это фактами — другое, — заметила сиделка.

Говоря это, она засунула руку в карман передника и, значительно глядя на госпожу, молча вынула второе письмо.

— Ко мне? — спросила миссис Мильрой.

— Нет, — отвечала сиделка. — К мисс Гуильт.

Обе женщины взглянули друг на друга и без слов поняли друг друга.

— Где она? — спросила миссис Мильрой.

Сиделка указала по направлению к парку.

— Опять ушла прогуляться перед завтраком. Одна.

Миссис Мильрой сделала знак сиделке наклониться ближе к ней.

— Можете распечатать, Рэчел? — шепнула она.

Рэчел кивнула головой.

— Можете запечатать опять так, чтобы никто не знал?

— Можете вы отдать мне тот шарф, который идёт к вашему серому платью? — спросила Рэчел.

— Возьмите! — нетерпеливо сказала миссис Мильрой.

Сиделка молча раскрыла гардероб, молча взяла шарф и молча вышла из комнаты. Менее чем через пять минут она вернулась с распечатанным конвертом.

— Благодарю вас, сударыня, за шарф, — сказала Рэчел, спокойно положив распечатанное письмо на одеяло.

Миссис Мильрой взглянула на конверт. Он был запечатан, как обыкновенно, с помощью камеди, которая отлепилась посредством пара. Когда миссис Мильрой вынула из конверта письмо, рука её сильно дрожала, а белая плазурь треснула над морщинами лба.

— Капли! — сказала она. — Я ужасно взволнована, Рэчел. Капли!

Рэчел подала капли, а потом отошла к окну, чтобы посмотреть в парк.

— Не торопитесь, — сказала она, — её ещё не видно.

Миссис Мильрой все колебалась, держа в руке эту важную бумажку. Она могла отнять жизнь у мисс Гуильт, но не решалась читать письмо мисс Гуильт.

— Вас мучит совесть? — спросила сиделка с насмешкой. — Подумайте, что ваш долг к вашей дочери требует этого.

— Презренная тварь! — сказала миссис Мильрой, и, таким образом выразив своё мнение, она распечатала письмо.

Оно, очевидно, было написано очень торопливо: без числа и подписано только начальными буквами. Оно заключалось в следующем:

*«Улица Диана.*

*Любезная Лидия, кэб ждёт у дверей, и мне остаётся только одна минута сказать вам, что я принуждена оставить Лондон по делу на три или четыре дня, уж никак не больше, как на неделю. Письма будут препровождаться ко мне, если вы будете писать. Я получила вчера ваше письмо и согласна с вами, что весьма важно откладывать так надолго, как только для вас возможно, неловкий предмет о вас самих и о ваших родных. Чем лучше вы узнаете его, тем более вы будете способны придумать историю такого рода, какая наиболее годится. Если вы расскажете, вы должны будете её держаться, а держась её, остерегайтесь запутать и придумать её слишком торопливо. Я опять напишу об этом и сообщу мои идеи. А пока не рискуйте встречать его слишком часто в парке.*

*Ваша М. О.»*

— Ну? — спросила сиделка, возвращаясь к кровати. — Вы кончили?

— Встречать его в парке? — повторила миссис Мильрой, не спуская глаз с письма. — Его! Рэчел, где майор?

— В своей комнате.

— Я этому не верю.

— Как хотите. Мне нужно письмо и конверт.

— Вы можете запечатать опять так, чтобы она не знала?

— Что я могу распечатать, то могу и запечатать. Ещё что?

— Ничего.

Миссис Мильрой опять осталась одна. Предстояло рассмотреть план атаки в новом свете, упавшем теперь на мисс Гуильт.

Сведение, полученное из письма гувернантки, прямо указывало, что авантюристка прокралась в её дом с помощью ложной аттестации. Но, получив это сведение посредством вероломного поступка, в котором невозможно было признаться, этим сведением нельзя было воспользоваться для предостережения майора и для изгнания мисс Гуильт. Единственно полезное орудие в руках миссис Мильрой доставляло ей её собственное возвращённое письмо, и вопрос состоял в том, чтобы решить, как лучше и скорее воспользоваться им.

Чем дольше миссис Мильрой обдумывала это, тем казался ей опрометчивее и преждевременнее восторг, который она почувствовала при первом взгляде на циркуляр почтамта. То, что женщина, поручившаяся за гувернантку, уехала из своего дома, не оставив никаких следов после себя и даже не упомянув об адресе, по которому к ней могли посылать письма, было обстоятельством достаточно подозрительным само по себе для того, чтобы упомянуть о нём майору. Но миссис Мильрой, как ни превратно было её мнение о своём муже в некоторых отношениях, знала настолько его характер, что была уверена, если она скажет ему о том, что случилось, то он прямо обратится к самой гувернантке за объяснением. Находчивость и хитрость мисс Гуильт в таком случае позволит ей придумать какой-нибудь благовидный ответ, который майор, по своему пристрастию к гувернантке, будет очень рад принять, а она в то же время, без сомнения, поспешит уведомить по почте свою сообщницу в Лондоне, чтобы всё было готово для надлежащего подтверждения с её стороны. Сохранять строгое молчание пока и провести (без ведома гувернантки) такие розыски, какие могут быть необходимы для получения неопровержимых улик, было единственным надёжным способом с таким человеком, как майор, и с такой женщиной, как мисс Гуильт. Беспомощная сама, кому могла миссис Мильрой поручить трудные и опасные розыски? Даже если бы можно было положиться на сиделку, её нельзя было отослать вдруг ни с того ни с сего, не подвергаясь опасности возбудить подозрение. Был ли какой-



нибудь другой способный и надёжный человек в Торп-Эмброзе и Лондоне? Миссис Мильрой переворачивалась с боку на бок на постели, отыскивая во всех закоулках своей памяти необходимых людей, и отыскивала напрасно.

«О, если бы я только могла найти какого-нибудь человека, на которого я могла бы положиться! — подумала она с отчаянием. — Если бы я только знала, где отыскать кого-нибудь, чтобы помочь мне!» Когда эта мысль промелькнула в её голове, звук голоса её дочери по другую сторону двери испугал её.

— Могу я войти? — спросила Нили.

— Что тебе нужно? — с нетерпением спросила миссис Мильрой.

— Я принесла вам завтрак, мама.

— Мой завтрак? — с удивлением повторила миссис Мильрой. —

Почему Рэчел не принесла его?

Она подумала с минуту, потом ответила резко:

— Войди.

## Глава II

# ЧЕЛОВЕК НАШЁЛСЯ

Нили вошла в комнату, неся поднос с чаем, поджаренным хлебом и маслом, что составляло неизменный завтрак больной.

— Что это значит? — спросила миссис Мильрой таким недовольным тоном, как будто в комнату вошла не та служанка.

Нили поставила поднос на стол возле кровати.

— Мне захотелось принести вам ваш завтрак, мама, хоть один раз, — отвечала она, — и я попросила Рэчел пустить меня.

— Поди сюда, — сказала миссис Мильрой, — и поздоровайся со мной.

Нили повиновалась. Когда она наклонилась поцеловать мать, миссис Мильрой схватила её за руку и грубо повернула к свету. На лице её дочери были ясные признаки расстройства и огорчения. Страх пронизал все тело миссис Мильрой в одно мгновение. Она испугалась, не узнала ли мисс Гуильт, что письмо её было распечатано, и не поэтому ли не пришла сиделка.

— Пустите меня, мама, — сказала Нили, вырываясь из рук матери, — мне больно.

— Скажи мне, почему ты принесла мне сегодня завтрак? — настаивала миссис Мильрой.

— Я вам сказала, мама.

— Нет! Ты придумала предлог, я это вижу по твоему лицу. Говори! Что такое?

Дочь уступила решительному требованию матери. Она тревожно смотрела в сторону, на посуду, стоящую на подносе.

— Я была расстроена, — сказала она с усилием. — И мне не хотелось оставаться в столовой, мне хотелось прийти сюда и поговорить с вами.

— Расстроена! Кто расстроил тебя? Что случилось? Не замешана ли тут мисс Гуильт?

Нили посмотрела на мать с внезапным любопытством и испугом.

Мама, — сказала она, — вы прочли мои мысли, и, уверяю вас, вы испугали меня. Да, это мисс Гуильт.

Прежде чем миссис Мильрой успела сказать слово, дверь отворилась и заглянула сиделка.

— У вас все есть, что нужно? — спросила она спокойно, как обычно. — Мисс хотела непременно сама отнести вам поднос. Не разбила ли она чего-нибудь?

— Отойди к окну, мне нужно поговорить с Рэчел, — сказала миссис Мильрой.

Как только дочь её повернулась спиной, она торопливо сделала знак сиделке, чтобы та подошла.

— Не случилось ли чего-нибудь неприятного? — спросила она шёпотом. — Вы думаете, что она подозревает нас?

Сиделка ответила со своей обычной насмешливой улыбкой.

— Я говорила вам, что это будет сделано как надо, — отвечала она. — И это сделано, она не имеет ни малейшего подозрения. Я ждала в комнате и видела, как она взяла письмо и распечатала.

Миссис Мильрой вздохнула с облегчением.

— Благодарю, — сказала она так громко, чтобы дочь её услышала. — Мне не нужно ничего больше.

Сиделка ушла, а Нили вернулась к матери. Миссис Мильрой взяла Нили за руку и посмотрела на неё внимательнее и ласковее обыкновенного. Дочь интересовала её в это утро, потому что могла рассказать что-нибудь о мисс Гуильт.

— Я думала, что ты, как всегда, здорова и весела, дитя, — сказала она, осторожно продолжая прерванный приходом сиделки разговор. — Но дело, кажется, обстоит не так. Ты как будто нездорова и не в духе. Что случилось?

Если бы между матерью и дочерью было хоть какое-то взаимопонимание, Нили, может быть, призналась бы во всём. Она, возможно, сказала бы откровенно: «Я выпяжу нездоровой потому, что моя жизнь складывается несчастливо. Я люблю мистера Армадэля, и мистер Армадэль прежде любил меня. У нас было маленькое разногласие один раз, в котором я была виновата. Мне хотелось признаться ему в этом и в тот день и после, а мисс Гуильт стоит между нами и не допускает меня к нему. Она сделала нас чужими, она совсем изменила его отношение ко мне и отняла его у меня. Он смотрит теперь на меня не так, как прежде. Он говорит со мной не так. Он никогда не остаётся со мной один, как оставался прежде. Я не

могу сказать ему тех слов, какие мне хочется сказать. Я не могу написать ему, потому что это будет выглядеть как попытка вернуть его. Между мной и мистером Армадэлем всё кончено, и в этом виновата гувернантка. Каждый день между мисс Гуильт и мной идёт тайная война. И что бы я ни говорила, чтобы я ни делала, она всегда одержит надо мной верх и всегда сделает меня виноватой. Всё, что я видела в Торп-Эмброзе, нравилось мне, всё, что я делала в Торп-Эмброзе, доставляло мне счастье, прежде чем приехала она. Ничего не нравится мне и ничего не делает меня счастливой теперь!» Если бы Нили привыкла выслушивать советы матери и чувствовать её любовь, она могла бы сказать такие слова. Теперь же слёзы выступили на её глазах, и она молча повесила голову.

— Ну, — сказала миссис Мильрой, начиная терять терпение. — Ты хотела сказать мне что-то о мисс Гуильт. Что же это?

Нили сдержала слезы и сделала усилие, чтобы ответить:

— Она раздражает меня безумно, мама. Я терпеть её не могу. Я сделаю что-нибудь...

Нили замаялась и сердито топнула ногой.

— Я брошу что-нибудь ей в голову, если это продолжится дольше! Я бросила бы что-нибудь и сегодня, если бы не ушла из комнаты. О! Поговорите об этом с папа! Найдите какую-нибудь причину, чтобы отказать ей. Я поступлю в школу, я сделаю все на свете, чтобы избавиться от мисс Гуильт!

Избавиться от мисс Гуильт! При этих словах, при этом отголоске в сердце дочери единственного страстного желания, затаённого в её собственном сердце, миссис Мильрой медленно приподнялась на постели. Что это значило? Неужели та помощь, которая ей была нужна, пришла именно с той стороны, с которой меньше всего она думала получить её?

— Почему ты хочешь избавиться от мисс Гуильт? — спросила она. — На что ты можешь пожаловаться?

— Ни на что! — сказала Нили. — Вот это-то и досадно. Мисс Гуильт не даёт мне повода пожаловаться на что-нибудь. Она в полном смысле слова гнусная женщина. Она сводит меня с ума, а между тем она образец приличия во всём. Может быть, это дурно, но мне всё равно — я её ненавижу! Глаза миссис Мильрой рассматривали лицо дочери с таким интересом, как никогда ещё не случалось до сих пор.

Очевидно, что-то скрывалось за всем этим, что-то, может быть, необыкновенно важное для реализации её собственной цели, и это необходимо было выяснить. Она ласково и очень осторожно, все глубже и глубже проникала в душу Нили, проявляя все горячее участие к тайне дочери.

— Налей мне чашку чая, — попросила она, — и не волнуйся, моя милая. Зачем ты говоришь со мной об этом? Почему ты не поговоришь с твоим отцом?

— Я пробовала говорить папа, — отвечала Нили, — но это ни к чему не привело. Он слишком добр для того, чтобы понять, какая это негодная женщина. Она всегда прекрасно к нему относится, она всегда старается быть ему полезной. Я не могу заставить его понять, почему я терпеть не могу мисс Гуильт, я не могу заставить понять это и вас, я только понимаю это сама.

Она хотела налить чай и опрокинула при этом чашку.

— Я пойду вниз, — воскликнула Нили, залившись слезами. — Я ни на что не гожусь, я не могу даже налить чашку чая.

Миссис Мильрой схватила её за руку и остановила. Как ни незначительно было это обстоятельство, но намёк Нили на прекрасные отношения между майором и мисс Гуильт пробудил ревность её матери. Сдержанность, которую миссис Мильрой проявляла до сих пор, исчезла в одно мгновение, исчезла даже в присутствии шестнадцатилетней девушки, а эта девушка была её родная дочь.

— Остайся здесь! — сказала она с жаром. — Ты пришла куда следовало. Продолжай бранить мисс Гуильт. Мне приятно слышать тебя, я тоже её ненавижу.

— Вы, мама! — воскликнула Нили, с удивлением смотря на мать.

С минуту миссис Мильрой не решалась сказать более. Тёплые воспоминания о её супружеской жизни в давнее и счастливое время заставляли поберечь от огорчений молодость и пол её дочери. Но ревность не уважает ничего ни на небесах, ни на земле, ничего, кроме себя самой. Медленный огонь страданий, разожжённый самой миссис Мильрой, день и ночь горевший в груди этой жалкой женщины, вспыхнул с новой силой в глазах её, когда полные сарказма слова слетали с её губ.

— Если бы у тебя были глаза, ты не обратилась бы к отцу. Твой отец имеет свои собственные причины, чтобы ничего не понять из того, что ты или кто бы то ни было мог сказать против мисс Гуильт.

Многие девушки в возрасте Нили не поняли бы значения, скрывавшегося под этими словами. К несчастью дочери, она настолько хорошо знала свою мать, что понимала её. Нили вся вспыхнула, отскочила от кровати.

— Мама! — сказала она. — Вы говорите ужасные вещи.

Папа добрейший, милейший и лучший из людей... О! Я не хочу этого слышать! Я не хочу этого слышать!

В ярости миссис Мильрой сжала кулаки, сжала тем сильнее, чем более она сама чувствовала, правда, против своей воли, что была не права.

— Дерзкая дура! — свирепо закричала она. — Неужели ты думаешь, что мне нужно, чтобы ты напоминала мне о том, чем я обязана твоему отцу? Разве я должна учиться, как говорить о твоём отце, и как думать о нём, и как любить, и как уважать его, у такой молоденькой девчонки, как ты! Я окончательно разочаровалась в жизни, могу сказать тебе, когда родилась ты. Я желала сына, а не тебя, дерзкая девчонка! Если ты найдёшь когда-нибудь человека такого сумасбродного, который вздумает на тебе жениться, счастлив будет он, если ты будешь любить его хоть наполовину, хоть на десятую, хоть на сотую часть того, как я любила твоего отца. А! Можешь плакать, когда уж поздно, можешь выпрашивать прощение у матери после того, как оскорбила её, зелёная девчонка! Я была красивее, чем ты, когда вышла за твоего отца. Я бросилась бы в огонь и воду за твоего отца! Если бы он попросил меня отрезать мои руки, я сделала бы это, я сделала бы это для того, чтобы угодить ему.

Она вдруг отвернулась к стене, забыв дочь, забыв мужа, забыв все, охваченная волной мучительных воспоминаний о своей погибшей красоте.

— Мои руки... — повторила она слабым голосом. — Какие руки были у меня, когда я была молода!

Она украдкой с трепетом засучила рукав своей блузы.

— О! Если бы поглядеть на них теперь, поглядеть на них теперь!..

Нили упала на колени возле кровати и спрятала в одеяло своё лицо. В отчаянии стремясь найти утешение и помощь где бы то ни

было, она инстинктивно бросилась к матери — и вот чем это кончилось.

— О мама! — умоляла она. — Вы знаете, что я не имела намерения оскорбить вас. Я не могла вынести, когда вы так говорили о папа. О! Простите, простите меня!

Миссис Мильрой опять повернулась на кровати и рассеянно посмотрела на дочь.

— Простить тебя? — повторила она, все живя мыслями, обращёнными к прошлому, и постепенно возвращаясь к настоящему.

— Я прошу у вас прощения, мама, я прошу у вас прощения на коленях. Я так несчастна, мне так нужно хоть немножко доброты! Неужели вы не простите меня?

— Подожди, — возразила миссис Мильрой. — А! — сказала она через некоторое время. — Теперь я знаю! Простить тебя! Да, я прощаю тебя с одним условием.

Она взяла руку Нили и проницательно посмотрела ей в лицо.

— Скажи мне, почему ты ненавидишь мисс Гуильт? Ты имеешь твои собственные причины ненавидеть её, и ты ещё не призналась в них.

Нили опять опустила голову. Яркий румянец, который она скрывала, спрятав своё лицо, залил даже её шею. Мать это увидела и дала ей время успокоиться.

— Скажи мне, — повторила миссис Мильрой более спокойным тоном, — за что ты ненавидишь её?

Ответила дочь неохотно, произнося отрывисто слова и отдельные фразы.

— За то, что она старается...

— Старается что?

— Старается заставить одного человека, который слишком...

— Слишком что?

— Слишком молод для неё...

— Жениться на ней?

— Да, мама.

Заинтересовавшись в крайней степени услышанным, миссис Мильрой наклонилась ещё больше и ласково погладила дочь по волосам.

— Кто это, Нили? — спросила она шёпотом.

— Вы никогда не скажете, что я вам сказала, мама?

— Никогда! Кто это?

— Мистер Армадэль.

Миссис Мильрой молча опустила на изголовье. Ясное признание дочери в первой её любви, которое привлекло бы все внимание других матерей, не заняло её ни на минуту. Её ревность, устраивая все для доказательства её собственных выводов, постаралась и сейчас исказить услышанное от дочери.

«Притворство, — думала она, — обманувшее мою дочь. Меня оно не обманет».

— Что же, мисс Гуильт удаётся её план? — спросила она вслух. Мистер Армадэль начинает ею интересоваться?

Нили взглянула на мать в первый раз. Самая трудная часть признания была высказана. Она сказала правду о мисс Гуильт и открыто упомянула имя Аллена.

— Он чрезвычайно ею интересуется, — сказала она. — Это невозможно понять, это просто ослепление. Я не имею сил говорить об этом!

— Каким образом ты узнала секреты мистера Армадэля? — спросила миссис Мильрой. — Неужели он выбрал тебя для того, чтобы сообщить о своём интересе к мисс Гуильт?

— Меня! — с негодованием воскликнула Нили. — Уж и то довольно дурно, что он сказал папа.

При появлении имени майора в рассказе интерес миссис Мильрой возрос до крайней степени. Она опять приподнялась с изголовья.

— Сядь на стул, — сказала она. — Сядь, дитя, и расскажи мне все, каждое слово, запомни, каждое слово!

— Я могу только пересказать вам, мама, что сказал мне папа.

— Когда?

— В субботу. Я принесла папа завтрак в его мастерскую, а он сказал: «У меня только что был мистер Армадэль, и я хочу предостеречь тебя, пока я не забыл». Я ничего не ответила, мама, я только ждала. Папа продолжал рассказывать о том, что мистер Армадэль говорил с ним о мисс Гуильт и задал о ней вопрос, который никто в его положении не имел права задавать. Папа сказал, что он был обязан шутя предостеречь мистера Армадэля быть деликатнее и



острожнее вперёд. Это не очень меня интересовало, мама. Для меня всё равно, что мистер Армадэль делает или говорит. Зачем мне этим интересоваться?..

— Оставь себя в стороне, — резко перебила миссис Мильрой. — Продолжай. Что сказал твой отец, что он делал, когда говорил о мисс Гуильт? Какой у него был вид?

— Такой, как обыкновенно, мама. Он ходил взад и вперёд по мастерской. Я взяла его под руку и стала ходить вместе с ним.

— Мне не нужно знать, что делала ты, — перебила миссис Мильрой ещё раздражительнее. — Сказал тебе отец, в чём состоял вопрос мистера Армадэля, сказал или нет?

— Да, мама. Он сказал, что мистер Армадэль сначала упомянул, что он очень интересуется мисс Гуильт, а потом спросил, может ли папа сказать ему что-нибудь о её семейных несчастьях.

— Что!!! — закричала миссис Мильрой.

Это слово вырвалось у неё почти пронзительным криком, и белая глазурь на её лице растеклась везде.

— Мистер Армадэль сказал это? — продолжала она, все более поднимаясь на кровати.

Нили вскочила и старалась уложить мать.

— Мама! — воскликнула она. — Вы страдаете, вы больны! Вы испугали меня!

— Ничего, ничего, ничего! — сказала миссис Мильрой.

Она была так сильно взволнована, что не могла придумать в ответ ничего, кроме самого обыкновенного предлога.

— Мои нервы расстроены сегодня, не обращай внимания, я повернусь на другую сторону. Продолжай, продолжай! Я слушаю, хотя не смотрю на тебя.

Она отвернулась к стене и судорожно сжала дрожащие руки под одеялом.

— Я поймала её! — прошептала она самой себе, едва дыша. — Я поймала её наконец!

— Я боюсь, что говорила слишком много, — сказала Нили. — Я боюсь, что я оставалась здесь слишком долго. Не пойти ли мне вниз, мама, и прийти после?

— Продолжай! — машинально повторила миссис Мильрой. — Что сказал твой отец потом? Говорил он ещё что-нибудь о мистере

Армадэле?

— Ничего больше, кроме того, что папа отвечал ему, — возразила Нили. — Папа повторил мне свои собственные слова. Он сказал: за неимением добровольных признаний самой мисс Гуильт, мистер Армадэль, всё, что я знаю или желаю знать — вы извините меня, если я скажу всё, что нужно знать всем другим, — это то, что мисс Гуильт доставила мне совершенно удовлетворительную аттестацию, прежде чем она вошла в мой дом. Это было строго, не правда ли, мама? Я нисколько о нём не сожалею: он вполне это заслужил. Потом папа предостережёт меня. Он велел мне остановить любопытство мистера Армадэля, если он обратится ко мне, как будто он обратится ко мне и как будто я стану слушать его, если бы он и обратился! Вот и все, мама. Вы не будете предполагать, что я рассказала вам это для того, чтобы помешать мистеру Армадэлю жениться на мисс Гуильт? Пусть он женится на ней, если хочет. Мне всё равно! — сказала Нили голосом несколько ослабевшим и с таким лицом, выражение которого не согласовывалось с её заявлением о равнодушии. — Я желаю только избавиться от несчастья иметь гувернанткой мисс Гуильт, я лучше пойду в школу. Мне было бы приятно поступить в школу. Я совсем переменяла своё мнение об этом, только у меня недостаёт духа сказать папа. Я не знаю, что такое случилось со мной, у меня не лежит душа ни к чему теперь, а когда папа сажает меня на колени вечером и говорит:

«Поболтаем, Нили», я не могу не расплакаться. Не сможете ли вы сказать ему, мама, что я раздумала и желаю поступить в школу.

Слёзы выступили на глазах девушки, и она не заметила, что мать даже не повернулась на кровати, чтобы взглянуть на неё.

— Да-да, — рассеянно сказала миссис Мильрой. — Ты добрая девушка, ты поступишь в школу.

Такая краткость ответа и тон, которым он был произнесён, показали Нили ясно, что внимание её матери было обращено не на неё и что бесполезно было бы продолжать разговор. Она спокойно встала, не сказав ни слова упрёка. Для неё не было новостью не находить сочувствия у своей матери. Она посмотрелась в зеркало и сполоснула холодной водой своё лицо.

«Мисс Гуильт не увидит, что я плакала», — подумала Нили, возвращаясь к постели проститься с матерью.

— Я утомила вас, мама, — сказала она покорно. — Позвольте мне теперь уйти и вернуться немножко позже, когда вы отдохнёте.

— Да, — повторила мать по-прежнему машинально. — Немножко позже, когда я отдохну.

Нили ушла. Как только дверь затворилась за ней, миссис Мильрой вызвала сиделку. Несмотря на рассказ, выслушанный ею, она так же твёрдо, как прежде, придерживалась своих ревнивых предположений.

«Мистер Армадэль может верить ей, и моя дочь может верить ей, — думала взбешённая женщина, — но я знаю майора, и она не может обмануть меня!»

Вошла сиделка.

— Обложите меня подушками, — сказала миссис Мильрой, — и подайте мне мою письменную шкатулку. Я буду писать.

— Вы взволнованы, — возразила сиделка. — Вы не сможете писать.

— Подайте мне письменную шкатулку! — повторила миссис Мильрой.

— Ещё что? — спросила Рэчел, ставя шкатулку на постель.

— Приходите через полчаса, вы мне будете нужны, чтобы отнести письмо в большой дом.

Сардоническое спокойствие сиделки оставило её на этот раз.

— Господи помилуй! — воскликнула она тоном искреннего удивления. — Что вы ещё задумали? Неужели вы хотите писать...

— Я буду писать к мистеру Армадэлю, — перебила миссис Мильрой, — а вы отнесёте письмо к нему и подождёте ответа. Помните, ни одна живая душа в доме, кроме нас с вами, не должна знать об этом.

— Зачем вы пишете к мистеру Армадэлю? — спросила Рэчел. — И почему никто не должен этого знать, кроме нас с вами?

— Подождите, — отвечала миссис Мильрой, — и вы увидите.

Женское любопытство сиделки отказалось ждать.

— Я буду помогать вам с открытыми глазами, — сказала она, — но с закрытыми помогать не хочу.

— О! Если бы я могла владеть моими ногами и руками! — застонала миссис Мильрой. — Если бы я могла обойтись без тебя, негодная тварь!

— Вы владеете вашей головой, — возразила неумолимая сиделка, — и вам следовало бы знать, что теперь нельзя доверяться мне вполонину.

Это сказано было грубо, но справедливо, вдвойне справедливо после распечатывания письма мисс Гуильт. Миссис Мильрой уступила.

— Что вы хотите знать? — спросила она. — Скажите мне и оставьте меня.

— Я желаю знать, о чём вы напишете мистеру Армадэлю.

— О мисс Гуильт.

— Какое дело мистеру Армадэлю до вас и мисс Гуильт?

Миссис Мильрой показала письмо, возвращённое ей почтамтом.

— Наклонитесь, — сказала она. — Может быть, мисс Гуильт подслушивает у дверей. Я расскажу шёпотом.

Сиделка наклонилась, не спуская глаз с дверей.

— Вы знаете, что почтальон ходил с этим письмом в Кингсдоун Крешент, — тихо сказала миссис Мильрой. — И вы знаете, он нашёл, что миссис Мэндевилль уехала, и никто не мог сказать ему куда.

— Ну что же дальше? — спросила шёпотом Рэчел.

— Вот что. Когда мистер Армадэль получит письмо, которое я напишу к нему, он пойдёт по той же дороге, по какой ходил почтальон, и мы увидим, что случится, кода он постучится в дверь миссис Мэндевилль.

— Как же вы заставите его пойти к этой двери?

— Я напишу ему, чтобы он обратился к той, которая поручилась за мисс Гуильт.

— Разве он не влюблён в мисс Гуильт?

— Да.

— А! Понятно! — сказала сиделка.

## Глава III

### НА КРАЮ ОТКРЫТИЯ

Утро разговора миссис Мильрой с дочерью в коттедже было утром серьёзного размышления для сквайра в большом доме. Даже добродушный характер Аллена не мог не испытать неприятного влияния событий последних трех дней. Отъезд Мидуинтера раздосадовал его, а воспоминание о том, как майор Мильрой принял его расспросы о мисс Гуильт, оставили неприятный осадок в его душе. После визита в коттедж Аллен чувствовал первый раз в жизни раздражение ко всем, кто приходил к нему. Он был нетерпелив в разговоре с Педгифтом-младшим, который зашёл к нему вечером сообщить о своём отъезде в Лондон по делу на следующий день и предложить свои услуги клиенту. Он чувствовал какую-то принуждённость к мисс Гуильт на тайном свидании с ней в парке в это утро. Ему было неловко самому с собой в своей уединённой комнате, где он сидел теперь и угрюмо курил.

«Я не могу жить таким образом, — думал Аллен. — Если никто не хочет помочь мне задать мисс Гуильт этот деликатный вопрос, я должен сам придумать способ спросить её».

Какой способ? Ответ на этот вопрос было так же трудно найти, как и прежде. Аллен старался подстегнуть свою изобретательность, расхаживая взад и вперёд по комнате, но уже при первом повороте размышлять ему помешало появление лакея.

— Что такое ещё? — спросил он нетерпеливо.

— Письмо, сэр. Ждут ответа.

Аллен взглянул на адрес. Почерк был незнакомый. Он распечатал конверт, и из него выпала записка, адресованная тем же незнакомым почерком: «Миссис Мэндевилль, 18, Кингсдоун Крешент, Бэйсуотер, посылается с мистером Армадэлем». Удивляясь все более и более, Аллен взглянул на подпись в конце письма. Там стояло: «Анна Мильрой».

— Анна Мильрой? — повторил он. — Это, должно быть, жена майора. Что ей может быть нужно от меня?

Чтобы узнать, что ей нужно, Аллэн наконец сделал то, что ему следовало бы сделать сначала. Он присел прочесть письмо.

*«Коттедж, понедельник.  
(Секретное.)»*

*Любезный сэръ, я боюсь, что имя в конце этого письма напомнит вам очень грубый приём с моей стороны, очень доброго внимания с вашей. Я могу сказать только в извинение, что я больная женщина и что если в минуту раздражения вследствие сильных страданий отослала вам назад фрукты, присланные вами мне в подарок, то я сожалела потом, зачем я это сделала. Прошу вас приписать это письмо моему желанию загладить хоть сколько-нибудь пред вами вину мою и быть полезной нашему доброму другу и хозяину, если я только могу.*

*Я узнала вопрос, который вы сделали моему мужу третьего дня насчёт мисс Гуильт. Судя по тому, что я слышала о вас, я совершенно уверена, что ваше желание узнать более об этой очаровательной особе происходит от самых благородных причин. Веря этому, я, как женщина (хотя неизлечимо больная), искренно готова помочь вам. Если вы желаете узнать семейные обстоятельства мисс Гуильт, не обращаясь прямо к ней самой, это зависит от вас самих, и я скажу вам, как.*

*Несколько дней назад я писала к особе, рекомендовавшей мисс Гуильт, именно об этом же. Я давно заметила, что гувернантка моей дочери неохотно говорит о своих родных и друзьях, и, хотя я приписывала её молчание совершенно благородным причинам, я чувствовала, что моя обязанность к моей дочери требует, чтобы я разузнала об этом. Ответ, полученный мною, совершенно удовлетворителен. Моя корреспондентка сообщает мне, что история мисс Гуильт очень печальная и что её поведение среди этих семейных несчастий было выше всяких похвал. Обстоятельства семейные (как я поняла) все объяснены в коллекции писем, находящихся теперь в руках*

дамы, поручившейся за мисс Гуильт. Эта дама готова показать мне эти письма, но, не имея копий с них и отвечая за них лично, она не хочет, если этого можно избежать, послать их по почте, и просит меня ждать, пока она или я найдём надёжного человека, с которым можно переслать эти письма.

Мне пришло в голову, что вы, может быть, как заинтересованный в этом деле, согласитесь привезти мне эти письма. Если я ошибаюсь и вы не расположены после того, что я сказала вам, решиться на беспокойство и издержки поездки в Лондон, вам стоит только сжечь моё письмо и приложенную к нему записку и не думать больше об этом. Если вы решитесь сделаться моим помощником, я с радостью даю вам рекомендательное письмо к миссис Мэндевилль. Вам нужно только взять от неё запечатанный пакет с письмами, послать их сюда по возвращении из Торп-Эмброза и ждать известий от меня.

В заключение мне остаётся только прибавить, что я не вижу ничего неприличного в том, чтобы вы поступили (если вы желаете) так, как я предлагаю вам. Мисс Гуильт так приняла мои намёки на её семейные обстоятельства, что для меня неприятно (а для вас совершенно невозможно) расспрашивать об этом её. Я, конечно, могу быть оправдана, что обращаюсь к даме, поручившейся за неё, а вас, конечно, нельзя осуждать за то, что вы возьмётесь передать запечатанный пакет от одной дамы к другой. Если я найду в этих письмах семейные секреты, которые честь запрещает передать третьему лицу, я, разумеется, буду принуждена просить вас подождать, пока не поговорю с мисс Гуильт. Если я не найду ничего предосудительного для её чести, а напротив, то, что ещё поднимет её в вашем уважении, я неоспоримо оказываю услугу оказать вам это доверие. Вот как я смотрю на это дело, но, пожалуйста, не позволяйте себе поддаваться моему влиянию.

Во всяком случае, я могу сделать только одно условие, и я уверена, что вы найдёте его необходимым. Самые невинные поступки в этом нечестивом свете

*перетолковываются в дурную сторону. Следовательно, я должна просить вас, чтобы вы сохранили это извещение в самой строгой тайне. Я пишу вам по секрету, и во всяком случае содержание моего письма должно остаться между нами.*

*Верьте, любезный сэръ, искренней преданности к вам Анны Мильрой».*

В такой искустительной форме бессовестная жена майора расставила ловушку. Без малейшей нерешительности Аллэн последовал, по обыкновению, своему внутреннему побуждению и прямо попал в эту западню. Он и писал ответ, и продолжал свои размышления в одно и то же время в самом сбивчивом состоянии своих мыслей.

— Ей-богу, миссис Мильрой очень добра!

«Милостивая государыня...»

— Именно чего мне было нужно и именно в такое время, когда это было нужно!

«Я не знаю, как выразить вас мою признательность за вашу доброту, разве только сказать вам, что я поеду в Лондон и привезу вам письма с величайшим удовольствием...»

— Я буду посылать ей корзину с фруктами аккуратно каждый день все лето.

«Я сейчас еду и возвращусь завтра...»

— Ах! Только женщины умеют помогать влюблённым. То самое сделала бы моя бедная мать на месте миссис Мильрой.

«Даю честное слово благородного человека, что я бережно доставлю вам письма и сохраню это в строгой тайне, как вы желаете».

— Я дал бы пятьсот фунтов всякому, кто научил бы меня, как заговорить об этом с мисс Гуильт, а эта добрейшая женщина делает это даром.

«Верьте, милостивая государыня, искренней признательности вашего покорнейшего слуги Аллэна Армадэля».

Передав свой ответ посланцу миссис Мильрой, Аллэн остановился в минутной нерешительности. У него назначено было свидание с мисс Гуильт в парке на следующее утро. Весьма необходимо было дать ей знать, что он не сможет прийти на это



свидание, но она запретила писать ей, а он не имел возможности увидеть её одну в этот день. В таком затруднительном положении он решил сообщить мисс Гуилът через майора, написав ему, что едет в Лондон по делу, и, спрашивая, не сможет ли быть полезным кому-нибудь из его семейства. Устранив таким образом единственное препятствие к своему отъезду, Аллэн взглянул на часы и увидел, к своей досаде, что ему остаётся ещё целый час до отъезда на железную дорогу. В теперешнем расположении духа он предпочёл бы тотчас же поехать в Лондон.

Когда время отъезда настало наконец, Аллэн, проходя мимо конторы, постучал в дверь и сказал через неё Бэшуду:

— Я еду в Лондон, завтра возвращусь.

Ответа не последовало, и подошедший слуга доложил, что Бэшуд, не имея никаких дел в этот день, запер контору и ушёл несколько часов назад.

На станции Аллэн сразу же встретил Педгифта-младшего, отправлявшегося в Лондон по делу, о котором он говорил накануне. Обменявшись обычными любезностями, решили, что оба поедут в одном вагоне. Аллэн был рад иметь спутника, а Педгифт, стараясь, по обыкновению, быть полезным своему клиенту, сейчас же побежал брать билеты и отправлять багаж. Прохаживаясь взад и вперёд по платформе в ожидании возвращения своего верного спутника, Аллэн вдруг столкнулся с Бэшудом, стоявшим в углу с кондуктором и вкладывавшим незаметно в руку этого человека письмо (по всей вероятности, с денежным вознаграждением).

— Эй! — обратился к нему Аллэн со своим обычным добродушием. — Что-нибудь важное, мистер Бэшуд?

Если бы Бэшуда поймали совершающим убийство, он едва бы больше испугался. Сорвав свою старую шляпу, он поклонился и стоял с обнажённой головой, дрожа всем телом.

— Нет, сэр, нет, сэр, только письмецо, письмецо, письмецо, — ответил Бэшуд, ища спасения в повторении и с поклоном стараясь скрыться с глаз своего хозяина.

Аллэн с удивлением отвернулся.

«Хотелось бы мне полюбить этого человека, — подумал он, — но я не могу: он такой проныра! Отчего он так задрожал? Неужели он подумал, что я хочу разузнать его секреты?»

Секрет Бэшуда в этом случае более касался Аллена, о чём последний и представления не имел. Письмо, отданное им кондуктору, было не что иное, как предостережение, написанное мисс Гуильт к миссис Ольдершо.

*«Скорее кончайте ваши дела, — писала гувернантка майора, — и немедленно возвращайтесь в Лондон. Здесь дела идут дурно, и все это наделала мисс Мильрой. Сегодня утром она непременно захотела отнести к матери завтрак, который всегда носят сиделки. Они имели наедине продолжительное совещание, и через полчаса я увидела, что сиделка проскользнула с письмом по тропинке, которая ведёт в большой дом. Вслед за этим письмом последовал внезапный отъезд мистера Армадэля в Лондон, несмотря на свидание, назначенное со мною завтра утром. Дело принимает серьёзный оборот. Девочка, очевидно, настолько смела, что начинает борьбу для того чтобы сделаться миссис Армадэль Торп-Эмбросской, и нашла какой-то способ заставить мать помочь ей. Не предполагайте, что я тревожусь и упала духом, и ничего не делайте, пока не получите опять известий от меня. Только возвращайтесь в Лондон, потому что я серьёзно могу нуждаться в вашей помощи через день или два.*

*Я посылаю это письмо в Лондон не по почте, а с кондуктором полуденного поезда. Так как вы непременно хотите знать каждый мой шаг в Торп-Эмброзе, то я скажу вам, что мой посыльный (я ведь не могу идти на станцию сама) тот странный старик, о котором я уже упоминала в моём первом письме. С самого того времени он постоянно искал возможности на меня взглянуть. Я не знаю точно, пугаю или очаровываю его. Может быть, и то и другое вместе. Вам нужно только знать, что я могу давать ему не самые важные поручения, а может быть, со временем и важные.*

*Л. Г.»*

Между тем поезд тронулся, и сквайр со своим спутником были уже на пути в Лондон. Многие мужчины, находясь в обществе Аллэна во время совместной поездки, могли бы проявить любопытство относительно его дела в столице. Умный и проницательный молодой Педгифт ничего не спрашивал, но разгадал тайну Армадэля без малейшего затруднения.

«Старая история, — думала его осторожная, старая голова на молодых плечах. — Разумеется, тут замешана женщина. Всякое другое дело было бы поручено мне».

Совершенно удовлетворённый этим заключением, Педгифт-младший продолжал, конечно имея в виду свои интересы, стараться быть полезным, по обыкновению, своему клиенту. Аллэн согласился ехать в ту гостиницу, какую он рекомендовал. Его неоценённый стряпчий прямо повёз сквайра в гостиницу, где Педгифты привыкли останавливаться уже в трех поколениях.

— Вы не очень разборчивы в пище, сэр? — спросил весёлый Педгифт, когда кэб остановился у гостиницы в Ковент-Гардене. — Очень хорошо, вы можете предоставить остальное моему деду, моему отцу и мне. Я не знаю, который из трех более любим и уважаем в этом доме. Как поживаете, Уильям? Наш главный слуга, мистер Армадэль. Меньше мучает ревматизм вашу жену? А мальчик хорошо учится в школе? Хозяина дома нет? Всё равно, и с вами все решим. Это, Уильям, мистер Армадэль из Торп-Эмброза. Я уговорил мистера Армадэля посетить нашу гостиницу. Свободна у вас спальня, о которой я писал? Очень хорошо. Пусть мистер Армадэль займёт её вместо меня. Любимая спальня моего деда, сэр. Номер пятый, на втором этаже.

Пожалуйста, займите её — я могу спать везде. Хотите тюфяк поверх перины? Слышите, Уильям? Велите Матильде положить тюфяк поверх перины. Здорова ли Матильда? Или у неё, по обыкновению, болят зубы? Главная служанка, мистер Армадэль, и самая необыкновенная женщина. Она никак не расстанется с зубной болью. Дед мой говорил ей: «Выдерните зуб!» Отец мой говорил: «Выдерните зуб». Я говорю: «Выдерните зуб». А Матильда остаётся глуха. Да, Уильям, да, если мистер Армадэль согласен, гостиница годится. Насчёт обеда, сэр. Вы предпочитаете прежде кончить ваше дело, а потом вернуться к обеду? Не назначить ли нам в таком случае

обед в половине восьмого? Уильям, в половине восьмого. Совсем ничего не нужно приказывать, мистер Армадэль. Главный слуга должен только кланяться от меня повару, и самый лучший обед будет прислан аккуратно, минута в минуту. Скажите: для мистера Педгифта-младшего, Уильям, а то, пожалуй, мы получим такой обед, какой подавали моему деду или моему отцу, он окажется слишком тяжёл для вашего желудка, да и для моего. Что касается вина, Уильям, то подайте к обеду моё шампанское и херес, который так не любит мой отец. После обеда клэрет с синей печатью, то вино, бутылка которого, по мнению моего наивного деда, не стоила и шести пенсов. Ха-ха-ха! Бедный старик! Пришлите мне вечерние газеты и бильярдные шары, по обыкновению, и... Кажется, больше ничего пока, Уильям. Неоценимый слуга, мистер Армадэль, в этом доме неоценимые слуги. Может быть, эта гостиница не модная, но, ей-богу, преуютная! Кэб? Не вставайте! Я два раза позвонил в колокольчик. Это значит, что кэб нужен очень скоро. Могу я спросить, мистер Армадэль, куда дела зовут вас? К Бэйсуотеру? Вам не трудно подвезти меня до парка? Я имею привычку, когда приезжаю в Лондон, дышать чистым воздухом между аристократией. Ваш преданный слуга, сэр, любит поглядеть на красивую женщину и красивую лошадь, и в Гайд-парке он совершенно в своей стихии.

Так болтал всезнающий Педгифт и этими-то маленькими хитростями старался он заслужить расположение своего клиента.

Когда перед обедом спутники сошлись в столовой, даже менее проницательный наблюдатель, чем молодой Педгифт, должен был бы заметить перемену в настроении Аллэна. Он был явно раздосадован и нервно барабанил пальцами по столу, не говоря ни слова.

Я боюсь, что вас что-то раздосадовало, сэр, с тех пор как мы расстались в парке, — сказал Педгифт-младший. — Извините за вопрос. Я спрашиваю только на случай, не могу ли я быть полезен.

— Случилось то, чего я никак не ожидал, — ответил Аллэн. — Я даже не знаю, как это дело понимать. Мне было бы приятно узнать ваше мнение, — прибавил он после небольшого колебания. — То есть, если вы извините, что я не буду рассказывать подробности.

— Конечно, — согласился молодой Педгифт. — Набросайте мазками, достаточно будет мне и одних намёков. Я не вчера родился.

«О, эти женщины!» — подумал юный философ.

— Вы помните, что я сказал, когда мы располагались в этой гостинице? Я сказал, что мне надо заехать в одно место в Бейсуотере.

Педгифт мысленно отметил первый пункт — «в окрестностях Бейсуотера».

— И узнать об одной особе.

Педгифт отметил второй пункт — «особа — он или она? Наверно, она!»

— Ну, когда я подъехал к дому и спросил о ней, то есть об этой особе, она, то есть эта особа... О, чёрт побери! — закричал Аллэн. — Я сам помешаюсь и вас сведу с ума, если буду рассказывать мою историю намёками. Вот она вся в двух словах. Я поехал в Кингсдоун Крешент, в дом под номером восемнадцать, к даме по фамилии Мэндевилль, и, когда спросил её, служанка сказала, что миссис Мэндевилль уехала, не сказав никому куда и даже не оставив адреса, по которому присылать к ней письма. Вот, я объяснил наконец. Что вы думаете об этом?

— Скажите мне прежде, — спросил осторожный Педгифт, — какие вопросы задали вы, когда узнали, что эта дама исчезла?

— Вопросы? — повторил Аллэн. — Я был совершенно поражён, я ничего не сказал. Какие вопросы я должен был задать?

Педгифт-младший откашлялся и заговорил уже официально, как юрист.

— Я не имею никакого желания, мистер Армадэль, — начал он, — расспрашивать, какое у вас было дело к миссис Мэндевилль...

— Я надеюсь, — резко перебил его Аллэн, — что вы не станете расспрашивать об этом. Моё дело к миссис Мэндевилль должно остаться в тайне..

— Но, — продолжал Педгифт, сложив руки на груди, — но я вынужден спросить вот о чём: заключается ли дело ваше к миссис Мэндевилль в том, что вам хотелось бы отыскать её следы от Кингсдоуна Крешента до её настоящего местопребывания?

— Конечно, — ответил Аллэн. — Я имею свою причину хотеть увидеть её.

— В таком случае, — сказал Педгифт-младший, — вам следовало задать два вопроса: какого числа и как уехала миссис Мэндевилль. Узнав это, вы должны были выяснить потом, при каких обстоятельствах уехала она. Не было ли у неё несогласия с кем-нибудь

или затруднения в денежных делах. Затем, уехала ли она одна или с кем-нибудь. Затем, собственный ли это её дом или она нанимала в нём квартиру, в последнем случае...

— Пойдите! Пойдите! У меня кружится голова, — закричал Аллэн. — Я не понимаю всех этих тонкостей и к этому не привык.

— А я к этому привык с самого детства, сэр, — заметил Педгифт. — И если я могу вам помочь, скажите только слово.

— Вы очень добры, — ответил Аллэн. — Если вы можете помочь мне найти миссис Мэндевилль и если потом оставите это дело в моих руках...

— Я оставлю все в ваших руках с большим удовольствием, — сказал Педгифт-младший.

«Я поставлю пять против одного, — добавил он мысленно, — что, когда придёт время, ты оставишь все в моих руках!»

— Мы завтра вместе поедem в Бэйсуотер, мистер Армадэль, а пока вот прекрасный суп. Теперь решать юридические вопросы гораздо легче. Я не знаю, что вы скажете, сэр, а я скажу без минутного колебания: приговор будет в пользу челобитчика. Итак, как говорил восточный мудрец, сорвём наши розы, пока можем. Простите мою весёлость, мистер Армадэль. Хотя я и погребён в провинции, но создан для лондонской жизни, воздух столицы опьяняет меня.

С этим признанием обаятельный Педгифт поставил стул для своего клиента и весело отдал приказания слуге:

Замороженный пунш, Уильям, после супа. Я ручаюсь за пунш, мистер Армадэль. Он сделан по рецепту моего деда. Тот держал таверну и положил основание нашему фамильному состоянию. Я хочу сказать вам, что между Педгифтами был публицист, во мне нет ложной гордости. «Достоинство делает человека, — говорит Поппе. — А остальное все кожа да прюнель». Я занимаюсь и поэзией, и музыкой, сэр, в свои свободные часы, словом, я более или менее в фамильярных отношениях со всеми музами. Ага! Вот и пунш! Выпьем в торжественном молчании за упокой моего двоюродного деда, мистер Армадэль!

Аллэн старался не отстать от своего спутника в весёлости и остроумии, но без успеха. Его поездка в Кингсдоун Крешент весь вечер беспрестанно приходила ему на память — и за обедом, и в театре, куда он поехал затем со своим стряпчим. Когда Педгифт-

младший задувал свою свечу в эту ночь перед сном, он покачал своей умной головой и с сожалением произнёс во второй раз: «Женщины».

В десять часов на следующее утро неугомонный Педгифт был уже на месте действия. К великому облегчению Аллена, он вызвался провести необходимые расспросы в Кингсдоун Крешенте сам лично, пока его клиент подождёт поблизости в кэбе, который привёз их в гостиницу. Минут через пять он явился, разузнав все интересующие их подробности, какие только можно было узнать. Вернувшись, он попросил Аллена выйти из экипажа и расплатиться с извозчиком, потом вежливо предложил свою руку и провёл клиента через сквер в очень оживлённый переулок — здесь располагалась извозничья биржа. Тут стряпчий остановился и шутливо спросил, понимает ли мистер Армадэль, как теперь поступить, или необходимо не испытывать его терпение и кое-чего объяснить.

— Я не вижу ничего, кроме извозничьих экипажей, — с изумлением сказал Аллен.

Педгифт-младший сочувственно улыбнулся и начал объяснение. В Кингсдоун Крешенте это был дом, в котором сдавались меблированные квартиры. Он настойчиво попросил вызвать хозяина. К нему вышла очень милая женщина с остатками былой красоты на лице. Видимо, пятьдесят лет назад она была очень хороша собой, совершенно во вкусе Педгифта, если бы только он жил в начале нынешнего столетия. Но может быть, мистер Армадэль предпочтёт информацию о миссис Мэндевилль? К несчастью, рассказывать было нечего. У неё ни с кем не было ссоры и ни одного фартинга не осталась она должна. Она уехала, и нельзя было ухватиться ни за один факт, чтобы объяснить это обстоятельство. Или миссис Мэндевилль привыкла так исчезать, или тут крылось что-нибудь такое, чего пока нельзя было выяснить. Педгифт узнал, которого числа и каким образом она уехала. Последнее, возможно, поможет отыскать её. Она уехала в кэбе со слугой, который ходил за ним на ближайшую биржу. Эта биржа была теперь перед их глазами, к этому слуге следовало обратиться прежде всего. Сказав Аллену, что он вернётся через минуту, Педгифт-младший перешёл чрез улицу и сделал знак слуге пойти с ним в ближайший трактир.

Через некоторое время оба вышли, слуга водил Педгифта попеременно к первому, третьему, четвёртому, пятому и шестому

извозчику, кэбы которых стояли на бирже. Самые долгие переговоры проходили с шестым извозчиком и закончились тем, что коляска шестого кэба подъехала к тому месту, на котором стоял Аллэн.

— Садитесь, сэр, — сказал Педгифт, отворяя дверцу. — Я нашёл извозчика. Он помнит эту даму, и, хотя забыл название улицы, он думает, что может найти место, куда отвёз её, когда проедет по этому маршруту. Я рад сообщить вам, мистер Армадэль, что до сих пор нам посчастливилось. Я просил слугу показать мне порядочных извозчиков на бирже, и получилось так, что один из этих порядочных извозчиков отвозил миссис Мэндевилль. Слуга клянётся, что этот извозчик честнейший человек, он ездит на собственной лошади и никогда не попадал ни в какую историю. Такие-то люди, сэр, поддерживают веру в человеческую порядочность. Я разговаривал с ним и согласен со слугой. Думаю, что мы можем на него положиться.

Поиски нужного адреса потребовали некоторого терпения. После того как проехали расстояние между Бэйсуотером и Пимлико, извозчик поехал тише и начал осматриваться вокруг. Раза два он возвращался назад, потом въехал в тихий переулок, заканчивающийся невысокой стеной, и остановился у последнего дома с левой стороны.

— Здесь, господа, — сказал извозчик, отворяя дверь кэба.

Аллэн и его стряпчий вышли, и оба взглянули на дом с чувством какого-то инстинктивного недоверия кэбману. Строения имеют своё лицо, особенно в больших городах, и вид этого дома отличался затаённостью. Выходившие на улицу окна были все закрыты, а шторы на них опущены. Фасад дома казался не больше, чем у других домов на улице, но позади имелась пристройка. В нижнем этаже располагалась лавка, но на витрине, в промежутке, не закрытом красной занавесью, скрывавшей большую часть внутренности помещения от глаз, ничего не было выставлено. Сбоку была дверь лавки, тоже с красными занавесями за стеклом и с медной дощечкой, на которой стояло имя: «Ольдершо». С другой стороны дома была дверь с колокольчиком и тоже с медной дощечкой. Из надписи на ней можно было узнать, что здесь жил врач. На доске стояло: «Доктор Доуноард». Если бы камни умели говорить, то здесь они сказали бы ясно: «У нас есть секреты внутри, и мы намерены их сохранять».

— Это не может быть тот дом, — сказал Аллэн. — Тут, должно быть, какая-нибудь ошибка.



— Вы лучше должны знать, сэр, — заметил Педгифт-младший со своей деловой серьёзностью. — Вы знаете привычки миссис Мэндевилль.

— Я! — воскликнул Аллэн. — Вам, может быть, удивительно будет слышать, но я совсем не знаю миссис Мэндевилль.

— Я вовсе этому не удивляюсь, сэр. Хозяйка в Кингсдоун Крешете сказала мне, что миссис Мэндевилль старуха. Не спросить ли нам? — прибавил непроницаемый Педгифт, поглядывая на красные занавеси у окна лавки с большим подозрением. — Может быть, за ними скрывается внучка миссис Мэндевилль?

Они попробовали сначала открыть дверь лавки — она была заперта. Они позвонили — худощавая молодая женщина, с жёлтым лицом, с изорванным французским романом в руках, отворила дверь.

— Здравствуйте, мисс, — сказал Педгифт. — Дома миссис Мэндевилль?

Молодая женщина с жёлтым лицом с удивлением вытаращила на него глаза.

— Здесь не знают такой, — ответила она резко с иностранным акцентом.

— Может быть, её знают у соседей? — заметил Педгифт-младший.

— Может быть, знают, — сказала молодая женщина с жёлтым лицом и захлопнула перед ним дверь.

— Немножко вспльчивая особа, сэр, — сказал Педгифт. — Я поздравляю миссис Мэндевилль с тем, что она не знакома с ней.

Говоря это, он перешёл к двери жилища доктора Доуноарда и позвонил в колокольчик.

На этот раз дверь отворил слуга в поношенной ливрее.

Он тоже вытаращил глаза, когда было произнесено имя миссис Мэндевилль, и он тоже не знал такой особы.

— Очень странно! — обратился Педгифт к Аллэну.

— Что странно? — тихим голосом спросил человек в чёрном, вдруг появившийся на пороге двери приёмной.

Педгифт-младший вежливо объяснил цель прихода и поинтересовался, не имеет ли он удовольствие говорить с доктором Доуноардом.

Доктор поклонился. Если можно было предположить, то он принадлежал к числу тех скромных докторов, к которым пациенты — особенно женщины — питают большое доверие. Он имел необходимую для этого плешивую голову, роговые очки, строгий чёрный костюм и необходимо солидную наружность. Голос его был приятен, обращение деликатное, улыбка льстивая. Какой специальностью своей профессии владел доктор Доуноард, не было написано на дощечке его двери, но он жестоко ошибся в своём призвании, если не был доктором по женским болезням.

— Уверены ли вы, что в названном вами имени нет ошибки? — спросил доктор с сильным беспокойством, которое пытался скрыть. — Я знал, что иногда происходили очень большие неприятности от ошибки в именах. Нет? Действительно нет ошибки? В таком случае, господа, я могу только повторить то, что мой слуга уже сказал вам. Пожалуйста, не извиняйтесь. Прощайте.

Доктор ушёл так же тихо, как появился. Слуга в поношенной ливрее молча отворил дверь, и Аллэн со своим спутником опять очутились на улице.

— Мистер Армадэль, — сказал Педгифт, — я не знаю как вы, а я нахожусь в недоумении.

— Неприятно, — отвечал Аллэн. — Я только что хотел спросить вас, что вы будете делать теперь.

— Мне не нравится ни этот дом, ни лавочница, ни доктор, — продолжал Педгифт. — Однако я не думаю, чтобы они обманывали нас, я не думаю, чтобы они знали миссис Мэндевилль.

Предчувствия Педгифта-младшего редко обманывали его, они не обманули его и в этом случае. Предосторожность, заставившая миссис Ольдершо переехать из Бэйсуотера, обернулась против неё, как это случается часто. Эта предосторожность заставила её не открывать никому в Пимлико тайну имени, которое она приняла как поручительница за мисс Гуильт, но она не учла возможность непредвиденного случая, который представился теперь. Словом, миссис Ольдершо позаботилась обо всём, кроме единственной невообразимой для неё возможности — дальнейших расспросов о репутации мисс Гуильт.

— Мы должны сделать что-нибудь, — сказал Аллэн. — Кажется, бесполезно оставаться здесь.

Ещё никто не ставил Педгифта-младшего в тупик, и Аллэну это теперь не удалось.

— Я совершенно согласен с вами, сэр, — сказал он. — Мы должны сделать что-нибудь. Мы опять допросим извозчика.

Извозчик упорно стоял на своём. Когда его обвинили в том, что он ошибся с домом, он указал на пустое окно лавки.

— Я не знаю, что вы видели, господа, — сказал он, — но я видел в моей жизни только одно пустое окно в лавке. Это и заставило меня запомнить этот дом, и вот почему я узнал его, когда увидел.

На обвинение в том, что он ошибся или насчёт дамы, или насчёт того дня, в который он возил эту даму, извозчик твёрдо стоял на своём. Слуга, который нанимал его на бирже, был там хорошо известен. Тот день остался у него в памяти потому, что он был наименее прибыльный во всём году, а даму он запомнил оттого, что она недолго в сумочке искала деньги, а сразу же заплатила ему (что редко случается с пожилыми дамами), и потому, что заплатила ему сумму, которую он запросил, не торгуясь (чего также не делает ни одна из пожилых дам).

— Запишите мой номер, господа, — попросил извозчик. — Я готов под присягой повторить всё, что я вам сказал.

Педгифт записал номер извозчика, записал и название улицы, и имена, стоявшие на двух медных дощечках, и спокойно отворил дверцы кэба.

— Теперь, пока мы бродим впотьмах, — сказал он, — не перебраться ли нам опять в нашу гостиницу?

И тон его голоса, и выражение лица были серьёзнее обыкновенного. То обстоятельство, что миссис Мэндевилль переменила квартиру, не сказав никому, куда она переезжает, и не оставив адреса, куда пересылать к ней письма, обстоятельство, показавшееся бесспорно подозрительным ревнивой и злой миссис Мильрой, не произвело большого впечатления на рассудительного стряпчего Аллэна. Многие часто оставляют свои квартиры тайным образом по весьма уважительным причинам. Но обстановка и жильцы того дома, в который извозчик отвёз миссис Мэндевилль, представили и характер, и поступки этой таинственной дамы совершенно в новом свете пред Педгифтом-младшим. Его личный интерес в этих розысках

внезапно усилился, и он начал испытывать любопытство к делу Аллэна, которого раньше не чувствовал.

— Нелегко решить, что мы теперь должны сделать, мистер Армадэль, — сказал он на обратном пути в гостиницу — Как вы думаете, не сможете ли вы сообщить мне ещё какие-нибудь подробности?

Аллэн заколебался, Педгифт-младший увидел, что он зашёл слишком далеко.

«Я не должен принуждать его, — подумал он. — Я должен дать ему время подумать и предоставить возможность высказаться самому».

— За неимением каких-либо других сведений, — продолжал он, — не разузнать ли мне насчёт этой странной лавки и этих двух имён, стоящих на медных дощечках на дверях? Когда я оставлю вас, я займусь делами и поеду именно туда, где могу что-нибудь — если только есть что разузнать.

— Я полагаю, что ваши действия не принесут никакого вреда, — ответил Аллэн.

Он тоже говорил серьезнее обыкновенного, он тоже начал испытывать непреодолимое любопытство узнать больше. Какая-то смутная связь, неясно обозначенная, начала устанавливаться в его уме между затруднением узнать семейные обстоятельства мисс Гуилт и затруднением отыскать её поручительницу.

— Я выйду и пройду пешком, а вы поезжайте по вашему делу, — сказал он. — Мне нужно обдумать кое-что. Прогулка поможет мне.

— Мои дела будут закончены во втором часу, сэр, — сказал Педгифт, когда кэб остановился и Аллэн вышел. — Встретимся мы опять в гостинице в два часа?

Аллэн кивнул, и кэб уехал.

## Глава IV

# АЛЛЭН ДОВЕДЁН ДО КРАЙНОСТИ

Пробило два часа. Педгифт-младший, как всегда, явился вовремя. Его утренняя живость пропала, он поздоровался с Аллэном вежливо, но без своей обычной улыбки; а когда главный слуга пришёл за приказаниями, Педгифт отпустил его, произнеся слова, ещё не слышанные от адвоката в этой гостинице:

— Пока ничего.

— Вы, кажется, не в духе, сэр? — спросил Аллэн. — Не удалось, видимо, собрать сведений? Неужели никто не может ничего нам сказать о доме в Пимлико?

— Три человека говорили мне о нём, мистер Армадэль, и все трое сказали одно и то же.

Аллэн поспешно придвинул свой стул к тому месту, где сидел его стряпчий. Размышления во время отсутствия стряпчего не успокоили его. Это странное беспокойство, которое он чувствовал постоянно и которое так трудно было ему подавить, видимо, было вызвано затруднением узнать семейные обстоятельства мисс Гуилт и затруднением отыскать её поручительницу. Эта связь уже прослеживалась в его мыслях все чётче и чётче и незаметно овладевала душой. Аллэна мучили сомнения, которые он не мог ни понять, ни выразить. Его терзало любопытство, которое он и желал, и боялся удовлетворить.

— Я боюсь, что должен побеспокоить вас одним или двумя вопросами, сэр, прежде чем приступлю к делу, — сказал Педгифт-младший. — Я не желаю насильно добиваться вашего доверия, я только желаю знать, как мне действовать в деле, которое кажется мне довольно щекотливым. Можете вы сказать мне, заинтересованы ли другие, кроме вас, в наших поисках?

— И другие заинтересованы, — отвечал Аллэн. — Это я могу вам сказать.

— Нет ли другой особы, связанной с нашими поисками, кроме миссис Мэндевилль? — продолжал Педгифт, стараясь глубже заглянуть в тайну Армадэля.

— Да, есть ещё одна особа, — ответил Аллэн неохотно.

— Эта особа женщина, и молодая, мистер Армадэль?

Аллэн вздрогнул.

— Как вы угадали это? — начал он и спохватился, но было уже поздно. — Не задавайте мне вопросов, — продолжал он. — Я не мастер защищаться против такого хитрого человека, как вы; я связан честным словом никому не сообщать никаких подробностей об этом деле.

Педгифт-младший, вероятно, услышал достаточно для достижения своей цели; он в свою очередь придвинул свой стул ближе к Аллэну; стряпчий, очевидно, был растревожен и смущён, но профессия юриста требовала взять себя в руки.

— Я закончил мои вопросы, сэр, — сказал он, — и теперь должен высказать кое-что со своей стороны. В отсутствие отца, может быть, вы согласитесь считать меня вашим стряпчим. Послушайтесь моего совета и не продолжайте розысков.

— Что вы хотите сказать? — спросил Аллэн.

— Может быть, извозчик, несмотря на все его уверения, ошибается. Я очень советую вам думать, что он ошибается, и прекратить дело.

Это предостережение было сделано весьма доброжелательно, но сделано слишком поздно. Аллэн поступил так, как поступили бы девяносто девять человек из ста на его месте: он отказался принять совет своего стряпчего.

— Очень хорошо, сэр, — сказал Педгифт-младший. — Если вы непременно хотите, пусть будет по-вашему.

Он наклонился к уху Аллэна и шёпотом рассказал всё, что слышал о доме в Пимлико и о людях, живших там.

— Не осуждайте меня, мистер Армадэль, — прибавил он, когда неприятные слова были произнесены. — Я старался избавить вас от этого огорчения.

Аллэн перенёс удар, как переносят все мужчины, — молча. Его первым побуждением было бы последовать совету, данному Педгифтом, и считать ложным уверение извозчика, если бы не одно неприятное обстоятельство, неумолимо препятствующее этому. Явное нежелание мисс Гуильт говорить о своей прежней жизни пришло ему на память и стало зловещим подтверждением улики, соединявшей

поручительницу мисс Гуилът с домом в Пимлико. Одно заключение, только одно заключение, которое всякий мог бы сделать, услышав то, что услышал Аллэн, утвердилось в его мыслях. Жалкая, падшая женщина, решившаяся в отчаянии прибегнуть к помощи негодяев, искусных в преступном умении скрывать дурные дела, женщина, пробравшаяся в порядочное общество и к профессии, достойной уважения, посредством фальшивой репутации, женщина, по положению своему подвергающаяся страшной необходимости постоянно скрываться и постоянно обманывать в том, что касалось её прошлой жизни, — вот в каком виде представилась теперь Аллэну прелестная торп-эмброзская гувернантка! Ложно или истинно представилась? Пробралась ли она в порядочное общество и к профессии, достойной уважения, посредством фальшивого имени? Да. Наложило ли на неё её положение ужасную необходимость постоянно обманывать насчёт её прошлой жизни? Да. Была ли она жалкой жертвой вероломства какого-нибудь подлого человека, как Аллэн предполагал? Она не была такой жалкой жертвой. Заключение, сделанное Аллэном, заключение, к которому буквально привели факты, имеющиеся у него, всё-таки было далеко от истины. Действительная история отношений мисс Гуилът к дому в Пимлико и к людям, жившим в нём, к дому, как справедливо говорили, наполненному скверными тайнами, и к людям, как описывали, постоянно находившимся в опасности попасться в руки закона, раскроется последующими событиями. Эта история была совсем не так возмутительна, но вместе с тем гораздо ужаснее, чем Аллэн и его советник предполагали.

— Я старался избавить вас от огорчений, мистер Армадэль, — повторил Педгифт. — Я желал, как только мог, избежать этого.

Аллэн поднял глаза и сделал усилие, чтобы овладеть собой.

— Вы ужасно меня огорчили, — сказал он. — Вы совсем разбили моё сердце. Но это не ваша вина. Я чувствую, что вы оказали мне услугу, и то, что я должен сделать, я сделаю, когда приду в себя. Есть одно обстоятельство, — прибавил Аллэн после минутного тягостного размышления, — о котором следует тотчас же нам условиться. Совет, данный вами теперь, вы дали с добрым намерением, и это самый лучший совет, какой только можно было дать; я с признательностью приму его. Мы никогда более не будем упоминать об этом деле, и

прошу, умоляю вас никогда не говорить об этом никому другому. Обещаете вы мне это?

Педгифт дал обещание с неподдельной искренностью и без свойственной его профессии сухости в обращении с клиентом. Огорчение, выразившееся на лице Аллэна, по-видимому, расстроило его. Закончив разговор, он откланялся и вышел из комнаты.

Оставшись один, Аллэн позвонил, попросил, чтобы ему подали письменные принадлежности, и вынул из записной книжки роковое рекомендательное письмо к «миссис Мэндевилль», полученное им от жены майора.

Человек, привыкший анализировать случившееся и на основе анализа готовившийся действовать обдуманно, на месте Аллэна почувствовал бы некоторую нерешительность относительно того, как в сложившейся ситуации наиболее осмотрительно поступить. Привыкнув повиноваться своим впечатлениям, Аллэн повиновался первому впечатлению и в этом серьёзном непредвиденном деле. Хотя его привязанность к мисс Гуильт была совсем не так глубока, как он воображал, она внушила ему необыкновенный восторг и огорчение, когда он думал о ней теперь; его плавным стремлением в эту критическую минуту было сострадательное желание мужчины защитить от огласки и гибели несчастную женщину, лишившуюся его уважения, но не своих прав на снисхождение.

«Я не могу вернуться в Торп-Эмброс, я не могу решиться говорить с нею или увидеть её опять, но я могу сохранить её тайну — и сохраню!»

С этой мыслью Аллэн принял за главную обязанность, которую должен был выполнить, — уведомить миссис Мильрой. Если бы он был умнее и проницательнее, то, может быть, нашёл бы, что это письмо писать нелегко. Теперь же он не предвидел последствий и не чувствовал затруднения; он принял решение не сообщать о случившемся в Торп-Эмброс жене майора и написал ей несколько строчек так быстро, как только позволяли перо и бумага.

*«Гостиница Денн, Ковент-Гараен, вторник.*

*Милостивая государыня!*

*Прошу вас извинить меня, что я не возвращаюсь в Торп-Эмброс сегодня, как обещал. Непредвиденные*



*обстоятельства принуждают меня остаться в Лондоне. Я с сожалением должен сказать, что мне не удалось видеть миссис Мэндевилль, почему я и не мог исполнить вашего поручения. Я прошу у вас позволения с крайним извинением вернуть вам рекомендательное письмо. Я надеюсь, вы позволите мне сказать в заключение, что я очень вам обязан за вашу доброту и не осмелюсь более употреблять её во зло.*

*Я остаюсь, милостивая государыня, искренно вам преданный*

*Аллэн Армадэль».*

Этими бесхитростными словами, не зная характера женщины, с которой он имел дело, Аллэн вложил в руки миссис Мильрой оружие, которое она и желала иметь.

Запечатав письмо и написав адрес, Аллэн смог подумать о себе и о своём будущем. Он сидел, лениво чертя пером на пропускной бумаге<sup>[1]</sup>, слезы в первый раз выступили на глазах его, слезы, к которым женщина, обманувшая его, не имела отношения. Мысли его обратились к умершей матери.

«Если бы она была жива, — думал он, — я, может быть, доверился бы ей, и она утешила бы меня».

Бесполезно было думать об этом. Он вытер слёзы и его мысли с печальной безропотностью, известной всем нам, вернулись к суровому настоящему.

Аллэн написал несколько строк к Бэшуду, уведомив исполняющего должность управителя, что его отсутствие в Торп-Эмброзе, вероятно, продолжится ещё несколько времени и что дальнейшие распоряжения, которые окажутся необходимыми, будут ему присланы через Педгифта-старшего. Когда письма были отосланы на почту, Аллэн снова задумался о своей судьбе. Опять неизвестное будущее, открывшееся перед ним, ожидало какой-то ясности, и опять сердце Аллэна отступало от него, ища прибежища в прошлом.

На этот раз другие образы, уже не образ матери, наполнили его душу. Всепоглощающий интерес его юных дней ожил в нём живее прежнего. Он подумал о море, он подумал о своей яхте, праздно

стоявшей у рыбацкой пристани его сомерсетширского дома. Им овладела прежняя страсть слышать плеск волн, видеть паруса, смотреть, как яхта, которую строить помогал он сам, будет опять лететь по волнам. Он встал со своей привычной горячностью, чтобы спросить расписание поездов и отправиться в Сомерсетшир с первым составом, но, вспомнив о мистере Броке, его вопросах и подозрениях, остановился и опять сел на своё место.

«Я напишу, — подумал Аллэн, — чтобы яхту приготовили, а в Сомерсетшир поеду вместе с Мидуинтером».

Он вздохнул, когда воспоминания обратились к его отсутствующему другу. Никогда не чувствовал он пустоты, появившейся в его жизни с отъездом Мидуинтера, так мучительно, как почувствовал её теперь в печальном уединении — уединении приезжего в Лондон, сидящего одиноко в гостинице.

Педгифт-младший заглянул в комнату, извиняясь за свою навязчивость. Аллэн чувствовал себя таким одиноким и таким брошенным, что не мог не принять с признательностью заботу своего спутника.

— Я не поеду в Торп-Эмброс, — сказал он. — Я останусь в Лондоне. Я надеюсь, вы можете остаться со мной?

Надо отдать справедливость Педгифту: он был тронут, поняв одиночество, которое владелец огромного торп-эмбросского имения теперь испытывает. В своих отношениях с Аллэном он никогда ещё до такой степени не забывал своих деловых интересов, как теперь.

— Вы совершенно правы, сэр, оставаясь здесь, в Лондоне, вы развлечётесь, — весело сказал Педгифт. — Всякое дело можно растянуть более или менее, мистер Армадэль. Я протяну подольше моё дело и буду беседовать с вами с величайшим удовольствием. Мы оба приближаемся к тридцатилетнему возрасту, сэр, — будем же наслаждаться. Что вы скажете, если мы пообедаем рано, поедem в театр, а завтра утром посмотрим выставку в Гайд-парке?

— Уильям, обед в пять часов, а так как он необыкновенно важен сегодня, я сам поговорю с поваром.

Прошёл вечер, прошёл следующий день, наступил четверг, и Аллэн получил письмо. Адрес был написан рукой миссис Мильрой, и начало письма тотчас показало ему, что дело неладно.

*«Коттедж, Торп-Эмброс, среда.  
(Секретное)*

*Милостивый государь, я сейчас получила ваше таинственное письмо. Оно более чем удивило, оно испугало меня. Показав вам со своей стороны самую дружескую предупредительность, я вдруг лишилась вашей доверенности самым непонятным, и я должна прибавить, самым невежливым образом. Я никак не могу оставить это дело так. Единственное заключение, какое я могу вывести из вашего письма, состоит в том, что моё доверие было каким-нибудь образом употреблено во зло и что вы знаете гораздо более, чем хотите сказать мне. Заботясь о благосостоянии моей дочери, я прошу вас, чтобы вы сообщили мне, какие обстоятельства помешали вам видеть миссис Мэндевилль и заставили вас отказать мне в помощи, обещанной вами безусловно в вашем письме ко мне в прошлый понедельник.*

*При слабом состоянии моего здоровья я не могу вести продолжительную корреспонденцию. Я должна постараться предупредить все возражения, какие вы можете сделать, и сказать все в моём настоящем письме. В случае — который я не желаю считать возможным — если вы откажетесь исполнить просьбу, я буду считать моею обязанностью к моей дочери разъяснить это неприятное дело. Если я не получу от вас удовлетворительного известия с первой почтой, я буду принуждена сказать моему мужу, что случившиеся обстоятельства дают нам право осведомиться относительно репутации поручительницы мисс Гуильт. А когда он спросит меня, на чём я основываюсь, я попрошу его обратиться к вам.*

*Покорная к услугам вашим*

*Анна Мильрой».*

В таких выражениях жена майора сбросила маску и дала возможность своей жертве увидеть ловушку, в которую она поймала её. Доверие Аллэна к добросовестности миссис Мильрой было так искренно, что её письмо просто изумило его. Он смутно видел, что был обманут каким-то образом и что участие миссис Мильрой к нему было совсем не таким, каким казалось. Угроза обратиться к майору, на что с женским неведением мужских натур миссис Мильрой полагалась, чтобы произвести эффект, было единственным местом в письме, которое Аллэн прочитал с удовольствием: оно облегчало положение.

«Если будет ссора, — думал он, — по крайней мере, будет легче иметь дело с женщиной».

Твёрдый в своём намерении защитить несчастную женщину, тайну которой, как полагал, узнал, Аллэн сел писать извинение жене майора.

«Аллэн Армадэль чрезвычайно сожалеет, что оскорбил миссис Мильрой. Он не имел никакого намерения оскорбить миссис Мильрой. Он остаётся искренно преданным миссис Мильрой». Никогда обычная краткость Аллэна в корреспонденции не оказывала ему лучшей услуги, как теперь. Умей он искуснее владеть пером, дал бы своей неприятельнице более сильное оружие против себя, чем то, которое она уже имела.

Через день угроза миссис Мильрой осуществилась в виде письма от её мужа. Майор писал не так официально, как его жена, но его вопросы были очень конкретны.

*«Коттедж, Торп-Эмброз. Пятница, июля и, 1851.  
(Секретное)*

*Милостивый государь, когда вы удостоили меня посещением несколько дней назад, вы задали вопрос, относившийся к гувернантке моей дочери, мисс Гуильт, который в то время показался мне странен и, если вы помните, вызвал даже минутное замешательство.*

*Сегодня утром моё внимание опять обратили на мисс Гуильт таким образом, что это вызвало во мне величайшее удивление. Проще сказать, миссис Мильрой сообщила мне,*

*что мисс Гуильт вызвала к себе подозрение тем, что обманула нас ложной аттестацией. Когда я выразил своё удивление при таком необыкновенном известии и попросил разъяснения, меня удивили ещё более, сказав, чтобы я обратился за всеми подробностями к мистеру Армадэлю. Напрасно я просил более подробных объяснений от миссис Мильрой, она упорно молчит и просит меня обратиться к вам.*

*Вынужден такими необыкновенными обстоятельствами задать вам некоторые вопросы, на которые, я уверен, насколько знаю вас, вы будете отвечать откровенно.*

*Я прошу позволения рассказать, во-первых, подтверждаете вы или отвергаете уверения миссис Мильрой, что узнали подробности, относящиеся к мисс Гуильт или к её поручительнице, подробности, совершенно мне неизвестные? Во-вторых, если вы подтвердите уверения миссис Мильрой, я желаю знать, как вы узнали эти подробности? В-третьих и в последних, я прошу вас сообщить, в чём состоят эти подробности?*

*Если необходимо объяснить причину этих вопросов, — что я охотно допускаю из уважения к вам, — я прошу вас вспомнить, что мисс Гуильт поручена в моём доме самая важная задача — воспитание нашей дочери, и, по словам миссис Мильрой, вы можете сказать мне, достойна ли мисс Гуильт исполнять эту обязанность.*

*Мне остаётся только прибавить, что до сих пор ничего не случилось, вызвавшего хоть малейшее подозрение ни к гувернантке нашей дочери, ни к её поручительнице, поэтому я не обращаюсь к мисс Гуильт за объяснением до тех пор, пока не получу вашего ответа, которого ожидаю со следующей почтой.*

*Искренно вам преданный*

*Дэвид Мильрой».*

Это откровенное письмо тотчас рассеяло тревожные мысли Аллена, он увидел, в какую ловушку попал. Миссис Мильрой поставила его перед необходимостью выбирать одно из двух: или сделать себя виноватым, отказавшись отвечать на вопросы её мужа, или оправдать себя, взвалив вину на женщину, прямо признавшись майору, что его жена обманула его. В этой затруднительной ситуации Аллен действовал по обыкновению без всякой нерешительности. Слово, данное им миссис Мильрой сохранить в тайне их переписку, все ещё связывало его, хотя она подло употребила это во зло, и намерение Аллена осталось неизменным: ни под каким видом не выдавать мисс Гуильт.

«Может быть, я поступил как дурак, — думал он, — но я не нарушу моего слова и не подам повод выгнать на все четыре стороны эту несчастную женщину».

Он написал майору так же коротко и просто, как писал его жене. Аллен сообщал о своём нежелании обмануть ожидание друга и соседа, если бы это зависело от него. Но в этом случае он не имел другого выбора. На вопросы майора он не мог отвечать. Он не умел искусно объясняться и надеялся, что его извинят в том, что он выражается таким образом и не скажет ничего больше.

В понедельник пришёл ответ майора Мильроя, закончивший переписку.

*«Коттедж, Торп-Эмброс. Воскресенье.»*

*Ваш отказ отвечать на мои вопросы, не сопровождаемый дальше ни малейшим извинением подобного поступка, можно истолковать только таким образом. Кроме того, он подтверждает справедливость уверений миссис Мильрой и набрасывает тень на репутацию гувернантки моей дочери. Из чувства справедливости к особе, живущей в моём доме и не подавшей мне никакой причины не доверять ей, я теперь покажу нашу переписку мисс Гуильт и повторю ей разговор, который я имел об этом с миссис Мильрой, в присутствии миссис Мильрой.*

*Ещё слово о наших будущих отношениях, и я закончу. Мои представления о некоторых предметах, наверно, могут назваться теперь представлениями человека старого покроя. В моё время мы держались кодекса чести, по которому сообразовывали наши поступки. Согласно этому кодексу, если мужчина разузнавал секретно дела женщины, не будучи её мужем, отцом или братом, он брал на себя ответственность оправдать своё поведение в глазах других; а если он уклонялся от этой ответственности, то отказывался от звания джентльмена. Весьма возможно, что этот старинный образ мыслей уже не существует более; но в мои лета уже поздно принимать более современные воззрения. Я чрезвычайно желаю, понимая то, что мы живём в такой стране и в такое время, когда понятие о чести приняло полицейский характер, выражаться очень умеренно в этом последнем случае общения с вами. Позвольте мне только заметить, что наши представления о поведении, приличном джентльмену, совершенно расходятся, и позвольте мне поэтому просить вас считать себя впредь незнакомым с моим семейством и со мной.*

*Ваш покорный слуга.*

*Дэвид Мильрой».*

То утро, в которое его клиент получил письмо майора, было помечено самым чёрным цветом в календаре Педгифта. Когда первый гнев Аллэна, вызванный презрительным тоном, которым его друг и сосед произнёс над ним приговор, утих, он впал в уныние. Из этого состояния не могли вывести Аллэна в этот день никакие усилия его спутника. Весьма естественно, вспоминая теперь, когда приговор изгнания был произнесён, свои прежние отношения с коттеджем, мысленно возвратился он и к Нили с большим сожалением и с большим раскаянием, чем до сих пор.

«Если бы она выгнала меня, а не её отец, — с горечью размышлял Аллэн, обращаясь теперь к прошлому, — я ни слова не сказал бы против этого, я чувствовал бы, что это мне поделом».

На следующий день пришло другое письмо — письмо, приятное на этот раз, от мистера Брока. Аллэн написал в Сомерсетшир несколько дней тому назад о том, чтобы приготовили его яхту. Письмо это ректор нашёл занятым. Как он простодушно полагал, это было своего рода защитой его бывшего ученика от женщины, за которой он наблюдал в Лондоне и которая, как он считал, последовала за ним в его собственный дом. Действуя по приказаниям, присылаемым ей, горничная миссис Ольдершо окончательно мистифицировала Брока. Она развеяла беспокойство ректора, дав ему письменное обязательство (от имени мисс Гуильт) никогда не обращаться к мистеру Армадэлю ни лично, ни письменно! Твёрдо убеждённый, что он наконец одержал победу, бедный Брок весело отвечал на письма Аллэна, выражая удивление тем, что он оставляет Торп-Эмброз. Ректор обещал, что яхта будет готова и что в пасторате Аллэна встретят самым радушным образом.

Это письмо исключительно оживило Аллэна. Оно вызвало у него новый интерес к поездке, совершенно не относившийся к прошлой жизни в Норфольке, Аллэн начал считать Дни, оставшиеся до возвращения из путешествия своего Друга. Был вторник. Если Мидуинтер вернётся, как обещал, через две недели, то в субботу он будет в Торп-Эмбросе. Записка, посланная Мидуинтеру туда, приглашала его приехать в Лондон в тот же день. И если всё пойдёт хорошо, ещё до конца следующей недели они смогут вместе кататься на яхте.

На другой день, к радости Аллэна, не было никаких писем. Весёлость Педгифта одновременно увеличивалась с весёлостью его клиента. К полудню он отдал приказания слуге подать обед ещё великолепнее прежних.

Наступил четверг, и почтальон принёс ещё одно письмо из Норфолька. На сцену выступил корреспондент, ещё не появлявшийся на ней, и тотчас же рухнули все планы Аллэна относительно поездки в Сомерсетшир.

В это утро Педгифт-младший первый пришёл к завтраку. Когда появился Аллэн, он, как стряпчий, вернулся к официальному общению и подал своему клиенту письмо молча и с поклоном.

— Это мне? — спросил Аллэн, инстинктивно боясь нового корреспондента.



— Вам, сэр, от моего отца, — отвечал Педгифт. — Было вложено в моё письмо. Может быть, вы позволите мне предупредить вас, что известие не совсем приятное и что нам понадобится сегодня особенно хороший обед; и если только сегодня не дадут какую-нибудь новую немецкую пьесу, мне кажется, мы сделаем хорошо, если как меломаны закончим вечер в опере.

— Что-нибудь не ладится в Торп-Эмброзе? — спросил Аллэн.

— Да, мистер Армадэль, что-то не ладится.

Аллэн покорно сел и распечатал письмо.

*«Большая улица, Торп-Эмброс, 17 июля 1851.*

*(Секретное.)*

*Милостивый государь!*

*Чувство долга заставляет меня не оставлять вас далее в неведении относительно слухов, распространившихся здесь, в городе и в окрестностях, и, я с сожалением должен сказать, касающихся вас.*

*В первый раз это неприятное известие дошло до меня в прошлый понедельник. В городе говорили громко, что у майора Мильроя вышла какая-то неприятность с новой гувернанткой и что в этом замешан мистер Армадэль. Я не обратил на это внимания, относя к тем сплетням, которые беспрерывно распускаются здесь и необходимы здешнему почтенному народу, как воздух, которым он дышит.*

*Во вторник, однако, дело предстало в новом свете. Самые интересные подробности происшедшего повторялись лицами, заслуживающими доверия. В среду окрестное дворянство приняло участие в обсуждении этого дела и единогласно разделило домыслы сплетников города. Сегодня общественное мнение возбуждено до крайней степени, и я вынужден сообщить вам, что случилось.*

*Начну сначала. Уверяют, что на прошлой неделе была переписка между майором Мильроем и вами. В этой переписке вы имели очень серьёзные подозрения к репутации мисс Гуилт, не выдвинув конкретного обвинения и не представив доказательств, когда к вам обратились за ними. Вследствие этого майор счёл своей обязанностью, уверяя*

гувернантку в своём твёрдом убеждении в её порядочности, уведомить её о том, что случилось. Сделал он это для того, чтобы гувернантка не имела причины жаловаться, что он скрыл от неё дело, задевавшее её репутацию. Это было очень великодушно со стороны майора, но вы сейчас увидите, что мисс Гуильт была ещё великодушнее. Выразив свою признательность самым благопристойным образом, она попросила позволения оставить место гувернантки у майора Мильроя.

Относительно причины, побудившей гувернантку на этот шаг, ходят различные слухи. Самое правдоподобное объяснение, разделяемое местным дворянством, заключается в том, будто мисс Гуильт сказала, что она не может унижить себя до того — из уважения к самой себе и из уважения к её достойной поручительнице, — чтобы защищать свою репутацию против неопределённых обвинений, брошенных на неё человеком практически чужим. В то же время она не может придерживаться такого образа действий, если не будет пользоваться полной свободой в своих поступках, которые несовместимы с зависимым положением гувернантки. По этой причине она обязана оставить своё место. Но, делая это, она также решила не подать повода перетолковать в дурную сторону причины её поступка, оставляя эти окрестности. Не обращая внимания на неудобство собственно для себя, она хочет остаться в Торп-Эмброзе, чтобы подождать более определённых обвинений и публично опровергнуть их, как только они примут конкретную форму.

Вот какую позицию заняла эта великодушная особа, произведя прекрасный эффект на здешнее общественное мнение. Очевидно, у неё есть интерес по какой-то причине оставить своё место, но не оставлять этих окрестностей. В прошлый понедельник она поселилась в дешёвой квартире в предместье города. В тот же день, вероятно, она написала к своей поручительнице, потому что вчера майор Мильрой получил от этой дамы письмо, исполненное добродетельного негодования и требовавшее подробного

разбирательства. Письмо это было показано публично и чрезвычайно подкрепило положение мисс Гуильт. Она теперь считается настоящей героиней. Горп-Эмбросский «Меркурий» поместил о ней передовую статью и сравнивает её с Жанной д'Арк. Считают вероятным, что о ней будет упоминаться в проповеди в следующее воскресенье. У нас в городе проживают пять незамужних дам, и все пятеро были у неё. Теперь все заботятся о том, чтобы доставить ей уроки музыки. Наконец, я имел честь принять с визитом эту особу в качестве притеснённой жертвы; она явилась сказать мне самым кротким тоном, что не осуждает мистера Армадэля и что считает его невинным орудием в руках других, очень злых людей. Я был весьма осторожен с нею, потому что не совсем верю мисс Гуильт и имею свои причины — причины стряпчего относительно причин, которые управляют её настоящими поступками.

Я писал до сих пор без малейшей нерешительности и замешательства, но, к несчастью, в этом деле есть и серьёзная, и смешная сторона, и я должен неохотно приступить к изложению этого, прежде чем кончу моё письмо.

Я думаю, что вам нельзя позволить говорить о себе так, как о вас говорят теперь, не сделав лично какого-нибудь шага в этом деле. К несчастью, у вас здесь много врагов, и самый главный из них — мой собрат мистер Дарч. Он всем показывает несколько опрометчивое письмо, которое вы написали ему о том, что отдаёте внаймы коттедж майору Мильрою, а не ему; и это помогло настроить всех против вас. Сейчас просто уверяют, что вы позволили себе разузнавать семейные дела мисс Гуильт по самым неблагоприятным причинам, что вы старались — для собственной своей выгоды — испортить её репутацию и лишить её покровительства майора Мильроя и что, когда вас просили представить доказательства о подозрениях, брошенных вами на репутацию беззащитной женщины, вы

*сохранили молчание, которое лишило вас уважения всех благородных людей.*

*Я надеюсь, что бесполезно будет говорить, что я не имею ни малейшей веры этим гнусным слухам, но они слишком распространились для того, чтобы принимать их с презрением. Я убедительно советую вам тотчас возвратиться сюда и принять необходимые меры для защиты вашей репутации вместе со мною, как вашим законным советником. После моего свидания с мисс Гуильт я составил об этой особе своё собственное мнение, которое нет никакой необходимости поверять бумаге. Достаточно сказать здесь, что я могу предложить вам способ заставить умолкнуть злые языки ваших соседей, и за успех этого способа я поручаюсь моей юридической репутацией, если вы только поддержите меня вашим присутствием и вашим авторитетом.*

*Чтобы ещё более показать вам необходимость возвратиться, я упомяну ещё об одних слухах, касающихся вас и повторяемых всеми. Краснея, говорю вам, что ваше отсутствие приписывается самой низкой причине. Говорят, что вы остаётесь в Лондоне, потому что боитесь показаться в Торп-Эмброзе.*

*Остаюсь, любезный сэръ, ваш преданный слуга*

*А. Педгифт-стар».*

Аллэн был уже в таких годах, что не мог не почувствовать упрёк, содержащийся в последней фразе письма стряпчего. Он вскочил в приступе гнева, раскрывшем Педгифту-младшему черты его характера совершенно в новом свете.

— Где расписание? — закричал Аллэн. — Я со следующим же поездом должен вернуться в Торп-Эмброс! Если нет поезда сейчас, я возьму экстренный. Я должен и хочу ехать сейчас и не посмотрю на издержки.

— Не послать ли нам телеграмму моему отцу, сэръ? — посоветовал благоразумный Педгифт. — Это будет самый быстрый и самый дешёвый способ выразить ваши чувства.

— Согласен, — сказал Аллэн. — Благодарю, что вы напомнили мне об этом. Телеграфируйте! Напишите вашему отцу, чтобы он от моего имени уличал во лжи каждого человека в Торп-Эмброзе. Напишите это прописными буквами, Педгифт, напишите прописными буквами!

Педгифт улыбнулся и покачал головой. Если он не знал всех свойств человеческой природы, то он хорошо знал её своеобразие у обывателей в провинциальных городах.

— Это не произведёт на них ни малейшего действия, мистер Армадэль, — спокойно заметил он. — Они только станут лгать больше прежнего. Если вы желаете перевернуть вверх дном целый город, это сделает одна строчка за пять шиллингов при помощи электрического тока и человеческого ума: мы бросим по телеграфу бомбу в Торп-Эмброс!

Он написал свою «бомбу» на бумажке:

«Педгифт-младший Педгифту-старшему. Разгласите по всему городу, что мистер Армадэль едет следующим поездом».

— Побольше слов, — сказал Аллэн, смотря через его плечо. — Употребите более сильные выражения.

— Предоставим это моему отцу, сэр, — возразил благоразумный Педгифт. — Отец мой там на месте, ему виднее, а красноречие его можно назвать необыкновенным.

Он позвонил в колокольчик и приказал слуге отправить телеграмму. Теперь, когда кое-что было сделано, Аллэн потихоньку успокоился. Он снова просмотрел письмо Педгифта и вернул его Педгифту-младшему.

— Можете вы по письму угадать план вашего отца оправдать меня в глазах моих соседей? — спросил он.

Педгифт-младший, внимательно прочитав его, покачал своей умной головой.

— Его план, кажется, имеет некоторое отношение, сэр, к его мнению о мисс Гуильт.

— Желал бы я знать, что он думает о ней? — сказал Аллэн.

— Я не стану удивляться, мистер Армадэль, — отвечал Педгифт-младший, — если его мнение изумит вас, когда вы его услышите. Отец мой имеет большой опыт в знании негативных, тёмных сторон женской природы. Ведь он учился своей профессии в уголовном суде.

Аллэн не расспрашивал более. Ему, видимо, не хотелось продолжать этот разговор, хотя он сам его начал.

— Займёмся чем-нибудь, чтобы убить время, — сказал он. — Соберём вещи и заплатим по счёту.

Они уложились и заплатили, отправились на вокзал. Наконец поезд в Норфольк отправился.

Пока путешественники возвращались, телеграмма, подлиннее аллэновой, летела мимо них по проводам в обратном направлении — из Торп-Эмброза в Лондон. Телеграмма была в цифрах и могла быть расшифрована таким образом:

«От Лидии Гуильт к Марии Ольдершо — приятное известие! Он возвращается; я намерена иметь с ним свидание. Все, кажется, хорошо. Теперь, когда я оставила коттедж, мне нечего опасаться пытливых женских глаз, и я могу ходить, куда мне угодно; к счастью, мистера Мидуинтера здесь нет. Я ещё не отчаиваюсь сделаться миссис Армадэль. Что бы ни случилось, будьте уверены, что я не поеду в Лондон, пока не удостоверюсь, что шпионы не последуют за мною до вашего дома. Я не тороплюсь оставить Торп-Эмброс, я намерена даже прежде видеться с мисс Мильрой».

Вскоре после того как эта телеграмма была получена в Лондоне, Аллэн вернулся домой. Был вечер. Педгифт-младший только что оставил его, а Педгифт-старший должен был приехать по этому делу через полчаса.

## Глава V

# СПОСОБ ПЕДГИФТА

После совещания с сыном Педгифт-старший один отправился на свидание с Аллэном в его дом.

Кроме разницы в годах, сын был таким верным отражением внешности и характера отца, что знакомство с одним Педгифтом было почти равнозначно знакомству с обоими. Увеличьте несколько рост и полноту Педгифта-младшего, прибавьте смелости к его юмору, спокойствие и основательность к его самоуверенности — и наружность и характер Педгифта-старшего предстанут пред вами.

Стряпчий поехал в Торп-Эмброс в своём собственном щегольском гиге<sup>[2]</sup>, запряжённом его знаменитой быстроногой лошастью, которым имел привычку сам править. Нужно отметить, что в манере одеваться он и сын имели иногда некоторые различия. Отец в своей одежде любил спортивные фасоны. Суконные панталоны Педгифта-старшего узко обтягивали его ноги; сапоги и в сухую, и в дождливую погоду имели одинаково толстую подошву; карманы сюртука закрывали ему бедра, а любимый летний галстук из светлой кисеи с крапинками был завязан щегольским маленьким бантом. Он употреблял табак, как и сын, но в иных целях. Молодой человек курил, а старший нюхал, и близкие его друзья примечали, что он всегда держал свою «шепотку» между табакеркой и носом, когда собирался завершить хорошее дельце или сказать острое словцо. Дипломатическое искусство занимает важное место в деятельности всех людей, имевших успех в юриспруденции. Дипломатия мистера Педгифта была одна и та же за всю его карьеру, при каждом случае, когда он видел, что его искусство в убеждении требовалось при свидании с другим человеком. Он непременно приберегал самый сильный аргумент или самое смелое предложение к концу и непременно вспоминал его у дверей (когда уже простился), как будто это было чисто случайное соображение, только в эту минуту пришедшее ему в голову. Его друзья, знавшие по опыту этот способ действия, называли его в шутку «постскрипtum Педгифта». Немногие в Торп-Эмбросе не знали, что значило, когда стряпчий вдруг останавливался у открытой двери, тихо возвращался к

своему стулу, держа щепотку табаку между табакеркой и носом и говоря: «Кстати, вот что пришло мне в голову», и тотчас же решал вопрос, который казался неразрешимым за минуту перед тем.

Вот каков был человек, которого ход событий в Торп-Эмброзе капризно поставил на первое место. Это был единственный друг, к которому Аллэн в своём одиночестве мог обратиться за советом в час нужды.

— Добрый вечер, мистер Армадэль. Очень благодарен вам за ваше внимание к моему весьма неприятному письму, — весело сказал Педгифт-старший, входя в дом клиента. — Я надеюсь, сэр, вы понимаете, что мне не оставалось ничего больше, как написать такое письмо.

— Я имею очень мало друзей, мистер Педгифт, — отвечал Аллэн просто, — но я уверен, что вы принадлежите к их числу.

— Очень вам обязан, мистер Армадэль. Я всегда старался заслужить ваше доброе мнение и намерен, если могу, заслужить его теперь. Я надеюсь, сэр, что вам было удобно в лондонской гостинице? Мы называем её «нашей» гостиницей. Там, в погребе, есть редкое старое вино, на которое я непременно обратил бы ваше внимание, если бы имел честь быть с вами. Мой сын, к несчастью, не знает никакого толка в винах.

Аллэн чувствовал своё трудное положение в этих краях так сильно, что не был расположен говорить ни о чём, кроме главного дела. Вежливая метода его стряпчего постепенно приблизиться к тягостному предмету, о котором они должны были говорить, скорее раздражала, чем успокаивала его. Он тотчас приступил к делу по-своему резко и откровенно.

— Гостиница была очень удобна, мистер Педгифт, и ваш сын был очень добр ко мне. Но мы теперь не в Лондоне, и я желаю говорить с вами о том, как мне опровергнуть ложь, которую здесь разболтали обо мне. Только покажите мне человека! — покраснев, закричал Аллэн. — Покажите человека, который говорит, что я боюсь появиться здесь, и я публично отхлещу его, прежде чем для него настанет завтрашний день.

Педгифт-старший взял щепотку табака и спокойно задержал её между табакеркой и носом.



— Вы можете отхлестать одного человека, сэръ, но вы не можете отхлестать обывателей целого города, — вежливо сказал стряпчий своим обычным спокойным тоном. — Мы будем сражаться, не заимствуя оружия у кучера, по крайней мере, теперь.

— Но как мы начнём? — с нетерпением спросил Аллэн. — Как я могу опровергнуть гнусную клевету, которую распространяют обо мне?

— Есть два способа выйти из вашего неловкого положения, сэръ, способ быстрый и способ продолжительный, — отвечал Педгифт-старший. — Быстрый способ — который всегда бывает и лучшим — пришёл мне в голову после того, как я услышал о вашем решении в Лондоне от моего сына: я так понял, что вы позволили ему, получив моё письмо, удостоить меня вашего доверия. Я сделал определённое заключение из того, что он сказал мне, с которым я считаю необходимым ознакомить вас теперь. Пока же я буду рад узнать, при каких обстоятельствах поехали вы в Лондон наводить эти неприятные справки о мисс Гуильт. Вам самим пришло в голову нанести этот визит миссис Мэндевилль, или вы действовали под влиянием какой-нибудь другой особы?

Аллэн колебался.

— Я не могу по совести сказать вам, что это пришло в голову мне самому, — отвечал он и не сказал ничего более.

— Я так и думал, — заметил Педгифт-старший с торжеством. — Быстрый способ выйти из нашего настоящего затруднения, мистер Армадэль, зависит от той другой особы, под влиянием которой вы действовали. Эта другая особа должна быть представлена вниманию публики и занять своё настоящее место. Прежде всего скажите её имя, сэръ, и мы тотчас перейдём к решительным действиям.

— Я с сожалением должен сказать, мистер Педгифт, что мы должны взяться за продолжительный способ, — отвечал Аллэн спокойно. — Быстрый способ я не могу принять в этом случае.

Люди, имевшие успех в юридической профессии, никогда не принимают «нет» за ответ. Педгифт-старший имел успех в своей профессии и не хотел теперь принять «нет» за ответ. Но всякое упорство, включая упорство и юриста, имеет свои границы, а юрист, укреплявший своё упорство расчётом на свой опыт и щепотками табака, достиг этих границ в самом начале свидания. Невозможно,

чтоб Аллэн не мог понять, что миссис Мильрой вероломно притворилась, будто оказывает ему доверие. Но он имел уважение честного человека к своему слову — уважение, когда держат это слово до конца, независимо от обстоятельств, и настойчивости Педгифта-старшего не удалось ни на волос сдвинуть его с той позиции, которую он занял. «Нет» — это сильное выражение на английском языке в устах каждого, кто имел мужество повторять его довольно часто в подобных случаях.

— Очень хорошо, сэр, — сказал стряпчий, признавая своё поражение без малейшего гнева. — Выбор зависит от вас, и вы выбрали. Мы возьмём способ продолжительный. Он начинается, позвольте мне сообщить вам, из моей конторы и ведёт, как я сильно подозреваю, по очень грязному пути к мисс Гуильт.

Аллэн посмотрел на своего стряпчего с безмолвным удивлением.

— Если вы не хотите называть особу, на которой лежит главная ответственность в розысках, в которые, к несчастью, вы впутали себя, — продолжал Педгифт-старший, — единственный другой способ в нашем настоящем положении состоит в том, чтобы оправдать эти розыски.

— А как это сделать? — спросил Аллэн.

— Доказать всему городу, мистер Армадэль, то, в чём я твёрдо уверен, что предмет общественного покровительства не что иное, как искательница приключений самого низкого разряда, неоспоримо недостойная и опасная женщина. Говоря попросту, сэр, придётся затратить и немало времени и немало денег на то, чтобы узнать правду о мисс Гуильт.

Прежде чем Аллэн успел ответить, в дверь сначала постучали, а потом вошёл слуга.

— Я сказал, чтобы мне не мешали, — раздражённо повысил голос Аллэн. — Господи Боже мой! Неужели этому никогда не будет конца? Ещё письмо?

— Да, сэр, — сказал слуга, подавая письмо, и шепнул на ухо своему господину:

— Ждут ответа.

Аллэн посмотрел на адрес отправителя письма, весьма естественно ожидая увидеть почерк жены майора. Ожидание это не

оправдалось. Его корреспондентка была, по-видимому, дама, но не миссис Мильрой.

— От кого это? — спросил Аллэн, машинально смотря на Педгифта, когда распечатывал конверт.

Педгифт тихо постучал по табакерке и сказал без малейшего сомнения:

— От мисс Гуильт.

Аллэн распечатал письмо. Первые два слова в этом письме были повторением двух слов, только что произнесённых юристом. Это письмо было от мисс Гуильт.

Аллэн ещё раз посмотрел на своего стряпчего с безмолвным удивлением.

— Я много их знал в моё время, сэр, — объяснил Педгифт со скромностью и достоинством, приличным человеку его лет. — Не таких красавиц, как мисс Гуильт, в этом я согласен, но таких же зловредных. Читайте ваше письмо, мистер Армадэль, читайте.

Аллэн прочёл.

Мисс Гуильт свидетельствует своё уважение мистеру Армадэлю и желает знать: удобно ли будет ему назначить ей свидание или сегодня вечером, или завтра утром. Мисс Гуильт не извиняется за свою просьбу. Она полагает, что мистер Армадэль исполнит её просьбу по долгу справедливости к незащитной женщине, к оскорблению которой он был невинным орудием и которая горячо желает оправдаться в его глазах.

Аллэн молча подал письмо стряпчему с выражением недоумения и печали на лице. Лицо Педгифта выразило только одно чувство, когда он прочёл письмо в свою очередь и вернул его Аллэну, — чувство глубокого восторга.

— Какой юрист получился бы из неё, если б она была мужчиной! — воскликнул он с жаром.

— Я не могу принимать этого так легко, как вы, мистер Педгифт, — отвечал Аллэн. — Это меня ужасно расстраивает. Я так её любил, — прибавил он тихим голосом. — Я так её любил!..

Педгифт вдруг сделался серьёзным.

— Вы хотите сказать, сэр, что вы желаете видеться с мисс Гуильт? — спросил он с выражением искреннего испуга.

— Я не могу обращаться с нею жестоко, — возразил Аллэн. — Это ужасно расстраивает меня. Я послужил причиной оскорбления её без собственного намерения — это известно Богу! Я не могу после этого жестоко обращаться с нею.

— Мистер Армадэль, — ответил стряпчий, — вы сделали мне честь сказать несколько минут назад, что вы считаете меня вашим другом. Могу я, основываясь на этом, задать вам два вопроса, прежде чем вы прямо устремитесь к вашей гибели?

— Задавайте вопросы, какие вам угодно, — сказал Аллэн, глядя на единственное письмо, полученное им от мисс Гуильт.

— Вам уже была расставлена западня, и вы попались в неё. Вам, верно, хочется попасть в другую?

— Вы знаете ответ на этот вопрос, мистер Педгифт, так же хорошо, как и я.

— Я опять постараюсь, мистер Армадэль. Мы, юристы, нелегко теряем уверенность. Как вы думаете, можно ли будет поверить тому, в чём мисс Гуильт будет вас уверять после того, что вы и сын мой узнали в Лондоне?

— Она может объяснить то, что мы узнали в Лондоне, — сказал Аллэн, все смотря на письмо и думая о руке, написавшей его.

— Может объяснить? Любезный сэр, она непременно объяснит! Я отдаю ей справедливость: я уверен, что она докажет вам что угодно, так что не к чему будет и придраться с начала до конца.

Последний ответ отвлек внимание Аллэна от письма. Безжалостный здравый смысл юриста не давал ему пощады.

— Если вы опять увидите с этой женщиной, сэр, — продолжал Педгифт, — вы сделаете самый опрометчивый и сумасбродный поступок, о каком только случалось мне слышать за всю мою продолжительную службу. Она может иметь только одну цель: придя сюда, воспользоваться вашей слабостью к ней. Никто не может сказать, до какого ошибочного шага может она довести вас, если вы представите ей возможность. Вы сами сознаётесь, что любили её. Ваше увлечение ею было предметом всеобщего внимания. Если вы не доставили ей возможности сделаться миссис Армадэль, но зато вы сделали всё, что могло дать ей эту возможность! Теперь, зная все это, вы намереваетесь видеться с нею и позволить ей воздействовать на вас с её дьявольской красотой и с её дьявольским умом! Вы — один из

лучших женихов в Англии! Вы — добыча всех жадных незамужних женщин в здешних окрестностях: я никогда не слышал; ничего подобного, никогда не слышал во всей моей юридической опытности! Если вы решительно желаете поставить себя в опасное положение, мистер Армадэль, — заключил Педгифт-старший, все держа между табакеркой и своим носом щепотку табака, — сюда, в город, на будущей неделе приедет зверинец: пустите же к себе тигрицу, сэр, но не пускайте мисс Гуильт.

В третий раз Аллэн посмотрел на своего стряпчего, и в третий раз стряпчий твёрдо выдержал его взгляд.

— Вы, кажется, имеете очень дурное мнение о мисс Гуильт, — сказал Аллэн.

— Самое худшее мнение, мистер Армадэль, — холодно ответил Педгифт-старший. — Мы вернёмся к этому, когда отошлём посланца этой дамы. Хотите принять мой совет? Откажитесь видеться с нею!

— Я охотно отказался бы: свидание было бы ужасно тягостно для нас обоих, — сказал Аллэн. — Я охотно отказался бы, если бы знал как.

— Господи помилуй! Мистер Армадэль, это довольно легко. Не компрометируйте себя письмом. Велите сказать посланному, что ответа не будет.

Этот простейший способ Аллэн категорически отказался принять.

— Я не могу и не хочу обращаться с нею так грубо, — сказал он.

Ещё раз упорство Педгифта-старшего дошло до границы, и ещё раз этот мудрый человек терпеливо согласился на сделку. Получив обещание своего клиента не видеться с мисс Гуильт, он согласился, чтобы Аллэн скомпрометировал себя письмом — под диктовку юриста. Это письмо было написано по образцу собственного слога Аллэна; оно начиналось и кончалось одною фразой:

«Мистер Армадэль свидетельствует своё почтение мисс Гуильт и сожалеет, что он не может иметь удовольствия видеть её в Торп-Эмброзе».

Аллэн очень уговаривал написать ещё одну фразу, объясняющую, что он отказался от просьбы мисс Гуильт только из убеждения, что свидание бесполезно, расстроит их обоих. Но его стряпчий твёрдо отверг предложенную прибавку к письму.

— Когда вы говорите «нет» женщине, сэр, — заметил Педгифт-старший, — всегда говорите это одним словом. Если вы объясняете ей причины, она непременно подумает, что вы намерены сказать «да».

Вынув маленький бриллиант мудрости из богатого рудника своей юридической опытности, Педгифт-старший передал ответ посланному мисс Гуильт и велел слуге посмотреть, чтобы этот человек, кто бы он ни был, точно вышел из дома.

— Теперь, сэр, — продолжал стряпчий, — мы вернёмся, если вам угодно, к моему мнению о мисс Гуильт. Я боюсь, что оно совсем не совпадает с вашим. Вы считаете её предметом сострадания — это совершенно естественно в ваши лета, а я думаю, что её следовало бы заключить в тюрьму — это совершенно естественно в мои лета. Вы сейчас услышите, на каких основаниях я составил моё мнение. Позвольте мне доказать вам, что я говорю серьёзно, подвергнув это мнение практическому анализу. Как вы думаете, будет ли мисс Гуильт настаивать на свидании с вами, мистер Армадэль, после ответа, который вы сейчас послали ей?

— Это совершенно невозможно! — горячо заговорил Аллэн. — Мисс Гуильт леди, и после письма, которое я послал ей, она никогда не пожелает видеться со мной.

— В этом мы не согласны, сэр! — вскричал Педгифт-старший. — Я говорю, что она не обратит никакого внимания на ваше письмо — вот по какой причине я не соглашался, чтобы вы писали его. Я говорю, что она, по всей вероятности, ждёт возвращения своего посланного в вашем парке или около него; я говорю, что она постарается пробраться сюда, прежде чем двадцать четыре часа пронесутся над нашей головой. Вот, сэр, — заявил Педгифт, смотря на свои часы, — теперь только семь часов. Она так смела и так умна, что поймает слугу. Позвольте мне просить вас немедленно отдать ему приказание говорить, что вас дома нет. Вам не следует колебаться, мистер Армадэль. Если вы правы насчёт мисс Гуильт — это будет простая формальность. Если я прав — это будет благоразумная предосторожность. Придерживайтесь вашего мнения, сэр, — добавил Педгифт, звоня в колокольчик. — Я придерживаюсь своего.

Аллэн был настолько раздражён, что готов был отдать приказание, но, когда вошёл слуга, воспоминания о прошлом овладели им и слова замерли в горле.

— Отдайте приказание вы, — сказал он Педгифту и быстро отошёл к окну.

«Ты славный человек! — подумал старший стряпчий, смотря ему вслед и тотчас угадав причины его поступка. — Когти этой чертовки не оцарапают тебя, если только я буду в состоянии избавить тебя от этого».

Слуга терпеливо ждал приказаний.

— Если мисс Гуильт придёт сюда или сегодня вечером, или в какое бы то ни было время, — сказал Педгифт, — мистера Армадэля дома нет. Подождите! Если она спросит, когда мистер Армадэль вернётся, вы не знаете. Подождите! Если она захочет войти и подождать, вы получили приказание никого не впускать и не позволять ожидать, кроме тех, кто заранее условился с мистером Армадэлем. Вот я остановил её теперь, по крайней мере! — воскликнул старый Педгифт, весело потирая руки, когда слуга вышел из комнаты. — Все приказания отданы, мистер Армадэль. Мы можем продолжать наш разговор.

Аллэн отошёл от окна.

— Этот разговор не весьма приятен, — сказал он. — Пожалуйста, не обижайтесь, но я желал бы поскорее его закончить.

— Мы окончим его так скоро, как только возможно, сэр, — ответил Педгифт-старший, все настаивая на своём, как только юристы и женщины могут настаивать, силой пробиваясь понемножку все ближе и ближе к своей цели. — Вернёмся к тому практическому совету, который я предлагал вам, когда слуга вошёл с запиской мисс Гуильт. Я повторяю, что вам остался только один способ, мистер Армадэль, выйти из вашего неловкого положения. Вы должны продолжать собирать сведения об этой женщине до конца на тот случай (который я считаю вероятным), что результаты розысков оправдают вас в глазах здешних жителей.

— Я желал бы, видит Бог, чтобы совсем не вести никаких розысков! — сказал Аллэн. — И ничто не заставит меня, мистер Педгифт, продолжать их.

— Почему? — спросил стряпчий.

— Можете ли вы спрашивать, — горячо возразил Аллэн, — после того, что сын ваш сказал вам о том, что мы узнали в Лондоне? Даже если бы я имел менее причин... сожалеть о мисс Гуильт, даже если б

это была какая-нибудь другая женщина, неужели вы думаете, что я стал бы собирать секреты бедного обманутого создания, а тем более разглашать их повсюду? Я считал бы себя таким же негодяем, как тот человек, который бросил её, беспомощную, на свете, если бы я сделал что-нибудь подобное. Я удивляюсь, как вы можете задавать мне этот вопрос, честное слово, я удивляюсь, как вы можете задавать мне этот вопрос!

— Дайте мне вашу руку, мистер Армадэль! — горячо сказал Педгифт-старший. — Я уважаю вас за то, что вы так рассердились на меня. Пусть в городе говорят что хотят. Вы — джентльмен, сэр, в самом лучшем значении этого слова. Выслушайте, что я вам скажу в свою защиту, — продолжал стряпчий, отпустив руку Аллэна и тотчас переходя от выражения своих чувств к делу. — Предположите, что настоящее положение мисс Гуильт совсем не таково, каким вы его великодушно считаете.

— Мы не имеем причины этого предполагать, — решительно ответил Аллэн.

— Таково ваше мнение, сэр? — настаивал Педгифт. — А моё, основанное на том, что известно о поступках мисс Гуильт здесь, и о том, что я увидел сам в мисс Гуильт, состоит в том, что она так же далека, как и я, от той сентиментальной жертвы, какой вы желаете представить её. Позвольте, мистер Армадэль, вспомните, что я уже подтвердил своё мнение на практике, и подождите отвергать моё мнение сгоряча, пока события покажут вашу правоту. Позвольте мне расставить все пункты, сэр, имейте снисхождение ко мне как к стряпчему, позвольте мне расставить мои пункты. Вы и сын мой люди молодые, и я не отрицаю, что обстоятельства не всегда можно принимать в таком виде, в каком они появляются на поверхности, и я обладаю большим преимуществом в данном случае — годами юридической практики общения с самыми негодными женщинами, которые когда-либо существовали на этом свете.

Аллэн раскрыл было рот, чтобы возражать, но остановился, не имея надежды произвести на стряпчего хоть малейшее впечатление. Педгифт-старший поклонился, вежливо благодаря своего клиента за молчание, и немедленно воспользовался этой паузой, чтобы продолжать.



— Все поступки мисс Гуильт показывают мне, что она закоренелая мастерица лгать. Как ей только стала угрожать опласка, опласка чего-нибудь неприятного, в этом нет никакого сомнения, после того что вы узнали в Лондоне, — она извлекла для себя большую пользу из вашего благородного молчания и оставила должность у майора в роли невинной жертвы. Оставив этот дом, что сделала она далее? Она смело осталась в городе, надеясь решить три следующие цели: во-первых, она показала всем, что не боится выдержать новых нападков на её репутацию; во-вторых, она здесь рядом, чтобы вертеть вами по-своему и сделаться миссис Армадэль, несмотря ни на что, если вы (или я) представим ей этот случай; в-третьих, если у вас (или у меня) хватит благоразумия, чтобы не доверять ей, у неё также хватит благоразумия, чтобы не представить нам возможность следовать за ней в Лондон и выявить её сообщников. Разве так станет поступать несчастная женщина, которая лишилась своей репутации в минуту слабости и против своей воли была вынуждена прибегнуть к обману, чтобы восстановить эту репутацию?

— Ваши доказательства искусны, — отвечал Аллэн с заметной неохотой. — Я не могу их опровергнуть, ваши доказательства выстроены очень искусно.

— Ваш собственный здравый смысл, мистер Армадэль, говорит вам, что я доказываю справедливо, — сказал Педгифт-старший. — Я не беру ещё на себя смелость предположить, какие отношения может иметь эта женщина к тем людям в Пимлико, я только уверен, что это не те отношения, какие предполагаете вы. После изложения этих фактов мне остаётся только добавить мои личные впечатления о мисс Гуильт. Я не стану оскорблять вас, если это будет зависеть от меня, я попытаюсь снова выстроить искусные доказательства. Она пришла ко мне в контору (как я сообщал вам в своём письме), без сомнения, для того, чтобы подружиться с вашим стряпчим, если сможет: она пришла сказать мне с самым великодушным выражением на лице, что она не осуждает вас...

— Верите ли вы кому-нибудь, мистер Педгифт? — перебил его Аллэн.

— Иногда, мистер Армадэль, — отвечал Педгифт-старший, несколько не смутившись. — Я верю так часто, как только может верить юрист. Будем продолжать, сэр. Когда я занимался уголовными

делами, мне нередко приходилось выслушивать показания подсудимых женщин в защиту их самих. Какая разница ни была бы между ними, я заметил у тех, которые были особенно злы и неоспоримо виновны, один пункт, в котором они все походили друг на друга. Высокие и низенькие, старые и молодые, красивые и безобразные — все имеют скрытную самоуверенность, которую ничто не может поколебать. В жизни они нисколько не походили друг на друга. Некоторые приходили в негодование, некоторые заливались слезами, некоторые были исполнены набожного упования, а некоторые решались совершить самоубийство в эту же ночь. Но только затроньте слабое место в истории, рассказываемой ими, и конец бешенству, слезам, набожности, отчаянию, и предстанет перед вами настоящая женщина, мобилизовавшая все свои ресурсы с прекрасной маленькой ложью, как раз подходящей к обстоятельствам. Мисс Гуильт была в слезах, сэр, в слезах, которые шли к ней, от которых не краснел её нос, а я вдруг затронул самое слабое место в её истории — упал её патетический носовой платок с прекрасных голубых глаз, и явилась настоящая женщина с премилой маленькой ложью, как раз подходящей к обстоятельствам! Я тут же почувствовал себя двадцатью годами моложе, мистер Армадэль. Уверю вас, мне представилось, будто я опять в Ньюгэте с записной книжкой в руках и выслушиваю показания в защиту подсудимой.

— Вам остаётся теперь сказать, мистер Педгифт, — сердито закричал Аллэн, — что мисс Гуильт была в тюрьме!

Педгифт-старший спокойно постучал пальцами по своей табакерке и тотчас же ответил:

— Она, может быть, заслужила наказание попасть в тюрьму, мистер Армадэль, но в тот век, в который мы живём, это именно самая превосходная причина для того, чтобы она никогда не была даже близ места такого рода. Тюрьма в сегодняшнем либеральном обществе для такой очаровательной женщины, как мисс Гуильт! Любезный сэр, если бы она покусилась убить вас или меня и если бы какие-нибудь бесчеловечные судьи или присяжные решили заключить её в тюрьму, первой задачей современного общества было бы не допустить; а если это невозможно было сделать, то первой задачей было бы выпустить её из тюрьмы так скоро, как только возможно. Читайте газеты, мистер Армадэль, и вы увидите, что мы живём в самое удобное время для

чёрных овец стада, если только они довольно черны. Я настойчиво уверяю, сэр, что нам досталась самая чёрная овца из всего стада; я настойчиво уверяю, что вам досталось редкое счастье в этих несчастных розысках выйти на женщину, которой выпала судьба стать предметом такого общественного покровительства. Не соглашайтесь со мною — как хотите, но не составляйте окончательного мнения о мисс Гуильт, пока развитие событий не покажет, какое из этих двух наших совершенно противоположных мнений окажется справедливым; лучшего испытания не может быть. Я согласен с вами, что ни одна благородная женщина не может попытаться пробраться сюда после получения вашего письма, но я не считаю, что мисс Гуильт достойна так называться, и уверен, что она будет стараться пробраться сюда.

— А я говорю, что не будет! — твёрдо возразил Аллэн.

Педгифт-старший откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Наступило минутное молчание, и в этот момент раздался звонок. Стряпчий и его клиент, оба с ожиданием, посмотрели по направлению к передней.

— Нет! — вскричал Аллэн сердитее прежнего.

— Да! — сказал Педгифт-старший, возражая ему с чрезвычайной вежливостью.

Они ждали, что будет дальше. Слышно было, как открылась парадная дверь, но комната была слишком далеко от неё для того, чтобы можно было услышать звук голосов. После продолжительной паузы послышался наконец стук запираемой двери. Аллэн быстро вскочил и позвонил в колокольчик. Педгифт-старший сидел очень спокойно и с наслаждением нюхал такую щепотку табаку, какую он ещё не доставал в этот вечер.

— Кто-нибудь приходил ко мне? — спросил Аллэн, когда вошёл слуга.

Слуга взглянул на Педгифта с уважением и ответил:

— Мисс Гуильт.

— Я не желаю торжествовать пред вами, сэр, — сказал Педгифт-старший, когда слуга ушёл. — Но что вы думаете о мисс Гуильт теперь?

Аллэн уныло покачал головой.

— Время для нас очень ценно, мистер Армадэль. После того что случилось, вы все ещё не соглашаетесь использовать тот способ, какой я советовал вам?

— Не могу, мистер Педгифт, — отвечал Аллэн. — Я не могу стать виновником того, что она будет обесславлена здесь: я скорее согласен обесславить себя, как это и есть сейчас.

— Позвольте мне предложить вам другое, сэр. Извините мою настойчивость. Вы были очень добры ко мне и к моему семейству, и я принимаю в вас личное участие как человек и как стряпчий. Если вы не можете решиться выставить эту женщину в её настоящем виде, примите обыкновенные предосторожности, чтобы не позволить ей принести вам вред. Хотите поручить мне наблюдать за нею тайно, пока она останется здесь?

Во второй раз Аллэн отрицательно покачал головой.

— Это ваше окончательное решение, сэр?

— Окончательное, мистер Педгифт, но я всё-таки признателен вам за совет.

Педгифт-старший встал с кроткой покорностью судьбе на лице и взял свою шляпу.

— Всего доброго, сэр, — сказал он и печально направился к двери.

Аллэн также встал, наивно полагая, что свидание окончено. Люди, хорошо знакомые с дипломатическими секретами его стряпчего, посоветовали бы ему остаться на месте. Настало время для «постскриптума Педгифта», и знаменитая табакерка стряпчего находилась в эту минуту в его правой руке, когда левой он отворял дверь.

— Всего доброго, — ответил Аллэн.

Педгифт отворил дверь, остановился, опять закрыл её, с таинственным видом вернулся, держа щепотку табаку между табакеркой и своим носом и повторяя свою неизменную фразу: «Кстати, мне пришёл в голову один план», и спокойно уселся опять на свой стул.

Аллэн с удивлением также сел на стул, с которого только что поднялся. Стряпчий и клиент снова посмотрели друг на друга, и неоконченный разговор начался опять.

## Глава VI

### ПОСТСКРИПТУМ ПЕДГИФТА

— Я сказал, что мне пришёл в голову один план, — сказал Педгифт.

— Да, вы сказали, — подтвердил Аллэн.

— Угодно вам выслушать, что это такое, мистер Армадэль?

— Сделайте одолжение, — сказал Аллэн.

— Очень рад, сэр! Вот этот план. Я придаю большое значение, — если ничего другого нельзя сделать, — чтобы незаметно присматривать за мисс Гуильт, пока она останется в Торп-Эмброзе. Мне пришло в голову сейчас, у этой двери, мистер Армадэль, что, может быть, вы захотите сделать это для безопасности другой особы, если уж не хотите сделать для себя.

— Какой другой особы? — спросил Аллэн.

— Одной молодой девицы, вашей ближайшей соседки, сэр. Назвать мне её имя по секрету? Мисс Мильрой.

Аллэн вздрогнул и изменился в лице.

— Мисс Мильрой! — повторил он. — Неужели она замешана в этом неприятном деле? Надеюсь, что нет, мистер Педгифт, очень надеюсь.

— Я был сегодня в коттедже, сэр, ради защиты ваших интересов, — продолжал Педгифт. — Вы сейчас услышите, что там случилось, и судите сами. Майор Мильрой очень бесцеремонно высказывал своё мнение о вас, и я счёл нужным предостеречь его. С этими тихими, пустоголовыми людьми всегда так бывает: когда они расхорохорятся, упорство их не пробьёшь и вспыльчивость их не обуздаешь. Ну, сэр, сегодня утром отправился я в коттедж. Майор и мисс Нили были в гостинной; мисс не была такой хорошенькой, как обыкновенно: мне она показалась бледной, расстроенной, растревоженной. Вдруг этот пустоголовый майор как вскочит (я не оговорился, мистер Армадэль, можно ли считать умным человека, который половину своей жизни занимается изготовлением часов!), вдруг как вскочит пустоголовый майор, да свысока и осматривает меня с презрением с ног до головы. Ха-ха-ха! Пристало ли кому-

нибудь с презрением глядеть на меня в мои года? Я поступил как христианин: я ласково кивнул старому часовщику. «Прекрасное утро, майор», — сказал я. «У вас есть какое-нибудь дело ко мне?» — спросил он. «Только одно слово», — ответил я. Мисс Нили, воспитанная, умная девушка, встала и хотела выйти из комнаты. Как же поступил её смешной отец? Он остановил её. «Незачем тебе уходить, моя милая, мне не о чём говорить с мистером Педгифтом», — сказал этот старый идиот. И, повернувшись ко мне снова, смотрит на меня свысока. «Вы стряпчий мистера Армадэля? Если вы пришли по делу, касающемуся мистера Армадэля, прошу вас обратиться к моему нотариусу». Его нотариус Дарч, а Дарч хорошо знает меня по делам, могу уверить вас. «Я приехал сюда, майор, конечно, по делу мистера Армадэля, — отвечал я, — но оно не касается вашего нотариуса, по крайней мере, теперь. Я хочу предостеречь вас, чтобы вы сдерживались, высказывая своё мнение о моём клиенте, а если не хотите сделать этого, то будьте осторожны в ваших выражениях публично. Я предупреждаю вас, что придёт наша очередь и что информация о мисс Гуильт ещё будет предана гласности». Мне показалось, что он рассердился, услышав моё предостережение, и действия майора вполне оправдали мои ожидания. Он высказался чрезвычайно запальчиво — бедное, слабое существо, — говорил очень запальчиво со мною! Я опять поступил как христианин: я ласково кивнул ему головой и пожелал доброго утра. Когда я повернулся, чтобы пожелать и мисс Нили доброго утра, она уже вышла. Вы, кажется, встревожены, мистер Армадэль? — заметил Педгифт, когда Аллэн, охваченный волной воспоминаний, вдруг вскочил со стула и начал ходить взад и вперёд по комнате. — Не буду более испытывать вашего терпения, сэр, я прямо приступаю к делу.

— Извините, мистер Педгифт, — сказал Аллэн, возвращаясь к своему стулу и стараясь успокоиться и отвлечься от мыслей о мисс Нили, вызванными стряпчим.

— Я вышел из коттеджа, сэр, — продолжал Педгифт. — Когда я повернул из сада в парк, то встретил у павильона мисс Нили, очевидно поджидавшую меня. «Я хочу поговорить с вами хоть несколько минут, мистер Педгифт, — сказала она. — Уж не думает ли мистер Армадэль, что я замешана в этом деле?» Она была сильно

взволнована, в глазах её были слезы, сэр, такие горькие и непритворные, какие в моей юридической практике не приходилось часто видеть. Я совершенно растерялся, молча подал ей руку, и мы тихо пошли между деревьями. Что сказали бы наши городские сплетники, если бы им довелось гулять в этой стороне! «Любезная мисс Мильрой, — спросил я, — почему же мистер Армадэль может думать, что вы замешаны в этом?»

— Вы должны были сейчас же сказать ей, что я совсем этого не думаю! — с негодованием воскликнул Аллэн. — Зачем вы заставили её хоть минуту сомневаться?

— Потому что я стряпчий, мистер Армадэль, — сухо возразил Педгифт. — Даже в те сентиментальные минуты под деревьями, под руку с хорошенькой девушкой, я не мог забыть своих обязанностей юриста. Пожалуйста, не сокрушайтесь, сэр! Я уладил дело за короткое время. Прежде чем я расстался с мисс Мильрой, я рассказал ей, что вам никогда не приходила в голову подобная мысль.

— Успокоилась ли она? — спросил Аллэн.

— Она была уже в состоянии обойтись без помощи моей руки, сэр, — отвечал старый Педгифт по-прежнему сухо, — и взяла с меня обещание хранить в строгой тайне цель нашего свидания. Она особенно хотела, чтобы вы не узнали об этом. Если вы желаете знать, почему не выполняю своего обещания, я сообщу вам, что её просьба относилась не к кому другому, как к той особе, которая удостоила вас посещением сейчас, — к мисс Гуильт.

Аллэн, снова тревожно ходивший по комнате, остановился и вернулся к своему стулу.

— Это серьёзно? — спросил он.

— Очень серьёзно, сэр, — отвечал Педгифт. — Я выдаю тайну мисс Нили ради её собственных интересов. Вернёмся к тому деликатному вопросу, который я задал ей. Она испытывала некоторое затруднение ответить, потому что ответ вынуждал её рассказать о прощальном свидании с гувернанткой. Вот суть её рассказа. Они были одни, когда мисс Гуильт прощалась со своей ученицей, и вот её слова, пересказанные мне мисс Нили. Гувернантка сказала: «Ваша мать не позволила мне проститься с нею. Вы также не хотите?» Ответ мисс Нили был весьма умён для девушки её лет. «Мы не были друзьями, — сказала она, — и я думаю, что мы обе одинаково рады расстаться друг

с другом, но я не собираюсь отказываться проститься с вами». Сказав это, она протянула ей руку. Мисс Гуильт стояла и пристально смотрела на неё, не подавая ей руки, а затем обратилась к ней со словами: «Вы ещё не миссис Армадэль»... Спокойно, сэр! Не сердитесь: ничего нет удивительного в том, что женщина, имевшая на вас корыстные виды, приписывала подобные же планы молодой девушке, которая является вашей ближайшей соседкой. Позвольте мне продолжать. Мисс Нили, по её собственному признанию (и мне кажется совершенно естественно), пришла в чрезвычайное негодование. Она призналась, что ответила: «Бесстыдная тварь, как вы смеете говорить это мне!» Ответ мисс Гуильт прозвучал тихо, холодно, с затаённой угрозой. «До сих пор ещё никто не оскорблял меня, мисс Мильрой, без того, чтобы рано или поздно не раскаяться в этом горько, — сказала она. — Вы горько раскаетесь в этом». Гувернантка с минуту молча смотрела на свою ученицу, а потом вышла из комнаты. Мисс Нили, кажется, почувствовала обвинение, брошенное ей относительно вас, гораздо сильнее, чем угрозу мисс Гуильт. Она уже знала, как знали все в доме, что какие-то неизвестные ваши розыски в Лондоне заставили мисс Гуильт добровольно отказаться от своего места. И мисс Нили сделала теперь заключение из слов, сказанных ей, что мисс Гуильт думает, будто она заставила вас пуститься в эти розыски для того, чтобы выиграть самой и унижить свою гувернантку в ваших глазах... Позвольте, сэр, позвольте! Я ещё не кончил. Как только мисс Нили пришла в себя, она отправилась наверх поговорить с миссис Мильрой. Гнусное обвинение мисс Гуильт оскорбило её, и она пошла к матери за разъяснением и советом. Она не получила ни того, ни другого. Миссис Мильрой заявила, что она слишком больна для того, чтобы разговаривать об этом, и до сих пор считает себя слишком больной для того, чтобы об этом говорить. Мисс Нили тогда обратилась к своему отцу. Майор остановил её, как только ваше имя сорвалось с её языка. Он объявил, что не хочет слышать о вас ни от кого в своём доме. До сих пор она ничего не знала — не знала, каким образом мисс Гуильт перетолковывает её поступки, или в какую ложь о ней, может быть, вы могли поверить. В мои лета и в моей профессии я не отличаюсь какой-то мягкостью сердца, но я думаю, мистер Армадэль, что положение мисс Нили заслуживает нашего сочувствия.



— Я всё сделаю, чтобы помочь ей! — пылко заявил Аллэн. — Вы не знаете, мистер Педгифт, какую причину имею я... — Он спохватился и в замешательстве повторил свои же слова:

— Я сделаю все... все на свете, чтобы помочь ей.

— Вы действительно так думаете, мистер Армадэль? Извините за мой совет, но вы можете весьма конкретно помочь мисс Нили, если захотите.

— Как? — спросил Аллэн. — Только скажите мне — как?

— Уполномочив меня, сэр, защитить её от мисс Гуильт.

Пустив таким образом эту стрелу в своего клиента, благоразумный стряпчий подождал, какое действие произведёт сказанное, прежде чем продолжать говорить. Лицо Аллэна омрачилось, и он тревожно заёрзал на стуле.

— С вашим сыном трудно иметь дело, мистер Педгифт, — сказал он, — а с вами ещё труднее, чем с вашим сыном.

— Благодарю вас, сэр, — отвечал находчивый Педгифт, — от имени моего сына и от моего за прекрасный комплимент нашей фирме. Если вы непременно желаете помочь мисс Нили, — продолжал он более серьёзным тоном, — я подсказал вам способ. Вы ничего не можете сделать, чтобы успокоить её, более того, что я уже сделал. Как только я уверил мисс, что у вас и в мыслях не было так истолковывать её поведение, она ушла довольная. Прощальная угроза её гувернантки, возможно, не осталась у неё в памяти, а я должен твёрдо сказать вам, мистер Армадэль, что в моей памяти она осталась. Вы знаете моё мнение о мисс Гуильт, видели сами, что мисс Гуильт сделала сегодня, так что моё мнение оказалось верным даже в ваших глазах. Могу я спросить, думаете ли вы после всего случившегося, что эта женщина может ограничиться только пустыми угрозами?

На этот вопрос Аллэну трудно было отвечать. Упорно отодвигаемый с той позиции, которую он занимал в начале свидания, неопровержимыми фактами, Аллэн в первый раз начал обнаруживать признаки того, что он готов уступить в предлагаемых действиях в отношении мисс Гуильт.

— Разве нет другого способа защитить мисс Мильрой, кроме того, о котором упомянули вы? — спросил он с беспокойством.

— Вы думаете, что майор послушает вас, если вы с ним поговорите? — саркастически спросил Педгифт-старший. — Я даже

уверен, что он меня не удостоит своим вниманием, или, может быть, вы предпочитаете испугать мисс Нили, сказав ей прямо, что мы оба находим её в опасности? Или уж не послать ли вам меня к мисс Гуильт уведомить её, что она отнеслась к своей ученице жестоко и несправедливо? Вы считаете, что женщины расположены слушаться рассудка и так готовы изменить своё мнение друг о друге после убеждений посторонних, особенно когда одна женщина думает, что другая разрушила её планы на выгодный брак? Тогда посылайте, а обо мне не думайте, мистер Армадэль: я только непромокаемый стряпчий и могу выдержать ещё один проливной дождь слез мисс Гуильт.

— Чёрт побери, мистер Педгифт! Скажите мне прямо, что вы хотите, чтоб я сделал? — закричал Аллэн, выйдя из себя.

— Сказать прямо, мистер Армадэль, я хочу, чтобы за поступками мисс Гуильт наблюдали тайно, пока она останется здесь. Я могу найти человека, который будет присматривать за нею деликатно и осторожно. Я согласен даже прекратить через неделю этот безвредный надзор за ней, если не окажется причины продолжать его. Я делаю это предложение, сэр, в интересах мисс Мильрой и жду вашего ответа: да или нет.

— Не могу ли я немного подумать? — спросил Аллэн, не придумав другого способа добиться отсрочки.

— Конечно, мистер Армадэль. Но не забывайте, что, пока вы будете думать, мисс Мильрой может пойти гулять в вашем парке одна, не подозревая никакой опасности, и что мисс Гуильт совершенно свободно может воспользоваться этим обстоятельством, если только это будет угодно мисс Гуильт.

— Делайте как хотите! — с огорчением воскликнул Аллэн. — И ради Бога, не мучьте меня более!

Народное предубеждение к профессии юриста может опровергать благородство служителей Фемиды во многих вопросах, но эта профессия практически христианская в одном отношении по крайней мере: из всего огромного запаса умных ответов, готовых для клиентов стряпчего, ни один так скоро не слетает с губ, как «кроткий ответ, успокаивающий гнев».

Педгифт-старший в данной ситуации вскочил на ноги с проворством юноши, но распрощался с благоразумием старости.

— Очень вам благодарен, сэр, — сказал он, — за внимание, которым вы удостоили меня. Поздравляю вас с вашим решением и желаю вам доброго вечера.

На этот раз знаменательная табакерка не находилась в его руках, когда он отворил дверь, и стряпчий действительно ушёл, не возвращаясь для второго постскриптума.

Голова Аллена склонилась на грудь, когда он остался один.

«Если бы поскорее кончилась эта неделя! — думал он с тоскою. — Если бы Мидуинтер вернулся!»

Когда эти слова сорвались с губ клиента, стряпчий весело сажился в свой гиг.

— Беги скорее, старуха! — закричал Педгифт-старший, дотронувшись до крупа своей быстроногой лошади кончиком бича. — Я никогда не заставлял ждать даму, а сегодня у меня есть дело до особы твоего пола.

## Глава VII

# СТРАДАНИЯ МИСС ГУИЛЬТ

Предместье маленького городка Торп-Эмброза со стороны, ближайшей к большому дому, заслуживало славу самого красивого предместья, какое только можно найти в Норфольке. Тут виллы построены и сады посажены в основном с хорошим вкусом: деревья и кустарники в парках в прекрасном состоянии, а вересковая степь, простирающаяся за домами, то возвышается, то понижается живописно с восхитительным разнообразием. Это предместье служит местом вечерних прогулок всех знатных и светских людей и всех красавиц города; и если приезжий поедет кататься и предоставит выбор маршрута кучеру, то тот непременно привезёт туда же.

Предместье на противоположной стороне, то есть на самой дальней от большого дома, вообще (в тысячу восемьсот пятьдесят первом году) вызывало чувство сожаления у всех, кто заботился о репутации города. Тут и природа была непривлекательна, и люди жили бедные, и общественный прогресс, если судить о нём по застройке, давно остановился. По мере удаления от центра города дома становились все меньше и меньше и превращались на лишённом растительности пространстве в жалкие коттеджи. Строители как будто бросили свою работу в самом её начале на границе предместья. Землевладельцы, поставив столбы на пустырях, давали объявления, что эта земля продаётся под застройку, и в ожидании покупателей собирали с этой земли жалкую жатву. Вся макулатура из города, видимо, выбрасывалась в этом запущенном месте, и всех капризных детей под надзором неопрятных нянек привозили кричать в это забытое богом место. Если в Торп-Эмброзе кто-то хотел продать старую клячу живодёру, то лошадь непременно оставляли ждать своей участи на поле, по эту сторону города. Ничего путного не росло в этом предместье, повсюду кучи мусора, бродячие псы, роющиеся в них, галки и вороны там и сям на грядах и тощие кошки повсюду на кровлях.

Солнце садилось, и летние сумерки надвигались на землю. Капризных детей в своих колыбелях увозили няньки; лошадь,

предназначенная живодёру, дремала одиноко на поле, вяло шевеля ушами, кошки затихли в своих углах, ожидая наступления ночи. Но одно человеческое существо появилось в этом предместье — мистер Бэшуд. Только один слабый звук нарушал сумеречное молчание — звук тихих шагов мистера Бэшуда.

Медленно шествуя мимо груд кирпича, возвышавшихся тут и там вдоль дороги, осторожно обходя старое железо и изломанные черепицы, разбросанные на всём его пути, Бэшуд шёл из окрестностей города по направлению к одной из недостроенных улиц предместья. Его наружность, очевидно, перед выходом стала предметом особого внимания. Фальшивые зубы были ослепительно белы, парик старательно причёсан, на нём был утренний сюртук, видимо обновляемый, сшитый из противно лоснящегося дешёвого чёрного сукна. Он шёл торопливо и тревожно оглядываясь вокруг. Дойдя до первого из жалких коттеджей, он внимательно осмотрел улицу, открывшуюся пред ним. Через минуту Бэшуд вздрогнул, дыхание его участилось, дрожа и краснея, он прислонился к стене недостроенного коттеджа. К нему приближалась вдоль улицы какая-то дама.

— Она идёт! — прошептал Бэшуд со странным выражением восторга и страха; то бледность, то румянец проступали на его растерянном лице. — Я желал бы быть землёю, по которой она ступает, я желал бы быть перчаткой, которая у неё на руке.

Он с восторгом произнёс эти безрассудные слова; он сказал их с юношеским пылом, весь задрожав от волнения.

Легко и грациозно дама шла по улице, приближаясь все ближе и ближе, и вот мистер Бэшуд убедился, что это мисс Гуильт. Она была одета просто, но со вкусом. Самая дешёвая соломенная шляпка с простыми белыми лентами была на голове её. Недорогое, но безукоризненно сидящее на ней светлое ситцевое платье и узкая мантилья из дешёвой шёлковой материи, обшитой простой бахромой. Блеск её прекрасных рыжих волос был особенно заметён в косе, заплетённой короною надо лбом, и в одиноком локоне, спускавшемся на левое плечо; перчатки, плотно обтягивавшие руки, были немаркого коричневого цвета, который сохраняется дольше всех других. Одной рукой она приподнимала платье, обходя нечистоты дороги, в другой держала букет самых дешёвых цветов. Она шла, опустив голову, потупив глаза. В походке, во взгляде, в осанке, в каждом движении

стройного тела под ситцевым платьем чувствовалась такая женская сила, которая непреодолима для мужчины.

— Мистер Бэшуд! — громко воскликнула она своим звучным голосом, показывая величайшее удивление. — Вот уж не ожидала найти вас здесь! Я думала, что никто, кроме несчастных жителей, не осмелится прогуливаться в этой части города. Ш-ш! — произнесла она быстро и шёпотом. — Вы, вероятно, слышали, что мистер Армадэль распорядился наблюдать за мною. За одним из этих домов скрывается его человек. Мы должны громко говорить о посторонних предметах и сделать вид, будто мы встретились случайно. Спросите меня, чем я занимаюсь теперь. Громко! Сейчас! Вы никогда не увидите меня снова, если не перестанете дрожать и не сделаете то, что я вам говорю!

Она произнесла эти слова с угрозой, безжалостно пользуясь своею властью над слабым человеком, к которому она обращалась. Бэшуд повинился ей, голос его дрожал от волнения, а глаза пожирали её, он испытывал странное состояние ужаса и восторга.

— Я стараюсь зарабатывать деньги уроками музыки, — сказала она таким голосом, чтобы он дошёл до ушей шпиона. — Если вы можете рекомендовать мне учениц, мистер Бэшуд, вы очень обяжете меня. Были вы сегодня в парке? — продолжала она, опять понизив свой голос до шёпота. — Был мистер Армадэль около коттеджа? Выходила мисс Мильрой в сад? Нет? Это знаете точно? Смотрите за ними завтра, и послезавтра, и все следующие дни: они непременно встретятся и помирятся, а я должна и хочу это знать... Ш-ш! Спрашивайте меня, почём я даю уроки музыки. Чего вы боитесь? Этот человек следит за мною, а не за вами. Громче, чем вы спрашивали меня, чем я занимаюсь; громче, или я не буду полагаться на вас больше, я обращусь к кому-нибудь другому.

Бэшуд снова повинился.

— Не сердитесь на меня, — прошептал он слабым голосом, когда громко произнёс все необходимые слова. — Сердце моё так бьётся, вы убьёте меня!

— Бедный старик! — прошептала она, внезапно переменив тон и заговорив с насмешливой нежностью. — Зачем вам иметь сердце в ваши лета? Будьте здесь завтра в это же время и расскажете, что вы видели в парке. Я беру только по пяти шиллингов за урок, —

продолжала она более громким голосом. — Конечно, это не много, мистер Бэшуд, ведь я даю такие продолжительные уроки и покупаю всем моим ученицам ноты за полцены.

Она вдруг опять понизила голос и своим грозным взглядом вновь заставила его повиноваться.

— Не выпускайте мистера Армадэля завтра из виду. Если эта девчонка успеет поговорить с ним, а я об этом не узнаю, я испугаю вас до смерти. Если узнаю — я вас поцелую! Ш-ш! Пожелайте мне доброго вечера и ступайте в город, а я пойду другой дорогой. Вы мне больше не нужны: я не боюсь человека, спрятавшегося за домами, я сама могу с ним разделаться. Пожелайте мне доброго вечера, и я позволю вам пожать мне руку. Говорите громче, и я подарю вам один цветок, если вы обещаете не влюбиться в него.

Она опять повысила голос.

— До свидания, мистер Бэшуд. Не забудьте моих условий: пять шиллингов за урок, а уроки продолжаются целый час, и я достаю всем моим ученицам ноты за полцены, а ведь это большая выгода, не правда ли?

Она сунула ему в руку цветок, нахмутив брови, как бы приказала ему повиноваться, и в ту же минуту улыбнулась в награду за повиновение, опять подняла платье, проходя над нечистотами дороги, и ушла своей дорогой с беспечной непринуждённостью — так идёт кошка, после того как вдоволь насладилась тем, что напугала мышь.

Оставшись один, Бэшуд подошёл к низкой стене коттеджа, возле которой он стоял, и, уныло прислонившись к ней, молча смотрел на цветок в своей руке. Его прошлая жизнь научила переносить несчастья и оскорбления, так как немногие более счастливые люди могли бы их перенести, однако она не приготовила его пережить чувство первой страстной любви, охватившей его в самом конце жизненного пути, когда безвозвратно ушла мужская сила, рано утраченная от двойного несчастья, супружеского разочарования и родительского горя.

— О, если бы я снова был молод! — прошептал бедняга, нежно касаясь цветка своими пересохшими губами. — Может быть, она полюбила бы меня, когда мне было двадцать лет.

Он вдруг выпрямился и со страхом осмотрелся вокруг.

— Она велела мне идти домой, — сказал он испуганно. — Зачем я остаюсь здесь?

Бэшуд поспешил в город, так боясь её гнева, который последует, если она увидит его ещё здесь, что не осмелился даже оглянуться на дорогу, по которой мисс Гуильт ушла. Он не заметил и шпиона, упорно преследовавшего её, прячась за каркасами недостроенных домов и за кучами кирпича вдоль дороги.

Спокойно, не ускоряя шага, осторожно обходя нечистоты, чтобы сохранить безукоризненную чистоту своего платья, не оглядываясь ни направо, ни налево, мисс Гуильт продолжала свой путь к пустынной местности. Дорога в конце предместья разделялась: налево тропинка, извиваясь, вела к пастбищу соседней фермы, направо она шла через пригорок к большой дороге. Остановившись на минуту, но не показывая шпиону, что она заметила его, мисс Гуильт внезапно повернула к пригорку.

«Я поймаю его здесь», — сказала она сама себе, спокойно смотря на уходящую вдаль прямую линию большой дороги.

Выйдя на местность, которую она выбрала для достижения своей цели, мисс Гуильт обдумала трудности своего положения с совершенным самообладанием. Пройдя ярдов тридцать по дороге, она уронила свой букет, немного повернулась, когда наклонялась поднять его. Этого времени было достаточно, чтобы увидеть человека, остановившегося в ту же минуту позади неё. Она тотчас пошла вперёд, мало-помалу ускоряя шаги, и шла так скоро, как только могла. Шпион попал в западню, расставленную для него. Видя, что наступает ночь, и боясь, что потеряет её из виду в темноте, он начал быстро сокращать расстояние между ними. Мисс Гуильт шла все скорее и скорее, пока ясно не услышала его шаги позади себя. Она внезапно остановилась, повернулась и встретилась с этим человеком лицом к лицу.

— Кланяйтесь от меня мистеру Армадэлю, — сказала она, — и скажите ему, что я поймала вас на слежке за мной.

— Я не следил за вами, мисс, — растерялся шпион, не ожидавший услышать от неё этих слов.

Мисс Гуильт презрительно измерила его взглядом с головы до ног. Это был худенький низенький человек; она была выше ростом и, может быть, даже сильнее его.



— Сними шляпу, грубиян, когда говоришь с дамой, — сказала она и, сорвав с его головы шляпу, швырнула через канаву, возле которой они стояли. Шляпа упала в лужу по другую сторону канавы.

На этот раз шпион не растерялся, он знал, так же как и мисс Гуильт, как она может воспользоваться драгоценными минутами, если он повернётся к ней спиной и перейдёт через канаву за своей шляпой.

— Хорошо, что вы женщина, — сказал он, хмуро глядя на неё, сжимая кулаки.

Быстро темнело. Мисс Гуильт посмотрела искоса на длинную линию дороги и увидела сквозь сгущавшуюся темноту одинокую фигуру человека, быстро приближавшегося к ним. Некоторые женщины заметили бы приближение незнакомца в этот час и в этом уединённом месте с некоторым беспокойством. Мисс Гуильт была слишком уверена в могуществе своих чар и своего красноречия, чтобы не рассчитывать заранее на помощь мужчины. Поэтому она заговорила со шпионом с удвоенной решительностью и во второй раз презрительно окинула его взглядом с ног до головы.

— Желала бы я знать, хватит ли у меня сил швырнуть и тебя вслед за твоей шляпой, — сказала она. — Я прогуляюсь и подумаю об этом.

Она сделала несколько шагов навстречу фигуре, подходившей по дороге: шпион шёл за нею следом.

— Попробуйте, — сказал он грубо. — Вы женщина красивая, пожалуй, обнимите меня своими руками, я буду рад.

Когда он произнёс эти слова, то увидел незнакомца. Мужчина сделал шаг назад и стал ждать. Мисс Гуильт, со своей стороны, сделала шаг вперёд и ждала.

Незнакомец подходил лёгкими шагами тренированного пешехода; он махал тростью, на плечах у него был дорожный мешок. Через несколько шагов можно уже было рассмотреть его лицо: это был смуглый мужчина, чёрные волосы были покрыты пылью, а чёрные глаза его смотрели вперёд на дорогу, расстилавшуюся пред ним. Мисс Гуильт пошла к нему навстречу, впервые не скрывая волнения.

— Возможно ли! — сказала она тихо. — Неужели это вы?

Это был Мидуинтер, возвращавшийся в Торп-Эмброс после двухнедельного странствования по йоркширским пустотам. Он

остановился и посмотрел на неё, онемев от удивления. Он думал об этой женщине в ту самую минуту, когда она окликнула его.

— Мисс Гуильт! — произнёс Мидуинтер и машинально протянул к ней руку.

Она взяла её и тихо пожала.

— Я была бы рада видеть вас в любое время, — сказала она. — Вы даже не знаете, как я рада видеть вас теперь! Могу я побеспокоить вас просьбой поговорить с этим человеком? Он преследовал меня и надоедал всю дорогу из города.

Мидуинтер, не говоря ни слова, прошёл мимо неё; как ни было темно, шпион это увидел, понял что его ожидает, и вдруг, повернувшись, перескочил через канаву. Прежде чем Мидуинтер успел последовать за ним, рука мисс Гуильт легла на его плечо.

— Нет, — сказала она. — Вы не знаете, кто поручил ему это мерзкое дело.

Мидуинтер остановился и посмотрел на неё.

— Странные вещи произошли после того, как вы оставили нас, — продолжала она. — Я была принуждена оставить своё место; за мною следит наёмный шпион. Не спрашивайте, кто принудил меня оставить моё место и кто нанял шпиона, по крайней мере теперь я не могу решиться сказать вам это, пока не успокоюсь. Отпустите этого негодяя. Вам не трудно проводить меня до квартиры? Это вам по Дороге. Не могу ли я попросить разрешения взять вас под руку? Мои силы на исходе.

Она взяла его под руку и буквально повисла на ней. Женщины, только что тиранившей Бэшуда, только что бросившей шляпу шпиона в лужу, больше не было. Робкое, дрожащее, слабое существо предстало перед Мидуинтером. Мисс Гуильт приложила к глазам носовой платок.

— Говорят, что бывают моменты в жизни, когда не до приличий, — слабо прошептала она. — Я обращаюсь с вами как со старым другом! Богу известно, как мне нужен друг!

Они пошли к городу. Мисс Гуильт оправилась от волнения, решительно спрятала в карман носовой платок и настойчиво старалась повернуть разговор на путешествие Мидуинтера.

— Уж и без того дурно быть вам сейчас в тягость, — сказала она, нежно опираясь на его руку. — Я не должна больше расстраивать вас.

Расскажите мне, где вы были и что вы видели. Заинтересуйте меня подробностями вашего путешествия; это поможет мне избавиться от грустных мыслей.

Они дошли до жалкого небольшого предместья, где в скромной маленькой квартире проживала мисс Гуильт. Дама сняла перчатку, взяла руку Мидуинтера.

— Я поселилась здесь, — сказала она просто. — Здесь чисто и спокойно. Я слишком бедна, чтобы желать или надеяться на большее. Мы должны проститься, я полагаю... если только...

Она сделала вид, что колеблется, и бросила украдкой быстрый взгляд по сторонам, видимо, затем, чтобы проверить, не наблюдают ли за нею.

— Если только вы не захотите зайти и отдохнуть немножко. Я так признательна вам, мистер Мидуинтер! Как вы думаете, могу ли я предложить вам чашку чая?

Непреодолимая сила влекла Мидуинтера к мисс Гуильт. Перемена мест и довольно длительное отсутствие, которые, как он полагал, должны были ослабить влияние мисс Гуильт на него, дали обратный результат — укрепили это влияние. Мужчина, исключительно чувствительный, мужчина, очень чистый в отношении женщин, стоял теперь рука об руку в таинственной ночной тиши с красавицей, под влиянием её неотразимого обаяния. Зная трудное положение, в котором оказалась мисс Гуильт, мог ли Мидуинтер оставить её? Да и не было настоящего мужчины на свете, который мог бы оставить её. Мидуинтер вошёл.

Заспанный мальчишка отворил дверь дома. Даже он, как маленький мужчина, просиял, увидев мисс Гуильт.

— Самовар, Джон, — ласково сказала она, — и ещё чашку и блюдечко. Я возьму вашу свечку зажечь мои свечи наверху, а потом не стану вас больше сегодня беспокоить.

Джон в одно мгновение проснулся и оживился.

— Никакого беспокойства нет, мисс, — сказал он смущённо.

Мисс Гуильт взяла у него свечу с улыбкой.

— Как добры ко мне люди! — тихонько шепнула она Мидуинтеру, показывая дорогу наверх, в маленькую гостиную на первом этаже.

Она зажгла свечи и, быстро повернувшись к своему гостю, остановила его, когда он сделал движение, чтобы снять с плеч дорожный мешок.

— Нет, — сказала она кротко. — В прежнее, старое время дамы помогали снимать доспехи своим рыцарям. Я хочу также помочь своему рыцарю.

Её проворные пальцы развязали ремни и расстегнули пряжки, и она сняла с плеч пыльный дорожный мешок, прежде чем он успел помешать ей дотронуться до него.

Они сели за маленький столик в комнате, которая была очень бедно меблирована, но в жалких украшениях на камине, в двух прекрасно переплетённых книгах на шифоньерках, в цветах на столе и в скромной рабочей корзинке на окне чувствовался изящный вкус женщины, жившей тут.

— Не все женщины кокетки, — сказала она, снимая шляпку и мантилью и бережно кладя их на стул. — Я не пойду в свою комнату, не стану смотреться в зеркало и охорашиваться — принимайте меня такой, какая я есть.

Руки её переставляли чайные принадлежности на подносе бесшумно и проворно. Её великолепные волосы ярко блестели при свечах, особенно когда она поворачивала голову в стороны, отыскивая с присущей ей грацией нужные вещи на подносе. Вечерняя прогулка сделала ярче румянец на её щеках, глаза её тихо светились, и лицо улыбалось, точно сквозь дымку, белые зубы сверкали на нём, брови как-то забавно и мило поднимались, когда она говорила. В самом незначительном слове, сказанном ею, в самом простом движении, сделанном ею, было что-то заставлявшее охотно покоряться ей.

Очень простая в обращении, мисс Гуильт отличалась сдержанностью и благовоспитанностью светской женщины. Во всём её существе, живучем и красивом, была какая-то особенная обаятельная смесь хитрости и беспечности; во всём сквозило женское колдовство.

— Ошибусь ли я, — спросила мисс Гуильт, вдруг прекратив разговор, содержание которого до сих пор настойчиво ограничивала путешествием Мидуинтера, — если угадаю, что у вас есть что-то на душе, что-то такое, чего ни мой чай, ни моё общество не могут

облегчить? Так ли любопытны мужчины, как женщины? Ради бога, скажите, не касается ли это меня?

Мидуинтер тщетно боролся с очарованием её прекрасного лица и голоса.

— Я очень хотел бы услышать, что случилось здесь с тех пор, как я покинул эти места, — сказал он, — но я ещё больше хочу, мисс Гуильт, не огорчать вас, спрашивая, по-видимому, о тягостном для вас предмете.

Мисс Гуильт с признательностью взглянула на него.

— Это для вас я избегала разговора о столь тягостном предмете, — ответила она, помешивая ложкой в своей полупустой чашке. — Но вы услышите об этом от других, если не услышите от меня. А вам надо знать, почему вы нашли меня в таком странном месте, в такой странной компании и почему вы видите меня здесь. Пожалуйста, запомните прежде всего одно. Я не осуждаю вашего друга мистера Армадэля, я осуждаю тех людей, орудием которых он служит.

Мидуинтер вздрогнул.

— Возможно ли, — начал он, — чтобы Аллэн был виноват?..

Он замолчал и с удивлением посмотрел на мисс Гуильт.

Она слегка дотронулась до его руки.

— Не сердитесь на меня за то, что я скажу только правду, — произнесла она. — Ваш друг виноват во всём, что со мной случилось, невольно виноват, мистер Мидуинтер. Я в этом твёрдо уверена. Мы оба жертвы. Он жертва своего положения, как самый богатый холостой молодой человек в здешних окрестностях, а я жертва замысла мисс Мильрой выйти за него замуж.

— Мисс Мильрой... — повторил Мидуинтер, все более и более удивляясь. — Сам Аллэн сказал мне...

Он опять недоговорил.

— Мистер Армадэль сказал вам, что я предмет его восторга. Бедняжка! Он восхищался всеми. Его голова, видимо, пуста, как это, — промолвила мисс Гуильт, показывая с многозначительной улыбкой на свою пустую чашку.

Она опустила туда ложку, вздохнула и снова стала серьёзной.

— Я виновата в том, что позволила ему ухаживать за мной, — с раскаянием продолжала она, — не испытывая ни малейшего интереса

к тому мимолётному вниманию, которое он проявлял ко мне. Я не унижаю многих превосходных качеств мистера Армадэля, понимаю, какое превосходное положение он может предложить своей жене. Но сердцу женщины приказывать нельзя. Нет, мистер Мидуинтер, даже счастливому владельцу Торп-Эмброза, который приказывает многим другим.

Она посмотрела ему прямо в глаза, произнося с чувством эти слова. Мидуинтер опустил голову, густой румянец покрыл его щеки. Он почувствовал, как сердце его забилось при словах о её полном равнодушии к Аллэну. В первый раз с той поры, как они узнали друг друга, его интересы противоречили интересам друга.

— Я была, признаюсь, тщеславна, позволила мистеру Армадэлю волочиться за мною, и наказана за это, — продолжала мисс Гуильт. — Если бы между моей ученицей и мною было хоть какое-нибудь доверие, я легко уверила бы её, что она может стать миссис Армадэль, не боясь соперничества с моей стороны. Но мисс Мильрой возненавидела меня и не доверяла мне с самого начала. Она, без сомнения, видя легкомысленное внимание ко мне мистера Армадэля, испытывала чувство ревности. В её интересах было унизить меня в его глазах, и, весьма вероятно, мать помогла ей в этом. Миссис Мильрой также имела свои причины (о которых мне стыдно даже говорить) желать выгнать меня из дома. Заговор удался. Меня принудили (с помощью мистера Армадэля) оставить место у майора. Не сердитесь, мистер Мидуинтер, не составляйте опрометчивого мнения. Наверно, и мисс Мильрой имеет какие-то хорошие качества, хотя я их не заметила, и опять уверяю вас, что я не обвиняю мистера Армадэля, я только обвиняю тех людей, орудием которых он служит.

— Как, он был их орудием? Как он мог быть орудием ваших врагов? — спросил Мидуинтер. — Пожалуйста, извините мою тревогу, мисс Гуильт, но доброе имя Аллэна так же мне дорого, как моё собственное!

Взгляд мисс Гуильт опять устремился на него, он был полон нежности и вдохновения.

— Как я восхищаюсь вашей вдумчивостью! — сказала она. — Как мне нравится ваше беспокойство за доброе имя друга! О! Если бы женщины могли поддерживать подобные дружеские связи! О! Счастливые, счастливые мужчины!

Она замолчала и в третий раз стала рассматривать свою пустую чашку.

— Я отдала бы очень многое, — сказала она, — за то, чтобы найти такого друга, какого нашёл в вас мистер Армадэль. Я никогда не найду такого, мистер Мидуинтер, никогда! Вернёмся к тому, о чём мы говорили. Я могу рассказать, в чём ваш друг виноват в моих несчастьях, только рассказав прежде о себе самой. Я похожа на многих других гувернанток; я жертва печальных семейных обстоятельств. Может быть, это мне вредит, но я терпеть не могу рассказывать о них при посторонних. Моё молчание о родных и друзьях вызывает превратные толки о причинах моего зависимого положения. Вредит это мне в вашем уважении, мистер Мидуинтер?

— Сохрани Боже! — с жаром возразил Мидуинтер. — Нет ни одного человека на свете, — продолжал он, думая о своей собственной истории, — который смог бы лучше понять и уважать ваше молчание, как я.

Мисс Гуильт схватила его руку.

— О! Я знала это, — сказала она, — с той самой минуты, как в первый раз увидела вас! Я знала, что вы также много страдали, что вас не обошли в жизни горести, которые сохранили в тайне! Странная, странная симпатия!

Мисс Гуильт вдруг опомнилась и задрожала.

— О! Что я наделала? Что вы должны подумать обо мне? — воскликнула она, когда Мидуинтер, уступая гипнотическому очарованию её прикосновения и забыв все на свете, кроме руки, лежавшей в его руке, наклонился и поцеловал её. — Пощадите меня! — произнесла она слабым голосом, когда почувствовала горячее прикосновение его губ. — Я так одинока, я нахожусь полностью в вашей власти!

Он отвернулся от неё и закрыл лицо руками; он дрожал, и она это видела. Она смотрела на него с большим интересом и удивлением.

«Как этот человек любит меня! — подумала она. — Я хотела бы знать, было ли время, когда я могла полюбить его?»

Молчание между тем продолжалось уже несколько минут. Он прочувствовал её мольбу о пощаде так, как мисс Гуильт не ожидала и не надеялась, он не решался ни взглянуть на неё, ни заговорить с нею.

— Продолжать рассказывать мою историю? — спросила она. — Забудем и простим друг другу всё, что сейчас произошло?

Снисхождение этой женщины к выражению искреннего восторга Мидуинтера было подчёркнуто очаровательной улыбкой. Она задумчиво посмотрела на своё платье и, вздохнув, стряхнула с колен несколько крошек.

— Я вам говорила, — продолжала мисс Гуильт, — о нежелании рассказывать посторонним о моей печальной семейной истории. Этим-то, как я после узнала, обязана я коварству и подозрению мисс Мильрой. К той даме, которая поручилась за меня, тайно обращались за справками обо мне по наущению мисс Мильрой — я не сомневаюсь в этом. С сожалением должна сказать, что это ещё не все. Какими-то скрытыми интригами, которые мне совершенно неизвестны, обманули простодушного Армадэля, и тайные справки у моей поручительницы в Лондоне пытались получить, мистер Мидуинтер, с помощью вашего друга.

Мидуинтер вдруг встал со стула и посмотрел на неё. Неотразимое впечатление, которое она произвела на него, как ни было сильно, перестало на время влиять теперь, когда это простое признание наконец прямо сорвалось с её губ. Мидуинтер посмотрел на неё и сел опять, чрезвычайно изумлённый, сел, не произнося ни слова.

— Вспомните, как он слаб, — кротко уговаривала мисс Гуильт, — и простите его, как я его простила. То ничтожное обстоятельство, что он не нашёл моей поручительницы по адресу, данному ему, я не понимаю почему, возбудило подозрение мистера Армадэля. По крайней мере, он остался в Лондоне. Что он там делал, я не могу сказать. Я решительно ничего не знала, я не верила никому; я была счастлива в маленьком кругу моих обязанностей, как только могла быть счастливой с ученицей, привязанность которой я заслужить не могла, когда в одно утро, к моему несказанному удивлению, майор Мильрой показал мне переписку между ним и мистером Армадзлем. Он говорил со мною в присутствии своей жены. Бедная женщина, — я на неё не обижаюсь, — такая болезнь, какую она страдает, извиняет все. Я желала бы составить вам понятие о содержании переписки между майором Мильроем и мистером Армадзлем, но у меня в голове всё смешалось, я была так сконфужена и расстроена в то время! Могу только сказать вам, что мистер



Армадэль хранит молчание о своих действиях в Лондоне, и, конечно, это молчание бросает тень на мою репутацию. Майор был очень добр; его доверие ко мне было непоколебимо, но разве это доверие могло защитить меня от предубеждений его жены и недоброжелательства дочери? О! Как женщины жестоки друг к другу! О! Какой позор, если бы мужчины узнали, каковы мы на самом деле! Что могла я сделать? Я не могла защитить себя от обвинений, не основанных ни на чём, и не могла оставаться в доме майора, будучи под подозрением. Моя гордость (помоги мне, Боже! Я была воспитана как благородная женщина, и чувство собственного достоинства не оставляет меня), моя гордость не позволила мне остаться на прежнем месте. Не огорчайтесь, мистер Мидуинтер, в моём рассказе есть и светлая сторона. Здешние дамы были необыкновенно добры ко мне: я имею надежду получить учениц; я избавлена от необходимости снова быть в тягость моим друзьям. Одно, на что я могу пожаловаться, мне кажется справедливо. Мистер Армадэль возвратился сюда уже несколько дней назад. Я в письме умоляла позволить увидеться с ним, чтобы узнать, какие подозрения имеются у него, и позволить мне оправдаться в его глазах. Поверите ли вы этому, он не захотел увидеться со мною — под влиянием других, не по своей собственной воле, я уверена в том! Это жестоко, не правда ли? Но он поступил со мною ещё более жестоким образом: он всё ещё подозревает меня; это он велел подсматривать за мною. О, мистер Мидуинтер! Не возненавидьте меня за то, что я рассказываю вам вещи, о которых вы должны знать! Человек, который, как вы сами видели, преследовал и напугал меня сегодня — шпион, нанятый мистером Армадэлем.

Мидуинтер опять вскочил и на этот раз заговорил. — Я не могу этому поверить, я не хочу этому верить! — воскликнул он с негодованием. — Если этот человек сказал вам это, он солгал. Я прошу у вас извинения, мисс Гуильт, я прошу у вас извинения от всего сердца. Пожалуйста, не думайте, что я сомневаюсь в вас, я только думаю, что тут есть какая-то ужасная ошибка. Я не уверен, что понимаю как следует всё, что вы рассказали мне, но эту последнюю гнусную низость, в которой вы считаете виновным Аллэна, я понимаю. Клянусь вам, он на это не способен! Какие-нибудь мошенники воспользовались им, какие-нибудь мошенники употребили во зло его имя. Я докажу это вам, если вы только дадите

мне время. Позвольте мне уйти и тотчас выяснить все. Я не могу оставаться спокойным; я не могу переносить мысли об этом, я не могу даже наслаждаться возможностью быть здесь. О! — вскричал он с отчаянием. — Я уверен, что вы понимаете мои чувства, так же как я понимаю вас!

Он остановился в замешательстве. Мисс Гуильт опять посмотрела на него, и руки мисс Гуильт опять нашли путь к его руке.

— Вы самый великодушный человек на свете, — сказала она нежно. — Я поверю всему, чему вы велите мне поверить. Ступайте, — прибавила она шёпотом, вдруг выдернув свою руку и отвернувшись от него. — И для вас, и для меня вам лучше уйти.

Его сердце сильно забилось; он посмотрел на мисс Гуильт, когда она опустилась на стул и приложила к глазам носовой платок. Мидуинтер с минуту колебался, а потом схватил с пола свой дорожный мешок и поспешно ушёл, не оглянувшись на мисс Гуильт, не бросив на неё даже прощального взгляда.

Она встала, когда за ним затворилась дверь.

Как только мисс Гуильт осталась одна, с нею тотчас произошла разительная перемена. Румянец с щёк пропал, блеск исчез из глаз, лицо страшно побледнело — оно выражало безмолвное отчаяние.

— Это ещё подлее, чем то, за что я взялась сначала, — сказала она. — Подло обманывать его...

Несколько минут она металась по комнате взад и вперёд, затем уныло остановилась пред зеркалом, висевшим над камином.

— Ты странное существо! — прошептала мисс Гуильт, облокотясь на камин и томно рассматривая собственное своё отражение в зеркале. — Осталась ли у тебя совесть и не пробудил ли её этот человек?

Её лицо, отражённое в зеркале, медленно менялось. Румянец вновь выступил на её щеках, восхитительно заблестели глаза. Губы томно раздвинулись, и от прерывистого дыхания начала запотевать поверхность стекла. После минутного раздумья она отступила от зеркала, вздрогнув от ужаса.

— Что я делаю? — спросила она себя с удивлением. — Разве я с ума сошла, что думаю о нём таким образом?

Она саркастически захохотала и с шумом открыла свою письменную шкатулку, стоявшую на столе.

— Давно пора поговорить с матушкой Иезавелью, — сказала мисс Гуильт и села писать к миссис Ольдершо.

«Я встретила с Мидуинтером, — писала она, — при самых счастливых обстоятельствах и извлекла из этой встречи большую выгоду. Он только что ушёл от меня к своему другу, мистеру Армадэлю, и завтра случится одно из двух. Если они не поссорятся, двери Торп-Эмброза опять откроются для меня по ходатайству Мидуинтера. Если они поссорятся, я буду несчастной причиной этой ссоры и проберусь в Торп-Эмброс сама из чисто христианского желания помирить их».

Она заколебалась над следующей фразой, написала несколько слов, вычеркнула их, а потом вдруг разорвала письмо на клочки, а перо швырнула на другой конец стола. Быстро повернувшись, бросила взгляд на стул, на котором только что сидел Мидуинтер; нога её тревожно притоптывала по полу, а носовой платок она засунула в рот, как кляп, сжав его зубами.

«Как ты ни молод, — думала мисс Гуильт, обращаясь мысленно к тому, кто только что сидел на этом, теперь пустом стуле, в твоей жизни было что-то необыкновенное, и я должна это узнать. И узнаю!»

Часы в доме пробили полночь, и этот звук отвлек её от тревожных дум. Мисс Гуильт вздохнула и, вернувшись к зеркалу, не спеша стала расстёгивать платье, лениво сняла пуговицы с шемизетки<sup>[3]</sup> и положила их на камин. Беззаботно посмотрела она на отражавшиеся в зеркале красивые грудь и шею, расплела волосы и откинула их на плечи.

«Что если бы он увидел меня теперь?» — подумала она.

Мисс Гуильт обернулась к столу и со вздохом погасила одну свечу, а другую взяла в руку.

— Мидуинтер! — сказала она, проходя в свою спальню. — Я не верю в это имя прежде всего.

Прошло более часа, прежде чем Мидуинтер дошёл до большого дома.

Два раза, хотя этот путь был ему известен, сбивался он с дороги. События этого вечера: свидание с мисс Гуильт после двухнедельных дум о ней, необыкновенная перемена, случившаяся в её положении после того, как он видел её в последний раз, странные отношения к ней Аллена — все соединилось, чтобы привести его мысли в страшное

смятение. Темнота облачного неба увеличила его замешательство. Даже знакомые торп-эмбросские ворота показались ему незнакомыми. Он сам не понимал, как добрался до этого места.

Фасад дома был тёмн и уже заперт на ночь. Мидуинтер прошёл к задней стороне здания. Звук мужских голосов, по мере того как он приближался, все чётче долетал до его слуха. Он скоро различил знакомые голоса двух лакеев и понял, что предмет разговора составлял их господин.

— Я готов прозакладывать вам полкроны, что его через неделю выгонят отсюда, — сказал первый лакей.

— Идёт! — отвечал второй. — Его не так легко выгнать, как вы думаете.

— Нет! — возразил первый. — Его закидают грязью, если он останется здесь. Опять вам говорю: ему мало ещё той каши, которую он заварил. Я знаю точно, что он велел подсматривать за гувернанткой.

При этих словах Мидуинтер машинально остановился, прежде чем повернуть за угол дома. Первое сомнение в успехе его посредничества обдало его холодом. Действие, производимое публичной оглаской, происходит с силой, противоположной обыкновенным законам механики. Отголосок его сильнее, чем самый звук. К первому звуку мы можем оставаться глухи, но отголосок поражает неудержимо. Пока Мидуинтер шёл, его единственным желанием было найти Аллена неспящим и поговорить с ним немедленно. Но теперь его единственной надеждой было выиграть время, чтобы побороться с новыми сомнениями и заставить замолчать тяжёлые предчувствия; он хотел более всего услышать теперь, что Аллен уже лёг спать. Мидуинтер завернул за угол дома и появился перед слугами, курившими трубки в заднем саду. Как только удивление прошло и позволило им заговорить, они предложили разбудить своего господина. Аллен уже перестал ждать друга в этот вечер и лёг спать полчаса назад.

— Барин приказал тотчас доложить ему, как только вы вернётесь.

— А я непременно прошу, — возразил Мидуинтер, — чтобы вы не беспокоили его.

Слуги с удивлением переглянулись, когда Мидуинтер взял предложенную ему свечу и вошёл в дом.

## Глава VIII

### ОНА СТАНОВИТСЯ МЕЖДУ НИМИ

Определённого распорядка, регламентирующего жизнь господ и слуг в Торп-Эмброзе, не было. Непостоянный в своих привычках, Аллэн не имел определённого времени (с единственным исключением обеденного) для отдыха и дел ни днём ни ночью. Он уходил спать рано или поздно и вставал рано или поздно, когда хотел. Слугам было запрещено будить его, и миссис Грипер привыкла готовить завтрак, как могла, с того времени, как огонь в очаге на кухне был только что разведён, до того времени, когда часы показывали полдень.

В девять часов утра после своего возвращения Мидуинтер постучался в дверь Аллэна и, войдя в комнату, нашёл её пустой. Расспросив слуг, Мидуинтер узнал, что Аллэн встал в это утро раньше, чем проснулся его камердинер, и что горячая вода для бриться была принесена одной из служанок, которая ещё не знала о возвращении Мидуинтера. Никому не довелось видеть господина ни на лестнице, ни в передней; никто не слышал, чтобы он звонил в колокольчик, чтобы ему подали завтрак — словом, никто ничего не знал о нём, кроме того, что было очевидно для всех — что его не было в доме.

Мидуинтер вышел на парадное крыльцо. Он встал наверху лестницы, соображая, по какому направлению отправиться ему отыскивать своего друга. Неожиданное отсутствие Аллэна ещё более увеличило тревогу в его душе. Он был в таком расположении духа, когда безделицы раздражают человека и фантазии могут воспламенять или приводить в уныние воображение.

Небо было облачное, ветер дул порывами с юга; для человека, разбирающегося в погоде, было очевидно, что пойдёт дождь. Пока Мидуинтер раздумывал, мимо него по дорожке прошёл один из конюхов. Когда Мидуинтер расспросил его, оказалось, что он лучше слуг знал, куда отправился его барин. Он более часу назад видел, как Аллэн прошёл мимо конюшен и с букетом в руке вышел в парк нижней дорогой.

С букетом в руке? Этот букет угнетал душу Мидуинтера. Это он почувствовал, когда обходил дом кругом, в надежде встретить Аллэна, «Что значит этот букет?» — спросил он себя с непонятным чувством раздражения и сердито пнул ногою камень, попавшийся ему на дороге.

Букет же свидетельствовал о том, что Аллэн, по обыкновению последовал своему внутреннему порыву. Единственное приятное впечатление, оставшееся в его душе после встречи с Педгифтом-старшим, было связано с рассказом стряпчего о его разговоре с Нили в парке. Беспокойство о том, чтобы Аллэн не составил о ней ошибочного мнения, так серьёзно выраженное дочерью майора, представило её в глазах Аллэна единственным человеком среди соседей, который имел о нём доброе мнение. Болезненно чувствительный к своему одиночеству, теперь, когда не было Мидуинтера, единственного собеседника в пустом доме, он жаждал в своём уединении доброго слова и дружеского взгляда. Он начал думать все с большим и большим сожалением о весёлом хорошеньком личике, так приятно соединявшемся с его первыми счастливыми днями в Торп-Эмброзе. Испытывать такое чувство означало для характера Аллэна действовать, порой опрометчиво, не думая о том, к чему это приведёт. Вчера утром он вышел с букетом цветов, в надежде увидеть Нили, не имея ясного представления о том, что ей скажет, если встретится с ней. Не найдя её на месте обычных прогулок, Аллэн решил на следующее утро сделать вторую попытку встретиться с Нили с новым букетом. Все ещё не зная о возвращении своего друга, Аллэн отошёл довольно далеко от дома, продолжая поиски в той стороне парка, в которой он ещё не был.

Пройдя несколько ярдов дальше за конюшни и не найдя никаких следов Аллэна, Мидуинтер вернулся в дом и стал ждать возвращения своего друга, медленно расхаживая взад и вперёд по маленькому садику с задней стороны дома.

Время от времени он рассеянно взглядывал на окна комнаты, когда-то бывшей комнатой миссис Армадэль и которую теперь (по его настоянию) постоянно занимал её сын, — комнату со статуэткой на пьедестале и с французским окном, напоминавшую ему второе видение во сне. Тень мужчины, стоящую напротив у длинного окна, которую видел Аллэн, вид на луг и цветник, дождь, бивший в стекла,

падение статуэтки, разлетевшейся вдребезги на полу — эти предметы и события в видении, когда-то так живо встававшие в воспоминаниях, теперь все были вытеснены из его памяти последними событиями и оставили в ней лишь тусклый свет. Мидуинтер теперь мог проходить мимо этой комнаты совершенно спокойно, ни разу не подумав о лодке, сорвавшейся с привязи при лунном сиянии, и о ночи, проведённой на разбившемся корабле!

Часов в десять голос Аллена донёсся со стороны конюшен. Ещё через минуту из сада показался и он. Его новые утренние поиски мисс Нили, по всей вероятности, опять закончились неудачей. Букет, который он всё ещё держал в руках, был подарен одному из детей кучера.

Мидуинтер пошёл было к конюшням и вдруг остановился: он сознавал, что его отношение к другу уже изменилось после встречи с мисс Гуильт. И первый же взгляд на Аллена наполнил его душу внезапным недоверием к гувернантке, недовольством её влияния над ним, а это было почти недоверием к самому себе.

Он возвращался в Торп-Эмброс с намерением признаться в страсти, овладевшей им, и настоять, если будет необходимо, на втором и более продолжительном отсутствии, — такую жертву он хотел принести во имя счастья своего друга. Что теперь случилось с этим намерением? Известие об изменившемся положении мисс Гуильт и её добровольное признание в равнодушии к Аллену разметали по ветру это намерение. Первые слова, которыми он встретил своего друга — если бы ничего не случилось с ним на обратном пути домой, — уже не слетят с его губ. Мидуинтер стоял, понимая это, мучительно думая о том, как остаться честным в отношении Аллена, пытаясь в последнюю минуту освободиться от влияния мисс Гуильт.

Подарив бесполезный букет, Аллен прошёл в сад и, увидев Мидуинтера, бросился к нему с громким криком удивления и восторга.

— Наяву я вижу или во сне? — говорил он, схватив друга за обе руки. — Милый старый дружище Мидуинтер, ты выскочил из-под земли или свалился с облаков?

Пока Мидуинтер со всеми малейшими подробностями не объяснил тайну своего неожиданного появления, он не мог уговорить Аллена сказать хоть слово о самом себе. Когда же он заговорил, то

печально покачал головой и, понизив голос, осмотрелся кругом, не слышат ли его слуги.

— Я научился быть осторожным, после того как вы ушли и оставили меня, — сказал Аллэн. — Любезный друг, вы не имеете ни малейшего понятия о том, что случилось и в каком ужасном положении нахожусь я в эту минуту!

— Вы ошибаетесь, Аллэн. Я слышал о том, что случилось, больше, чем вы предполагаете.

— Как! О той ужасной каше, в которую я попал с мисс Гуильт, о ссоре с майором, о грязных сплетнях соседей? Неужели вы...

— Да, — спокойно перебил его Мидуинтер, — я слышал обо всём этом.

— Господи помилуй! Как? Разве вы останавливались в Торп-Эмброзе, возвращаясь назад? Заходили в кофейную гостиницы? Встретились с Педгифтом? Были в читальне и увидели то, что называют свободой слова в городской газете?

Мидуинтер помолчал, прежде чем ответить, и невольно посмотрел на небо. Тучи незаметно собрались над их головами, и начинали падать первые капли дождя.

— Пройдёмте сюда, — сказал Аллэн. — Отправимся завтракать отсюда.

Он повёл Мидуинтера через открытое французское окно в свою гостиную. Ветер дул с этой стороны дома, и дождь хлестал им вслед. Мидуинтер вошёл последним и запер окно. Аллэн с таким нетерпением ждал его ответа, не прозвучавшего из-за внезапного ухудшения погоды, что не мог дожидаться, когда они войдут в столовую. Он остановился у окна и задал ещё два вопроса:

— Откуда вы могли слышать обо мне и мисс Гуильт? Кто вам сказал?

— Сама мисс Гуильт, — серьёзно ответил Мидуинтер.

Лицо Аллэна помрачнело, как только имя гувернантки сорвалось с губ Мидуинтера.

— Я желал бы, чтобы вы выслушали прежде мой рассказ, — сказал он. — Где вы встретились с мисс Гуильт?

Наступило минутное молчание. Оба все ещё стояли у окна, погруженные в свои мысли; оба забыли, что хотели укрыться от дождя наверху в столовой.



— Прежде чем я отвечу на ваш вопрос, — произнёс Мидуинтер несколько принуждённо, — я желаю со своей стороны спросить вас кое о чём, Аллэн. Неужели правда, что вы стали причиной того, что мисс Гуильт оставила дом майора Мильроя?

Снова наступило молчание. Расстройство, которое испытывал Аллэн, заметно усилилось.

— Это довольно длинная история, — начал он. — Я был обманут, Мидуинтер. Меня обманула особа, которая — я не могу удержаться, чтобы этого не сказать, — которая заставила меня обещать то, чего я не должен был обещать, и сделать то, чего лучше мне не делать бы. Я не нарушаю моего обещания, рассказывая вам. На вашу скромность я положиться могу, не так ли? Вы никогда не скажете ни слова, не правда ли?

— Постойте! — возразил Мидуинтер. — Не доверяйте мне секретов, не принадлежащих вам. Если вы дали обещание, не играйте им, даже говоря с таким близким другом, как я. — Он ласково положил свою руку на плечо Аллина. — Я не могу не видеть, что немного растревожил вас, — продолжал он. — Не могу не видеть, что на мой вопрос не так легко ответить, как я надеялся и предполагал. Не подождать ли нам немножко с разговором? Не пойти ли прежде наверх и позавтракать?

Аллэн страстно желал представить всю эту историю своему другу в подлинном виде, чтобы принять предложение Мидуинтера. Он, не отходя от окна, тотчас же снова заговорил с жаром.

— Любезный друг, на этот вопрос довольно легко отвечать, только... — Он колебался. — Только это требует того, на что я не мастер, — это требует объяснения.

— Вы хотите сказать, — спросил Мидуинтер серьезнее, но так же ласково, как и прежде, — что вы должны вначале оправдаться, а потом отвечать на мой вопрос?

— Вот именно! — сказал Аллэн с облегчением. — Вы попали метко по обыкновению.

Лицо Мидуинтера в первый раз омрачилось.

— С сожалением слышу это, — сказал он.

Слова эти прозвучали глухо, произнёс он их, глядя в землю. Тем временем дождь усилился и крупные капли застучали в закрытые окна.

— Вы сожалеете! — повторил Аллэн. — Любезный друг, вы ещё не слышали подробностей; подождите, пока я объяснюсь.

— Вы не мастер на объяснения, — сказал Мидуинтер, повторяя собственные слова Аллэна. — Не ставьте самого себя в невыгодное положение, не объясняйте.

Аллэн посмотрел на него с безмолвным недоумением и удивлением.

— Вы мой друг, мой самый лучший и самый дорогой друг, — продолжал Мидуинтер. — Я не могу позволить вам оправдываться передо мною, будто я ваш судья или будто я сомневаюсь в вас. — Он опять ласково посмотрел на Аллэна. — Притом, — продолжал Мидуинтер, — думаю, что если получше пороюсь в моих воспоминаниях, то смогу упредить ваше объяснение. Мы вели разговор перед моим уходом о весьма щекотливых вопросах, которые вы намеревались задать майору Мильрою. Я помню, что предостерегал вас, помню, что имел дурные предчувствия на этот счёт. Верно ли угадаю я, если скажу, что эти вопросы некоторым образом помогли поставить вас в трудное положение? Если правда, что вы были причиной того, что мисс Гуильт оставила своё место, то также правда, что вред, причинённый вами, был нанесён неволью.

— Да, — ответил Аллэн, произнося это в первый раз несколько принуждённо. — Сказать так, значит, быть ко мне справедливым.

Он замолчал и начал рассеянно чертить пальцем линии на тусклой поверхности стекла.

— Вы не похожи на других людей, Мидуинтер, — вдруг заговорил он с усилием, — но я всё-таки желал бы, чтобы вы выслушали подробности.

— Я выслушаю, если желаете, — отвечал Мидуинтер, — но я уверен, что вы не хотели стать виновником того, что заставило мисс Гуильт оставить своё место. Если это решено между вами и мною, я думаю, что нам не нужно больше говорить. Кроме того, я должен задать другой вопрос, гораздо важнее, вопрос, который я вынужден задать после того, что я увидел собственными глазами и услышал собственными ушами вчера.

Мидуинтер остановился, явно не желая продолжать.

— Не пойти ли нам наверх? — вдруг спросил он и, стараясь выиграть время, направился к двери.

Но всё было бесполезно. Опять комната, которую они оба могли свободно оставить, комната, которую один из них два раза уже пытался оставить, держала их как бы в плену. Ничего не отвечая, даже, по-видимому, не слыша предложения Мидуинтера идти наверх, Аллэн машинально пошёл за ним в противоположную от окна сторону. Там он остановился.

— Мидуинтер! — вдруг вскрикнул он с удивлением и испугом. — Между нами происходит что-то странное; вы не похожи на себя. Что же это такое?

Взявшийся уже за ручку двери Мидуинтер обернулся и посмотрел на Аллэна. Роковая минута настала. Его опасения поступить по отношению к другу несправедливо проявлялись в неестественности речи, взглядов и поступков до того явно, что даже Аллэн это заметил. Теперь оставалось только одно: ради интересов дружбы, соединявшей их, поговорить тотчас, и поговорить решительно.

— Между нами происходит что-то странное, — повторил Аллэн. — Ради Бога, что это такое?

Мидуинтер снял свою руку с ручки двери и снова вернулся к окну; он встал невольно на то место, которое только что оставил Аллэн. Это было у той створки окна, где стояла статуэтка. Это маленькая фигурка, установленная на пьедестале, осталась как раз позади Мидуинтера по его правую руку. Никаких признаков перемены погоды к лучшему не заметно было на буром небе. Дождь все ещё хлестал прямо в стекла.

— Дайте мне вашу руку, Аллэн.

Аллэн подал руку, и Мидуинтер крепко держал её, пока говорил.

— Между нами происходит что-то странное, — начал он. — Надо исправить то, что близко касается вас и что ещё не было исправлено. Вы спрашивали меня, где я встретился с мисс Гуильт. Я встретился с нею, возвращаясь сюда, на большой дороге, на противоположной окраине города. Она умоляла меня защитить её от человека, который преследовал её и пугал. Я собственными глазами видел этого негодяя и схватил бы его, если бы меня не остановила мисс Гуильт. Она остановила меня по весьма странной причине. Мисс Гуильт сказала, что знает, кто нанял шпиона подсматривать за ней.

Щеки Аллэна покрылись румянцем; он отвернулся и посмотрел в окно на проливной дождь. В ту же минуту Мидуинтер выпустил его руку, и наступило молчание. Мидуинтер опять заговорил:

— Позднее, вечером мисс Гуильт объяснилась. Она сказала мне, что человек, который преследовал её, был наёмный шпион. Я удивился, но не мог этого оспаривать. Потом она сказала мне, Аллэн, — а я чувствую всем сердцем и всей душою, что это ложь, которую кто-то выдал за правду, — она сказала мне, что этот шпион нанят вами.

Аллэн тотчас отвернулся от окна и прямо посмотрел Мидуинтеру в лицо.

— Я должен объясниться на этот раз, — сказал он решительно.

Сильная бледность, свойственная ему в минуты сильного волнения, покрыла щеки Мидуинтера.

— Ещё объяснение? — спросил он и отступил на шаг, с внезапным страхом глядя на лицо Аллэна.

— Вы не знаете, что знаю я, Мидуинтер. Вы не знаете, что я сделал все по очень серьезной причине; мало того, я не положился только на себя — я последовал ещё доброму совету.

— Вы слышали, что я сейчас сказал? — недоверчиво спросил Мидуинтер. — Вы, наверно, не слушали меня.

— Я не пропустил ни слова, — возразил Аллэн. — Говорю вам опять: вы не знаете того, что я знаю о мисс Гуильт. Она угрожала мисс Мильрой. Мисс Мильрой в опасности, пока её гувернантка остаётся в здешних местах.

— Я ничего не хочу слышать о мисс Мильрой! — сказал он. — Не вмешивайте мисс Мильрой... Великий Боже! Аллэн, неужели я должен понять, что шпион, подсматривавший за мисс Гуильт, исполняет своё скверное ремесло с вашего одобрения?

— Раз и навсегда, любезный друг, хотите вы или нет дать мне объясниться?

— Объясниться! — вскричал Мидуинтер, и глаза его загорелись, а горячая креольская кровь бросилась в лицо. — Объяснить наем шпиона? Как! Выгнать мисс Гуильт из дома майора, вмешавшись в её семейные дела! Затем использовать самое гнусное из всех средств — наёмного шпиона! Вы заставляете подсматривать за женщиной, которую, сами же вы говорили мне, любили только две недели тому

назад, женщину, которую вы думали сделать вашей женой! Я не верю этому, я не верю этому. Или разум изменяет мне? С Аллэном ли Армадэлем говорю я? Аллэн ли Армадэль смотрит на меня?.. Пойдите! Вы действуете по какой-то ошибочной информации. Какой-то низкий человек вошёл к вам в доверие и сделал это от вашего имени, не сказав вам об этом с самого начала.

Аллэн держался с удивительной выдержкой и терпением, зная характер своего друга.

— Если вы упорно отказываетесь выслушать меня, я должен подождать, пока придёт моя очередь.

— Скажите мне, что вы не наняли этого человека, и я охотно выслушаю вас.

— Предположите, что могла быть необходимость, о которой вы ничего не знаете, нанять его.

— Я не признаю никакой необходимости для преследований беззащитной женщины.

Минутная краска раздражения — минутная, не более — покрыла лицо Аллэна.

— Вы, может быть, не считали бы её такой беззащитной, — сказал он, — если бы вы знали правду.

— И вы скажете мне правду? — спросил Мидуинтер. — Когда вы отказались выслушать её оправдание! Вы, заперевший дверь вашего дома перед нею!

Аллэн все ещё сдерживался, но терпению его приходил конец, это было очевидно.

— Я знаю, что у вас горячий характер, — сказал он, — но, несмотря на это, ваша запальчивость крайне удивляет меня. Я не могу объяснить её, разве только... — Он колебался с минуту, а потом закончил фразу со своей обычной откровенностью:

— Разве только вы сами влюблены в мисс Гуильт.

Последние слова подлили масла в огонь; они открыли правду, Аллэн угадал, главная причина участия Мидуинтера к мисс Гуильт стала ясна.

— Какое право вы имеете говорить это? — спросил Мидуинтер, повысив голос и угрожающе плядя на друга.

— Я сказал вам, — просто ответил Аллэн, — потому что недавно думал, что сам в неё влюблён... Полно, полно! Мне кажется

немножко жестоко, даже если вы влюблены в неё, верить всему, что она говорит вам, и не позволять мне сказать ни слова. Таким-то образом вы решаете отношения между нами?

— Да, таким! — закричал Мидуинтер, взбешённый вторым намёком Аллэна на мисс Гуильт. — Когда меня просят выбирать между нанимателем шпиона и жертвой шпиона, я беру сторону жертвы.

— Не испытывайте меня так жестоко, Мидуинтер, я также могу выйти из себя, как и вы.

Аллэн замолчал, стараясь взять себя в руки. Неистовая страсть, которая проступала на лице Мидуинтера и от которой более бесхитростная и более благородная натура, может быть, отступила бы с ужасом, вдруг тронула Аллэна душевной тоской, которая в эту минуту была чувством почти великим. Он подошёл к другу с увлажнившимися глазами и протянул ему руку.

— Вы только что просили меня дать вам руку, — сказал он, — и я дал вам её. Хотите вспомнить прежнее время и дать мне вашу руку, пока ещё не поздно?

— Нет! — бешено закричал Мидуинтер. — Я могу опять встретить мисс Гуильт, и мне понадобится моя рука, чтобы расправиться с вашим шпионом!

Он отступал вдоль стены по мере того, как к нему приближался Аллэн, так что пьедестал, на котором стояла статуэтка, оказался впереди, а не позади его. В безумном гневe Мидуинтер не видел ничего, кроме лица Аллэна, находившегося прямо перед ним. В безумном гневe он поднял правую руку, когда отвечал Аллэну, и грозно потряс ею в воздухе; она задела за пьедестал, и через секунду статуэтка полетела на пол и разбилась вдребезги.

Дождь все бил в стекла. Оба Армадэля стояли у окна, как две тени во втором видении сна. Аллэн наклонился над обломками статуэтки и один за другим поднял их с пола.

— Оставьте меня, — сказал он, не поднимая глаз, — или мы оба потом раскаемся.

Не говоря ни слова, Мидуинтер медленно отступил назад. Он во второй раз взялся за ручку двери и в последний раз осмотрел комнату. Ужас ночи, проведённой на разбитом корабле, снова овладел им, и пламя страсти вмиг потухло.

— Сновидение! — прошептал он, едва дыша. — Опять сновидение!

Дверь открылась, и вошёл слуга доложить, что завтрак подан. Мидуинтер взглянул на слугу с выражением отчаяния на лице.

— Выведите меня, — сказал он. — Здесь темно, и комната кружится передо мною!

Слуга взял его за руку и молча вывел из комнаты.

Когда дверь за ними затворилась, Аллэн подобрал последний обломок разбитой фигуры. Он сел у стола и закрыл лицо руками. Самообладание, которое он мужественно сохранял в самые трудные моменты разговора, теперь изменило ему. Сидя в унылом одиночестве, он испытывал горькое чувство утраты друга, восставшего против него, как и все в этой округе. Думая о случившемся, Аллэн залился слезами.

Минуты проходили одна за другой: медленно тянулось время. Мало-помалу появились признаки надвигавшейся летней грозы. Тени быстро сгущались, небо почернело. Дождь вместе с ветром прекратился. Наступила минутная тишина. Вдруг ударил ливень, сверкнула молния, и сильный раскат грома торжественно пронёсся в замирающем воздухе.

## Глава IX

# ОНА ЗНАЕТ ПРАВДУ

### 1. «От мистера Бэшуда к мисс Гуильт Торп-Эмброз, июля 20, 1851

*Милостивая государыня, я получил вчера с посланным вашу обещанную записку, в которой вы приказываете мне поддерживать с вами только письменную связь, пока есть причина полагать, что за всеми посетителями, бывающими у вас, наблюдают. Должен вам сказать, что я ожидаю с почтительным нетерпением того времени, когда опять буду наслаждаться единственным, истинным счастьем, когда-либо испытанным мною, счастьем лично обращаться к вам.*

*Исполняя ваше желание не пропустить нынешнего дня (воскресенья), не приметив, что происходит в большом доме, я взял ключи и пошёл сегодня утром в контору управителя. Я объяснил мой приход слугам, сказав им, что у меня есть дело, которое необходимо закончить в самое короткое время. Этот же самый предлог годился бы и для мистера Армадэля, если бы мы встретились, но этой встречи не случилось.*

*Хотя я пришёл в Торп-Эмброз, как мне казалось, довольно рано, я всё-таки опоздал, и не видел, и не слышал серьёзной ссоры, случившейся только что перед моим приходом между мистером Армадэлем и мистером Мидуинтером.*

*Все сведения, какие я сообщаю вам об этом деле, узнал я от одного из слуг. Этот человек сказал мне, что он слышал голоса обоих джентльменов, громко раздававшихся в гостиной мистера Армадэля. Он вскоре пошёл доложить о завтраке и нашёл мистера Мидуинтера в таком ужасном волнении, что должен был помочь ему выйти из комнаты. Слуга попытался уговорить его лечь и успокоиться. Он не*



захотел, сказав, что подождёт немного в одной из ближних комнат, и попросил оставить его одного. Только что слуга сошёл вниз, как услышал, что парадная дверь отворилась и затворилась. Он побежал назад и увидел, что мистер Мидуинтер ушёл. В то время лил дождь, и вскоре загредел гром, и блеснула молния. Конечно, ужасно выходить в такую погоду. Слуга думает, что мистер Мидуинтер несколько расстроился в уме. Искренно надеюсь, что нет. Мистер Мидуинтер один из тех немногих людей, с которыми я встречался в продолжение моей жизни, ласково обращавшийся со мной.

Услышав, что мистер Армадэль всё ещё сидит в гостиной, я пошёл в контору управителя (которая, может быть, вы помните, находится на той же стороне дома) и оставил дверь полуоткрытой, а окно открыл, надеясь увидеть и услышать всё, что могло бы случиться. Милостивая государыня, было время, когда я мог находить подобное поведение в доме моего хозяина не совсем приличным. Позвольте мне поспешить уверить вас, что теперь я совсем так не думаю. Я горжусь всяким поведением, в каком я могу быть полезен вам.

Состояние погоды казалось совершенно неблагоприятным для возобновления тех отношений между мистером Армадэлем и мисс Мильрой, которых вы ожидаете с такой уверенностью и о которых с таким нетерпением желаете получить уведомление. Однако довольно странно, что именно вследствие такой погоды я могу теперь сообщить вам те самые сведения, каких вы требуете. Мистер Армадэль и мисс Мильрой встретились час тому назад при следующих обстоятельствах.

В начале грозы я увидел, как один из конюхов выбежал из конюшни, и я услышал, как он постучался в окно комнаты его господина. Мистер Армадэль отворил окно и спросил, что ему нужно. Конюх сказал, что его послала жена кучера. Она видела из своей комнаты над конюшнями, которая выходит в парк, что мисс Мильрой совершенно одна укрылась от дождя под деревом. Так как эта часть

*парка была довольно далеко от коттеджа майора, жена кучера подумала, что, может быть, её господин желает послать и попросить барышню к нему в дом, так как она попала при начинающейся грозе в весьма опасное положение.*

*Как только мистер Армадэль выслушал конюха, он пошёл за непромокаемыми накидками и зонтиком и побежал сам, вместо того чтобы послать слуг. Через некоторое время он и конюх воротились, и между ними шла мисс Мильрой, защищаемая ими от дождя.*

*Я узнал от одной из служанок, которая провожала молодую девицу в спальню и подавала ей сухие вещи, которые ей были нужны, что мисс Мильрой потом проводили в гостиную и что мистер Армадэль находился там с нею. Единственный способ последовать вашим предписаниям и узнать, что происходило между ними, состоял в том, чтобы обойти вокруг дома под проливным дождём и забраться в оранжерею, которая открывается в гостиную, через наружную дверь. Меня не остановило ничего, милостивая государыня, чтобы оказать вам услугу; я буду мокнуть охотно каждый день, чтобы угодить вам; притом, хотя с первого взгляда я могу показаться пожилым человеком, пребывание под дождём не может иметь для меня никаких серьёзных последствий. Уверяю вас, что я не так стар, как выгляжу, и что гораздо крепче сложением, чем кажусь на вид.*

*Я не мог подойти в оранжерею так близко, чтобы видеть, что происходит в гостиной, не рискуя быть замеченным, но почти весь разговор доносился до меня, кроме тех минут, когда они понижали голоса. Вот сущность того, что я слышал.*

*Я понял, что мисс Мильрой была вынуждена против своей воли укрыться от грозы в доме мистера Армадэля. Она сказала так, по крайней мере, и ссылаясь при этом на две причины. Первая та, что её отец запретил все общения между коттеджем и большим домом. Мистер Армадэль оспаривал эту причину, объяснив, что её отец отдал это*

*приказание, потому что совсем не понимал истины дела, и умолял её не обращаться с ним так жестоко, как обращался майор. Я предполагаю, что он вступил в некоторые объяснения по этому поводу, но так как он понизил голос, я не могу сказать, в чём они состояли. Его объяснения, когда я их услышал, были сбивчивы и нестройны, однако, кажется, они были довольно понятны, чтобы убедить мисс Мильрой в том, что отец её действовал под ошибочным впечатлением от обстоятельств дела. По крайней мере, я думаю так, потому что, когда я потом услышал продолжение разговора, молодая девица перешла ко второй причине её нежелания находиться в доме — причине, состоявшей в том, что мистер Армадэль очень дурно поступил с ней и вполне заслуживал, чтобы она никогда не говорила с ним опять.*

*В этот момент Армадэль не стал защищаться. Он согласился, что поступил очень дурно; он согласился, что вполне заслуживал, чтобы она не говорила с ним теперь. В то же время он умолял её вспомнить, что уже претерпел наказание. Он находился в немилости у соседей, и его дорогой друг, его единственный, самый близкий на свете друг, в это самое утро также настроился против него, как и все. На свете нет ни одной живой души, которую он любил, которая могла бы утешить его или сказать ему дружеское слово. Он был одинок и несчастен, и сердце его жаждало доброты, и это было его единственное извинение, он просил мисс Мильрой забыть и простить прошлое.*

*Я думаю, что должен представить вам судить самой о действии, которое эти слова произвели на молодую девицу, потому что, как ни старался, я никак не мог услышать, что она ответила. Я почти уверен, что она заплакала, а мистер Армадэль умолял её не разбивать его сердце. Они много шептались, что чрезвычайно раздосадовало меня. Я испугался, когда мистер Армадэль вышел в оранжерею нарвать цветов. Он, к счастью, не дошёл до того места, где я спрятался, и вернулся в гостиную, где опять был*

*продолжен разговор (я подозреваю, что они сидели очень близко друг к другу), содержание которого, к моему величайшему сожалению, я не мог расслышать. Пожалуйста, простите меня, что я так мало могу сообщить вам. Я могу только прибавить, что, когда гроза прошла, мисс Мильрой ушла с цветами в руках, а мистер Армадэль проводил её из дома. Моё смиренное мнение состоит в том, что у него появился верный друг к концу этого свидания в лице весьма привязанной к нему молодой девушки. Вот всё, что я могу сказать теперь, за исключением ещё одного обстоятельства, о котором я слышал и о котором я стыжусь упомянуть. Но ваше слово — закон, и вы приказали мне ничего от вас не скрывать.*

*Разговор их зашёл, милостивая государыня, о вас. Мне послышалось, что мисс Мильрой произнесла слово «тварь», и я уверен, что мистер Армадэль, признаваясь, что он когда-то восхищался вами, прибавил, что обстоятельства после того показали ему «его сумасбродство». Я привожу его собственное выражение — оно заставило меня задрожать от негодования. Если мне позволено будет сказать, то я скажу, что мужчина, восхищающийся мисс Гуильт, живёт в раю. Уважение, если нет ничего другого, должно было бы замкнуть уста мистера Армадэля. Я знаю, что мистер Армадэль мой хозяин, но после того, как он назвал сумасбродством свой восторг к вам (хотя я временно занимаю место его управителя), я презираю его.*

*Надеюсь, что я имел счастье удовлетворительно исполнить ваше приказание, и, горячо желая заслужить ваше постоянное доверие, я остаюсь, милостивая государыня, ваш признательный и преданный слуга*

*Феликс Бэшуд».*

**2. «От миссис Ольдершо к мисс Гуилын Улица Диана, понедельник,  
21 июля**

*Любезная Лидия, я беспокою вас несколькими строками, они написаны под влиянием чувства долга относительно меня самой, а в нашем сегодняшнем положении и относительно друг друга.*

*Я совсем недовольна тоном ваших двух последних писем и ещё менее довольна тем, что вы оставили меня сегодня утром без всякого письма, когда мы условились при столь сомнительном положении наших дел в том, что я буду получать от вас письма каждый день. Я могу только истолковать ваше поведение однозначно, я могу только сделать заключение, что дела в Торп-Эмброзе, плохо управляемые, пошли дурно.*

*Настоящая цель моего письма не упрекать вас, зачем я буду тратить понапрасну время, слова и бумагу, я только желаю напомнить вам некоторые соображения, которые вы, кажется, собираетесь забыть. Напомнить вам их самыми простыми словами? Да, я напомню, потому что при всех моих недостатках я олицетворённая откровенность.*

*Во-первых, я получу те же выгоды, что и вы, если станете миссис Армадэль Торп-Эмбросской; во-вторых, снабдила вас (не говоря о хороших советах) деньгами, необходимыми для достижения нашей цели; в-третьих, я имею ваши расписки за каждый фартинг, данный мною вам займы; в-четвёртых, и в последних, хотя я снисходительна к ошибкам как друг, но как деловая женщина, моя милая, я не позволю шутить с собою. Вот все, Лидия, по крайней мере теперь.*

*Пожалуйста, не думайте, что я пишу в гневе, я только огорчена и обескуражена. Если бы у меня были крылья голубки, я прилетела бы к вам и успокоилась.*

*Любящая вас Мария Ольдершо».*

**3. «От мистера Бэшуда к мисс Гуилып Торп-Эмброс, 21 июля**

*Милостивая государыня, вы, вероятно, прочтёте эти строки через несколько часов после того, как получите моё вчерашнее письмо, отправленное вечером, а это посылаю до полудня сегодня.*

*Настоящая цель этого письма — сообщить вам новое известие из большого дома. С невыразимой радостью сообщаю вам, что неблагородное вмешательство мистера Армадэля в ваши частные дела кончилось. Подсматривание за вами прекращается сегодня. Я пишу, милостивая государыня, со слезами на глазах — со слезами радости, вызванными чувствами, которые я осмелился выразить в моём первом письме (первый параграф в конце). Простите мне этот личный намёк. Я могу говорить с вами (я не знаю почему) гораздо свободнее пером, чем языком.*

*Позвольте мне успокоиться и продолжать рассказ.*

*Я только что пришёл в контору управителя сегодня утром, когда следом за мною приехал мистер Педгифт-старший, который тотчас направился в большой дом, где ему, видимо, была назначена встреча с мистером Армадэлем. Не нужно и говорить, что я тотчас оставил все дела, какими должен был заняться, чувствуя, что речь может идти о ваших интересах. Весьма приятно прибавить также, что на этот раз обстоятельства благоприятствовали мне. Я мог встать под окном и слышать весь разговор.*

*Мистер Армадэль объяснился тотчас в самых ясных выражениях. Он приказал, чтобы шпион, нанятый подсматривать за вами, тотчас был отпущен. Когда Педгифт-старший попросил его объяснить эту внезапную перемену, мистер Армадэль не скрыл, что она была следствием того, что произошло между мистером Мидуинтером и им накануне. Слова мистера Мидуинтера, как бы они ни были жестоки и несправедливы, тем не менее убедили его, что никакая необходимость не может извинить поступка такого низкого, как использование шпиона, и по этому убеждению он теперь решился так поступить.*

*Если бы не ваши конкретные приказания не скрывать ничего, что происходит здесь и относится к вам, мне, право, было бы стыдно передать, что мистер Педгифт сказал со своей стороны. Я знаю, что он благородно поступил со мною. Но если бы он был мой родной брат, я не мог бы простить ему тона, каким он говорил о вас, и упорства, с каким старался заставить мистера Армадэля переменить его намерения.*

*Он начал с нападок на мистера Мидуинтера. Он объявил, что мнению мистера Мидуинтера нельзя было следовать, потому что было совершенно ясно, что вы, милостивая государыня, вертели им, как хотели. Не произведя никакого впечатления своим грубым намёком (которому никто, знающий вас, ни на минуту не может поверить), мистер Педгифт заговорил о мисс Мильрой и спросил мистера Армадэля, отказался ли он от намерения защищать её. Что это значит, я придумать не могу; я могу только передать это для ваших собственных соображений. Мистер Армадэль коротко ответил, что он имеет свой собственный план защищать мисс Мильрой и что обстоятельства переменялись в этом вопросе, или что-то в этом роде. Мистер Педгифт все настаивал; он продолжал (стыжусь упоминать) переходить от худого к худшему. Он старался убедить мистера Армадэля подать просьбу в суд на тех соседей, кто более других осуждали его поведение, с целью — я право не знаю, как это написать — заставить вас явиться свидетельницей в суде. Ещё хуже, когда мистер Армадэль сказал «нет». Мистер Педгифт, который, как я предположил по звуку его голоса, готов был выйти из комнаты, тотчас воротился и предложил послать за лондонским сыщиком только для того, чтобы взглянуть на вас.*

*«Вся эта тайна о настоящей репутации мисс Гуильт, — сказал он, — может разъясниться с установлением её личности. Выписать сюда сыщика из Лондона не будет стоить очень дорого, а постараться*

узнать, известна она или нет в главной полиции, стоит того».

Я опять уверяю вас, милостивейшая государыня, что я повторяю только эти гнусные слова из чувства обязанности к вам. Я дрожал, уверяю вас, я дрожал с головы до ног, когда слышал их.

Продолжаю, потому что я должен сказать вам ещё кое-что.

Мистер Армадэль (к его чести — я этого не опровергаю, хотя не люблю его) все говорил «нет». Его, как мне казалось, раздражала настойчивость мистера Педгифта, и он сказал довольно сердито: «Вы убедили меня в последний раз, когда мы говорили об этом, сделать то, чего я искренне стыдился потом. Вам не удастся, мистер Педгифт, убедить меня во второй раз».

Это его слова. Мистер Педгифт как будто обиделся.

«Если вы таким образом принимаете мои советы, сэра, — сказал он, — чем менее вы будете выслушивать их впредь, тем лучше. Ваша репутация и ваше положение публично задеты в этом деле между вами и мисс Гуильт, и вы настаиваете в самую критическую минуту поступить по-своему, что, по-моему, кончится дурно. После того что я уже предпринял в этом серьёзном деле, я не могу согласиться продолжать действовать со связанными руками и не могу бросить дело с честью для себя, когда все знают, что я ваш стряпчий. Вы не оставляете мне другого, выбора, сэра, кроме как отказаться от чести быть вашим поверенным в делах».

«Мне жаль это слышать, — сказал мистер Армадэль, — но я уже слишком пострадал за то, что вмешивался в дела мисс Гуильт. Я не могу и не хочу участвовать более в этом деле».

«Вы можете не участвовать больше, сэра, — сказал мистер Педгифт, — и я не буду больше действовать, потому что это дело перестало иметь для меня деловой интерес. Но помяните моё слово, мистер Армадэль, вы ещё не покончили с этим делом. Интерес к нему может



*возникнуть у кого-нибудь другого и он может продолжать расследование с того пункта, на котором вы и я остановились, и чья-нибудь другая рука может пролить свет на личность мисс Гуильт».*

*Я передаю их разговор, милостивая государыня, почти слово в слово, как мне кажется. Он произвёл на меня невыразимое впечатление: он наполнил меня — я сам не знаю почему — совершенно паническим страхом. Я совсем не понимаю этого и ещё менее понимаю то, что случилось немедленно после этого.*

*Голос мистера Педгифта, когда он произнёс эти последние слова, раздался ужасно близко ко мне. Он, должно быть, говорил у открытого окна, и я боюсь, что он, возможно, видел меня под окном. Я успел, прежде чем он вышел из дома, спокойно выйти из лавровых кустов, но не воротился в контору. Я пошёл по дорожке к домику привратника, как будто иду по какому-нибудь конторскому делу.*

*Мистер Педгифт скоро догнал меня в гиге и остановился.*

*«Так вы любопытствуете насчёт мисс Гуильт, — сказал он. — Удовлетворяйте ваше любопытство — я этому не препятствую».*

*Я натурально встревожился, но спросил его, что он хочет сказать. Он не отвечал, он только посмотрел на меня из гига очень странно и засмеялся.*

*«Мне случалось видеть вещи даже чуднее этого», — сказал он вдруг сам себе и уехал.*

*Я осмелился беспокоить вас рассказом об этом последнем происшествии — хотя оно, может быть, покажется вам вовсе не важным — в надежде, что ваш высокий ум будет в состоянии объяснить его. Мои бедные умственные способности, признаюсь, никак не позволяют понять, что хотел сказать мистер Педгифт. Я знаю только то, что он не имел права обвинить меня в таком непочтительном чувстве, как любопытство относительно дамы, к которой я питаю огромное уважение и которой*

*восхищаюсь. Не смею выразиться в более пламенных выражениях.*

*Мне остаётся только прибавить, что моё положение здесь позволяет постоянно служить вам, если вы желаете. Мистер Армадэль только что приходил в контору и сказал мне коротко, что в отсутствие мистера Мидуинтера я всё ещё должен пока занимать его должность. Остаюсь, милостивая государыня, искренно преданный вам*

*Феликс Бэшуд».*

#### **4. «От Аллена Армадэля к Дециму су Броку Торп-Эмброс, вторник**

*Любезный мистер Брок, у меня большие неприятности. Мидуинтер поссорился со мною и оставил меня; мой стряпчий поссорился со мною и оставил меня; и (кроме милой мисс Мильрой, которая простила меня) все соседи повернулись ко мне спиной. Я очень несчастен и одинок в моём собственном доме. Пожалуйста, приезжайте ко мне. Вы единственный друг, оставшийся у меня, и мне так хочется все рассказать вам. N. V. — Честное слово джентльмена: я не виноват.*

*Любящий вас Аллен Армадэль*

*P. S. Я приехал бы к вам (потому что это место совершенно опротивело мне), но у меня есть причина не уезжать далеко от мисс Мильрой именно теперь».*

#### **5. «От Роберта Степльтона к Аллену Армадэлю Боскомбский пасторат, четверг утром**

*Многоуважаемый сэр, на столе вместе с другими письмами я вижу письмо и узнаю ваш почерк. Эту корреспонденцию, с сожалением должен сообщить, мой господин не может распечатать сам, потому что он нездоров. Он лежит с жаром и ознобом в лихорадке.*

*Доктор говорит, что эта болезнь является следствием от переутомления и тревог, которые барин мой уже не имел сил перенести. Это кажется вероятным, потому что я был с ним, когда он ездил в Лондон в прошлом месяце, и его собственное дело и забота следить за особой, которая впоследствии ускользнула от нас, утомляли и тревожили его всё время так же, как и меня.*

*Барин мой говорил о вас дня два тому назад. Ему, по-видимому, не хотелось, чтобы вы знали о его болезни, если ему не станет хуже. Но я думаю, что вы должны узнать. Ему не хуже — может быть, крошечку лучше. Доктор говорит, что больного нужно окружить абсолютным покоем и ни в коем случае не волновать. Поэтому, пожалуйста, не обращайтесь внимания на наши дела, то есть не приезжайте пока в пасторат. Доктор приказал мне передать, что в этом нет никакой необходимости, что ваш приезд только расстроит моего господина в его настоящем положении.*

*Я опять буду писать к вам, если вы желаете. Прошу принять уверение в моём искреннем почтении и остаюсь ваш покорнейший слуга Роберт Степльтон.*

*P. S. Яхта оснащена и выкрашена; ждёт ваших приказаний. Она чудо как красива!»*

#### **6. «От миссис Ольдершо к мисс Гуилът Улица Диана, июля 24**

*Мисс Гуилът, час доставки почты прошёл три утра подряд, и почтальон не принёс ответа на моё письмо. Или вы с намерением оскорбляете меня, или вы оставили Торп-Эмброс? В том и другом случае я не намерена далее переносить ваше поведение. Закон принудит вас заплатить, если я не смогу.*

*Вашей первой расписки (в тридцать фунтов) срок в следующий четверг, 29. Если бы вы поступали с уважением ко мне, я продлила бы эту расписку с удовольствием. Теперь же представляю её ко взысканию; а если она не будет*

*оплачена, я поручу моему поверенному поступить надлежащим образом.*

*Ваша Мария Ольдершо».*

**7. «От мисс Гуильт к миссис Ольдершо Райская площадь, Торп-Эмброз, июля 25**

*Миссис Ольдершо, так как, вероятно, время вашего поверенного чего-нибудь да стоит, я пишу, чтобы помочь ему, когда он будет поступать надлежащим образом. Он найдёт меня, ожидающую ареста, в первом этаже дома под вышеозначенным адресом. В моём настоящем положении, с моими теперешними мыслями самая лучшая услуга, какую вы можете оказать мне, это — запретить меня в тюрьму.*

*Л. Г.».*

**8. «От миссис Ольдершо к мисс Гуильт Улица Диана, 26 июля**

*Моя возлюбленная Лидия, чем дольше я живу в этом нечестивом свете, тем яснее вижу, что собственный характер женщин самый худший враг, с каким им приходится бороться. Какую печальную корреспонденцию завели мы! Какой большой недостаток самообладания, моя милая, с вашей стороны и с моей!*

*Позвольте мне, как старшей по годам, первой принести необходимые извинения, первой покраснеть за недостаток самообладания. Ваше жестокое пренебрежение, Лидия, заставило меня написать то письмо. Я так чувствительна к дурному обращению особы, которую я люблю и которой восхищаюсь, и, хотя мне минуло шестьдесят, я всё ещё (к несчастью, для себя) молода сердцем. Примите мои извинения за то, что я взялась за перо, тогда как мне*

*следовало прибегнуть к моему носовому платку. Простите вашей преданной Марии и то, что она ещё молода сердцем!*

*Но, милая моя, — хотя, признаюсь, я вам угрожала, — как жестоко с вашей стороны воспользоваться моими словами! Как жестоко с вашей стороны, если бы даже ваш долг был в десять раз больше, считать меня способной (чтобы я ни говорила) гнусно, бесчеловечно арестовать моего задушевного друга! Боже! Заслужила ли я, чтобы воспользовались моим словом таким безжалостным образом после стольких лет нежной дружбы, соединявшей нас? Но я не жалею, я только оплакиваю брэнность нашей общей человеческой природы. Будем ожидать так мало друг от друга, как только возможно, милая моя; мы обе женщины, и не от нас зависит это переменить. Когда я размышляю о происхождении нашего несчастного пола, я удивляюсь нашим добродетелям и нисколько не удивляюсь нашим недостаткам.*

*Я немножко забылась, я запуталась в серьёзных мыслях. Одно последнее слово, моя дорогая, которое вызвано желанием получить ответ на это письмо, происходит только от моего желания иметь от вас известие снова в вашем прежнем дружеском тоне и нисколько не относится к любопытству узнать, что вы делаете в Торп-Эмброзе, кроме такого любопытства, какое вы сами можете одобрить. Нужно ли мне прибавлять, что я прошу вас, как милости для меня, возобновить на обыкновенных условиях. Я говорю о расписке, которой наступает срок в следующий вторник, и осмеливаюсь предложить продлить её ещё на шесть недель.*

*Ваша с истинно материнскими чувствами*

*Мария Ольдершо».*

*Я только что получила ваше последнее письмо. Бесстыдная дерзость его оживила меня. Разве можно обращаться со мною как с ребёнком? Можно сначала грозить, а потом, если угрозы не помогают, прибегать к ласке? Ласкайте же меня; вы узнаете, мой материнский друг, с каким ребёнком вы имеете дело.*

*У меня была причина, миссис Ольдершо, к молчанию, которое так серьёзно оскорбило вас. Я боялась — да, действительно боялась поверить вам тайну моих мыслей. Эта болезнь не волнует меня теперь. Сегодня утром моё единственное желание состоит в том, чтобы вполне отблагодарить вас за те выражения, в каких вы писали ко мне. После некоторого раздумья я решила, что хуже ничего не могу вам сделать, как рассказать то, что вы горите нетерпением знать. Вот я сижу у моего письменного прибора с намерением все рассказать вам. Вы услышите, что случилось в Торп-Эмброзе. Вы поймёте мои мысли так ясно, как я понимаю их сама. Если вы не раскаетесь горько, когда прочтёте до конца это письмо, в том, что отступили от своего решения и не заперли меня в тюрьму, чтобы я не наделала вреда, когда представился на это случай, моё имя не Лидия Гуильт.*

*На чём остановилась я в последнем письме, не помню, да и не думаю об этом. Разбирайтесь, как сможете, я возвращаюсь к событиям, происшедшим не далее как неделю назад, то есть к прошлому воскресенью.*

*Утром была гроза, к полудню небо стало проясняться. Я не выходила: ждала Мидуинтера или письма от него. Вы удивляетесь, что я не пишу «мистер» перед его именем? Мы стали так близки, моя милая, что писать «мистер» было бы совершенно неуместно. Он расстался со мной накануне при весьма интересных обстоятельствах. Я сказала ему, что друг его, Армадэль, преследовал меня с помощью наёмного шпиона. Он не хотел этому верить и пошёл прямо в Торп-Эмброс выяснить это. Я позволила ему поцеловать руку, когда он уходил. Мидуинтер обещал прийти на другой день (в воскресенье). Я чувствовала, что*

*приобрела над ним влияние и была уверена, что он сдержит слово.*

*Ну, гроза прошла, как я уже сказала; небо прояснилось; народ шёл в праздничных платьях; я сидела и мечтала у своего жалкого фортепьяно, взятого напрокат, мило одетая и очень авантажная, а Мидуинтер все не появлялся. Было уже поздно; когда я начала терять терпение, мне принесли письмо. Оно было оставлено каким-то незнакомым человеком, который немедленно ушёл. Я посмотрела на письмо: наконец Мидуинтер — письменно, а не лично. Я начала сердиться больше прежнего, потому что, как я вам писала, я думала, что использую моё влияние над ним с большей пользой. Однако письмо направило мои мысли по новому направлению. Оно удивило, заинтересовало, привело меня в недоумение. Я думала, думала, думала о нём целый день.*

*Он начинал письмо тем, что просил у меня прощения за то, что сомневался в сказанном мною. Мистер Армадэль сам всё это подтвердил. Они поссорились, как я предвидела. Он и Армадэль, который когда-то был самым дорогим его другом на земле, расстались навсегда. До сих пор я не удивлялась. Меня забавляло, что он писал так безрассудно о том, что он и его друг расстались навсегда, и спрашивала себя, что он подумает, когда я приведу в действие мой план и проберусь в большой дом под предлогом примирить их?*

*Но вторая часть письма заставила меня призадуматься. Вот она, привожу его собственные слова:*

*«Только после борьбы с самим собой (и никакими словами не могу выразить, как тяжела была эта борьба) решил я написать, а не говорить с вами. Жестокая необходимость требует изменений в моей будущей жизни. Я должен оставить Торп-Эмброс, я должен оставить Англию, не колеблясь, не оглядываясь назад. Есть причины, страшные причины, с которыми я безрассудно шутил для того, чтобы мистер Армадэль никогда не видел меня и не слышал обо мне опять после того, что случилось между нами. Я должен ехать, никогда более не жить под одной*

кровлей, никогда более не дышать одним воздухом с этим человеком. Я должен скрыться от него под чужим именем; я должен поставить горы и моря между нами. Меня предупреждали так, как никогда и никто не предупреждал человека. Я верю — я не смею сказать вам почему, — я верю, что если очарование, которое пленило меня, привлечёт снова к вам, то это будет иметь гибельные последствия для человека, чья жизнь так странно соединена с вашей и моей жизнью, для человека, который когда-то был вашим обожателем и моим другом. Я борюсь с этим, как человек борется с силой своего отчаяния. Час назад я подходил близко, чтобы видеть дом, где вы живёте, и принудил себя уйти, чтобы не видеть его. Могу ли я принудить себя уехать теперь, когда письмо моё написано, — теперь, когда бесполезное признание вырвалось у меня и я открылся, что люблю вас первой и последней любовью? Пусть время ответит на этот вопрос, я не смею писать или думать об этом более».

Это были последние слова. Таким странным образом кончалось письмо.

Я почувствовала лихорадочное любопытство узнать, что он хотел сказать. Разумеется, довольно легко было понять, что он любит меня. Но что он хотел сказать словами, что его предостерегали? Почему он никогда не должен жить под одной кровлей, не дышать одним воздухом с молодым Армадэлем? Какая ссора могла принудить одного человека скрываться от другого под чужим именем и поставить моря и горы между ними? А более всего, если бы он вернулся и позволил мне очаровать его, почему это могло быть гибелью для ненавистного олуха, который обладает большим богатством и живёт в большом доме?

Я никогда в своей жизни не горела таким желанием, каким горела теперь, чтобы увидеть его и задать эти вопросы. Я стала совершенно суеверной насчёт этого, по мере того как день проходил. Мне подали к обеду сладкий хлеб и вишнёвый пудинг. Я начала гадать, вернётся ли он,



косточками на блюде! Вернётся — нет; вернётся — нет, и так далее. Кончилось «нет». Я позвонила в колокольчик и велела убрать со стола. Я неистово противоречила судьбе. Я сказала: «Он вернётся». И ждала его.

Вы не знаете, какое для меня удовольствие сообщить вам все эти маленькие подробности. Читайте, мой задушевный друг, моя вторая мать, считайте деньги, которые вы дали мне взаймы в надежде, что я сделаюсь миссис Армадэль, а потом возмутитесь, зачем я принимаю такое горячее участие к другому мужчине. О, миссис Ольдершо, какое я нахожу наслаждение раздражать вас!

День клонился к вечеру. Я опять позвонила и послала взять расписание железных дорог. С какими поездами может он уехать в воскресенье? Национальное уважение к воскресенью удружило мне. Был только один поезд, который отправился за несколько часов перед тем, как он написал ко мне. Я пошла посмотреть в зеркало. Оно сделало мне комплимент, противореча гаданью вишнёвыми косточками. Зеркало моё говорило: «Спрячься за оконную занавеску, он не пропустит длинного одинокого вечера, не вернувшись опять взглянуть на этот дом». Я спряталась за занавеску и ждала с его письмом в руке.

Печальный воскресный свет померк, и унылая воскресная тишина воцарилась на улице. Настали сумерки, и я услышала шаги, раздавшиеся в тишине. Сердце моё забилося — только подумайте о том, что у меня ещё оставалось сердце! Я сказала себе: «Мидуинтер!» И это был Мидуинтер.

Он шёл медленно, останавливаясь через каждые три шага. Безобразное маленькое окно моей гостиной как будто манило его против воли. Подождав, пока он остановился несколько поодаль от дома, но все в виду моего окна, я оделась и вышла чёрным ходом в сад. Хозяин и его семья сидели за ужином, и никто меня не видел. Я отворила дверь и прошла через переулок на улицу. В эту трудную минуту я вдруг вспомнила, что забыла прежде: шпиона,

*подстерегающего меня, который, без сомнения, ждал где-нибудь недалеко от дома.*

*Было необходимо иметь время подумать, и было невозможно (в состоянии души моей) позволить Мидуинтеру уйти, не поговорив с ним. В таком затруднении решаешь почти тотчас, если решаешься. Я решилась назначить с ним свидание на следующий вечер и продумать за это время, как устроить это свидание так, чтобы оно могло пройти без наблюдения. Я чувствовала, что любопытство будет мучить меня целые сутки, но какой другой выбор имела я? Условиться с Мидуинтером о секретном свидании в присутствии шпиона Армадэля значило отказаться совершенно от возможности стать владельницей Торп-Эмброза.*

*Найдя старое ваше письмо в моём кармане, я вернулась в переулок и написала на чистом листе крошечным карандашом, висевшим на моей часовой цепочке: «Я должна и хочу говорить с вами. Сегодня это невозможно, но будьте на улице завтра в это время, а потом оставьте меня навсегда, если хотите. Когда вы прочтёте, догоните меня и скажите, пройдя мимо, не останавливаясь и не оглядываясь: „Да, я обещаю“.*

*Я сложила бумагу и внезапно подошла к нему сзади. Он вздрогнул и обернулся. Я сунула записку ему в руку, пожала её и прошла дальше. Не успела я сделать и десяти шагов, как услышала, что он идёт сзади. Я видела, как его большие чёрные глаза, блестящие в сумерках, пожирала меня с головы до ног; но во всём другом он сделал так, как я ему сказала.*

*«Я не могу отказать вам ни в чём, — шепнул он, — я обещаю». Он прошёл и оставил меня. Я не могла не подумать, как этот олух Армадэль испортил бы все на его месте.*

*Я всю ночь старалась придумать способ сделать наше свидание на следующий вечер неприметным, и старалась напрасно. Даже утром я начала чувствовать, что письмо*

*Мидуинтера каким-то непонятным образом привело меня в оупление.*

*В понедельник утром стало ещё хуже. Пришло известие от моего верного союзника, мистера Бэшуда, что мисс Мильрой и Армадэль встретились и опять сделали друзьями. Можете себе представить, в каком я была положении! Часа два спустя получила ещё письмо от мистера Бэшуда — на этот раз с добрыми известиями. Вредный идиот в Торп-Эмброзе проявил, наконец, достаточно здравого смысла, чтобы устыдиться самого себя. Он решился отказать шпиону в этот же самый день и вследствие этого поссорился со своим стряпчим.*

*Таким образом препятствие было от меня удалено. Нечего было более тревожиться насчёт свидания с Мидуинтером, и было достаточно времени сообразить, как мне поступить теперь, когда мисс Мильрой и её драгоценный пастушок опять сошлись. Поверите ли вы, письмо или сам его автор — не знаю что — так овладели мною, что, как ни старалась, я не могла думать ни о чём другом. И это в то время, когда имелись причины бояться, что мисс Мильрой находится на пути перемены своего имени на имя Армадэля, и когда я знала, что мой долг ей ещё не заплачен.*

*Был когда подобный развратный образ мыслей, не могу этого объяснить; не можете ли вы?*

*Наконец настали сумерки. Я выглянула из окна — он был тут!*

*Я тотчас вышла к нему; мои хозяева, как прежде, были слишком погружены в еду и питьё, чтобы примечать что-нибудь другое.*

*«Нас не должны видеть здесь, — шепнула я. — Я пойду первая, а вы за мной».*

*Он ничего не сказал в ответ. Что происходило в его душе, я не могла угадать, но, придя на свидание, он как будто готов был возвратиться назад.*

*«Вы как будто боитесь меня», — сказала я.*

*«Я вас боюсь, — отвечал он, — и вас и себя».*

*Это было невежливо; это было нелестно, но я испытывала такое неистовое любопытство в этот раз, что, если бы он был ещё грубее, я не обратила бы на это внимания. Я сделала несколько шагов к новым зданиям, остановилась и оглянулась на него.*

*«Разве я должна просить вас об этом как о милости, — сказала я, — после того, как вы дали мне обещание и после такого письма, какое вы написали мне?»*

*Что-то вдруг изменило его; он в одно мгновение был возле меня: «Извините меня, мисс Гуильт, ведите меня, куда вам угодно».*

*После этого ответа он отступил немного назад, и я слышала, как он сказал себе: «Что должно быть, то будет. Что я могу тут сделать и что может она?»*

*Едва ли слова (я их не поняла), а должно быть, тон, которым он произнёс их, мгновенно заставил меня почувствовать страх. Я была почти готова, не имея малейшей причины для этого, проститься с ним и уйти. Это чувство страха было несвойственно мне, скажете вы. Действительно так. Оно продолжалось не более одного мгновения. Ваша возлюбленная Лидия скоро образумилась.*

*Я пошла к неоконченным коттеджам, потом за город. Мне было бы гораздо более по вкусу повести его в дом и говорить с ним при свечах, но я уже раз рисковала; а в этом местечке, изобилующем сплетнями, и в моём критическом положении я боялась рисковать. О саде тоже нельзя было думать, потому что хозяин курит там трубку после ужина. Ничего больше не оставалось, как вывести его из города.*

*Время от времени я оглядывалась: он все шёл на одном расстоянии, как призрак, молча следовавший за мною.*

*Я должна перестать писать письмо на некоторое время. Церковные колокола начали трезвонить, и этот шум сводит меня с ума. В наши дни, когда у всех есть часы, зачем колокола напоминают нам, когда начинается служба?*

*Наконец закончился трезвон, и я могу продолжать.*

*Я испытывала некоторое сомнение, думая, куда его отвести. Большая дорога была с одной стороны, но хотя она казалась пустой, кто-нибудь мог пройти по ней, когда мы менее всего этого ожидали. Другая дорога шла через рощу. Я повела его в рощу.*

*На опушке рощи, среди деревьев, была яма, в которой лежали упавшие стволы, а за ямой небольшая лужа, поблёскивающая в сумерках. Обширные пастбища расстилались на дальнем берегу реки, над ними сгущался туман, из которого выходили большие стада коров, медленно возвращавшихся домой.*

*«Подите сюда, — сказала я тихо, — и сядьте возле меня здесь».*

*Зачем я вдаюсь в такие подробности обо всём этом, я сама не знаю. Это место произвело на меня непонятно сильное впечатление, и я не могла не описать его. Если я дурно кончу, — скажем, например, на эшафоте, — я думаю, что последнее, что увижу, прежде чем палач дёрнет за верёвку, будет маленькая блестящая лужа и обширные туманные пастбища и коровы, возвращающиеся домой в сгущающейся темноте. Не пугайтесь, достойное создание! Моё воображение иногда выделяет со мною странные штуки, а в этой части моего письма, наверное, есть ещё остатки лаудана<sup>[4]</sup>, который я принимала в прошлую ночь.*

*Он подошёл — странно и тихо, как лунатик, — подошёл и сел возле меня. Или ночь была очень душна, или я была в лихорадке, только я не могла не снять с головы шляпку, не могла не стянуть с рук перчаток. Необходимость взглянуть на него и понять, что значит его странное молчание, и невозможность сделать это в темноте взвинтили мои нервы до того, что я чуть было не вскрикнула. Я взяла его за руку, подумав, не поможет ли это мне. Рука его горела и тотчас же сжала мою руку. О молчании после этого нельзя было и думать. Единственный безопасный способ состоял в том, чтобы тотчас же начать говорить с ним.*

## Глава 1

*«Не презирайте меня, — сказала я. — Я была принуждена привести вас к этому уединённому месту; я лишусь репутации, если нас увидят вместе».*

*Я немного подождала. Его рука опять предостерегла меня не затягивать молчания. Я решилась заставить его говорить на этот раз.*

*«Вы заинтересовали и напугали меня, — продолжала я. — Вы написали мне очень странное письмо. Я должна знать, что это значит».*

*«Поздно спрашивать. Вы выбрали дорогу, и я выбрал дорогу, с которой уже нельзя вернуться назад».*

*Он дал этот странный ответ тоном совершенно для меня новым, таким, который растревожил меня ещё более, чем его молчание.*

*«Слишком поздно! — повторил он. — Слишком поздно! Теперь остаётся только задать мне один вопрос».*

*«Какой?»*

*Когда я спросила это, внезапный трепет передался из его руки в мою и слишком поздно показал, что мне лучше было бы молчать. Прежде чем я успела отодвинуться, прежде чем я успела подумать, Мидуинтер обнял меня.*

*«Спросите меня, люблю ли я вас», — прошептал он.*

*В эту самую минуту голова его упала на мою грудь и какая-то невыразимая мука, терзавшая его, вырвалась наружу, как это бывает с нами, в рыданиях и слезах.*

*Моё первое впечатление было самое дурацкое. Я была готова выразить бурно протест и защищаться самым решительным образом. К счастью или к несчастью, я, право, не знаю, я утратила чувствительность юности и сдержалась, не оттолкнула его руками, и готовые сорваться слова протеста замерли на моих губах. О Боже! Какой старой чувствовала я себя, когда он рыдал на груди моей! Как я жалела о том времени, когда он мог бы*

пользоваться моей любовью! А теперь он обладал только моей талией.

Желала бы я знать, печалилась ли я о нём? Впрочем, это всё равно. По крайней мере, рука моя легла на его голову, и пальцы мои нежно стали перебирать его волосы. Страшные воспоминания о прошлом вернулись ко мне и заставили затрепетать, когда я коснулась его волос, однако я продолжала их перебирать. Какие дуры женщины!

«Не стану упрекать вас, — произнесла я кротко. — Не скажу, что вы злоупотребляете моим расположением. Вы страшно взволнованы, я дам вам время подождать и успокоиться».

Зайдя так далеко, я постаралась сообразить, какие придумать к нему вопросы, которые я горела нетерпением задать, но была слишком смущена, я полагаю, или, может быть, слишком нетерпелива, чтобы сообразить. Я высказала то, что занимало главное место в моих мыслях, в словах, ранее пришедших мне на ум.

«Я не верю, чтобы вы меня любили, — сказала я. — Вы пишете мне странные вещи, вы пугаете меня таинственными намёками. Что вы хотели сказать в вашем письме словами: „...что для мистера Армадэля будет гибелью, если вы вернётесь ко мне“? Какая опасность может быть в этом для мистера Армадэля?..»

Прежде чем я успела закончить этот вопрос, он вдруг поднял голову и отнял от меня руки. Я, по-видимому, коснулась какого-нибудь тягостного предмета, который привёл его в чувство. Не я отступала от него, а он отступал от меня. Я обиделась, сама не знаю почему, но обиделась и поблагодарила его с самой горькой выразительностью за то, что он вспомнил, наконец, об уважении, которое я заслуживаю!

«Вы верите сновидениям? — вдруг спросил он очень странно и резко, не обращая внимания на то, что я ему сказала. — Скажите мне, — продолжал он, не давая мне времени ответить, — имели вы или ваши родственники какие-нибудь сношения с отцом или матерью Армадэля?»

*Были вы или кто-нибудь из ваших родных на острове Мадере?»*

*Поймите моё удивление, если можете. Холод пробежал по моим членам. Очевидно, он знал тайну того, что случилось, когда я находилась в услужении у миссис Армадэль на Мадере, по всей вероятности, прежде чем он родился! Это было довольно удивительно само по себе. И он, очевидно, имел свои причины соединять меня с этими происшествиями — это было ещё удивительнее.*

*«Нет, — сказала я, как только смогла решиться заговорить. — Я ничего не знаю о его отце и матери».*

*«И ничего об острове Мадере?»*

*«Ничего об острове Мадере».*

*Он отвернулся и начал говорить сам с собой.*

*«Странно! Так, как я стоял на месте тени у окна, она стояла на месте тени у пруда!»*

*При других обстоятельствах его странное поведение могло бы испугать меня; но после вопроса о Мадере мной овладел такой сильный страх, который несравним с обыкновенным испугом. Не думаю, чтобы насчёт чего-нибудь другого в моей жизни я имела такое твёрдое намерение, как теперь насчёт того, чтобы выведать, как он узнал об этом и кто он таков. Для меня было ясно, что я возбудила в нём какое-то тайное чувство моим вопросом об Армадэле, чувство, которое было так же сильно в своём роде, как его чувство ко мне. Куда девалось моё влияние на него? Я не могла понять, куда оно девалось, но должна была и стала действовать так, чтобы заставить его почувствовать это влияние опять.*

*«Не обращайтесь со мною жестоко, — сказала я. — Я не хотела обидеть вас. О, мистер Мидуинтер! Здесь так пустынно, так темно, не пугайте меня!»*

*«Не пугать вас?»*

*В одно мгновение он был опять возле меня.*

*«Не пугать вас?»*

*Он повторил эти слова с таким удивлением, как будто я разбудила его и обвинила в чём-то, что он сказал во сне.*



У меня уже было желание, видя, как я его удивила, напасть на него врасплох и спросить, почему мой вопрос об Армадэле произвёл такую перемену в его обращении со мной, но, после того что уже случилось, я побоялась слишком скоро возвращаться к этому вопросу. Что-то бессознательно подсказывало мне оставить пока Армадэля в покое и говорить с Мидуинтером прежде о нём самом. Как я уже писала вам в одном из прежних писем, я заметила в его обращении и наружности некоторые признаки, убедившие меня, что, несмотря на свою молодость, он совершил или пережил что-то необыкновенное в своей прошлой жизни. Я спрашивала себя каждый раз, когда видела его, все с большим и большим подозрением: тот ли он, кем казался? Первое и главное моё сомнение состояло в том, настоящим ли своим именем он зовётся. Имея сама тайны в минувшей жизни и в былое время несколько раз принимая вымышленные имена, я, вероятно, поэтому подозреваю других, когда нахожу в них что-нибудь таинственное. Как бы то ни было, имея это подозрение, я решилась испугать его, как он испугал меня, неожиданным вопросом с моей стороны — вопросом о его имени.

«Я так огорчён, что испугал вас, — шепнул он с той покорностью и с тем смирением, которые мы так искренне презираем в мужчине, когда он говорит с другими женщинами, и которые мы все так любим, когда он говорит с нами. — Я сам не знаю, о чём я говорил, — продолжал он. — Мои мысли страшно расстроены. Пожалуйста, простите меня, если можете, я сам не свой сегодня».

«Я не сержусь, — ответила я. — Мне нечего прощать. Мы оба неблагоприятны, мы оба несчастны».

Я положила голову на его плечо.

«Вы правда любите меня?» — спросила я нежно, шёпотом.

Рука его снова обняла меня, и я почувствовала, как его растревоженное сердце забилося ещё быстрее.

*«Если бы вы только знали, — шепнул он в ответ, — если бы вы знали...»*

*Он не мог сказать ничего более. Я почувствовала, как лицо его склонялось к моему, и, опустив голову ниже, остановила его в ту самую минуту, когда он уже хотел поцеловать меня.*

*«Нет, — сказала я. — Я ничего более как женщина, приглянувшаяся вам, а вы обращаетесь со мною как будто я ваша будущая жена».*

*«Будьте моей женой!» — шепнул он с жаром и попытался приподнять мою голову.*

*Я опустила её ещё ниже. Ужас воспоминаний прежних дней, известных вам, охватил меня и заставил задрожать, когда он попросил стать его женой. Не думаю, чтобы я лишилась чувств, но что-то похожее на обморок заставило меня зажмурить глаза. В ту минуту, как я закрыла их, мрак как будто рассеялся, словно блеснула молния, и призраки тех других мужчин явились в этом страшном видении и молча глядели на меня.*

*«Говорите со мной, — шепнул он нежно, — моя возлюбленная, мой ангел, говорите со мной!»*

*Голос его помог мне прийти в себя; во мне осталось довольно смысла, чтобы вспомнить, что время проходит, а я ещё не задала вопрос о его имени.*

*«Положим, что я питала бы к вам такие же чувства, какие вы питаете ко мне, — сказала я, — положим, что я любила бы вас так нежно, что доверила бы вам счастье моей будущей жизни...»*

*Я остановилась на минуту, чтобы перевести дух. Было нестерпимо тихо и душно, воздух как будто замер с наступлением ночи.*

*«Честно ли вы женитесь на мне, — продолжала я, — если женитесь под вашим настоящим именем?»*

*Руки его отпустили мою талию, и я почувствовала, как он вздрогнул. После этого Мидуинтер сидел возле меня неподвижно, холодно, молча, как будто мой вопрос лишил его дара речи. Я обняла рукой его за шею и положила голову*

на его плечо: несмотря на чары, которыми я пыталась пленить Мидуинтера, мои старания произвести неотразимое впечатление не дали результатов.

«Кто вам сказал? — спросил он и вдруг остановился. — Нет, — продолжал он, — никто не мог сказать вам. Что заставляет вас подозревать?..»

Он опять остановился.

«Никто не говорил мне, — отвечала я, — и не знаю, что заставляет меня подозревать. У женщин бывают иногда странные фантазии. Настоящее ли ваше имя Мидуинтер?»

«Я не могу обманывать вас, — продолжал он после нового непродолжительного молчания. — Мидуинтер не настоящее моё имя».

Я придвинулась к нему ещё ближе.

«Какое же ваше имя?» — спросила я.

Он колебался. Я приподняла своё лицо так, что моя щека коснулась его щеки. Я настаивала, приложив мои губы к самому его уху.

«Как! Вы не имеете ко мне доверия даже теперь! Не имеете доверия к женщине, которая почти призналась, что она любит вас, которая почти согласилась быть вашей женой!»

Он повернул своё лицо ко мне и во второй раз старался поцеловать меня, а я во второй раз остановила его.

Щека моя опять дотронулась до его щеки.

«Почему же нет? — сказала я. — Как могу любить я человека, тем более выйти за него замуж, если он чуждается меня?»

Я думала, что на это не последует ответа, но он отвечал.

«Это ужасная история, — сказал он. — Она может омрачить всю вашу жизнь, если вы её узнаете, как она омрачила мою».

Я обвила его другой своей рукой и настаивала:

«Скажите мне. Я не боюсь, скажите мне».

Он начал уступать моим ласкам.

*«Вы будете хранить это как священную тайну? — спросил он. — Это никогда никому не будет известно, кроме вас и меня?»*

*Я обещала хранить это в тайне. Я ждала с неистовым нетерпением. Два раза старался он начать, и два раза мужество изменяло ему.*

*«Не могу! — заговорил он с какой-то глубокой горечью. — Не могу сказать».*

*Моё любопытство, или, лучше сказать, мой гнев я не могла укротить. Он довёл меня до того, что я не заботилась о том, что говорю и делаю. Я вдруг крепко обняла его и прижалась губами к его губам.*

*«Я люблю вас, — шепнула я с поцелуем. — Теперь скажете ли вы мне?»*

*С минуту он был безмолвен. Я не знаю, с намерением ли я свела его с ума, не знаю, неволью ли я сделала это в порыве бешенства, ничего не знаю наверно, кроме того, что я перетолковала его молчание в противную сторону. Я оттолкнула Мидуинтера с яростью через минуту после того, как поцеловала его.*

*«Я ненавижу вас! — сказала я. — Вы свели меня с ума и заставили забытья. Оставьте меня! Я не боюсь темноты. Оставьте меня сейчас и никогда не ищите встречи со мной».*

*Он схватил меня за руку и остановил. Он заговорил другим голосом; он вдруг приказал, как только мужчины могут приказывать:*

*«Сядьте! Вы возвратили моё мужество, вы узнаете, кто я».*

*В безмолвии и темноте, которые окружали нас, я повиновалась ему и села. В безмолвии и темноте он опять обнял меня и сказал, кто он.*

*Поведать ли вам его историю? Назвать ли вам его настоящее имя? Рассказать ли вам, какие мысли, вызванные моим свиданием с ним, появились у меня и обо всём, что случилось со мною после того?*

*Или сохранить его тайну, как я обещала? И также сохранить мою собственную тайну, закончив это утомительное, длинное письмо в ту самую минуту, когда вы горите нетерпением узнать более.*

*Это серьёзные вопросы, миссис Ольдершо, гораздо серьёзнее, чем вы предполагаете. Я имела время успокоиться и начинаю видеть то, чего я не видела, когда взялась за перо, чтобы писать к вам, — благоразумную необходимость трезво смотреть на последствия. Не напугала ли я сама себя, стараясь напугать вас. Может быть, как ни странно может показаться, это действительно возможно.*

*Последние две минуты я стояла у окна и думала.*

*Немало ещё есть времени подумать, прежде чем уйдёт почта. Люди только ещё сейчас выходят из церкви.*

*Я решила отложить в сторону письмо и заглянуть в свой Дневник. Сказать попросту, я должна посмотреть, чем рискую, если решусь довериться вам, а мой дневник покажет мне то, что моя утомлённая голова не может рассчитывать теперь без его помощи. Я писала историю моих дней (а иногда и моих ночей) в последнюю неделю аккуратнее обыкновенного, имея свои причины быть особенно осторожной в этом отношении при настоящих обстоятельствах. Если я закончу то дело, которое теперь я намереваюсь начать, было бы безумством полагаться на мою память. Малейшая забывчивость о самом ничтожном обстоятельстве, случившемся после вечера, в который происходило моё свидание с Мидуинтером, до настоящего времени, может закончиться полной гибелью для меня.*

*«Полной гибелью для неё? — скажете вы. — О какой гибели говорит она?»*

*Подождите немножко, пока я спрошу мой дневник, могу ли рассказать вам».*

## Глава X

### ИЗ ДНЕВНИКА МИСС ГУИЛЬТ

21 июля, понедельник, 11 часов вечера. Он только что ушёл. Мы расстались, как я и хотела, на тропинке у края кустарника. Он пошёл своей дорогой — к гостинице, а я — к своему жилищу.

Мне удалось отговорить его от нового свидания. Я пообещала написать ему завтра утром. Это даёт мне вечер передышки, и я надеюсь собраться, успокоиться (если смогу) и вернуться к своим делам. Говорю «если смогу», потому что живо ощущаю, что его рассказ все ещё владеет всем моим существом; боюсь, это ощущение никогда не покинет меня. Пройдёт ночь, настанет утро, а я все буду думать о письме, дошедшем до него со смертного одра отца, о его бессонной ночи на потерпевшем крушение корабле и, сверх всего, о том мгновении, когда у меня буквально перехватило дыхание, когда он назвал своё настоящее имя.

Интересно, смогу ли я избавиться от всех этих впечатлений, если сделаю над собой усилие и запишу их. Во всяком случае, хорошо бы это сделать, а то с течением времени я могу забыть что-либо важное. В конце концов, может быть, именно боязнь забыть что-нибудь, что мне надо помнить, и является причиной того действия, которое рассказ Мидуинтера продолжает оказывать на меня. Как бы то ни было, а попробовать стоит. В моём нынешнем положении мне надо бы избавиться от лишних мыслей, чтобы подумать о других вещах, иначе я никогда не справлюсь с затруднениями в Торп-Эмброзе, которые ещё предстоят.

Надо бы определить для начала, что же не даёт мне покоя.

Имена! Вот что! Я все повторяю про себя: «Совершенно одинаковые имена». Светловолосый Аллэн Армадэль, которого я знаю уже давно и который является сыном моей старой хозяйки; и темноволосый Аллэн Армадэль, настоящее имя которого я только что узнала и которого все другие знают как Озайяза Мидуинтера. Что ещё более странно, так это то, что не отношения родства, не случай дал им одинаковые имена. Отец светловолосого Армадэля был человеком, родившимся с этим именем, но потерявшим право на фамильное

наследование. Отец темноволосого Армадэля был человеком, взявшим себе это имя с условием, что он будет наследником фамилии, — и он стал наследником.

Итак, вот они — двое, и оба — я не перестаю об этом думать — оба не женаты. Светловолосый Армадэль, который в случае женитьбы получал бы восемь тысяч в год, пока останется жить, и оставил бы жене двенадцать сотен тысяч, если умрёт; который может и должен стать моим мужем именно по этой причине и которого я ненавижу и презираю, как никогда не ненавидела и не презирала ни одного другого мужчину... И темноволосый Армадэль, с мизерным доходом, который, возможно, и обеспечил бы расходы своей жены на модистку, но только если жена будет очень уж экономной; который только что оставил меня, убеждённый, что я не прочь выйти за него, и которого я... да, которого я, возможно, и полюбила бы, но до того, как я стала такой, какая есть сейчас.

Светлый Аллэн не знает, что у него есть однофамилец. А тёмный Аллэн хранит тайну и никому ещё её не поверил, кроме сомерсетширского священника (на чьё благорасположение он может полностью положиться) и меня.

Итак, у нас два Аллэна Армадэля — два Аллэна Армадэля — два Аллэна Армадэля... Довольно. Три — счастливое число. Повторила три раза — и вон из головы.

Что дальше? Убийство на судне? Нет. Убийство, хотя оно и является основной причиной, почему темноволосый Армадэль хранит свою тайну от светловолосого Армадэля меня не касается. Помню, в то время в Мадере говорили, что со смертью на корабле было что-то нечисто. Но действительно ли чисто? Можно ли осуждать человека, у которого обманом отняли невесту, можно порицать за то, что он запер дверь каюты и оставил человека, обманувшего его, утонуть на погибающем корабле. Да, эта женщина не стоила того.

Что же такое, как мне кажется, касается меня?

Я знаю наверно, что меня касается одно важное обстоятельство. Я знаю, что Мидуинтеру — я должна называть его этим гадким, ложным именем, а то смешаю обоих Армадэлей, прежде чем кончу, — я знаю наверно, что Мидуинтеру совершенно неизвестно, что я тот самый двенадцатилетний чертёнок, который служил миссис Армадэль на Мадере и копировал письма, будто бы получаемые из Вест-Индии.

Немногие двенадцатилетние девушки могут подражать мужскому почерку, а потом молчать об этом, как я, но теперь это всё равно. Что за нужда, что только вера Мидуинтера в сновидение единственная причина, заставляющая его соединять меня с Аллэном Армадэлем и с его отцом и матерью. Я спрашивала его: неужели он считает меня настолько старой, что я могла знать их обоих? Он сказал мне «нет», бедняжка, самым невинным образом. Сказал ли бы он «нет», если бы видел меня теперь? Не подойти ли мне к зеркалу посмотреть, видно ли по лицу, что мне тридцать пять лет, или продолжать писать? Я буду продолжать писать.

Ещё одно обстоятельство преследует меня почти так же упорно, как имена.

Желала бы я знать, права ли я, полагаясь, что суеверие Мидуинтера поможет мне держать его на некотором отдалении. После того минутного увлечения, когда я позволила себе сказать более, чем следовало, он непременно будет приставать ко мне, он непременно вернётся с обычным эгоизмом и нетерпением мужчины в подобных вещах к вопросу о том, чтобы жениться на мне. Поможет ли мне сновидение остановить его? Он поочерёдно то верил, то не верил ему и наконец, по собственному признанию, опять стал ему верить. Могу ли я сказать, что и я также верю? Я имею больше причин верить в это, чем он. Я не только та женщина, которая помогла замужеству миссис Армадэль, помогая ей обмануть её родного отца, я та самая женщина, которая хотела утопиться, та самая женщина, которая способствовала ряду событий, доставивших Армадэлю его состояние, та самая женщина, которая приехала в Торп-Эмброс для того, чтобы выйти за него замуж, вернее за его богатство, и ещё удивительнее: я та самая женщина, которая стояла на месте тени у пруда! Это, может быть, случайное стечение обстоятельств, но оно странно. Я начинаю воображать, что я также верю сновидению!

Что если скажу ему: «Я думаю так, как думаете вы; я говорю то, что вы писали в вашем письме ко мне. Расстанемся, прежде чем вред нанесём. Оставьте меня, прежде чем оправдается третье видение во сне. Оставьте меня, поставьте горы и моря между вами и человеком, который носит ваше имя».

Что если его любовь ко мне сделает его равнодушным ко всему другому? Что если он скажет опять эти отчаянные слова, которые я



понимаю теперь: «Что должно быть, то будет. Что я могу тут сделать, и что может она?» Что если... что если... Не хочу писать больше. Я терпеть не могу писать! Это не облегчает. Напротив, мне становится хуже. Я стала более неспособна думать об этом сейчас. Далеко за полночь. Завтрашний день уже настал, а я так беспомощна, как самая глупая женщина на свете! Постель — единственное подходящее место для меня.

Постель? Если бы десяти лет как не бывало и если бы я вышла за Мидуинтера по любви, я, может быть, теперь, прежде чем лечь в постель, зашла бы на цыпочках в детскую взглянуть, спокойно ли спят мои дети в их колыбельках. Желала бы я знать, любила бы я моих детей, если бы они у меня были? Может да, может нет. Это все равно.

\* \* \*

Вторник, десять часов утра. Кто изобрёл лаудан? Я благодарю его от всего сердца, кто бы он ни был. Если бы сошлись все несчастные страдальцы душой и телом, которых он успокоил, пропеть ему похвалу, какой бы это был хор! Я имела шесть восхитительных часов забвения, я проснулась со спокойной душой, я написала чудесное письмецо Мидуинтеру, я выпила прекрасную чашку чая с истинным наслаждением, я прохлаждалась за утренним туалетом с необыкновенным чувством облегчения — и все это при помощи маленькой скляночки капель, которую я вижу в эту минуту на камине моей спальни. Капли, вы чудо как хороши! Если я не люблю ничего другого, то люблю вас.

Моё письмо к Мидуинтеру было послано по почте, и я велела ему отвечать мне таким же образом.

Я не беспокоюсь насчёт его ответа, он может отвечать только однозначно. Я просила время подумать, потому что мои семейные обстоятельства требуют соображения ради его интересов точно так же, как и моих. Я обещала сказать ему, какие это обстоятельства (желала бы я знать, что я ему скажу?) при следующем нашем свидании, и просила его пока держать в тайне все случившееся между нами. Л что он будет делать в тот промежуток, когда я буду соображать, я оставляю на его собственное решение, только

напоминаю ему, что в нашем настоящем положении, если он останется в Торп-Эмброзе, то это может повести к расспросам о его причинах, и что если он будет пытаться видеться со мною (пока о наших отношениях нельзя открыто объявить), то это может повредить моей репутации. Я предложила писать к нему, если он пожелает, и кончила обещанием сделать срок нашей вынужденной разлуки таким коротким, как только могу.

Это простое, непринуждённое письмо, которое я написала ему вчера вечером, имеет один недостаток, я это знаю. Оно, конечно, удаляет его, пока я закидываю сети и ловлю золотую рыбку в большом доме во второй раз, но оно также приближает неприятный день объяснения с Мидуинтером, если это мне удастся. Как мне с ним справиться? Что мне делать? Я должна бы вспянуть на эти два вопроса так смело, как обыкновенно, но моё мужество изменяет мне, и мне не хочется решать это затруднение до тех пор, пока не наступит время и когда оно должно быть решено. Признаться мне моему дневнику, что мне жаль Мидуинтера и что мне неприятно думать о том дне, когда он услышит, что я стала хозяйкой в большом доме?

Но я ещё не хозяйка и не могу сделать шага по направлению к большому дому, пока не получу ответа на моё письмо и пока не узнаю, что Мидуинтер не будет мне мешать. Терпение! Терпение! Я должна забыться за моим фортепьяно. Вот «Лунная соната» разложена на пюпитре и притягивает меня. Желала бы я знать, хватит ли у меня сил сыграть её или она заставит меня задрожать от непонятного страха, как недавно?

\* \* \*

Пять часов. Я получила его ответ. Малейшая моя просьба для него — приказание. Он уехал и посылает мне свой лондонский адрес. «Две причины, — пишет он, — помогают мне примириться с разлукой с вами. Первая та, что вы этого желаете и что это не надолго; вторая — что, мне кажется, я могу устроиться на службу в Лондоне, чтобы увеличить своими трудами мой доход. Я никогда не желал богатства для себя, но вы не знаете, как я начинаю уже ценить изысканную роскошь, которую деньги могут принести моей жене». Бедняжка! Я

почти жалею, зачем писала к нему таким образом; я почти жалею, что не прогнала его от меня совсем.

Представляю себе, если бы матушка Ольдершо увидела эту страницу в моём дневнике! Я получила от неё письмо сегодня утром, письмо, напоминающее о моих обязательствах и сообщающее, что она подозревает, что всё пошло дурно. Пусть себе подозревает, я не стану трудиться отвечать ей, я не хочу позволить этой негодной старухе надоедать мне в моём теперешнем положении.

День прекрасный: мне нужно прогуляться, я не должна думать о Мидуинтере. Не надеть ли мне шляпку и сделать визит к большому дому? Все клонится в мою пользу. Шпион не преследует меня, и никакой стряпчий не помешает мне на этот раз. Довольно ли я хороша сегодня? Ну да, довольно хороша, чтобы победить маленькую, неуклюжую, веснушчатую девочку, которой следовало бы ещё сидеть на скамье в школе и быть привязанной к доске, чтоб выпрямить её сгорбленные плечи.

Детство так и слышится во всём, что они лепечут.

Кроме того, от них всегда пахнет хлебом с маслом!

Как восхитительно Байрон описал этих девочек!

\* \* \*

Восемь часов. Я только что вернулась из дома Армадэля. Я видела его, говорила с ним, и итог всего этого можно выразить в двух простых словах: мне не удалось. Столько же вероятности для меня стать миссис Армадэль Торп-Эмбросской, сколько английской королевой.

Написать Ольдершо? Возвратиться в Лондон? Нет, прежде надо подумать немножко. Нет, ещё не теперь.

Дайте мне подумать. Я потерпела полную неудачу — неудачу при всех обстоятельствах, склонявшихся в пользу успеха. Я поймала его одного на дорожке перед домом: он чрезвычайно смутился, но в то же время был совершенно готов выслушать меня. Я пробовала тронуть его сначала спокойно, потом со слезами и тому подобным. Я взяла на себя роль бедной, невинной женщины, которую он оскорбил. Я сконфузила, я заинтересовала, я убедила его. Я заговорила с таким

чувством о его разлуке с другом, разлуке, которой я была невинной причиной, что заставило его противное, румяное лицо страшно побледнеть и просить меня, наконец, не огорчать его. Но какие бы другие чувства ни возбудила я в нём, я не пробудила его прежние чувства ко мне: я видела это по его глазам, когда он смотрел на меня; я чувствовала это по его пальцам, когда он пожимал мне руку. Мы расстались друзьями, но не более.

Разве для этого, мисс Мильрой, устояла я от искушения, когда знала, что вы каждое утро гуляете в парке? Я упустила время и позволила вам занять моё место в расположении Армадэля, упустила! Я никогда ещё не сопротивлялась искушению, не пострадав за это каким бы то ни было образом. Если бы я последовала моим первым мыслям в тот день, когда я простилась с вами, молодая девица... Хорошо, хорошо! Теперь это всё равно. Передо мною будущее; вы ещё не миссис Армадэль, и я скажу вам ещё одно: на ком ни женился бы он, он никогда не женится на вас. Если я не отплачу вам другим образом, верьте мне, что бы там ни вышло, а я отплачу вам в этом!

К удивлению моему, я не взбешена. В последний раз, когда я была в таком спокойном состоянии при серьёзной неудаче, из этого вышло что-то, чего я не смею написать даже в моём собственном дневнике. Я не стану удивляться, если и теперь из этого выйдет что-нибудь.

Возвращаясь назад, я зашла в квартиру Бэшуда в городе. Его не было дома, и я оставила записку, в которой велела ему прийти поговорить со мной вечером. Я намерена освободить его от обязанности подсматривать за Армадэлем и мисс Мильрой. Я ещё не придумала способ разрушить её надежды в Торп-Эмброзе так, как она разрушила мои. Но когда наступит время и я придумаю — не знаю, до чего доведёт меня оскорблённое чувство — и тогда, может быть, неудобно, а может быть, и опасно иметь поверенным такую мокрую курицу, как Бэшуд.

Я подозреваю, что более расстроена всем этим, чем предполагала. История Мидуинтера опять начинает преследовать меня без всякого к тому повода.

Тихий, торопливый стук в дверь с улицы! Я знаю, кто это. Только рука старого Бэшуда может стучать таким образом.

Девять часов. Я только что отвязалась от него. Он удивил меня, явившись в расстроенном виде.

Оказалось (хотя я его не заметила), он был в большом доме, пока я гуляла с Армадэлем, и видел, как мы разговаривали на дорожке, а позже слышал, что говорили слуги, которые также видели нас. Мудрое мнение в людской состоит в том, что «мы помирились» и что господин их, вероятно, всё-таки женится на мне. «Он влюблён в её рыжие волосы» — вот какое изящное выражение употребили на кухне. «Барышня не сможет сравниться с ней, и худо придётся барышне». Как я ненавижу грубые привычки низкого класса!

Пока старик Бэшуд рассказывал это, мне показалось, что он конфузился и терялся более обыкновенного. Но я не заметила того, что с ним было в действительности до тех пор пока не сказала ему, что он должен предоставить дальнейшее наблюдение за мистером Армадэлем и мисс Мильрой мне. Вся кровь, которая только была в слабом теле этого старика, как будто сбежала с его лица. Он сделал необыкновенное усилие над собой; он имел такой вид, как будто был готов упасть мёртвым с испуга от своей собственной смелости; но он всё-таки задал вопрос, лепеча и заикаясь и отчаянно комкая в обеих руках свою отвратительную шляпу.

«Извините, мисс Гуи... Гуи... Гуильт! Неужели вы выходите замуж за мистера Армадэля?» Ревнует — если я видела ревность на лице мужчины, то я видела её на его лице, — он ревнует к Армадэлю, в его лета! Если бы я была в духе, я захохотала бы ему в лицо. Теперь же я рассердилась и потеряла всякое терпение. Я сказала ему, что он старый дурак, и приказала ему спокойно заниматься своим обычным делом, пока я не пришлю ему сказать, что он мне опять нужен. Бэшуд покорился по обыкновению, но было что-то необъяснимое в его водянистых старых глазах, когда он простился со мной, чего я ещё никогда не примечала в них прежде. Любви выпала честь производить в людях всякого рода странные изменения. Неужели это действительно возможно, что любовь сделала мистера Бэшуда настолько мужественным, что он даже рассердился на меня?

Среда. Моё знание привычек мисс Мильрой вызвало у меня вчера вечером подозрение, которое я сочла нужным проверить сегодня утром.

Она всегда имела обыкновение, когда я жила в коттедже, гулять рано утром перед чаем. Когда я сообразила, что часто пользовалась этим самым временем для тайных свиданий с Армадэлем, и мне пришло в голову, что моя бывшая ученица, может быть, вырывает лист из моей книги и что я могу сделать какие-то полезные открытия, если направлю свои стопы к саду майора в этот ранний час. Я не принимала капель, чтобы проснуться рано, провела вследствие этого, ужасную ночь, встала в шесть часов и пошла из своей квартиры к коттеджу по свежему утреннему воздуху.

Не пробыла я и пяти минут у забора сада, как увидела, что она вышла. Мисс Мильрой также, по-видимому, провела дурную ночь: веки её были припухшие и красные, а губы и щёки как будто тоже распухли, точно она плакала. Очевидно, у неё было тяжело на душе; что-то, как скоро выяснилось, заставившее её выйти из сада в парк. Она шла (если только можно назвать ходьбой походку с такими ногами, как у неё!) прямо к беседке, отворила дверь, перешла через мост и все быстрее и быстрее направлялась к нижней части парка, туда, где деревья гуще. Я шла за ней следом по открытому пространству, по-видимому, совершенно неприметно для неё — она была так озабочена, — а когда она замедлила шаги между деревьями, я тоже была между деревьями и не боялась, что она увидит меня.

Скоро послышались тяжёлые шаги, приближающиеся к нам через густой кустарник. Я знала эти шаги так же хорошо, как и она.

«Вот я здесь», — сказала она слабым голосом.

Я стояла за деревьями в нескольких шагах, не зная, с которой стороны выйдет Армадэль из кустарника. Он вышел со стороны, противоположной тому дереву, за которым я стояла. Они сели вместе на валу. Я села за деревом и смотрела на них сквозь кустарник и слышала без малейшего затруднения каждое слово, произнесённое ими.

Разговор начался его вопросом о том, почему она кажется сегодня не в духе и не случилось ли чего неприятного в коттедже. Хитрая девчонка, не теряя времени, произвела нужное впечатление на него: она начала плакать. Он, разумеется, взял её за руку и старался по-

своему грубо и прямо утешить её. Нет, её нельзя было утешить. Её ожидала жалкая перспектива; она не спала целую ночь, все думая об этом. Отец призвал её в свою комнату вчера вечером, говорил с ней о её воспитании и сказал ей, что она должна поступить в школу. Место найдено, условия подходят, и как только будут готовы её платья, она должна ехать.

«Пока эта противная мисс Гуильт была в доме, — говорила эта образцовая девица, — я охотно поступила бы в школу, мне хотелось поступить, но теперь совсем другое, я думаю теперь не так: я слишком стара для школы, у меня разбито сердце, мистер Армадэль».

Тут она остановилась, как будто хотела сказать ещё что-то, и бросила на него взгляд, ясно завершавший фразу: «У меня совсем разбито сердце, мистер Армадэль, потому что теперь, когда мы опять стали друзьями, я должна уехать от вас!» Такой наглости, которой постыдилась бы взрослая женщина, способна выказать только молодая девица, на «скромности» которой так упорно настаивают противные сентименталисты настоящего времени!

Даже олух Армадэль понял её. Запутавшись в лабиринте слов, которые не привели ни к чему, он взял её — нельзя сказать за талию, потому что у неё её нет — за китовые усы её корсажа и предложил ей в виде спасения от школы выйти за него замуж.

Если бы я могла убить их обоих в эту минуту, подняв свой мизинец, я ни минуты не сомневаюсь, что я подняла бы его. Теперь же я только хотела посмотреть, как поступит мисс Мильрой.

Она, по-видимому, сочла необходимым (я полагаю, что она встретила с ним без ведома отца и не забывая, что я прежде неё была предметом расположения мистера Армадэля) выразить добродетельное негодование. Она удивилась, как он мог подумать об этом после его поведения с мисс Гуильт и после того, как отец её запретил ему бывать у него в доме! Разве он хочет заставить её почувствовать, как неизвинительно забылась она? Разве это достойно джентльмена предлагать то, что — он знал так же хорошо, как и она, — было невозможно? И так далее, и так далее. Каждый мужчина с головой понял бы, что значит вся эта пустая болтовня. Армадэль принял это так серьёзно, что начал оправдываться. Он объявил со своей грубой откровенностью, что он имеет серьёзное намерение, что он может помириться с её отцом и что, если майор непременно

захочет обращаться с ним как с чужим, то молодые мужчины и молодые девицы в их положении часто венчаются секретно, и отцы и матери, которые не хотели простить им прежде, прощают им после. Такое дерзкое прямое признание в любви, разумеется, оставило мисс Мильрой только два выбора: признаться, что она думала «да», когда говорила «нет», или решиться на новую вспышку гнева. Она была так лицемерна, что предпочла новую вспышку.

«Как вы смеете, мистер Армадэль! Ступайте прочь сейчас же! Это необдуманно, это бездушно, это совершенно неприлично говорить мне такие вещи!» — и так далее, и так далее. Это кажется невероятно, но тем не менее справедливо, что он был так определённо глуп, что поверил ей на слово. Он просил у неё прощения и ушёл, как ребёнок, которого поставили в угол, — самый презренный человек в образе мужчины, на которого только случалось глазам смотреть.

Она подождала, после того как он ушёл, чтобы успокоиться, а я ждала за деревьями, желая посмотреть, как ей это удастся. Взгляд её украдкой устремился на тропинку, по которой он ушёл. Она улыбнулась (справедливее было бы сказать: сделала гримасу, с таким ртом, как у неё), сделала несколько шагов на цыпочках посмотреть ему вслед, опять вернулась назад и вдруг зарыдала. Меня не так легко обмануть, как Армадэля, и я очень ясно видела, что всё это значит.

«Завтра, — подумала я про себя, — ты опять будешь в парке, мисс, совершенно случайно. На следующий день ты заставишь его сделать тебе предложение во второй раз. Через день он осмелится упомянуть опять о тайном браке, и ты только прилично сконфузишься, а ещё через день, если он предложит тебе план и если твои вещи уже уложены для школы, ты выслушаешь его». Да-да, время всегда на стороне мужчины там, где замешана женщина, если мужчина будет настолько терпелив, что позволит времени помочь ему.

Я проследила её возвращение в коттедж и убедилась в том, что она совсем не заметила, как я подсматривала за ней. Я стояла между деревьями и думала. Дело в том, что на меня произвело впечатление то, что я видела и слышала. Чувства, которые я испытывала, нелегко описать. Эта встреча представила мне все в новом свете, показала мне то, что я и не подозревала до сегодняшнего утра, — она действительно любит его.



Как ни тяжёл мой долг, ей теперь нечего бояться, что я не заплачу все до последнего фартинга. Немалым торжеством было бы для меня встать между мисс Мильрой и её честолюбием сделаться одной из главных дам в графстве. Но гораздо большее ударить там, где замешана первая любовь, встать между мисс Мильрой и желанием её сердца. Не вспомнить ли мне мою собственную молодость и пощадить её? Нет! Она лишила меня единственной возможности разорвать цепь, связывающую меня с прошлой жизнью, о которой слишком тяжело и подумать. Я поставлена в такое положение, в сравнении с которым положение отверженного, одиноко ходящего по улице, сносно и достойно зависти. Нет, мисс Мильрой, нет, мистер Армадэль, я никого из вас не пощажу!

Я возвратилась уже несколько часов назад, думала и ничего не придумала. С тех пор как я в прошлое воскресенье получила это странное письмо от Мидуинтера, моя обыкновенная находчивость в непредвиденных обстоятельствах оставила меня. Когда я не думаю о нём или о его истории, мысли мои совершенно притупляются. Я, всегда знавшая, что делать в тех или в других случаях, не знаю, что мне делать теперь. Разумеется, было бы довольно легко предупредить майора Мильроя о поступках его дочери, но майор любит свою дочь, Армадэль с нетерпением желает примириться с ним, Армадэль богат и готов покориться пожилому человеку — рано или поздно они опять будут друзьями, и дело кончится свадьбой. Предупредить майора Мильроя — значит только разлучить их на время; этим нельзя разлучить их навсегда.

Какой же для моей мести придумать способ, я не знаю. Я могу вырвать у себя волосы! Я могу сжечь дом! Если бы под вселенную была проложена пороховая дорожка, я могла бы зажечь её и разрушить целый мир... Я в таком бешенстве, в такой ярости на саму себя, что не нахожу никакого способа!

Бедный, милый Мидуинтер! Да, милый. Мне всё равно, я одинока и беспомощна. Мне нужен кто-нибудь, кто кроток и ласков, чтобы ухаживать за мной; я желала бы, чтобы его голова опять лежала на груди моей; мне хочется поехать в Лондон и выйти за него замуж... С ума, что ли, я сошла? Да, все такие несчастные люди, как я, сумасшедшие. Я должна подойти к окну и подышать свежим воздухом. Не выпрыгнуть ли мне из окна? Нет, это обезображивает, и

следствие коронёра<sup>[5]</sup> позволит очень многим увидеть обезображенное тело.

Воздух оживил меня. Я начинаю вспоминать, что на моей стороне время, по крайней мере. Никто не знает, кроме меня, о их тайных встречах в парке рано утром. Если ревнивый старик Бэшуд, у которого хватит хитрости на все, вздумает подсматривать за Армадэлем в собственных своих интересах, он сделает это в обычное время, когда пойдёт в управительскую контору. Он ничего не знает о ранних привычках мисс Мильрой и придёт в большой дом, только когда Армадэль вернётся туда. Я ещё неделю могу подождать и понаблюдать за ними и выберу время, удобное для меня, чтобы вмешаться в ту минуту, когда увижу, что он преодолевает её нерешимость и убеждает её сказать «да».

Вот я жду здесь, не зная, как дело кончится с Мидуинтером в Лондоне; кошелёк мой становится пустее и пустее, и нет никакой надежды, чтобы новые ученицы наполнили его. Старуха Ольдершо непременно станет требовать своих денег назад, когда узнает, что мне не удалось задуманное. Без надежды, без друзей, без будущности — погибшая женщина! Ну, я скажу опять, опять и опять — мне всё равно! Здесь я останусь, если продам с себя платье, если наймусь в трактир играть для скотов в буфете; здесь я останусь до тех пор, пока не наступит время и я не найду способ разлучить навсегда Армадэля с мисс Мильрой!

\* \* \*

Семь часов. Если ли какие признаки, что время наступило? Право, не знаю. Есть признаки перемены, по крайней мере, в моём положении в здешних окрестностях.

Две из самых старых и безобразных дам, заступившихся за меня, когда я оставила дом майора Мильроя, сейчас были у меня депутатами от моих покровительниц, чтобы вмешаться в мои дела с нетерпимым бесстыдством сострадательных англичанок. Оказалось, что известие о моём примирении с Армадэлем разнеслось из людской большого дома в город. Единогласное мнение моих «покровительниц» (и мнение майора Мильроя, которого они спрашивали) состоит в том, что я

поступила с непростительным легкомыслием, отправившись в дом Армадэля и говоря в дружеском тоне с человеком, поведение которого сделало его посмешищем в окрестностях. Совершенное отсутствие самоуважения в этом деле дало повод к слухам, что я искусно пользуюсь моей красотой и что я, может быть, кончу тем, что заставлю Армадэля жениться на себе. Мои покровительницы, разумеется, были слишком сострадательны, чтобы поверить этому. Они только почувствовали необходимость увещевать меня в христианском духе и предостеречь, что вторая подобная неосторожность с моей стороны принудит всех моих лучших друзей лишиться меня защиты и покровительства, которыми я пользуюсь теперь.

Обратившись ко мне поочерёдно в таких выражениях (очевидно, затверженных прежде), мои две гостьи выпрямились на своих стульях и посмотрели на меня как бы говоря: «Может быть, вы часто слышали о добродетели, мисс Гуильт, но мы не думаем, чтобы вы видели её когда-нибудь в полном цвете до тех пор, пока мы не навестили вас».

Видя, что они намерены раздражить меня, я сохраняла хладнокровие и отвечала им самым кротким, самым тихим и самым благородным образом. Я заметила, что христианское милосердие почтенных людей известного класса начинается, когда они раскрывают свои молитвенники в одиннадцать часов утра в воскресенье и когда они закрывают их в час пополудни. Ничто так не оскорбляет людей такого рода, как напоминание им об их христианской обязанности в будни. Основываясь на этом, я заговорила.

«Что же я сделала дурного? — спросила я невинно. — Мистер Армадэль оскорбил меня, а я пошла к нему в дом и простила ему оскорбление. Наверно, тут должна быть какая-нибудь ошибка, милостивые государыни. Неужели вы пришли сюда затем, чтобы сделать мне выговор за то, что я совершила христианский поступок?»

Две горгоны<sup>[6]</sup> встали. Я твёрдо убеждена, что некоторые женщины имеют не только кошачьи лица, но и кошачьи хвосты. Я твёрдо убеждена, что хвосты этих двух кошек медленно раздулись под их юбками в четыре раза больше их должной величины.

«Мы были приготовлены к вашему гневу, мисс Гуильт, — сказали они, — но не к нечестивости. Желаем вам доброго вечера».

Итак, они оставили меня, и мисс Гуильт лишается покровительственного внимания окрестных жителей.

Желала бы я знать, что получится из этой пустяшной ссоры? Из этого получится одно, что я уже вижу. Слухи дойдут до ушей мисс Мильрой; она будет настаивать, чтобы Армадэль оправдался, а Армадэль убедит её в своей невинности, сделав новое предложение. Это, по всей вероятности, ускорит решение вопросов между ними, — по крайней мере, это ускорило бы мои дела. Если бы я была на месте мисс Мильрой, то сказала бы себе: «Завладею им, пока могу». Если завтра утром не будет дождя, я думаю, что опять прогуляюсь рано по парку.

\* \* \*

Полночь. Так как я не могу принимать капле из-за предстоящей мне утренней прогулки, то я должна отказаться от всякой надежды заснуть и буду продолжать мой дневник. Даже приняв капли, я сомневаюсь, лежала ли моя голова спокойно на подушке нынешнюю ночь. Когда маленькое волнение после сцены с «покровительницами» прошло, меня стали волновать дурные предчувствия, которые оставили мало надежды при таких обстоятельствах заснуть.

Не могу вообразить, почему прощальные слова, сказанные Армадэлю этим старым скотом стряпчим, пришли мне на память? Вот они повторены в письме Бэшуда: «Любопытство кого-нибудь другого можно продолжать с того пункта, на котором вы и я остановились, и чья-нибудь другая рука может пролить свет на мисс Гуильт».

Что он хотел сказать этим? И что он хотел сказать после, когда нагнал старого Бэшуда на дороге и предлагал ему удовлетворить его любопытство. Или этот ненавистный Педгифт действительно полагает, что есть какая-нибудь возможность?.. Смешно! Мне стоит только взглянуть на это слабое старое лицо, и оно не осмелится приподнять свой мизинец, если я не велю ему. Чтобы он вздумал разведать мою прошлую жизнь, как бы не так! Люди, в десять раз его умнее и во сто раз искуснее, пробовали и остались при том, с чего начали.

Однако я не знаю, может быть, было бы лучше, если бы я воздержалась, когда Бэшуд был здесь намерен, и, может быть, было бы лучше, если бы я увиделась с ним завтра и высказала бы ему моё расположение, поручив ему сделать что-нибудь для меня. Не велеть ли ему присматривать за обоими Педгифтами и разузнать, нет ли возможности, чтобы они пытались возобновить свои отношения с Армадэлем. Это немыслимо, но если я дам старику Бэшуду это поручение, оно польстит его чувству важности относительно моих дел и в то же время выполнит превосходную цель отдалить его от меня.

\* \* \*

Четверг, девять часов утра. Я только что вернулась из парка. Снова я оказалась верной предсказательницей: они опять сидели вдвоём так же рано, в том же уединённом месте, между деревьями. Мисс уже знала о моём посещении, и тон её был соответствующим.

Сказав о нашей беседе два-три слова, которые я обещаю ему не забывать, Армадэль применил тот самый способ убедить её в своём постоянстве, который — я знала заранее — он будет принуждён применить. Он повторил своё предложение на этот раз с большим эффектом. Последовали слезы, поцелуи и уверения. Моя бывшая ученица открыла наконец своё сердце самым невинным образом. Она призналась, что дом становится ей нестерпимым, что там ей чуть-чуть менее неприятно, чем в школе. Характер матери становится раздражительнее и несноснее каждый день! Сиделка, единственная особа, имевшая на её влияние, ушла, потеряв терпение. Отец все более и более погружался в свои часы и все твёрже решался отослать её из дома из-за неприятных сцен, происходивших с её матерью почти каждый день. Я выслушивала эти домашние признания в надежде услышать какие-нибудь планы о будущем, и моё терпение после немалого ожидания было наконец вознаграждено.

Первый совет (это было естественно с таким дураком, как Армадэль) подала мисс Мильрой. Она высказала мысль, которой, признаюсь, я не ожидала от неё: она предложила, чтобы Армадэль написал её отцу, и сделала ещё умнее: предупредила всякий риск,

чтобы он не совершил какой ошибки, подсказав ему, что он должен был написать. Армадэль должен был выразить глубокое огорчение тем, что майор удалил его от себя, и просить позволения зайти в коттедж сказать несколько слов в своё оправдание. Вот и все. Письмо не должно было отсылаться в этот день, потому что ждали сиделок на место отказавшейся сиделки миссис Мильрой и принимать их и расспрашивать не расположит её отца — так как он не любит подобные вещи — снисходительно принять просьбу Армадэля. В пятницу надо послать письмо, а в субботу утром, если, к несчастью, ответ будет неблагоприятен, они могут встретиться опять.

«Мне неприятно огорчать моего отца: он всегда был так добр ко мне. И не будет никакой надобности обманывать его, Аллэн, если мы можем помирить вас с ним вновь».

Это были последние слова, сказанные маленькой лицемеркой, когда я оставила их. Что сделает майор, это покажет суббота. Я не буду об этом думать до тех пор, пока не наступит и не пройдёт суббота. Они ещё не обвенчаны, и я опять говорю, хотя ничего ещё не могу придумать, не бывать им никогда мужем и женой.

Возвращаясь домой, я зашла к Бэшуду и застала его за завтраком, с жалким старым черным чайником, с копеечным хлебом, с дешёвым прогорклым маслом и заштопанной грязной скатертью. Мне даже тошно вспомнить об этом.

Я приласкала и утешила этого жалкого старика, так что даже слёзы выступили на его глазах, и он весь покраснел от удовольствия. Бэшуд взялся присматривать за Педгифтами с чрезвычайной готовностью. Педгифт-старший, по его рассказу, раз рассердившись, становится самым упорным человеком на свете. Никто не убедит его уступить, пока Армадэль не уступит со своей стороны. Педгифт-младший, вероятнее, решится сделать попытку примирения, по крайней мере, таково мнение Бэшуда. Теперь, впрочем, в этом нет такой важности, что бы ни случилось. Единственное важное обстоятельство заключается в том, чтобы покрепче привязать к себе пожилого обожателя. И это сделано.

Почта опоздала сегодня утром. Она только что пришла, и я получила письмо от Мидуинтера.

Письмо очаровательное; оно льстит мне и заставляет меня трепетать, как будто я опять стала молодой девушкой. Он не делает

мне упрёков за то, что я не писала ему, не торопит меня выйти за него замуж. Он только сообщает мне новые известия. Он получил через своих нотариусов возможность поступить корреспондентом в газету, издаваемую в Лондоне. Это занятие заставит его уехать на континент, что совпадало бы с его желаниями на будущее время, но он не может серьёзно взглянуть на это предложение, прежде чем не удостоверится, совпадает ли оно также и с моими желаниями. Он не подчинён ничьей воли, кроме моей, и предоставляет мне решить, упомянув о назначенном ему времени, когда должен быть дан ответ. В это время, разумеется (если я согласна на его отъезд за границу), я должна выйти за него замуж. Но об этом нет ни слова в его письме. Он ни о чём не просит, кроме моих писем, чтобы помочь ему провести этот промежуток времени, пока мы в разлуке друг с другом. Вот его письмо, не очень длинное, но в премилых выражениях.

Мне кажется я могу проникнуть в тайну его желаний уехать за границу. Дикая мысль поставить горы и моря между ним и Армадэлем ещё не выходит у него из головы. Как будто он или я можем избегнуть того, что определила нам судьба (если предположить, что мы имеем судьбу) — поставить преграду в несколько сот или тысяч миль между Армадэлем и нами! Какая странная нелепость и несообразность! А между тем как мне нравится его нелепость и несообразность! Разве я не вижу ясно, что я причина всего этого? Кто сбивает этого умного человека с прямого пути вопреки его воле? Кто делает его слишком слепым для того, чтобы видеть противоречие в его собственном поведении? Как я им интересуюсь! Как опасно близко я к тому, чтобы закрыть глаза на прошлое и позволить себе полюбить его!

Заметка на память: написать Мидуинтеру очаровательное письмецо и послать ему поцелуй; а так как ему дано время, прежде чем он даст ответ, то попросить и мне времени, прежде чем я скажу ему, хочу или нет ехать за границу.

Пять часов. Скучный визит хозяйки, захотелось ей поболтать и сообщить мне новости, которые, по её мнению, должны интересовать меня.

Я узнала, что она знакома с бывшей сиделкой миссис Мильрой и провожала свою приятельницу до станции в этот день. Они, разумеется, говорили о делах в коттедже и упомянули обо мне в разговоре. Я совершенно ошибаюсь, если верить словам сиделки,

думая, что мисс Мильрой посоветовала Армадэлю обратиться в Лондон к даме, рекомендовавшей меня. Мисс Мильрой ничего об этом не знала, и всё произошло от безумной ревности её матери; настоящее неприятное положение дела в коттедже происходит по той же причине. Миссис Мильрой твёрдо убеждена, что я остаюсь в Торп-Эмброзе, потому что имею тайные возможности встречаться с майором, о которых ей невозможно узнать. С этим убеждением в душе она стала так невыносима, что никто не соглашается ухаживать за нею, и рано или поздно, а майор, несмотря на его нежелание, будет принуждён отдать её на попечение доктора.

Вот суть того, что моя несносная хозяйка рассказала мне. Бесплезно говорить, что это несколько меня не интересовало. Даже если можно положиться на уверения сиделки, в которых я сомневаюсь, это для меня неважно теперь. Я знаю, что мисс Мильрой лишила меня возможности стать миссис Армадэль Торп-Эмброской, и ни до чего мне больше нет дела. Если точно её мать одна была причиной, что моя ложная аттестация открылась, то она, по крайней мере, страдает за это. Итак, я прощаюсь с миссис Мильрой, не дай мне Боже видеть коттедж сквозь очки моей хозяйки!

\* \* \*

Десять часов. Бэшуд только что оставил меня; приносил известия из большого дома. Педгифт-младший сделал попытку к примирению и не имел успеха. Я единственная причина этой неудачи. Армадэль готов помириться, если Педгифт-старший будет избегать впредь всех случаев несогласия между ними, никогда не упоминая о мисс Гуильт. Однако так случилось, что Педгифт-отец со своим мнением обо мне и о моих поступках считает своей обязанностью не соглашаться на это. Итак, стряпчий и клиент по-прежнему в ссоре, и Педгифты не мешают мне.

А препятствие с их стороны могло быть весьма неприятное, если бы Армадэль последовал совету Педгифта-старшего. Я говорю о том, если бы кто-нибудь из лондонских полисменов был приглашён взглянуть на меня. Даже и теперь это вопрос: не носить ли мне опять густую вуаль, которую я всегда ношу в Лондоне и в других больших



городах? Единственное затруднение состоит в том, что это привлечёт внимание в таком маленьком любопытном городке, когда я надену густую вуаль в первый раз в летнюю погоду.

Уже одиннадцать часов — и я провозилась со своим дневником дольше, чем предполагала. Никакими словами не могу описать, какую скуку и какое уныние чувствую я. Зачем я не принимаю сонных капель и не ложусь в постель? Завтра не будет свидания между Армадэлем и мисс Мильрой, так что я не должна рано вставать. Стараюсь ли я в сотый раз продумать, как мне действовать впредь, стараюсь ли, при моей усталости, быть той находчивой женщиной, какой была прежде, прежде чем все эти неприятности скопились и лишили меня сна? Или я боюсь лечь в постель, когда это мне наиболее необходимо? Я не знаю, я утомлена и несчастна; я кажусь себе постаревшей и подурневшей. При малейшем поводе, пожалуй, буду так глупа, что расплачусь. К счастью, никто не подаёт мне только повода. Надо бы узнать, какова сегодня ночь?

Ночь облачная, луна показывается изредка, и поднимается ветер. Слышу, как он стонет между коттеджами в конце улицы. Я думаю, что мои нервы немножко расстроены. Сейчас испугалась тени на стене. Только минуты через две образумилась настолько, чтоб заметить, где стоит свеча, и увидеть, что это тень моя собственная.

Тени напоминают мне о Мидуинтере, а если не тени, то что-нибудь другое. Я должна ещё раз взглянуть на его письмо, а потом непременно лягу в постель.

Я кончу тем, что полюблю его. Если останусь далее в этом одиночестве, в этом неизвестном положении, в такой нерешительности, столь несовместимой с моим характером, то кончу тем, что полюблю Мидуинтера. Какое безумство! Как будто я могу опять полюбить мужчину!

Что если вдруг решусь и выйду за него замуж? Как он ни беден, он даст мне имя и положение, если я стану его женой. Посмотрим, каково будет это имя — его настоящее имя, если я соглашусь принять его.

Миссис Армадэль! Прекрасно!

Миссис Аллэн Армадэль! Ещё лучше!

Мои нервы, должно быть, расстроены. Теперь меня испугал мой собственный почерк! Как это странно! Всякий мог бы испугаться:

сходство обоих имён никогда не поражало меня прежде. За кого бы из них я ни вышла, моё имя было бы одинаково. Я была бы миссис Армадэль, если бы вышла за белокурого Армадэля, живущего в большом доме. И я могу всё-таки быть миссис Армадэль, если выйду за черноволосого Аллэна в Лондоне. Писать это, чувствовать, что из этого могло что-нибудь выйти, и видеть, что не выходит ничего, почти сводит меня с ума.

Как может что-нибудь выйти из этого? Если я поеду в Лондон и обвенчаюсь с ним под его настоящим именем (как, разумеется, я должна венчаться), позволит ли он мне носить это имя? Скрывая своё настоящее имя, он будет настаивать — нет, он слишком меня любит, чтобы настаивать, — он станет умолять меня носить имя, принятое им. Миссис Мидуинтер — отвратительно! Озайяз — тоже. Когда я захочу назвать его просто по имени, как следует жене, — хуже чем отвратительно!

А между тем есть причина исполнить его желание, если бы он попросил меня. Положим, что дурак из большого дома уедет отсюда холостым, и положим, что в его отсутствие кто-нибудь из знавших его услышит о миссис Аллэн Армадэль, — они сейчас примут даму за его жену. Если бы они даже увидели меня, если бы я приехала сюда под этим именем и если хозяина тут не будет, чтобы опровергнуть это, его слуги первые скажут: «Мы знали, что он женится на ней!» А мои покровительницы, которые теперь, после того как мы поссорились, будут рады поверить всему обо мне, присоединятся к хору sotto voce<sup>[7]</sup>. «Только подумайте, милая моя, слухи, так оскорбившие нас, оказались справедливы!» Нет, если я выйду за Мидуинтера, я постоянно буду ставить моего мужа и себя в ложное положение, или я должна отказаться от его настоящего имени, его хорошенького, романтического имени у дверей церкви.

Мой муж! Как будто я действительно выйду за него! Я не выйду за него — и делу конец!

\* \* \*

Половина одиннадцатого. О Боже! О Боже! Как кровь стучит в висках и как болят мои усталые глаза! На меня смотрит луна в окно.

Как быстро маленькие облачка пробегают от ветра! То они скрывают луну, то открывают её. Какие странные формы принимают жёлтые пятна и опять изменяют их в одно мгновение! Нет для меня спокойствия и тишины, куда бы я ни оглянулась. Свечка мерцает, и само небо имеет какой-то беспокойный вид!

В постель! В постель! Как говорила леди Макбет. Кстати, желала бы я знать, что сделала бы леди Макбет в моём положении? Она убила бы кого-нибудь, как только начались её неприятности, — вероятно, Армадэля.

\* \* \*

Пятница, утро. Ночь прошла спокойно опять по милости моих капель. Я пила утром чай в лучшем расположении духа и получила утреннее приветствие в виде письма от миссис Ольдершо.

Моё молчание произвело своё действие на матушку Иезавель. Она приписывает его подлинной причине и наконец показывает свои когти. Если я не в состоянии заплатить ей тридцать фунтов, взятые под расписку, срок которой истекает в следующий вторник, она даст знать своему поверенному, чтобы он «поступил надлежащим образом».

Если я не в состоянии заплатить... Когда я расплачусь со своей хозяйкой сегодня, у меня не останется и пяти фунтов! Нет и тени надежды, чтоб я получила деньги до вторника; а здесь у меня нет ни одного близкого знакомого, который ссудил бы мне шесть пенсов. Затруднениям, окружавшим меня, недоставало только одного для довершения их, и это одно наступило.

Мидуинтер, разумеется, помог бы мне, если бы я смогла решиться попросить у него помощи, но это будет значить, что я намерена выйти за него замуж. Неужели моё отчаяние и беспомощность до того велики, что я кончу так плохо? Нет ещё.

Голова моя тяжела; я должна выйти на свежий воздух и подумать об этом.

\* \* \*

Два часа. Мне кажется, я заразилась суеверием Мидуинтера. Я начинаю думать, что события насильно влекут меня к какой-то цели, которую я ещё не вижу, но которая, по моему убеждению, уже недалеко.

Я была оскорблена, умышленно оскорблена при свидетелях мисс Мильрой.

Прохаживаясь по обыкновению в самых немногочисленных местах и стараясь, не очень успешно, придумать, что предпринять, я вспомнила, что нужны перья и почтовая бумага, и пошла в город. Было бы благоразумнее послать в лавку за тем, что было мне нужно. Но мне надоело и я сама, и мои уединённые комнатки, и я пошла сама по той простой причине, что всё-таки это было какое-то дело.

Только я вошла в лавку и спросила, что мне нужно, как появилась ещё покупательница. Мы обе подняли глаза и тотчас узнали друг друга: мисс Мильрой.

За прилавком стояли женщина и мальчик, кроме продавца, который показывал мне вещи. Женщина вежливо обратилась к пришедшей покупательнице:

«Чем мы можем служить вам, мисс?»

Она прямо посмотрела мне в лицо и ответила:

«Ничем теперь. Я приду после, когда ваша лавка будет пуста».

Она ушла. Трое продавцов, находившихся в лавке, молча посмотрели на меня. Я со своей стороны молча заплатила за мои покупки и ушла. Не могу не сознаться, что в моём тревожном и расстроенном состоянии эта девчонка уязвила меня.

В минутной слабости — это было не что иное — я хотела отплатить ей злом за зло и прошла даже всю улицу, направляясь к коттеджу майора, чтоб рассказать ему об утренних прогулках его дочери, но образумилась и тотчас возвратилась домой. Нет, нет, мисс Мильрой! Временная неприятность в коттедже, которая кончится тем, что отец простит вам, а Армадэль воспользуется его снисхождением, не оплатят моего долга вам. Я не забываю, что ваше сердце отдано Армадэлю и что майор, чтобы он ни говорил, всегда до сих пор уступал вам. Может быть, моя голова становится глупее, но разум ещё не совсем изменил мне.

Между тем письмо миссис Ольдершо упорно ждёт ответа, а я ещё не знаю, что мне с ним делать. Отвечать на него или нет? Пока все

равно; ещё остаётся несколько часов до ухода почты.

Не попросить ли мне денег взаймы у Армадэля? Мне было бы приятно выманить что-нибудь у него, и я думаю, что в его настоящем положении (относительно мисс Мильрой) он сделает все, чтобы освободиться от меня. Конечно, с моей стороны это было бы очень низко. Фи! Когда мы ненавидим и презираем человека, как я презираю и ненавижу Армадэля, какое нам дело, что он будет считать нас низкими?

Однако моя гордость — или что-нибудь другое, я не знаю что — возмущается от этой мысли.

Половина третьего, только половина третьего! О! Как страшно скучны эти длинные летние дни! Я никак не могу все думать и думать, я должна чем-нибудь облегчить свою Душу. Не сесть ли за фортепьяно? Нет, я не в состоянии.

Работать? Нет, я опять стану думать, если примусь за иголку. Мужчина на моём месте начал бы пьянствовать. Я не мужчина и пьянствовать не могу. Я займусь своими платьями и приведу в порядок свои вещи.

Прошёл ли час? Более часа, а будто не более минуты.

Я не могу пересматривать эти листочки, но знаю, что написала где-то слова: «Я чувствую, что ближе и ближе подвигаюсь к какой-то цели, ещё скрытой для меня». Теперь цель уже не скрыта, облако спало с моего ума, слепота исчезла с глаз — я вижу эту цель! Я вижу эту цель!

Она сама явилась ко мне — я её не искала. Даже на моей смертной постели я могла бы присягнуть с чистой совестью, что я её не искала.

Я пересмотрела мои вещи, я занимаюсь таким пустым и ничтожным делом как... как самая пустая и ничтожная женщина на свете. Я пересматривала мои платья и бельё. Что могло быть невиннее? И дети пересматривают свои платья и своё бельё.

День был такой длинный, и мне так было скучно! Я прежде всего занялась моими чемоданами. Сначала пересмотрела большой чемодан, который обыкновенно оставляю открытым, а потом маленький, который у меня всегда заперт.

Переходя от одной вещи к другой, я наконец дошла до связки писем, лежавшей на дне, писем человека, для которого когда-то я

пожертвовала всем и вытерпела все, человека, сделавшего меня такой, какова я теперь. Раз сто решалась сжечь эти письма и все не сжигала. На этот раз только сказала: «Я не стану читать этих писем» — и всё-таки прочла.

Негодяй, фальшивый, малодушный, бездушный негодяй! На что мне теперь нужны его письма? О, какое несчастье быть женщиной! О! О! До какой низости может довести наше воспоминание о мужчине, когда любовь к нему исчезла, прошла! Я прочла эти письма, я была так одинока и так несчастна, я прочла эти письма.

Я дошла до последнего, до того письма, которое он написал, чтоб ободрить меня, когда я колебалась, когда страшное время приближалось; письмо, которое оживило меня, когда моя решимость изменила мне в последний час. Я читала строчку за строчкой, когда наконец дошла до этих слов: «...меня выводят из терпения такие нелепости, какие ты написала мне. Ты говоришь, что я заставляю тебя сделать то, что выше мужества женщины. Неужели? Я могу указать тебе на любую коллекцию процессов английских и заграничных, чтоб показать, как ты ошибаешься. Но, может быть, таковых коллекций у тебя под рукой нет; и я укажу тебе на процесс, упомянутый во вчерашней газете. Обстоятельства совсем не похожи на наши, но пример решимости в женщине стоит твоего внимания.

Ты найдёшь между судебными делами замужнюю женщину, обвинённую в том, что она выдала себя за пропавшую вдову капитана, служившего на купеческом корабле, который утонул, как предполагали. Имя и фамилия мужа (живого) подсудимой и имя офицера случайно оказались одинаковы. Можно было получить деньги, в которых очень нуждался муж подсудимой, к которому она была искренно привязана, если бы этот обман удался. Женщина все взяла на себя. Муж её был болен, и его преследовали за долги. Все обстоятельства, как ты можешь прочесть сама, складывались в её пользу, и она так хорошо воспользовалась ими, что сами юристы признавались, что женщина могла бы иметь успех, если бы предполагаемый утопленник не оказался жив и не успел вовремя приехать, чтоб уличить её. Эта сцена происходила в конторе стряпчего и раскрылась в показаниях в суде. Женщина была хороша собой, а моряк был человек добрый. Он сначала хотел (если бы судьи позволили ему) освободить её. Капитан сказал ей между прочим: «Вы

не рассчитывали, чтоб утонувший возвратился живой, не так ли, сударыня?»

«Это счастье для вас, что я не рассчитывала, — отвечала она. — Вы спаслись от моря, но не спаслись бы от меня».

«А что сделали бы вы, если бы узнали, что я возвращаюсь?» — спросил моряк.

Она посмотрела ему прямо в глаза и ответила: «Я убила бы вас».

Как вы думаете, такая женщина написала бы мне, что я заставляю её сделать то, что выше мужества женщины? И такая красивая, как ты! Ты заставила бы некоторых мужчин в моём положении пожалеть, что она не на твоём месте».

Я не читала далее. Когда я дошла до этих слов, одна мысль блеснула в моём мозгу как молния. В одно мгновение я представила все так ясно, как теперь. Это ужасно! Это неслыханно! Это превосходит смелостью все отчаянные предприятия; но если только я могу укрепить себя для того, чтоб решиться на одну страшную необходимость, это получится. Я могу олицетворить богатую вдову Аллена Армадэля Торп-Эмбросского, если рассчитывать на смерть Аллена Армадэля в известное время.

Вот простыми словами страшное искушение, от которого я теперь изнемогаю. Это ужасно в том отношении, что оно явилось из того другого искушения, которому я поддалась в прошлое время.

Да, вот письмо, ожидавшее меня в чемодане, о достижении цели, о которой вовсе не думал негодяй, написавший его. Вот процесс, приведённый в пример только для того, чтобы подразнить меня, совершенно непохожий на моё тогдашнее дело. Вот он ждал меня сквозь все перемены моей жизни, пока, наконец, стал похож на моё дело.

Это могло бы испугать любую женщину, но даже и это не самое худшее. Все это находилось в моём дневнике уже много дней, а я этого и не знала! Каждая пустая фантазия, возникавшая у меня, вела тайно к этой единственной цели, а я не видела и не подозревала этого, пока чтение письма не озарило мои мысли новым светом, пока я не увидела тень моих собственных обстоятельств, вдруг упавшую на это необычное обстоятельство в процессе той другой женщины!

Это свершится, если я только буду в состоянии решиться на необходимое: это свершится, если я могу рассчитывать на смерть

Аллэна Армадэля в известное время.

Все устроить легко, кроме его смерти. Весь ряд событий, от которых я слепо терпела неприятности более недели (хотя я была так глупа, что не видела этого), складывался в мою пользу.

Тремя смелыми шагами — только тремя! — эта цель может быть достигнута. Пусть Мидуинтер женится на мне тайно под своим настоящим именем — первый шаг! Пусть Армадэль уедет из Торп-Эмброза холостым и умрёт в каком-нибудь отдалённом месте между чужими — шаг второй!

Ну, зачем же я колеблюсь? Зачем не перейти к шагу третьему и последнему?

Я перейду. Шаг третий и последний — моё появление после того, как известие о смерти Армадэля дойдёт сюда, в качестве его вдовы с моим брачным свидетельством в руках для предъявления моих прав. Это ясно как полуденное солнце. По милости сходства имён и осторожности, с какою скрывалось это сходство, я могу быть женой черноволосого Аллэна Армадэля, не известного никому, кроме моего мужа и себя самой, и могу считаться вдовой белокурого Аллэна Армадэля, имея доказательством брачное свидетельство, которому поверят самые недоверчивые люди на свете.

Как подумаю, что я всё это написала в моём дневнике!

Что меня страшит? Опасение препятствий, опасение, что это может открыться?

Где же препятствия? Как это может открыться?

Меня все здесь подозревают, что я интригую, чтоб сделаться владельницей Торп-Эмброской. Мне одной известно, какое направление приняли увлечения Армадэля. Никто на свете, кроме меня, не знает ещё о его ранних утренних свиданиях с мисс Мильрой. Если будет необходимо разлучить их, я могу это сделать каждую минуту, написав анонимное письмо майору. Если будет необходимо удалить Армадэля из Торп-Эмброза, я могу заставить его уехать отсюда через три дня. Он сам сказал мне, когда я говорила с ним последний раз, что поедет на край света, чтоб помириться с Мидуинтером, если Мидуинтер согласится на это. Мне стоит только заставить Мидуинтера написать из Лондона и просить примирения — Мидуинтер будет мне повиноваться, — и Армадэль поедет в Лондон. Каждое затруднение вначале сплавивается под моей рукой. С каждым



последующим затруднением я могу справиться сама. Во всём этом смелом предприятии, как оно ни кажется отчаянным, если я буду женой другого — нет решительно никакого риска, требующего соображения, кроме одной страшной необходимости: смерти Армадэля.

Его смерти! Это мог быть ужасный шаг для всякой женщины, но должно ли это быть ужасно для меня?

Я ненавижу Армадэля из-за его матери; я ненавижу его самого. Я ненавижу его за то, что он тайно от меня съездил в Лондон и наводил справки обо мне. Я ненавижу его за то, что он вынудил меня оставить моё место, прежде чем я этого пожелала. Я ненавижу его за то, что он расстроил все мои надежды выйти за него замуж и опять заставил меня вести мою несчастную жизнь. Но после того, что я уже сделала в прошедшее время, как я могу? Как я могу?

Девушка, которая стала между нами, которая отняла его у меня, которая открыто оскорбила меня недавно, — как эта девушка, отдавшая ему своё сердце, почувствует это, если он умрёт! Как я отомщу ей, если это сделаю! А когда я буду принята как вдова Армадэля, какое торжество для меня! Торжество! Это будет более чем торжество, это будет спасение для меня. Имя, на которое посягнуть не может никто, скроет меня от прошлой жизни. Удобства, роскошь, богатство и положение в обществе, тысячу двести фунтов верного ежегодного дохода, обеспеченного завещанием, которое известно нотариусу, независимо от того, что мог бы он сказать или сделать сам! Я никогда не имела тысячу двести фунтов в год. В самое счастливое время у меня не было и половины этого дохода, собственно мне принадлежащего. Что у меня есть теперь? Осталось всего-навсего пять фунтов и надежда на будущей неделе попасть в тюрьму за долги.

Но, о! После того что я уже сделала в прошлое время, как могу я? Как могу я?

Некоторые женщины на моём месте и при моих воспоминаниях о прошлом чувствовали бы иначе; некоторые женщины сказали бы: «Легче во второй, чем в первый раз». Почему я не могу? Почему я не могу?

О! Сатана искушает меня, а неужели нет ангела поблизости, который поставил бы временное препятствие между мной и

завтрашним днём, препятствие, которое помогло бы мне отказаться от этого?

Я поддамся этому, поддамся, если стану писать или думать об этом; я оставлю эти листки и пойду опять на воздух. Мне необходимо поговорить с кем-нибудь о самых обыкновенных предметах. Я поведу гулять хозяйку и её детей. Мы пойдём посмотреть что-нибудь. В городе есть какая-то выставка, я поведу их туда. Я не такая уж злая женщина, когда постараюсь, и моя хозяйка была добра ко мне. Я отвлекусь от своих мыслей, когда я увижу, что она и дети будут веселиться.

Минуту назад я оставила эти листки, как сказала, а теперь опять раскрыла их, сама не знаю почему. Мне кажется, мой мозг перевернулся. Я чувствую, будто какая-то мысль вылетела у меня из головы; я чувствую, что должна найти её здесь.

Я нашла! Мидуинтер!!! Возможно ли, что, думая о причинах за и против целый час, несколько раз читала имя Мидуинтера, серьёзно намеревалась выйти за него и ни разу не подумала, что даже если устроятся все другие препятствия, то он один, когда настанет время, будет непреодолимым препятствием на моём пути? Неужели соображения о смерти Армадэля поглотили меня до такой степени? Я так полагаю. Я не могу другим образом объяснить такой необыкновенной забывчивости с моей стороны.

Не остановиться ли мне и не подумать ли об этом, как я подумала обо всём остальном? Не спросить ли мне себя: не будет ли Мидуинтер, когда настанет время, таким же непреодолимым препятствием, каким он кажется теперь? Нет! Какая нужда думать об этом? Я решила преодолеть искушение; я решила доставить удовольствие моей хозяйке и её детям; я решила закрыть мой дневник, и он будет закрыт.

\* \* \*

Шесть часов. Болтовня хозяйки нестерпима, дети хозяйки надоедают мне. Я оставила их и прибежала сюда — до отхода почты написать строчку миссис Ольдершо.

Опасение поддаться искушению всё сильнее овладевало мной. Я решила отрезать все возможности поступить по намеченному плану. Миссис Ольдершо послужит для меня спасением в первый раз с тех пор, как я её знаю. Если я не заплачу ей по расписке, она угрожает посадить меня в тюрьму. Ну, пусть она арестует меня. В том расположении духа, в каком я нахожусь теперь, самое лучшее, что могло бы случиться для меня, это — чтоб меня увезли из Торп-Эмброза волей или неволей. Напишу, что меня можно найти здесь, напишу ей прямо, что самую лучшую услугу, какую она может оказать мне, это — запереть меня в тюрьму!

\* \* \*

Семь часов. Письмо отправлено на почту. Я начинала чувствовать некоторое облегчение, когда дети пришли поблагодарить меня за то, что я водила их на выставку. Девочка совсем расстроила меня; она очень бойка, и волосы у неё почти такого цвета, как у меня. Она сказала: «Я буду похожа на вас, когда вырасту, не правда ли?»

Её плулая мать сказала: «Пожалуйста, извините её, мисс».

И, смеясь, увела её из комнаты. Похожа на меня! Я вовсе не люблю этого ребёнка, но думать, что она будет похожа на меня!

\* \* \*

Суббота, утро. Я хорошо поступила раз в жизни, по внутреннему побуждению, написав таким образом к миссис Ольдершо. Единственное случившееся новое обстоятельство оказалось в мою пользу.

Майор Мильрой ответил на письмо Армадэля, просившего позволения зайти в коттедж и оправдаться. Дочь прочла это письмо молча, когда Армадэль подал ей его на их свидании сегодня утром в парке. Но они разговаривали потом об этом письме так громко, что я всё слышала. Майор упорно стоит на своём. Он пишет, что его мнение о поведении Армадэля составлено не по слухам, а по собственным

письмам Армадэля, и он не видит причины изменять мнение, к которому он пришёл, когда переписка между ними прекратилась.

Это маленькое обстоятельство, я признаюсь, ускользнуло из моей памяти. Дело могло кончиться неприятно для меня. Если бы майор Мильрой не так упорно придерживался своего мнения, Армадэль мог бы оправдаться, его помолвка с мисс Мильрой была бы признана, и всякая возможность для меня иметь влияние на это дело была бы утрачена. Теперь же они должны держать планы своей помолвки в строгой тайне, и мисс Мильрой, не осмелившаяся подходить к большому дому после того, как гроза принудила её искать там убежища, вряд ли осмелится подойти и теперь. Я могу разлучить их, когда захочу, анонимным письмом к майору; я могу разлучить их, когда захочу!

После рассуждений о письме они начали говорить о том, что им теперь предпринять. Строгость майора, как оказалось, произвела обыкновенный результат. Армадэль заговорил опять о побеге, и на этот раз она слушала его, мисс Мильрой все принуждает к этому. Платья её готовы, а летние каникулы в школе, выбранной для неё, кончатся в конце следующей недели. Когда я оставила их, они уговорились встретиться опять и решить что-нибудь в понедельник.

Последние слова, сказанные им, перед тем как я ушла, несколько взволновали меня. Он сказал: «По крайней мере одно затруднение, Нили, не должно тревожить нас: у меня много денег».

Потом он поцеловал её. Возможность лишить его жизни показалась мне реальнее, когда он заговорил о деньгах и поцеловал её.

Прошло несколько часов, и чем больше я думаю о мести, тем больше опасаюсь пустого промежутка до того времени, когда миссис Ольдершо обратится к закону и защитит меня от меня самой. Может быть, было бы лучше, если б я осталась дома сегодня. Но как я могла? После оскорбления, которое она нанесла мне вчера, я порывалась взглянуть на девицу.

Сегодня воскресенье. Понедельник, вторник. Меня не могут арестовать за долг раньше среды. От моих жалких пяти фунтов осталось только четыре! А Армадэль сказал Нили, что у него много денег! Она краснела и дрожала, когда он целовал её! Может быть, было бы лучше для него, лучше для неё, лучше для меня, если бы срок моего долга кончился вчера и полиция задержала меня сию минуту.

Что если бы у меня были средства уехать из Торп-Эмброза со следующим поездом, отправиться за границу и занять себя каким-нибудь новым интересным делом с новыми людьми? Могла ли бы я это сделать, скорее чем размышлять о том лёгком способе лишиться его жизни, который проложит путь к богатству? Может быть. Но откуда достану я денег? Кажется, дня два тому назад мне приходил в голову способ достать денег? Да, это — низкая идея просить Армадэля помочь мне! Хорошо, поступлю низко один раз, я дам ему возможность совершить великодушный поступок с помощью туго набитого кошелька, о котором он размышляет с таким утешением в сложившихся обстоятельствах. Сердце моё смягчилось бы ко всякому человеку, который ссудил бы меня деньгами в моём теперешнем отчаянном положении; и если Армадэль даст мне денег, то может быть, моё сердце смягчится и к нему. Когда я пойду? Сейчас! Я не оставлю себе времени продлить унижение от этого поступка и переменить моё намерение.

\* \* \*

Три часа. Я отмечаю час. Он сам решил свою участь. Он оскорбил меня.

Да! Я раз вынесла это оскорбление от мисс Мильрой, а теперь вынесла во второй раз от самого Армадэля. Оскорбление приметное, безжалостное, умышленное оскорбление днём!

Я прошла город и сделала несколько сот шагов по дороге, которая ведёт к большому дому, когда увидела Армадэля, подходящего ко мне. Он шёл очень быстро, вероятно, за чем-нибудь в город. В ту самую минуту, как он увидел меня, он остановился, покраснел, снял шляпу, заколебался и повернул назад в переулок, который, как мне известно, идёт в противоположном направлении от того, в котором он шёл, когда увидел меня. Его поступок говорил сам за себя так ясно, что его можно было выразить словами: «Мисс Мильрой может об этом услышать: я не смею подвергнуться риску, чтоб меня увидели говорящим с вами». Мужчины поступали со мной жестокосердно и говорили мне неприятные вещи, но ещё ни один мужчина на свете не

бегал от меня как от прокажённой, как будто заражавшей сам воздух своим присутствием!

Не говорю ничего более. Когда он сбежал от меня в этот переулочек, он пошёл навстречу своей смерти. Я написала Мидуинтеру, чтоб он ожидал меня в Лондоне на будущей неделе и все приготовил к нашему скорому браку.

\* \* \*

Четыре часа. Полчаса назад я надела шляпку, чтоб самой отнести на почту письмо к Мидуинтеру, но вот все ещё сижу в своей комнате, с душой, раздираемой сомнениями, а письмо лежит на столе.

Армадэль не причина сомнений, теперь раздирающих меня. Это Мидуинтер заставляет меня колебаться. Могу ли я сделать один из трех шагов, которые приведут меня к цели, без моей обычной осторожности думать о последствиях? Могу ли я выйти за Мидуинтера, не зная заранее, как уничтожить препятствие иметь мужа, когда наступит время, которое превратит меня из жены живого Армадэля во вдову Армадэля умершего.

Почему я не могу думать об этом, когда знаю, что должна думать об этом? Почему я не могу так твёрдо вспянуть на это, как гляжу на всё остальное? Я чувствую его поцелуи на губах моих; я чувствую его слезы на груди моей; я чувствую, как его руки обнимают меня. Он далеко отсюда, в Лондоне, а между тем он здесь и не даёт мне думать об этом!

Почему не могу я немного подождать? Почему мне не предоставить времени помочь себе? Времени? Сегодня суббота. Какая нужда думать об этом, если я не хочу? Сегодня почта в Лондон не идёт, я должна ждать. Если отдам письмо на почту, оно не пойдёт. Притом, может быть, завтра получу известие от миссис Ольдершо. Я должна подождать от неё письма. Я не могу считать себя свободной женщиной, пока не узнаю, что намерена делать миссис Ольдершо. Необходимо подождать до завтра. Я сниму шляпку и запру письмо в письменную шкатулку.

Воскресенье утром. Нельзя устоять! Обстоятельства одно за другим побуждают меня: они толпятся, толпятся и толкают меня все к одному.

Я получила ответ миссис Ольдершо. Эта негодная тварь ползает передо мной и льстит мне. Я могу представить так же ясно, как бы она призналась мне, что старуха подозревает, что я намерена добиться успеха в Торп-Эмброзе без её помощи. Видя, что угрозы для меня бесполезны, она старается теперь мне льстить. Я опять её возлюбленная Лидия! Она обижается на то, как я могла вообразить, что она была действительно намерена арестовать своего задушевного друга, и умоляет меня, как милость для неё, продлить срок расписки!

Я говорю ещё раз: ни одно человеческое существо не могло бы устоять против задуманного в моём положении. Сколько раз я старалась избавиться от искушения, и каждый раз обстоятельства гонят меня. Я не могу бороться долее. Почта, отвозящая мои письма, сегодня вечером отвезёт между прочими и моё письмо к Мидуинтеру.

Сегодня вечером! Если я позволю себе ждать до вечера, ещё что-нибудь может случиться. Если я позволю себе ждать до вечера, я опять могу поколебаться. Мне надоело мучиться в нерешительности. Я должна и хочу облегчить себе жизнь в настоящем, чего бы то ни стоило в будущем. Моё письмо к Мидуинтеру сведёт меня с ума, если дальше останется в моей шкатулке. Я могу отдать его на почту через десять минут — и отдам!

Сделано. Первый из трех шагов, ведущих меня к цели, сделан. Душа моя стала спокойнее, письмо отдано на почту.

Мидуинтер получит его завтра. До конца этой недели все должны увидеть, как Армадэль оставит Торп-Эмброз, и все должны увидеть, что и я оставляю Торп-Эмброз вместе с ним.

Взглянула ли я на последствия моего брака с Мидуинтером? Нет! Знаю ли я, как уничтожить препятствие, которое я встречу со стороны моего мужа, когда наступит время, которое превратит меня из жены живого Армадэля во вдову Армадэля умершего?

Нет! Когда наступит время, я должна разрушить это препятствие, как смогу. Стало быть, я слепо решаюсь — относительно Мидуинтера

— на этот страшный риск? Да, слепо. Не лишилась ли я рассудка? Весьма вероятно. Или я так люблю его, что не решаюсь прямо взглянуть на это? Вероятно. Кому до этого нужда?

Я не хочу, не хочу, не хочу думать об этом! Разве у меня нет собственной воли? И неужели я не могу, если хочу, думать о чем-нибудь другом?

Вот раболепное письмо матушки Иезавели. Есть о чём думать. Я буду отвечать на это письмо. Я расположена написать матушке Иезавели.

Конец письма мисс Гуилът к миссис Ольдершо.

*«...я сказала вам, когда прервала моё письмо, что я подожду, прежде чем кончу, и спрошу мой дневник: могу ли я, не опасаясь, сказать вам, что я теперь собираюсь сделать? Я спрашивала, и мой дневник ответил. „Не говорите ей!“ При таких обстоятельствах я кончаю моё письмо — с нижайшими извинениями, что оставляю вас в неведении.*

*Я, вероятно, скоро буду в Лондоне — и смогу рассказать вам словесно при встрече, что считаю не безопасным написать. Помните: я не даю обещания! Всё будет зависеть от того, как я буду расположена к вам в то время. Я не сомневаюсь в вашей скромности, но (при некоторых обстоятельствах) я не совсем уверена в вашем мужестве.*

*Л. Г.*

Весьма вам благодарна за позволение продлить срок расписки. Я отказываюсь воспользоваться вашим предложением. Деньги будут готовы ко времени, когда надо будет их платить. У меня теперь есть друг в Лондоне, который заплатит, когда я попрошу его. Желаете ли вы знать, кто этот друг? Вы пожелаете узнать ещё кое-что, миссис Ольдершо, прежде чем несколько дней пронесётся над вашей и моей головой».



## Глава XI

# ЛЮБОВЬ И ЗАКОН

Утром в понедельник двадцать восьмого июля мисс Гуильт, опять подсматривавшая за Аллэном и Нили, дошла до своего обычного наблюдательного поста в парке своим привычным окольным путём.

Она немного удивилась, найдя Нили одну на месте свидания. Она ещё больше удивилась, когда опоздавший Аллэн явился через десять минут с большой книгой под мышкой и сказал в своё извинение, что он опоздал, потому что отыскивал книги и нашёл только одну, которая по-видимому, могла вознаградить хоть сколько-нибудь Нили и его самого за труд просматривать её.

Если бы мисс Гуильт подождала ещё немного в парке в прошлую субботу и услышала окончание разговора любовников, она без труда поняла бы так же, как и Нили, необходимость книги, принесённой Аллэном, и извинение его за опоздание.

В жизни есть один исключительный случай — брак, когда даже самые молоденькие девушки становятся способными (более или менее эмоционально) взглянуть на его последствия. В последнюю минуту субботнего свидания воображение Нили вдруг обратилось к будущему, и она совершенно смутила Аллэна, спросив, наказывалась ли законом побег? Память подсказала ей, что она читала где-то, когда-то, в какой-то книге (вероятно, в романе) о побеге с ужасным концом: невесту притащили домой в истерике, а жениха заставили томиться в тюрьме и обстригли все его прекрасные волосы по приговору парламента. Положим, что она могла бы согласиться на побег — на что определённо отказывалась дать обещание, — она должна прежде узнать, не надо ли опасаться того, что кроме пастора и пономаря полиция может вмешаться в её замужество. Аллэн, как мужчина, должен знать это, и к Аллэну она обратилась за информацией с предварительным уверением, что она скорее тысячу раз умрёт от любви, чем послужит невольной причиной того, что он будет томиться в тюрьме и что обстригут его волосы по приговору парламента.

— Над этим нечего смеяться, — решительно сказала Нили в заключение. — Я отказываюсь даже думать о нашем браке, пока не выясню насчёт закона.

— Но я ничего не знаю о законе, даже столько, сколько знаете вы, — сказал Аллэн. — К чёрту закон! Мне всё равно, если волосы мои будут обстрижены. Рискнём!

— Рискнуть? — с негодованием повторила Нили. — Разве вы не уважаете меня? Я не хочу рисковать! Где есть воля, там есть и возможность. Вы должны сами разобраться с законом.

— Постараюсь от всего сердца, — сказал Аллэн. — Но как?

— Разумеется, из книг. В вашей огромной библиотеке в большом доме должно быть множества сведений. Если вы истинно любите меня, вы не откажетесь пересмотреть заглавие нескольких тысяч книг и все выяснить.

— Я пересмотрю заглавие и десяти тысяч! — с жаром закричал Аллэн. — Скажите мне, что я должен пересмотреть?

— Законы, разумеется! Когда вы увидите «Закон» в заглавии, раскройте эту книгу и отыщите «Брак», прочтите каждое слово, а потом придите и объявите мне. Что? Вы думаете, что на вашу голову нельзя положиться в такой простой вещи, как эта?

— Конечно нет, — отвечал Аллэн. — Не можете ли вы помочь мне?

— Разумеется, могу, если вы не можете справиться без меня. Законы, может быть, трудны, но они не могут быть труднее музыки, а я должна и хочу узнать все. Привезите мне все книги, какие сможете найти, в понедельник утром на тачке, если их будет много и если вы не сможете устроить иначе.

Результатом разговора было появление Аллэна в парке с томом «Комментарий» Блэкстона в роковое утро понедельника, когда письменное согласие мисс Гуильт на брак было отправлено Мидуинтеру. Тут снова, как во многих других людских судьбах, великое противоречие элементов смешного и страшного столкнулись вместе с тем законом контраста, который является одним из основных законов человеческой жизни. Среди всех надвигающихся осложнений, нависших над их головами, — с тенью замышляемого убийства, прокрадывавшегося уже к одному из них, из тайного убежища, скрывавшего мисс Гуильт, — они оба сидели, не представляя своего

будущего, с книгой в руках, старательно изучая законы о браке с серьёзной решимостью понять юридическую казуистику, которая для таких молодых людей была чрезвычайно смешна сама по себе.

— Найдите это место, — сказала Нили, как только они удобно уселись. — Мы должны разделить труд. Вы будете читать, а я записывать.

Она вынула небольшую записную книжку и карандаш и раскрыла её посередине, там, где была чистая страница с правой и левой стороны. На верху правой страницы она написала слова: «хорошее», на верху левой страницы — «дурное».

— «Хорошее» значит, когда закон будет на нашей стороне, — объяснила она, — а «дурное» — когда закон против нас. Мы будем писать хорошее и дурное напротив одно другого на обеих страницах, а когда дойдём до конца, подведём итог и будем действовать, соображаясь с законом. Говорят, что девушки не понимают дел. Неужели не понимают? Не смотрите на меня, смотрите в книгу и начинайте.

— Не хотите ли вы поцеловать меня прежде? — спросил Аллэн.

— Очень не хочу. В нашем серьёзном положении, когда мы оба должны изощрить наш ум, я удивляюсь, как вы можете желать чего-нибудь подобного!

— Я желаю для того, — сказал бессовестный Аллэн, — что я чувствую, это прояснит мне мысли.

— О! Если это прояснит вам мысли, это другое дело. Я, разумеется, должна прояснить ваши мысли, чего бы мне это ни стоило. Только будьте осторожны с Блэкстоном, — шепнула она кокетливо, — а то вы смешаете страницу.

В разговоре наступила пауза. Блэкстон и записная книжка вместе скатились на землю.

— Если это опять случится, — сказала Нили, поднимая записную книжку, между тем как её глаза сияли и щеки горели, — я буду сидеть к вам спиной всё время. Будете вы продолжать?

Аллэн нашёл страницу во второй раз и, очертя голову, погрузился в бездонную пучину английских законов.

— Страница двести восьмая, — начал он, — «Закон о муже и жене». Вот этого я не понимаю: «Надо заметить вообще, что закон смотрит на брак как на контракт». Что это значит? Я думал, что

контракт — это бумага, которую подписывают подрядчики, когда обещают вывести рабочих в условленное время; а когда это время наступает (как говорила моя бедная матушка), рабочие никогда не уходят.

— О любви нет ничего? — спросила Нили. — Посмотрите несколько ниже.

— Ни слова. Он всё время твердит о своём проклятом контракте.

— Экий злодей! Перейдём к чему-нибудь другому, более к нам подходящему.

— Вот это больше к нам подходит: «Неспособности». «Если соединятся люди юридически неспособные, это блудный, а не супружеский союз». Блэкстон любит длинные фразы, не правда ли? Желал бы я знать, что он подразумевает под словом «блудный»? «Первая из этих юридических неспособностей — прежний брак, и, имея в живых другого мужа или другую жену...»

— Пойдите! — перебила Нили. — Я должна это записать.

Она серьёзно сделала первую запись на странице озаглавленной: «хорошее»: «Я не имею мужа, а Аллэн не имеет жены, мы оба не женаты в настоящее время».

— Пока все хорошо, — заметил Аллэн, смотря через её плечо.

— Продолжайте, — сказала Нили. — Что далее?

— «Следующая неспособность, — продолжал Аллэн, — несовершеннолетие. Лета, потребные для супружества, четырнадцать в мужчине и двенадцать в женщине». Блэкстон начинает довольно рано, по крайней мере! — весело вскричал Аллэн.

Нили была слишком занята делом, чтоб сделать замечание со своей стороны. Она записала опять на странице «хорошей»: «Я в таких летах, что согласиться могу, и Аллэн тоже».

— Продолжайте! — сказала она, смотря через плечо чтеца. — Бросим эти рассуждения Блэкстона о том, как муж в надлежащих летах, а жена моложе двенадцати. Гнусный человек! Жена моложе двенадцати! Перейдите к третьей неспособности, если она есть.

— «Третья неспособность, — продолжал Аллэн, — неимение рассудка».

Нили немедленно сделала третью запись на стороне «хорошей»: «Аллэн и я в полном рассудке».

— Перейдите к другой странице.

Аллэн перешёл.

— «Четвёртая неспособность относится к близости родства».

Четвёртая запись немедленно появилась на хорошей стороне записной книжки: «Он любит меня, а я люблю его, и мы все не родня друг другу».

— Есть ещё что-нибудь? — спросила Нили, нетерпеливо стуча по своему подбородку кончиком карандаша.

— Много ещё, — отвечал Аллэн. — И все иероглифами, посмотрите: «Marriage Acts, 4 geo. id, с. 76. and 6 and 7 Will. id, с 85 с. (q)». Тут, верно, рассудок Блэкстона немного помутился. Не посмотреть ли нам далее, не образумился ли он на следующей странице?

— Подождите немножко, — сказала Нили, — что это я вижу в середине?

Она читала с минуту молча, через плечо Аллэна, а потом вдруг с отчаянием всплеснула руками.

— Я знала, что я была права! — воскликнула она. — О, Боже! Вот это здесь!

— Где? — спросил Аллэн. — Я ничего не вижу о том, чтобы томиться в тюрьме и обстригать волосы, разве только это подразумевается в иероглифах: 4 geo. id. — значит «посадить его в тюрьму», а с. 85. (q) — «послать за цирюльником».

— Пожалуйста, будьте серьезнее, — увещевала Нили. — Мы оба сидим на вулкане. Вот, — сказала она, указывая на одно место, — прочтите! Вот это, может быть, образумит вас насчёт нашего положения.

Аллэн прокашлялся, а Нили держала карандаш наготове на неприятной стороне записи, то есть на странице, озаглавленной «дурное».

— «И так как цель нашего закона, — начал Аллэн. — предупреждать браки людей моложе двадцати одного года без согласия родителей или опекунов...»

Нили сделала первую запись на стороне «дурное»: «Мне только семнадцать лет и обстоятельства запрещают мне признаться папа в моей привязанности».

— «...постановлено, что в случае оглашения в церкви брака лица моложе двадцати одного года, которое не вдовец и не вдова,

считающиеся эмансипированными...»

Нили записала на «дурной» стороне: «Аллэн ещё не вдовец, а я не вдова, следовательно, никто из нас не эмансипирован».

— «...если отец или опекун открыто изъявляет своё несогласие в то время, как оглашают в церкви...»

— Папа непременно это сделает...

— «...такие оглашения считаются недействительными». Я здесь переведу дух, если вы позволите, — сказал Аллэн. — Блэкстон мог бы написать более короткими фразами, если уже не мог совсем покороче. Развеселитесь, Нили: должны быть какие-нибудь другие способы венчания, кроме этого окольного пути, который кончается оглашением и недействительностью. Адская тарабарщина! Я сам мог бы написать глаже.

— Мы ещё не дошли до конца, — сказала Нили. — Недействительность ничего не значит в сравнении с тем, что будет.

— Что бы это ни было, — возразил Аллэн, — мы поступим с этим как с лекарством: примем за раз и покончим.

Он продолжал читать:

— «А позволение обвенчаться без оглашения не будет дано, если один из венчающихся не присягнёт, что нет никакой помехи насчёт родства...» Ну, в этом я могу присягнуть с чистой совестью! Что дальше? «Одна из венчающихся сторон должна в продолжение двух недель, непосредственно предшествующих этому позволению, жить в своём обыкновенном месте жительства, в том приходе, где должно происходить венчание». Я с величайшим удовольствием проживу две недели в собачьей конуре. Все это, Нили, очень просто. Вы зачем качаете головой? Продолжать — и я увижу? О! Очень хорошо, я буду продолжать. Вот мы остановились здесь: «А когда одна из сказанных сторон, не будучи ни вдовою, ни вдовцом, будет моложе двадцати одного года, должна прежде присягнуть, что согласие лица или лиц, согласие которых требуется, было получено, или что нет такого лица, которое имеет право давать согласие. Согласие требуемое есть согласие... — При этих последних грозных словах Аллэн вдруг остановился:

— ..согласие отца», — закончил он со всей надлежащей серьёзностью в лице и в обращении. — В этом я присягнуть не могу!

Нили отвечала выразительным молчанием. Она подала ему записную книжку с окончательной записью на стороне «дурной» в таких выражениях: «Наш брак невозможен, или Аллэн должен совершить клятвопреступление...»

Влюблённые молча посмотрели друг на друга, обескураженные непреодолимыми препятствиями Блэкстона.

— Закройте книгу, — с печальной покорностью сказала Нили. — Я не сомневаюсь, что мы найдём и полицию, и тюрьму, и стрижку волос — все наказания за клятвопреступление, именно как я говорила вам, если посмотрим на следующую страницу. Но нам нечего смотреть: мы уже всего довольно нашли. Всё кончено для нас. Я должна в субботу отправиться в школу, а вы должны забыть меня так скоро, как только сможете. Может быть, мы встретимся с вами после, когда вы будете вдовцом, а я вдовой, и жестокий закон будет считать нас эмансипированными, когда для нас в этом не будет уже никакой нужды. В то время я, наверно, буду стара и дурна, и вы, наверно, перестанете любить меня, и всё кончится могилой, и чем скорее, тем лучше. Прощайте, — сказала Нили, вставая печально и со слезами на глазах. — Оставаться здесь — значит только продолжать переживать наше несчастье, если только вы не сможете предложить мне чего-нибудь другого.

— Я смогу предложить кое-что, — воскликнул легкомысленный Аллэн. — Это совершенно новая идея. Не хотите ли попробовать кузнеца в Гретна-Грине<sup>[8]</sup>?

— Никакие силы на свете, — с негодованием отвечала Нили, — не заставят меня венчаться у кузнеца!

— Не обижайтесь, — умолял Аллэн, — я стараюсь придумать что-то. Множество людей в нашем положении обращались к кузнецу и нашли его не хуже пастора, да ещё и любезным человеком к тому же. Всё равно! Мы должны попробовать новую стрелу у нашего лука.

— Нам нечего пробовать, — возразила Нили.

— Поверьте моему слову, — настаивал Аллэн, — должны быть способы обойти Блэкстона без клятвопреступления, но мы их не знаем. Это дело юридическое, и мы должны посоветоваться с каким-нибудь юристом. Конечно, это риск, но кто ничем не рискует, тот ничего не получит. Что вы скажете о молодом Педрифте? Он

прекрасный человек. Я уверен, что ему мы можем доверить нашу тайну.

— Ни за что на свете! — воскликнула Нили. — Вы-то готовы поверять ваши тайны этому противному и пошлому человеку, а я не хочу поверить ему моих. Я ненавижу его. Нет! — продолжала она, вспыхнув и сердито топнув ногой. — Я категорически запрещаю вам поверять эту тайну кому бы то ни было в Торп-Эмброзе: они тотчас станут подозревать меня, и эта новость тотчас разнесётся по всему городу. Пусть моя любовь будет несчастной, — заметила Нили, поднося платок к глазам, пусть папа положит ей конец в самом деле, но я не хочу, чтобы её оскорбляли городские сплетни!

— Полно, полно! — сказал Аллэн. — Я ни слова не скажу в Торп-Эмброзе, право не скажу.

Он остановился и подумал.

— Есть ещё способ! — воскликнул он, просияв в одно мгновение. — Впереди у нас ещё целая неделя; я вам скажу, что я сделаю: я поеду в Лондон...

Раздался внезапный шелест за деревьями, между которыми пряталась мисс Гуильт, — который не услышали ни тот ни другая. Одно затруднение (затруднение отозвать Аллэна в Лондон) теперь должно быть устранено по собственной воле Аллэна.

— В Лондон? — повторила Нили, с удивлением подняв глаза.

— В Лондон, — продолжал Аллэн. — Это, кажется, довольно далеко от Торп-Эмброза? Подождите и не забывайте, что дело идёт о законе. Очень хорошо; я знаю в Лондоне нотариусов, которые устроили для меня все дела, когда я вступил во владение этим имением; мне с ними надо посоветоваться. А если они не захотят вмешаться в это дело, то у них есть плавный клерк, один из лучших людей, каких только случалось мне встречать. Я помню, что я приглашал его кататься со мною на яхте; и хотя он не смог поехать, но сказал, что всё-таки благодарен за моё приглашение. Вот этот человек поможет мне. Блэкстон младенец в сравнении с ним. Не говорите, что это нелепо, не говорите, что это похоже на Аллэна. Пожалуйста, выслушайте меня! Я ни слова не упомяну ни о вас, ни о вашем отце; я опишу вас «молодой девушкой, к которой я искренне привязан». А если приятель мой, клерк, спросит меня, где вы живёте, я скажу, на севере Шотландии, или на западе Ирландии, или где вы захотите.



Приятель мой никого не знает в Торп-Эмброзе — это уже рекомендация — и в пять минут научит меня, что делать, — а это другая рекомендация. Если бы вы знали его! Он один из тех необыкновенных людей, которые являются раз или два в столетие, — такой человек, который не позволит вам сделать ошибку, если вы постараетесь. Я должен сказать ему только (вкратце): «Любезный друг, я хочу жениться тайно, без клятвопреступления», а он должен ответить мне только (вкратце): «Вы должны сделать то и то, а должны избегать того и того». Мне ничего другого не придётся делать, как только следовать его инструкциям, а вам ничего другого не следует делать, кроме того, что всегда делает невеста, когда жених уже готов и ждёт!

Рука его обняла стан Нили, а губы подтвердили значение последней фразы с тем молчаливым красноречием, которое всегда так удачно убеждает женщину против её воли. Все приготовленные возражения Нили перешли в один заданный слабым голосом вопрос:

— Положим, что я отпущу вас, Аллэн, — шепнула она, нервно играя пуговицей на его манишке. — Вы долго будете отсутствовать?

— Я уеду сегодня, — сказал Аллэн, — с одиннадцатичасовым поездом и вернусь завтра, если с моим приятелем смогу решить все за один день; а если нет, то в среду, но уж никак не позже.

— Вы будете писать мне каждый день? — спрашивала Нили, прижимаясь к Аллэну ещё ближе. — Я буду изнемогать от волнения, если вы не будете писать мне каждый день.

Аллэн обещал писать два раза в день, если она хочет: писанье писем, стоящее стольких усилий другим мужчинам, не составляло труда для него.

— И помните, что бы ни сказали вам эти люди в Лондоне, — продолжала Нили, — я настаиваю, чтобы вы вернулись ко мне. Я определённо отказываюсь бежать, если вы не приедете за мною.

Аллэн заверил её во второй раз своим честным словом и самым страстным голосом, но Нили даже и тогда не осталась довольна. Она непременно хотела знать, точно ли Аллэн уверен, что он любит её. Аллэн призвал небо в свидетели и тотчас услышал другой вопрос, ответ на который должен был подтвердить его клятвы: мог ли он торжественно заявить, что никогда не пожалеет, что увёз Нили из дома? Аллэн опять призвал небо в свидетели горячее прежнего. Все

бесполезно! Жадность женщины в нежных уверениях требовала ещё большего.

— Я знаю, что скоро случится, — настаивала Нили. — Вы увидите какую-нибудь другую девушку красивее меня и захотите жениться на ней, а не на мне!

Когда Аллэн раскрыл рот для дальнейших уверений, бой часов в большом доме слабо донёлся издали. Нили вскочила. Это был час утреннего чая в коттедже — другими словами: настала пора расстаться. В последнюю минуту сердце Нили устремилось к отцу, а голова опустилась на грудь Аллэна, когда она говорила ему: «Прощайте».

— Папа всегда был добр ко мне, Аллэн, — прошептала она, с тревогой удерживая его, когда он хотел уйти. — Мне кажется так нехорошо и жестоко убежать от него и обвенчаться втайне. О! Подумайте, прежде чем вы поедете в Лондон, не возможно ли сделать его добрее и справедливее к вам?

Вопрос был бесполезен: решительно неблагоприятный приём майором письма Аллэна пришёл на память Нили и дал ей ответ в то время, как она произнесла эти слова. В девическом горестном порыве она оттолкнула Аллэна, прежде чем он ушёл. Борьба самых противоречивых чувств, которую она сдерживала до сих пор, вырвалась наружу против её воли после того, как она махнула Аллэну рукой в последний раз и он исчез в чаще деревьев. Когда Нили сама медленно отправилась в обратный путь, долго сдерживаемые слезы потекли наконец обильным потоком и сделали эту утреннюю прогулку самой печальной в её жизни, так Нили не плакала уже давно.

Когда она отправилась домой, ветви деревьев на месте свидания раздвинулись, и мисс Гуильт тихо вышла на открытое место. Она торжествовала, высокая, прекрасная и решительная; прелестный румянец залил щеки, когда она смотрела на удаляющуюся фигуру Нили, лёгкими шагами подходившую к коттеджу.

— Плачь, дура! — сказала она спокойно своим звучным голосом и с презрительной улыбкой. — Плачь, как ты ещё не плакала до сих пор! Ты в последний раз видела своего возлюбленного.

## Глава XII

# СКАНДАЛ НА СТАНЦИИ

Часом позже хозяйка мисс Гуильт была вне себя от изумления, а её болтливые дети были обескуражены. «Непредвиденные обстоятельства» вдруг заставили жилищу первого этажа отказаться от квартиры и выехать в Лондон в этот же день с одиннадцатичасовым поездом.

— Пожалуйста, распорядитесь, чтоб в половине одиннадцатого была подана карета, — сказала мисс Гуильт своей изумлённой хозяйке. — И извините меня, моя хорошая, за то, что я попрошу не мешать мне до тех пор, пока приедет карета.

Она заперлась в своей комнате и открыла письменную шкатулку.

— Как мне написать письмо к майору? — спросила она себя.

Минутное раздумье, по-видимому, помогло ей решиться. Она выбрала самое плохое перо и написала число на запачканном листе бумаги, кривыми, неровными буквами, окончившимися чернильным пятном, капнутым нарочно. Остановливаясь иногда немного подумать, она написала письмо следующего содержания:

«Милостивейший государь, совесть заставляет меня сообщить вам то, что, как мне кажется, вам следует узнать. Вам следует узнать о поступках мисс Нили, вашей дочери, с молодым мистером Армадэлем. Я хотела бы очень посоветовать вам убедиться поскорее, туда ли она ходит, куда, как вы думаете, она отправляется гулять по утрам перед завтраком. Я не вмешивалась бы в это дело, если б с обеих сторон была истинная любовь, но я не думаю, чтоб молодой человек имел искреннее намерение жениться на мисс. Я хочу сказать, что мисс только просто ему приглянулась. Другая особа, имя которой не будет упомянуто в этом письме, владеет его сердцем. Пожалуйста, извините, что я не подписываю своего имени. Я женщина скромная, и огласка может навлечь на меня неприятности. Вот все пока, сэр, от доброжелательной вам особы».

— Если бы я была истая сочинительница романов, — сказала мисс Гуильт, складывая письмо, — я и тогда не смогла бы написать естественнее от имени служанки.

Она начеркала адрес майора Мильроя, с восторгом посмотрела в последний раз на кривые и неуклюжие буквы, написанные её нежной рукой, и встала, чтобы самой отнести письмо на почту, прежде чем приступить к следующему серьёзному делу — укладыванию своих вещей.

«Странно! — подумала она, когда письмо было сдано на почту и она вернулась готовиться к отъезду в свою комнату. — Я отправляюсь на страшный риск и тем не менее никогда не находилась в лучшем расположении духа».

Чемоданы были готовы, когда приехала карета и мисс Гуильт оделась (с большим вкусом, по обыкновению) в свой дорожный костюм. Густая вуаль, которую она привыкла носить в Лондоне, появилась в первый раз на её провинциальной соломенной шляпке.

— На железной дороге иногда встречаешь таких грубых мужчин, — сказала она хозяйке. — И хотя я скромно одеваюсь, мои волосы так заметны.

Она была немного бледнее обыкновенного, но никогда не казалась такой привлекательной, такой любезной, как в минуту отъезда. Простодушные хозяева дома растрогались, прощаясь с нею. Она непременно хотела пожать руку хозяину, говорила с ним самым милым тоном и улыбалась самой любезной улыбкой.

— Вы были так добры ко мне, вы относились ко мне как родная мать, — сказала она хозяйке, — и вы непременно должны поцеловать меня на прощанье.

Она расцеловала детей весело и нежно, на что приятно было смотреть, и подарила им шиллинг на кэк.

— Если бы я была так богата, что вместо шиллинга могла дать соверен, — шепнула она матери, — как была бы я рада!

Угловатый мальчик, бывший на побегушках, стоял у дверей кареты; он был худ, курнос, с огромным ртом, но свойственная мисс Гуильт привычка очаровывать всех коснулась и его, видимо, за неимением лучшего.

— Милый, чумазенький Джон, — сказала она ласково у дверец кареты, — я так бедна, что могу подарить тебе только пять пенсов и пожелать всего лучшего. Послушайся моего совета, Джон: вырасти красавцем и найди себе миленькую невесту. Спасибо тебе тысячу раз!

Она дружески потрепала его по щеке двумя пальцами, обтянутыми перчаткой, улыбнулась, кивнула головой и села в карету.

«Теперь за Армадэля!» — сказала она себе, когда карета отъехала.

Опасение Аллэна не опоздать к поезду привело его на станцию ранее обыкновенного. Взяв билет и отдав чемодан носильщику, он стал ходить по платформе и думать о Нили, когда услышал шелест дамского платья позади себя и, обернувшись, очутился лицом к лицу с мисс Гуильт.

На этот раз убежать было нельзя. По правую руку Аллэна была стена, по левую — рельсы, позади — туннель, а впереди — мисс Гуильт, спрашивавшая тихим голосом, не в Лондон ли едет мистер Армадэль. Аллэн вспыхнул от досады и удивления. Он, по всему видно, ждал поезда, чемодан его стоял поблизости, а на чемодане приклеен билет: «В Лондон». Какой ответ, кроме правды, мог он дать в этой ситуации? Мог ли он позволить поезду уехать без него и потерять драгоценные часы, столь важные для Нили и для него? Невозможно! Аллэн с отчаянием подтвердил цель своей поездки, указанную на чемодане, и мысленно пожелал очутиться на другом конце света, когда произнёс эти слова.

— Как это приятно! — отвечала мисс Гуильт. — Я тоже еду в Лондон. Могу я просить вас, мистер Армадэль, так как вы, кажется, один, быть моим провожатым в этом путешествии?

Аллэн посмотрел на небольшое собрание отъезжающих и провожающих их, собравшихся на платформе: это все были торпэмбродцы. Он, вероятно, был знаком, как и мисс Гуильт, каждому из них. С отчаяния, волнуясь ещё больше прежнего, он вынул сигару.

— Я очень буду рад, — сказал он со смущением, которое было почти оскорбительно в теперешнем положении, — но я тот, кого люди называют рабом курения.

— Я ужасно люблю сигары! — ответила мисс Гуильт с невозмутимой живостью и весёлостью. — Это одна из привилегий мужчин, которой я всегда завидовала. Я боюсь, мистер Армадэль, что вы подумаете, будто я вам навязываюсь. Оно, конечно, похоже. Но дело в том, что мне нужно сказать вам несколько слов по секрету о мистере Мидуинтере.

В эту минуту подъехал поезд. Оставив в стороне мысль о Мидуинтере, Аллэн не мог из долга самой обыкновенной вежливости не покориться необходимости. После того как он стал причиной того, что она оставила место у майора Мильроя, после того как он намеренно уклонился от встречи с ней на большой дороге, отказаться ехать в Лондон в одном вагоне с мисс Гуильт значило поступить явно грубо, что сделать для Армадэля решительно было невозможно.

«Черт её побери!» — про себя говорил Аллэн, сажая свою спутницу в пустой вагон, любезно предоставленный в его распоряжение кондуктором на глазах всех присутствующих на станции.

— Вас не будут беспокоить, сэр, — шепнул Аллэну кондуктор с улыбкой, поднося руку к фуражке.

Аллэн с величайшим удовольствием поколотил бы его за это.

— Пойдите! — закричал он из окна. — Мне не нужно отдельного вагона.

Но всё было уже бесполезно; кондуктор не слышал, паровоз засвистел, и состав помчался в Лондон.

Избранное общество торп-эмбросцев, провожавших уехавших, задержалось на платформе и тотчас же собралось в кружок со станционным смотрителем в центре.

Станционный смотритель, мистер Мак, был человеком популярным в окрестностях города; он имел два больших достоинства, неизменно положительно действующих на большинство англичан: он был старый военный и не употреблял в разговоре много слов. Конклав на платформе непременно захотел знать его мнение, прежде чем поделиться своим собственным. Разумеется, само собой, что со всех сторон посыпались замечания, однако окончательное мнение каждого об этом событии не высказывалось, все споры кончались вопросом к станционному смотрителю:

— Она его поймала, ведь поймала?

— Она вернётся «миссис Армадэль», ведь вернётся?

— Он лучше выбрал бы мисс Мильрой, ведь лучше?

— Мисс Мильрой выбрала его. Она была у него в большом доме, ведь была?

— Совсем нет. Стыдно портить репутацию девушки. Её застала гроза близости; он был принуждён предложить ей убежище, и с тех

пор она не подходила к дому. Мисс Гуильт была там без всякой грозы, и мисс Гуильт уехала с ним в Лондон в отдельном вагоне, что вы скажете, мистер Мак?

— Глуп же этот Армадэль со всеми своими деньгами. Влюбился в рыжую, лет на девять старше его! Ей целых тридцать. Вот что я говорю, мистер Мак. А вы что скажете?

— Старше или моложе, а она будет хозяйкой в Торп-Эмброзе, и я скажу, надо смириться с этим приличия ради. Мистер Мак, как человек светский, видит это в таком же свете, как и я, не так ли, сэр?

— Господа! — сказал станционный смотритель своим резким командирским голосом и со своим непроницаемым выражением лица. — Она чертовски красивая женщина. А я, если бы был в летах мистера Армадэля, я такого мнения, что если бы я ей понравился, она могла бы выйти за меня.

Выразив своё мнение, станционный смотритель круто повернул направо и сейчас же заперся, как в крепости, в своей конторе.

Торп-эмбросские граждане посмотрели на запертую дверь и глубокомысленно покачали головами. Мистер Мак обманул их ожидания. Мнение, открыто признающее слабость человеческой природы, никогда не бывает популярно.

— Это всё равно что сказать: мол, каждый из нас мог бы на ней жениться, если бы мы были в летах мистера Армадэля!

Таково было общее впечатление на «конклаве», когда митинг был отложен до другого раза и члены начали расходиться.

Последним ушёл старый джентльмен очень медленной походкой, к тому же, видимо, имевший привычку оглядываться вокруг. Остановившись в дверях, этот наблюдательный человек окинул глазами всю платформу и увидел за углом стены пожилого человека, которого до сих пор никто не заметил.

— Господи помилуй! — вскричал старый джентльмен, медленно продвигаясь шаг за шагом вперёд. — Неужели это мистер Бэшуд?

Это был Бэшуд. Бэшуд, любопытство которого разгадать тайну внезапного отъезда Аллена в Лондон привело на станцию. Бэшуд, увидевший и слышавший из-за угла стены то, что все видели и слышали, и на которого, вероятно, это произвело необыкновенное впечатление. Он стоял, прислонившись к стене, как окаменелый, прижав одну руку к обнажённой голове, а в другой держа шляпу,

стоял со слабым румянцем на лице, тусклый взгляд его глаз был обращён в чёрную глубину туннеля, как будто лондонский поезд исчез в нём только сию минуту.

— У вас голова болит? — спросил старый джентльмен. — Послушайтесь моего совета: ступайте домой и прилягте.

Бэшуд слушал машинально внешне с обычным вниманием и отвечал машинально со своей обычной вежливостью тихим голосом, словно в полудрёме:

— Да, сэр, я пойду домой и лягу.

— Вот это хорошо! — заметил старый джентльмен, направляясь к двери. — И примите пилюлю, мистер Бэшуд, примите пилюлю.

Через пять минут сторож, запирая станцию, нашёл Бэшуда все ещё стоящим с обнажённой головой у стены и все ещё смотревшим в чёрную глубину туннеля, как будто лондонский поезд исчез в нём только сию минуту.

— Ступайте, сэр, домой, — сказал сторож, — я должен запереть станцию. Вы нездоровы? Вам дурно? Выпейте дома немного водки.

Бэшуд отвечал сторожу точно так, как и старому джентльмену:

— Да, я выпью немного водки.

Сторож взял Бэшуда за руку и вывел со станции.

— Найдёте здесь, сэр, — сказал он, указывая на кабак, — и очень хорошую водку.

— Я найду здесь, — машинально повторил Бэшуд, — и очень хорошую водку.

Его воля, казалось, была парализована, его действия зависели решительно от того, что другие говорили ему. Он сделал несколько шагов по направлению к питейному дому, пошатнулся и ухватился за фонарный столб. Сторож, последовавший за ним, опять схватил его за руку.

— Вы уже пили! — воскликнул он, с внезапно пробудившимся участием. — Чего? Пиво?

Бэшуд своим тихим голосом повторил последнее слово. Время подходило к обеду сторожа. Но когда простолюдин-англичанин приметит пьяного, его сочувствие к нему делается безграничным. Сторож перестал думать о своём обеде и заботливо помог Бэшуду пройти до питейного дома.



— Крепкая водка снова поставит вас на ноги, — шепнул сострадательный помощник упившегося человеческого рода.

Если бы Бэшуд действительно был пьян, действие средства, предложенного сторожем, было бы чудесным. Но как только рюмка была осушена, крепкий напиток сделал своё дело: ослабленная нервная система Бэшуда, ошеломлённая ударом, обрушившимся на неё, взбудоражилась, как лошадь от удара шпорами; слабый румянец на щеках, тусклый взгляд глаз исчезли. Сделав над собой усилие, Бэшуд вернулся к действительности настолько, что даже поблагодарил сторожа и спросил, не хочет ли он сам чего-нибудь выпить. Этот достойный человек с удовольствием принял дозу горького лекарства — в виде предохранительного средства от простуды — и пошёл домой обедать, как только могут ходить люди, которые физически разгорячены стаканчиком водки, а нравственно возвышены исполнением доброго дела.

Все ещё необычно расстроенный, но осознавший теперь, куда он должен направиться, Бэшуд в свою очередь через несколько минут вышел из питейного дома. Он шёл машинально и в своей поношенной чёрной одежде казался пятном на белой поверхности, освещённой солнцем дороги. Именно таким Мидуинтер увидел его в тот день, когда они встретились в первый раз. Дойдя до того места, где нужно было выбирать между дорогой, которая вела в город, и той, которая вела в большой дом, он остановился, будучи не в состоянии решить, куда идти, и даже не думая об этом.

— Я отомщу ей! — прошептал он, все ещё предаваясь своему ревнивому бешенству от поступка женщины, обманувшей его. — Я отомщу ей, — повторил он громче, — даже если бы мне пришлось истратить мои последние деньги!

Несколько развратных женщин проходили по дороге в город и слышали его слова.

— Ах ты старый негодяй! — закричали они с чрезмерной вольностью своей профессии. — Что бы ни сделала она, тебе поделом!

Резкость их голосов испугала его, понял ли он слова или нет. Он ушёл от дальнейших оскорблений на более уединённую дорогу, которая вела к большому дому. В тихом месте близ дороги он остановился и сел. Бэшуд снял шляпу и приподнял молодящий его

парик со своей плешивой головы, стараясь в отчаянии разрушить твёрдое убеждение, страшно тяготившее его душу, — убеждение, что мисс Гуильт с умыслом обманывала его с начала до конца. Но всё было бесполезно. Никакие усилия не могли переубедить его, не могли освободить и от одной созревшей идеи, вызванной этим убеждением, — идеи мщения. Он встал, надел шляпу и быстро пошёл вперёд, потом повернулся, не зная почему, и медленно пошёл назад.

— Если бы я одевался щеголеватее, — говорил с отчаянием бедняга, — если бы я был несколько смелее с нею, она, может быть, не посмотрела бы на то, что я стар!

Припадок гнева вновь охватил его. Он сжал кулак и свирепо погрозил им в воздухе.

— Я отомщу ей, — повторил он, — я отомщу ей, если бы даже мне пришлось истратить мои последние деньги.

То влияние, которое она приобрела над ним, странно выразалось в том, что его мстительное чувство за нанесённую обиду не могло перенестись от неё на человека, которого он считал своим соперником. И в бешенстве, как в любви, его душа и тело принадлежали мисс Гуильт.

Через минуту стук колёс, приближавшихся сзади, испугал его. Он обернулся. К нему быстро подъезжал Педгифт-старший, точно так, как это было ранее, в тот раз, когда он подслушивал под окном большого дома и когда стряпчий прямо обвинил его в любопытстве насчёт мисс Гуильт!

В одно мгновение это воспоминание ворвалось в его душу. Мнение о мисс Гуильт, высказанное стряпчим мистеру Аллэну при расставании с ним, которое он услышал, пришло ему на память вместе с саркастическим одобрением Педгифта насчёт розысков, на которые его собственное любопытство может решиться.

«Я могу ещё быть с нею, — подумал он, — если мистер Педгифт поможет мне!»

— Пойдите, сэр! — закричал он, когда гиг поравнялся с ним. — Если вы позволите, сэр, я хотел бы поговорить с вами.

Педгифт-старший замедлил бег своей прыткой лошади и сказал не останавливаясь:

— Приходите в контору через полчаса. Сейчас я занят.

Не ожидая ответа, не замечая поклона Бэшуда, он погнал лошадь и через минуту исчез из глаз.

Бэшуд опять присел в тенистом местечке у дороги. Он, по-видимому, был не способен чувствовать никакой другой обиды, кроме той, которую ему нанесла мисс Гуильт. Он не только не сердился, он даже был рад бесцеремонному обращению Педгифта с ним.

— Через полчаса, — сказал он безропотно. — Довольно времени, чтоб успокоиться, а мне это нужно. Мистер Педгифт поступил с большой добротой, хотя, может быть, без намерения.

Тяжесть в голове опять заставила его снять шляпу, он положил её на колени, погружившись в глубокое раздумье; голова его была склонена, а дрожащие пальцы левой руки рассеянно барабанили по тулье шляпы. Если бы Педгифт-старший, увидев его сидящим тут, мог заглянуть в будущее, это однообразное постукиванье по шляпе имело бы силу, но очень было оно слабо, чтобы остановить стряпчего на дороге. Это была слабая, морщинистая рука исхудалого, жалкого старика, но, употребляя собственное выражение Педгифта при его прощальном предсказании Аллэну, этой руке было предназначено «бросить свет на мисс Гуильт».

## Глава XIII

### СЕРДЦЕ СТАРИКА

Аккуратно в назначенное время, по истечении получаса, о Бэшуде доложили в конторе, как о человеке, желающем видеть мистера Педгифта по его собственному назначению.

Стряпчий с досадой поднял глаза от бумаг: он совершенно забыл встречу на дороге.

— Узнай, что ему нужно, — сказал Педгифт-старший Педгифту-младшему, работавшему в одной комнате с ним, — и, если нет ничего важного, вели ему прийти в другое время.

Педгифт-младший быстро вышел и также быстро вернулся.

— Ну что? — спросил отец.

— Он непонятнее обыкновенного, — отвечал сын, — я ничего не мог от него добиться, кроме того, что он непременно хочет видеть вас. Моё мнение, — продолжал Педгифт-младший со своей обычной насмешливой серьёзностью, — что с ним сейчас случится припадок и что он пожелает вас отблагодарить за постоянную доброту к нему, соизволив сообщить вам свои собственные воззрения на этот счёт.

Педгифт-старший обыкновенно оплачивал всем, включая и своего сына, их же собственным оружием.

— Потрудись вспомнить, Аугустус, — возразил он, — что мой кабинет не зал суда. За плохой шуткой не всегда здесь следует взрыв хохота. Проси сюда мистера Бэшуда.

Мистер Бэшуд вошёл, а Педгифт-младший вышел.

— Вам не надо пускать ему кровь, сэр, — шепнул неисправимый шутник, проходя за спинкой отцовского кресла. — Бутылки с горячей водой к подошвам, горчичник на живот — вот современное лечение.

— Садитесь, Бэшуд, — сказал Педгифт-старший, когда они остались одни, — и не забывайте, что время — деньги. Расскажите всё, что бы это там ни было, как можно скорее, как можно короче.

Эти предварительные наставления, резко, но не грубо сказанные, скорее увеличили, чем уменьшили мучительное волнение, которое испытывал Бэшуд. Он пролепетал какие-то непонятные слова,

задрожал ещё более обыкновенного, поблагодарив Педгифта и прибавил извинение, что беспокоит своего патрона в деловые часы.

— Всем здесь известно, мистер Педгифт, что время ваше драгоценно. О, да! О, да! Чрезвычайно драгоценно! Чрезвычайно драгоценно! Извините меня, сэр, я сейчас расскажу. Ваша доброта, или, лучше сказать, ваши дела... нет, ваша доброта позволила мне подождать с полчаса, и я подумал о том, что я хочу рассказать, приготовился и расскажу вкратце.

Сказав это, он замолчал с мучительным, растерянным выражением на лице. Он все продумал мысленно, но когда настало время, смущение не позволяло ему говорить. А Педгифт молча ждал; его лицо и обращение с клиентом ясно выражали ту безмерную цену времени, которую каждый клиент, посещавший знаменитого доктора, каждый клиент, советовавшийся со стряпчим, имеющим большую практику, знает так хорошо.

— Вы слышали новость, сэр? — пролепетал Бэшуд, в отчаяние высказав главную мысль, доминировавшую в голове его, просто потому, что у него не было никакой другой мысли.

— Это касается меня? — спросил Педгифт-старший, безжалостно, без предисловий приступая к самому делу.

— Это касается одной дамы, сэр... одного молодого человека, должен бы я сказать, в котором вы принимаете участие. Что вы думаете, мистер Педгифт? Мистер Армадэль и мисс Гуильт поехали вместе сегодня в Лондон — одни, сэр, одни в отдельном вагоне. Как вы думаете: он женится на ней? И вы тоже думаете, как всё, что он женится на ней?

Он задал этот вопрос, и румянец внезапно выступил у него на лице и так же внезапно появилась энергия в обращении. Его понимание ценности времени стряпчего, его убеждение в снисхождении к нему стряпчего, его природная застенчивость и робость — все вместе уступило одному всепоглощающему интересу — услышать ответ Педгифта. Он первый раз в жизни задал этот вопрос твёрдым, громким голосом.

— Насколько я знаю мистера Армадэля, — сказал стряпчий (при этом выражение его лица стало суровым, а голос глухим), — я думаю, что он способен жениться на мисс Гуильт десять раз, если мисс Гуильт заблагорассудится сделать ему предложение. Ваше известие

нисколько меня не удивляет, мистер Бэшуд. Мне жаль его. Я могу сказать это по совести, хотя он пренебрёг моим советом. Мне ещё больше жаль, — продолжал он, смягчившись в душе при воспоминании о своём свидании с Нили в парке под деревьями, — мне ещё больше жаль одну особу, которую я не назову. Но какое мне дело до этого? И скажите ради Бога, что такое с вами? — продолжал он, заметив в первый раз страдания Бэшуда, отчаяние на лице Бэшуда, вызванное его ответом. — Вы нездоровы, или что-нибудь скрывается за всем этим, что вы боитесь высказать? Я не понимаю. Вы пришли сюда, в мой собственный кабинет, в деловые часы, только затем, чтобы сказать мне, что мистер Армадэль имел глупость испортить навсегда свою будущность? Я предвидел это давно, мало того, я даже сказал ему об этом в последнем разговоре, который имел с ним в большом доме. При этих последних словах Бэшуд вдруг приободрился. Замечание стряпчего о разговоре в большом доме возвратило его в одно мгновение к той цели, которую он имел в виду.

— Вот о чём, — сказал он с жаром, — вот о чём я желал говорить с вами, вот к чему я приготовлялся в мыслях. Мистер Педгифт, сэр, в последний раз, когда вы были в большом доме, когда вы уезжали в вашем гиге, вы нагнали меня на дороге.

— Кажется, моя лошадь быстрее на ходу, чем вы, Бэшуд. Продолжайте, продолжайте! Я полагаю, что мы дойдём наконец до того, к чему вы ведёте.

— Вы остановились и заговорили со мной, сэр, — продолжал Бэшуд, все с большей твёрдостью приближаясь к цели. — Вы сказали, что подозреваете меня в любопытстве насчёт мисс Гуильт, и прибавили (я помню ваши собственные слова, сэр), и прибавили, что я могу удовлетворить своё любопытство, что вы этому не препятствуете.

Педгифту-старшему в первый раз показалось это так интересно, что захотелось послушать дальше.

— Я помню что-то в этом роде, — отвечал он, — помню также, что мне показалось странным, как вы оказались (мы не употребим более оскорбительного выражения) как раз под окном мистера Армадэля, когда я говорил с ним. Разумеется, это могло быть случайностью, но больше походило на любопытство. Я могу судить только по наружности, — заключил Педгифт, дополняя свой рассказ

щепоткой табака, — а ваша наружность, Бэшуд, была решительно против вас.

— Не опровергаю этого, сэр. Я только упомянул об этом обстоятельстве потому, что желал признаться вам, что я точно любопытен насчёт мисс Гуильт.

— Почему? — спросил Педгифт-старший, видя нечто непонятное на лице и в обращении Бэшуда, но нисколько не догадываясь, что это могло бы быть.

Наступило минутное молчание. Минута прошла, Бэшуд прибегнул к средству, к которому обыкновенно прибегают робкие и ненаходчивые люди, поставленные в такое же положение, когда не могут найти ответа. Он просто повторил только что сказанное.

— Я чувствую, сэр, — сказал он со смесью угрюмости и робости, — некоторое любопытство к мисс Гуильт.

Снова наступило неловкое молчание. Несмотря на свою большую проницательность и знание людей, стряпчий пришёл ещё в большее недоумение. Дело Бэшуда представляло единственную человеческую загадку, которую он пока не способен был решить. Хотя год за годом мы бываем свидетелями в тысяче случаев незаконного лишения наследства ближайших родственников, бессовестного нарушения самых священных уз, печального разрыва старой и твёрдой дружбы единственно по милости того могучего эгоизма, который может возродить в сердце старика половая страсть, соединение любви с дряхлостью и седыми волосами всё-таки не возбуждает во всех другой мысли, кроме сумасбродной невероятности или сумасбродной нелепости. Если бы встреча, происходившая в кабинете Педгифта, происходила за его обеденным столом, когда вино расположило бы его разум к более юмористическому восприятию, может быть, он догадался бы в чём дело, но в свои рабочие часы Педгифт-старший имел привычку смотреть на проблемы людские серьёзно, с деловой точки зрения, и по этой самой причине он просто был неспособен понять такой забавный курьёз, такую нелепость, что Бэшуд был влюблён.

Некоторые люди на месте стряпчего постарались бы прояснить дело, упорно повторяя свой вопрос. Педгифт-старший благоразумно отложил вопрос до тех пор, пока не подвинул разговора ещё на шаг.

— Ну, хорошо, — сказал он, — вы испытываете любопытство к мисс Гуильт, далее что?

Ладони Бэшуда начали увлажняться под влиянием такого же волнения, как в то время, когда он рассказывал историю о своих домашних горестях Мидуинтеру в большом доме. Опять он скомкал носовой платок и беспокойно перекладывал его из одной руки в другую.

— Могу я спросить, сэр, — начал он, — предполагая, что вы имеете очень неблагоприятное мнение о мисс Гуильт, вы, кажется, совершенно убеждены...

— Милый мой, — перебил Педгифт-старший, — зачем вам сомневаться в этом? Вы стояли под открытым окном мистера Армадэля всё время, пока я с ним говорил, и я полагаю, что ваши уши были не совсем закрыты.

Бэшуд не прерывал стряпчего. Жало сарказма стряпчего было притуплено более благородной болью, возбуждённой в нём раной, нанесённой мисс Гуильт.

— Вы, кажется, совершенно убеждены, сэр, — продолжал он, — что в прошлой жизни этой дамы есть обстоятельства, которые опозорили бы её, если бы были обнаружены в настоящее время?

— Окно было отперто в большом доме, Бэшуд, и ваши уши были, я полагаю, не совсем закрыты.

Все ещё не чувствуя жала, Бэшуд настаивал больше прежнего.

— Или я очень ошибаюсь, — сказал он, — или ваша большая опытность в подобных вещах подсказала вам, сэр, что, может быть, мисс Гуильт даже известна полиции?

Терпение Педгифта-старшего истощилось.

— Вы в этой комнате уже десять минут, — сказал он, — можете вы или не можете сказать мне простыми словами, что вам от меня нужно?

Простыми словами, со страстью, преобразившей его, со страстью, сделавшей из него мужчину (по собственным словам мисс Гуильт), с румянцем, горевшим на его впалых щеках, Бэшуд отвечал на вызов стряпчего:

— Я хочу сказать, что я в этом вопросе придерживаюсь одного мнения с вами. Я думаю, что в прошлой жизни мисс Гуильт есть нечто нехорошее, что она скрывает от всех, и я желаю это узнать.



Педгифт-старший использовал представившийся случай и тотчас задал вопрос, который он откладывал.

— Зачем? — спросил он во второй раз.

Во второй раз Бэшуд заколебался. Мог ли он признаться, что безрассудно влюбился в неё и ради любви решился на такую низость, как стать её шпионом? Мог ли он сказать: «Она обманывала меня с самого начала, а теперь бросила, когда цель её достигнута. Лишив меня моего счастья, лишив меня моей чести, лишив меня моей последней надежды в жизни, она бросила меня и не оставила мне ничего, кроме тайного и тихого, сильного и неизменного желания мести; мести, которую я могу осуществить, если удастся отравить её жизнь, выставив погрешности мисс Гуильт публично; мести, которую я куплю (что значит для меня золото или жизнь?) на последний фартинг накопленных денег и последней каплей моей стынувшей крови». Мог ли он сказать это человеку, который ожидал его ответа? Нет, он мог только молчать.

Лицо стряпчего опять приняло суровое выражение.

— Один из нас должен говорить, — сказал он, — и так как вы, очевидно, не хотите, то заговорю я. Думаю, что могу только объяснить ваше необыкновенное желание узнать секреты мисс Гуильт двумя способами. Причина, побуждающая вас, или чрезвычайно низкая — не обижайтесь Бэшуд, я только предполагаю, — или чрезвычайно благородная. Так как мне известен ваш честный характер и ваше благородное поведение, я тотчас обязан оправдать вас в низости. Я полагаю, что вы также неспособны, как и я, извлечь денежные выгоды из того, что вы узнаете из прошлой жизни мисс Гуильт. Продолжать мне далее, или вы предпочтёте сами откровенно открыть мне свои мысли?

— Я предпочёл бы не прерывать вас, сэръ, — сказал Бэшуд.

— Как хотите. Оправдав вас от низкой причины, я перехожу к благородной. Очень может быть, что вы необыкновенно признательны, а мистер Армадэль был замечательно добр к вам. Дав вам место помощника Мидуинтера, он почувствовал такое доверие к вашей честности и способности, что теперь, когда его друг оставил его, он все дела передал в ваши руки. Моя опытность разбираться в человеческой натуре не позволяет считать вероятным, — хотя всё-таки это возможно, — чтоб вы были так признательны за это доверие

и такое принимали участие в судьбе вашего хозяина, что не можете видеть, как мистер Армадэль в своём одиноком положении стремится прямо к своей гибели, не сделав усилия, чтобы спасти его. Скажу в двух словах: вы думаете, что мистеру Армадэлю можно помешать жениться на мисс Гуильт, если его можно предупредить вовремя о её действительной репутации? И вы желаете быть тем человеком, который откроет ему глаза? Если это так...

Он остановился с изумлением. Действуя по какому-то непреодолимому побуждению, Бэшуд вскочил. Он стоял, а его дряблое лицо вдруг осветилось каким-то внутренним светом, который сделал его на вид моложе двадцатью годами; он стоял, силясь заговорить, и обеими руками махал стряпчему с умоляющим видом.

— Повторите ещё, сэр, — сказал он с жаром, прежде чем Педгифт-старший успел опомниться от удивления. — Вопрос о мистере Армадэле, сэр! Ещё только один раз, только один раз! Пожалуйста, мистер Педгифт!

Рассматривая лицо Бэшуда с присущей ему наблюдательностью и недоверчивостью, Педгифт-старший сделал ему знак сесть и во второй раз задал вопрос.

— Думаю ли я, — сказал Бэшуд, повторяя смысл, но не слова вопроса, — что мистера Армадэля можно разлучить с мисс Гуильт, если ему показать, какова она на самом деле? Да, сэр! И желаю ли я быть тем человеком, который это сделает? Да, сэр! Да, сэр! Да, сэр!

— Это довольно странно, — заметил стряпчий, все ещё недоверчиво смотря на Бэшуда, — что вы так сильно разволновались от того, что мой вопрос попал в цель!

Вопрос попал так точно в цель, о чём Педгифт и не подозревал. Он в одно мгновение освободил душу Бэшуда от тягостного гнёта его одной господствующей идеи — мести и указал ему цель, которой он сможет достигнуть, открыв тайны мисс Гуильт. Эта мысль ни разу не пришла ему в голову до данной минуты. Брак, который он бесспорно считал неизбежным, можно было расстроить не на пользу Аллэна, а для его собственной, а женщину, которую он считал потерянной для себя, можно было ещё завоевать, несмотря на сложившиеся обстоятельства. Голова Бэшуда закружилась при мысли об этом. Его собственная решимость почти устранила своим ужасным

несоответствием с обычным складом его ума и со всеми обычными поступками в жизни.

Не получая ответа на свой последний вопрос, Педгифт-старший задумался, прежде чем опять заговорил.

«Одно ясно, — рассуждал стряпчий сам с собой. — В настоящей причине, побуждающей его действовать, он боится признаться. Мой вопрос, очевидно, дал ему возможность сбить меня с толку, и он тотчас ухватился за него. Этого достаточно для меня. Если б я был стряпчим мистера Армадэля, эту тайну стоило бы разузнать; теперь же мне нет никакой нужды гонять Бэшуд от одной лжи к другой, пока я добьюсь от него правды. Мне нет никакого дела до этого, и я предоставлю ему свободу собирать информацию окольным путём его собственными способами».

Сделав это заключение, Педгифт-старший отодвинул своё кресло и встал, чтоб закончить встречу.

— Не бойтесь, Бэшуд, — начал он. — Предмет нашего разговора истощился, по крайней мере с моей стороны. Мне остаётся сказать только несколько слов, и вы знаете, что у меня привычка говорить последние слова, когда я встаю со своего места. Многое другое остаётся для меня неизвестным, но я сделал одно открытие, по крайней мере: я узнал, что вам нужно от меня наконец, вам нужно, чтобы я вам помог.

— Если вы будете так добры, сэр... — пролепетал Бэшуд. — Если вы удостоите высказать мне ваше мнение и подать совет...

— Постой, Бэшуд! Мы разделим эти два вопроса. Стряпчий может высказать своё мнение, как всякий другой человек, но когда стряпчий подаёт совет — это касается его профессии. Охотно выскажу вам своё мнение, я не скрывал его ни от кого. Я думаю, что в жизни мисс Гуилт были события, которые, если бы их узнать, заставили бы даже мистера Армадэля, как он ни ослеплён, побояться жениться на ней, предполагая, разумеется, что он точно намерен на ней жениться, потому что, хотя некоторые моменты и указывают на это, всё-таки женитьба — пока одно предположение. Что же касается способа, посредством которого пятна на репутации этой женщины могли бы обнаружиться, она может обвенчаться через две недели по особому разрешению, если захочет — в этот вопрос я определённо отказываюсь вмешиваться. Это значило бы выступить в качестве

стряпчего и дать вам юридический совет, а в этом я решительно отказываю вам.

— О сэр! Не говорите этого, — умолял Бэшуд. — Не отказывайте мне в величайшей милости — в вашем драгоценном совете! У меня такая больная голова, мистер Педгифт! Я так стар и так слаб, сэр, я так страшно пугаюсь и теряюсь, когда дело выходит за грань моих обычных привычек! Это очень естественно, что вы гневаетесь на меня за то, что я отнимаю ваше время. Я знаю, что время — деньги для такого умного человека, как вы. Извините меня, пожалуйста, извините меня, если я осмелюсь сказать, что скопил кое-что, несколько фунтов, сэр. Я одинок, никто от меня не зависит, я, конечно, могу истратить накопленные мною деньги, как хочу.

Бессознательно, не испытывая ничего, кроме желания задобрить Педгифта, он вынул грязный старый изорванный бумажник и старался дрожащими пальцами раскрыть его на столе.

— Спрячьте ваш бумажник, — сказал Педгифт-старший. — Люди побогаче вас пробовали прибегать к этому аргументу и убедились, что есть стряпчие (не в театре), которых подкупить нельзя. Я не хочу вмешиваться в это дело при теперешних обстоятельствах. Если вы желаете знать почему, я сообщу вам, что мисс Гуильт перестала интересоваться меня с того дня, как я перестал быть стряпчим мистера Армадэля. У меня могут быть и другие причины, кроме этой, о которых не считаю нужным упоминать. Причины, приведённой мною, совершенно достаточно. Идите своей дорогой и берите всю ответственность на себя. Вы можете решиться приблизиться к когтям мисс Гуильт и остаться неоцарапанным. Время это покажет. А пока желаю вам всего наилучшего и, признаюсь, к моему стыду, что я до нынешнего дня не знал, какой вы герой.

На этот раз Бэшуд почувствовал жало. Не говоря более ни слова убеждения или просьбы, не сказав даже «прощайте», он пошёл к двери, тихо отворил её и вышел из комнаты.

Страшное выражение его лица и внезапный молчаливый уход не прошли незамеченными для Педгифта-старшего.

— Бэшуд кончит дурно, — сказал стряпчий, собирая свои бумаги и возвращаясь к прерванной работе.

Перемена выражения лица Бэшуда, сделавшегося угрюмым и замкнутым, была так ему несвойственна, что это даже заметили

Педгифт-младший и клерки, когда Бэшуд проходил через контору. Привыкнув насмехаться над стариком, они обратили в смешную сторону эту заметную перемену в нём. Безразличный к безжалостным насмешкам, которыми его осыпали со всех сторон, Бэшуд остановился напротив Педгифта-младшего и, внимательно посмотрев ему в лицо, спросил спокойно и вполголоса, как человек, думающий вслух:

— Желал бы я знать, захотите ли вы помочь мне?

— Откройте сейчас же счёт, — сказал Педгифт-младший клеркам, — на имя мистера Бэшуда. Поставьте стул для мистера Бэшуда, а возле скамеечку на случай, если она понадобится ему. Дайте мне атласной бумаги и коробочку стальных перьев записывать дело мистера Бэшуда и тотчас уведомите моего отца, что я оставляю его и сам открываю контору под покровительством мистера Бэшуда. Садитесь, сэр, пожалуйста, садитесь и откровенно выражайте ваши чувства.

По-прежнему оставаясь глухим к насмешкам, предметом которых он стал, Бэшуд ждал, когда шутки Педгифта-младшего истощатся, а потом тихо пошёл.

— Мне следовало знать, — сказал он так же рассеянно, как прежде, — что он весь в отца; он и на моём смертном одре будет насмехаться надо мною.

Бэшуд остановился на минуту у дверей, машинально глядя шляпу рукою, и вышел на улицу.

Яркое солнце ударило ему в глаза, стук проезжающих экипажей испугал его. Он повернул в боковую улицу и закрыл глаза рукой.

«Лучше пойду я домой, — подумал он, — запрюсь и буду думать об этом».

Он нанимал квартиру в небольшом доме, в бедном квартале. Он тихо поднялся наверх. Единственная маленькая комнатка, занимаемая им, буквально терзала его, куда бы он ни повернулся, безмолвными воспоминаниями о мисс Гуильт. На камине стояли цветы, которые она дарила ему в разное время, все давно увядшие и все тщательно сохраняемые на постаменте из китайского фарфора, под стеклянным колпаком. На стене висела грубо раскрашенная гравюра, портрет на стекле, потому что в нём что-то напоминало ему лицо мисс Гуильт'. В его нескладной, старой красного дерева шкатулке лежали немногие письма мисс Гуильт, короткие и повелительные, написанные к нему в

то время, когда он подсматривал и подслушивал в Торп-Эмброзе, чтобы угодить ей. Повернувшись спиной к своим реликвиям, он уныло сел на диван, заменявший ему постель; над ним висел щегольской голубой галстук, который он купил, потому что она сказала ему, что любит яркие цвета, и который у него не хватило смелости надеть ни разу, хотя он вынимал его каждое утро с намерением надеть. Обычно спокойный в своих поступках, обычно сдержанный в разговоре, он теперь схватил галстук, как будто это было живое существо, которое могло чувствовать, и с ругательством швырнул его в другой конец комнаты.

Время пролетало, и хотя его решимость помешать браку мисс Гуильт не поколебалась, он по-прежнему был далёк от того, чтоб найти способ, который мог бы привести его к цели. Чем более Бэшуд думал об этом, тем мрачнее казались ему перспективы в будущем.

Он опять встал с таким же настроением, как сел, и подошёл к шкапу.

— Я испытываю какую-то лихорадочную жажду, — сказал он. — Может быть, утолить её поможет чашка чаю.

Он раскрыл заварной чайник и отсыпал обычную малую порцию чая не так бережливо, как обычно.

«Даже руки отказывают мне сегодня!» — подумал он, собирая просыпанный чай и бережливо всыпая его в чайник.

В эту прекрасную летнюю погоду огонь был разведён только в кухне. Бэшуд сошёл вниз за кипятком с чайником в руке.

В кухне никого не было, кроме хозяйки. Она принадлежала к числу тех многочисленных английских матрон, путь которых в этом мире был тернист и которые доставляли себе печальное удовольствие, когда им представлялся случай рассматривать исцарапанную и кровоточащую ногу других людей одного материального положения с ними. Её единственный порок был не очень серьёзный — любопытство, и между многими добродетелями, перевешивавшими этот порок, было её необыкновенное уважение к Бэшуду, как к жильцу, который аккуратно платил за квартиру и образ жизни вёл очень тихий, а обращение с нею было вежливое много лет сряду.

— Что вам угодно, сэр? — спросила хозяйка. — Кипятку? Никогда не бывало, чтоб вода кипела именно в это время. Сейчас она вам нужна? И огонь-то не горит порядком! Подождите, я подкину

полена два, если вы потерпите. Боже, Боже! Вы извините меня, сэр, если я скажу, что у вас сегодня очень болезненный вид!

Напряжение, испытанное сегодня Бэшудом, начало сказываться. Та отрешённость, которая проявилась на станции, опять появилась на его лице и в разговоре, когда он поставил чайник на кухонный стол и сел.

— У меня неприятности, — сказал он спокойно, — и думаю, что их теперь мне труднее переносить, чем прежде.

— Уж и не говорите! — застонала хозяйка. — Я готова лечь в гроб хоть сейчас. Вы слишком одиноки, сэр. Когда появляются неприятности, сэр, приносит облегчение, хотя и не всегда очень сильное, когда разделишь их с другим. Если бы ваша супруга была теперь жива, какое утешение нашли бы у неё, не правда ли?

Выражение страдания пробежало по лицу Бэшуда. Хозяйка невольно напомнила ему несчастье его супружеской жизни. Он был вынужден удовлетворить её любопытство насчёт своих семейных дел, сказав ей, что он вдовец и что его семейная жизнь сложилась несчастливо, но более он ничего ей не сообщал. Печальную историю, которую Бэшуд рассказал Мидуинтеру о пьянице-жене, закончившей жизнь в доме умалишённых, он не хотел поверять болтливой женщине, которая разнесла бы по всему дому.

— Я всегда говорю моему мужу, сэр, когда он начинает расстраиваться, — продолжала хозяйка, хлопоча около чайника: «Что ты делал бы теперь, Сэм, без меня?» Когда печаль его не проходит (сейчас закипит, мистер Бэшуд), он говорит: «Елисавета, я не могу делать ничего». Когда же огорчение проходит, он говорит: «Попробую сходить в кабак». Ах! У меня ведь есть тоже неприятности! Человек, имеющий взрослых сыновей и дочерей, шатается по кабакам! Я не припомню, сэр, были ли у вас сыновья и дочери. Кажется, вы говорили, что у вас были. Дочери, ведь... ах, да! Они все умерли.

— У меня была только одна дочь, — терпеливо возразил Бэшуд. — Только одна, и она умерла, прежде чем ей минул год.

— Только одна? — повторила сострадательная хозяйка. — Сейчас закипит, пожалуйста мне чайник. Только одна! Ах! Когда один ребёнок, тогда ещё тяжелее. Вы, кажется, сказали только один?

С минуту Бэшуд смотрел на хозяйку помутившимися глазами и не отвечал ей. Напомнив невольно о жене, которая обесславил его,

эта женщина теперь также невольно вызвала неприятное воспоминание о сыне, который разорил его и бросил. В первый раз с тех пор, как он рассказывал свою историю Мидуинтеру при первом свидании с ним в большом доме, его мысли опять обратились к горькому разочарованию и несчастью прошлого. Опять он вспомнил о прошлом, когда поручился за своего сына и когда бесчестный поступок сына принудил его продать всё, что он имел, чтоб заплатить штраф.

— У меня есть сын, — сказал он, приметив, что хозяйка смотрит на него с безмолвным сожалением. — Я сделал что мог, чтоб помочь ему иметь в свете успех, но он очень дурно поступил со мною.

— Неужели? — воскликнула хозяйка, по-видимому, с большим участием. — Поступил дурно с вами и разбил отцовское сердце. Ах! Он за это поплатится рано или поздно. Не сомневайтесь! Где он теперь и чем он занимается, сэр?

Этот вопрос был почти такой же, как и тот, который задал Мидуинтер, когда Бэшуд описал ему свою жизнь. Бэшуд ответил на него почти точно такими же словами, как тогда:

— Сын мой в Лондоне, насколько мне известно. Он занимается не весьма почётным делом — частного полицейского сыщика...

При этих словах Бэшуд вдруг остановился. Лицо его вспыхнуло, глаза засверкали; он отодвинул чашку, которую только что налил, и встал. Хозяйка отступила на шаг. В лице её жильца было что-то такое, чего она не видела до сих пор.

— Надеюсь, что я не оскорбила вас, сэр, — сказала она, когда к ней вернулось самообладание и она уже готова была обидеться.

— Совсем напротив, совсем напротив! — возразил он с необыкновенным жаром и торопливостью. — Я вспомнил кое-что очень важное. Я должен идти наверх... письмо, письмо, письмо. Я вернусь выпить чай. Извините меня, я очень вам обязан, вы были очень добры. Теперь, если вы позволите, я с вами расстанусь.

К изумлению хозяйки, он дружески пожал ей руку и пошёл к двери, оставив и чайник, и чай.

Он заперся в своей комнате. Некоторое время он стоял, держась за камин и стараясь перевести дыхание, которое у него захватывало от волнения. Как только он смог сделать несколько шагов, сразу отпер свою письменную шкатулку.



— Вот вам, Педгифт и сын! — сказал он, щёлкнув пальцами и усаживаясь. — У меня тоже есть сын!

В дверь раздался стук, тихий и осторожный. Растревоженная хозяйка хотела узнать, не заболел ли мистер Бэшуд, и спросить ещё раз, что искренно желает услышать, не оскорбила ли она его.

— Нет, нет! — закричал он через дверь. — Я совсем здоров, я пишу, пишу... Пожалуйста, извините меня.

«Она женщина добрая, женщина превосходная, — думал он, когда хозяйка ушла. — Я сделаю ей маленький подарок. Мои мысли так расстроены, что я никогда не подумал бы об этом, если бы не она. О! Там ли ещё служит мой сын! О, если б я сумел написать ему письмо, которое заставило бы его пожалеть меня».

Он взял перо и долго думал, думал тревожно, прежде чем взял бумагу. Медленно, со многими долгими паузами, с мучительным раздумьем и с большим старанием, чем обычно, чтоб сделать свой почерк чётким, он написал следующие строки:

*«Любезный Джэмс, я боюсь, что ты удивишься, узнав мой почерк. Пожалуйста, не предполагай, что я буду просить у тебя денег или упрекать в том, что заставил меня заплатить штраф за моё поручительство за тебя... Я, напротив, готов забыть прошлое.*

*Ты можешь (если ещё служишь в конторе частных сыщиков) оказать мне большую услугу. Я очень встревожен насчёт одной особы, в которой принимаю участие. Эта особа дама. Пожалуйста, не насмехайся над этим признанием, если можешь. Если б ты знал, как я теперь страдаю, я думаю, ты был бы готов скорее пожалеть меня, чем смеяться надо мной.*

*Я сообщил бы подробности, но, зная твой вспыльчивый характер, боюсь истощить твоё терпение. Может быть, достаточно будет сказать, что у меня есть причина полагать, что прошлая жизнь этой дамы не очень достойна уважения, и мне интересно — интереснее, чем могу выразить словами, — узнать, какова была её прошлая жизнь, и узнать это не позже, чем через две недели с настоящего времени.*

*Хотя мне мало известны деловые приёмы в такой конторе, как твоя, мне кажется, что если я не назову адреса этой дамы, то мне ничем нельзя помочь. К несчастью, мне неизвестен её настоящий адрес. Я только знаю, что она поехала в Лондон сегодня в сопровождении джентльмена, у которого я служу и который, как я полагаю, напишет мне о переводе денег через несколько дней.*

*Может ли это обстоятельство помочь нам? Я осмеливаюсь сказать «нам», потому что я уже рассчитываю, милый сын, на твою добрую помощь и совет. Пусть деньги не становятся между нами: я скопил кое-что, и все это в твоём распоряжении. Пожалуйста, напиши мне с первой почтой. Если ты употребишь все силы, чтоб развеять страшное подозрение, которое теперь терзает меня, ты загладишь все горе и разочарование, которые причинил мне в прошлые времена, и обяжешь меня так, что этого не забудется никогда Любящий тебя отец*

*Феликс Бэшуд».*

Подождав немного, чтоб от слёз высохли глаза, Бэшуд прибавил число и адрес, написав на конверте: «В контору частных сыщиков, Шэдисайдская площадь, Лондон». Сделав это, он тотчас вышел и сам отнёс на почту письмо. Это было в понедельник, и если ответ будет отправлен с первой почтой, то он должен быть получен в среду утром.

Весь вторник Бэшуд провёл в конторе управляющего в большом доме. Он имел две причины занять свои мысли так глубоко, как только возможно, различными вопросами, относившимися к управлению имением. Во-первых, дела помогали ему сдерживать пожиравшее его нетерпение, с каким он ожидал наступления следующего дня; во-вторых, чем больше он решит дел по конторе, тем свободнее ему будет съездить к сыну в Лондон, не вызывая подозрения в пренебрежении делами, порученными ему.

Около полудня во вторник смутные слухи о чём-то неладном в коттедже дошли через слуг майора Мильроя до слуг в большом доме и, получив эту информацию, они безуспешно пытались привлечь

внимание Бэшуда, мысли которого были устремлены на другие предметы. Майор и мисс Нили заперлись вдвоём для какого-то таинственного совещания, и наружность мисс Нили по окончании этой беседы ясно показывала, что она плакала. Это случилось в понедельник, а на следующий день (то есть в этот вторник) майор изумил прислугу, объявив только, что дочери его нужен морской воздух и что он сам отвезёт её со следующим поездом в Лаустофт. Оба уехали вместе, оба были очень серьёзные и молчаливые, но, по-видимому, несмотря на это, отправились в путь добрыми друзьями. Мнение слуг в большом доме приписывало этот домашний переворот ходившим слухам об Аллэне и мисс Гуильт. Мнение слуг в коттедже отвергало такой вариант решения загадки по следующим причинам. Мисс Нили сидела взаперти в своей комнате с понедельника до вторника, до самого того времени, когда отец увёз её. Майор в этот же самый промежуток не говорил ни с кем, а миссис Мильрой при первой попытке её новой сиделки сообщить ей о слухах, ходивших по городу, заставила её замолчать, впад в сильнейший припадок гнева, как только было произнесено имя мисс Гуильт. Разумеется, должно было случиться что-нибудь, заставившее майора Мильроя уехать так внезапно с дочерью из дома, но уж, конечно, не скандальный побег мистера Армадэля днём с мисс Гуильт.

Прошёл день, прошёл вечер, не случилось ничего, кроме чисто домашнего события в коттедже; ничего не случилось, чтоб рассеять ошибочное предположение, на которое рассчитывала мисс Гуильт, предположение, разделяемое с Бэшудом всем Торп-Эмброзом, что она уехала в Лондон с Аллэном как его будущая жена.

В среду утром почтальон, выйдя на ту улицу, где жил Бэшуд, был встречен самим Бэшудом, который с большим нетерпением хотел узнать, есть ли ему письмо, так горячо ожидаемое от своего беспутного сына.

Вот в каких выражениях Бэшуд-младший отвечал на просьбу отца помочь ему, после того как на всю жизнь испортил его будущность:

*«Шэдисайдская площадь, вторник, июля 29.*

*Милый папаша, мы имеем кое-какой навык обращаться с тайнами, но таинственность вашего письма совсем сбила меня с толку. Не рассчитываете ли вы на интересные и*

*скрытые слабости какой-нибудь очаровательной женщины? Или после вашего знакомства с супружеской жизнью вы собираетесь дать мне мачеху в ваши лета? Как бы то ни было, клянусь моей жизнью, ваше письмо заинтересовало меня.*

*Помните, я не шучу, хотя от этого искушения устоять нелегко, напротив, я уже отдал вам четверть часа моего драгоценного времени. Место, из которого написано ваше письмо, показалось мне знакомо. Я заглянул в свою записную книжку и узнал, что меня посылали в Торп-Эмброс не очень давно наводить частные справки по поручению одной старухи, которая была слишком хитра, чтоб сказать нам своё настоящее имя и адрес. Разумеется, мы тотчас принялись за дело и узнали, кто она. Её зовут миссис Ольдершо, и, если вы намерены дать мне в мачехи её, я очень советую подумать, прежде чем вы сделаете её миссис Бэшуд.*

*Если это не миссис Ольдершо, всё, что я могу сделать пока, это сказать вам, как вы можете узнать адрес неизвестной дамы. Приезжайте в Лондон сами, как только вы получите письмо от джентльмена, уехавшего с нею (надеюсь, заботясь о вас, что он немолод и некрасив), и зайдите сюда. Я пошлю кого-нибудь, помочь вам наблюдать за его отелом или квартирой, и, если он имеет связь с этой дамой или эта дама с ним, вы можете считать её адрес установленным с той минуты. Как только я установлю её личность и место, где она живёт, вы увидите все её очаровательные секреты так ясно, как видите бумагу, на которой ваш любящий сын теперь пишет вам.*

*Одно слово об условиях. Я готов так же, как и вы, помириться с вами, но хотя сознаюсь, что вы истратились на меня когда-то, я не могу тратить на вас. Мы должны условиться, что вы будете платить за все издержки по этим справкам. Нам, может быть, придётся привлечь женщин, служащих в нашей конторе, если ваша дама слишком хитра или слишком хороша собой, для того чтоб за ней мог наблюдать мужчина. Надо будет нанимать*

*извозчиков, платить на почту за письма, ходить в театры, если она серьёзного характера и ходит в церковь слушать наших популярных проповедников, и тому подобное. Мои услуги вы будете иметь даром, но я не могу тратиться на вас. Только помните это, и всё получится по-вашему. Мы забудем прошлое.*

*Ваш любящий сын Джэмс Бэшуд».*

В восторге, что наконец к нему пришла помощь, отец приложил к губам довольно гнусное письмо сына.

— Мой добрый мальчик! — нежно прошептал он. — Мой милый, добрый мальчик!

Он отложил письмо и погрузился в тревожный поток мыслей. Следующий вопрос, который предстояло решить, был очень важный — вопрос времени. Педгифт сказал Бэшуду, что мисс Гуильт может быть обвенчана через две недели. Один день из четырнадцати уже прошёл, а другой проходил. Бэшуд нетерпеливо ударил рукой по столу, спрашивая себя: как скоро недостаток в деньгах принудит Аллена написать к нему из Лондона?

— Завтра? — спрашивал он себя. — Или послезавтра?

Завтра прошло, и ничего не случилось. Настал следующий день, и пришло письмо — деловое, как он ожидал, о деньгах, как он ожидал, а в постскриптуме стоял адрес, кончавшийся словами: «Можете рассчитывать, что я останусь здесь до дальнейшего уведомления».

Бэшуд свободно вздохнул и тотчас начал, хотя до поезда, отправлявшегося в Лондон, оставалось ещё два часа, укладывать свои вещи в дорожный мешок. Последняя положенная им вещь был голубой атласный галстук.

— Она любит яркие цвета, — сказал он, — и, может быть, ещё увидит меня в этом галстуке.

## Глава XIV

### ДНЕВНИК МИСС ГУИЛЬТ

Лондон, 28 июля, понедельник вечером. Я едва в состоянии держать голову — так я устала! Но в моём положении я не смею полагаться на память. Прежде чем лягу спать, я должна, по обыкновению, записать события этого дня.

До сих пор счастливый оборот событий в мою пользу (долго не было такого оборота) продолжается, по-видимому. Я успела принудить Армадэля — грубияна надо было принудить! — уехать из Торп-Эмброза в Лондон в одном вагоне со мной на глазах всех бывших на станции. Много было сплетников, и все вытаращили на нас глаза, и, очевидно, все сделали заключения. Или я не знаю Торп-Эмброза, или теперь там ходят разные толки о мистере Армадэле и мисс Гуильт.

Мне было немного трудно с ним первые полчаса. Кондуктор (чудесный человек! я была так ему благодарна!) запер нас вдвоём, ожидая за это получить полкроны. Армадэль подозревал меня и показал это ясно. Мало-помалу я укротила моего дикого зверя отчасти тем, что не выказывала любопытства о причине его поездки в Лондон, а отчасти заинтересовав его другом Мидуинтером, особенно распространившись о случае, представлявшемся теперь для примирения между ними. Я говорила на эту тему до тех пор, пока не заставила его разговориться и начать занимать меня, как мужчина обязан занять даму, которую он имеет честь сопровождать по железной дороге.

Но вся его бестолковая голова была, разумеется, занята собственными делами и мисс Мильрой. Никакими словами нельзя выразить, какую неловкость испытывал он, стараясь говорить о себе, не упоминая о мисс Мильрой. Он доверительно сообщил мне, что едет в Лондон по делу, крайне для него важному. Пока это секрет, но он надеется, что скоро сообщит мне об этом; теперь уже для него большая разница в том, как смотреть на сплетни, ходившие о нём в Торп-Эмброзе; теперь он слишком счастлив и не обращает внимания на то, что сплетники говорили о нём, и он скоро заставит их

замолчать, явившись в новом виде, который удивит их всех. Так он болтал с твёрдым убеждением, что я не догадываюсь ни о чём. Трудно было не расхохотаться, когда я вспомнила о моём анонимном письме майору, но я сумела сдержаться, хотя, должна признаться, с большим трудом. Спустя некоторое время я начала чувствовать страшное волнение — сложившееся положение, как мне казалось, выдержать было свыше моих сил. Я была с ним наедине, разговаривая самым дружеским образом, а всё время думала, что лишит его жизни, когда наступит минута, для меня будет так же легко, как стереть пятно с перчатки. Эта мысль волновала кровь и заставляла гореть мои Щеки. Я раза два засмеялась громче, чем следовало, и задолго до того как мы приехали в Лондон, сочла нужным спрятать лицо, опустив вуаль.

Доехав до станции, для меня не составило никакого затруднения уговорить его поехать со мною в кэбе в ту гостиницу, где остановился Мидуинтер. Он с нетерпением ждал минуты, когда помирится со своим милым другом, — главным образом — я не сомневаюсь — потому что хотел, чтобы милый друг помог ему в задуманном побеге. Затруднение, разумеется, заключалось в Мидуинтере. Моя внезапная поездка в Лондон не позволила написать ему, чтобы преодолеть суеверное убеждение в том, что ему и его бывшему другу лучше быть в разлуке. Я сочла благоразумным оставить Армадэля в кэбе у дверей, а самой пойти в гостиницу подготовить почву для их встречи.

К счастью, Мидуинтер был дома. Его восторг, когда он увидел меня гораздо раньше, чем надеялся, был таким бурным, что трудно передать словами! Я могу признаться в правде моему дневнику: была минута, когда я забыла обо всём на свете, кроме нас двоих, совершенно так же, как и он, как будто снова я стала девочкой, пока не вспомнила об олухе в кэбе. Тогда я тотчас сделалась опять тридцатипятилетней женщиной.

Лицо Мидуинтера изменилось, когда он узнал, кто ждёт внизу, и, как мне и хотелось, он не рассердился, а огорчился. Он уступил, однако, очень скоро не по названным мною причинам, потому что я непросто не приводила ему, а моим просьбам. Его прежняя привязанность к другу, может быть, имела значение в том, чтобы убедить его против воли, но, по моему мнению, он действовал главным образом под влиянием любви ко мне.

Я ждала в гостиной, пока он ходил вниз, так что не знаю, что произошло между ними, когда они в этот раз увидели друг друга. Но какая разница была между этими двумя людьми, когда они пришли вместе ко мне! Они оба были взволнованы, но как различно! Ненавистный Армадэль, такой шумный, красный, неуклюжий; милый, привлекательный Мидуинтер, такой бледный и спокойный, с такой покорностью в голосе, когда он заговорил, и с такой нежностью в глазах каждый раз, как они смотрели на меня. Армадэль не обращал на меня никакого внимания, как будто меня не было в комнате. Спустя некоторое время он стал то и дело обращаться ко мне в разговоре; часто взглядывал на меня с целью понять, что я думаю, между тем как я молча сидела в углу и наблюдала за ними. Армадэль захотел проводить меня до квартиры и избавить меня от хлопот с извозчиком и поклажей. Когда я поблагодарила его и отказалась, Армадэль не скрывал своего удовольствия в надежде освободиться от меня и завладеть своим другом. Я оставила его, когда, опираясь своими нескладными локтями о стол, он царапал письмо (без сомнения, к мисс Мильрой) и сказал слуге, что ему нужен номер в гостинице. Я, разумеется, рассчитывала, что он остановится там, где остановился его друг. Приятно было сознавать, что моё ожидание оправдалось, и понимать, что он теперь у меня на глазах.

Обещая дать Мидуинтеру знать, где он может увидеть меня завтра, я уехала в кэбе отыскивать квартиру для себя.

С некоторыми затруднениями мне удалось найти сносную гостиную и спальню в одном доме, где хозяева совершенно были мне незнакомы. Заплатив за неделю вперёд, я осталась с тремя шиллингами и девятью пенсами в кошельке. Невозможно сейчас просить денег у Мидуинтера, так как он уже заплатил за меня миссис Ольдершо. Я должна завтра заложить свои часы с цепочкой: этого мне будет достаточно недели на две на всё необходимое и даже более. За это время, а может быть и раньше, Мидуинтер женится на мне.

\* \* \*

Июля 29. Два часа. Рано утром я написала к Мидуинтеру, что он найдёт меня здесь в три часа. Сделав это, я посвятила утро двум



делам. Об одном едва ли стоит упоминать: я пошла занять денег под заклад часов и цепочки. Я получила больше, чем ожидала, и более (даже если я куплю себе два дешёвых летних платья), чем я истрочу до свадьбы.

Другое дело было гораздо серьёзнее; оно привело меня в контору стряпчего.

Я хорошо сознавала вчера вечером (хотя слишком была утомлена, чтобы записать это в моём дневнике), что не смогу увидеться с Мидуинтером сегодня, не сделав вид, по крайней мере, что я откровенно расскажу ему о своей жизни. Исключая одного необходимого соображения, которого я должна стараться не забывать, я нисколько не затрудняюсь выдумать ему историю, какая мне вздумается, потому что до сих пор я никому не рассказывала никаких историй о себе. Мидуинтер уехал в Лондон прежде, чем появилась возможность вести разговоры на эту тему. Что касается Мильроев (предоставив им необходимую аттестацию), я, к счастью, смогла уклониться от всех вопросов, относившихся собственно ко мне самой. Наконец, когда я старалась помириться с Армадэлем на дорожке перед домом, он имел глупость великодушничать и не позволил мне защищать мою репутацию. Тогда я выразила сожаление о том, что вышла из себя и угрожала мисс Мильрой, и приняла его уверение, что моя воспитанница никогда не имела намерения сделать мне вред, он был слишком великодушен, чтоб услышать хоть слово о моих собственных делах. Таким образом я не связана никакими уверениями и могу рассказать какую захочу историю, — с единственной помехой, о которой я уже упоминала. Что бы ни придумала я, необходимо сохранить роль, в которой я приехала в Торп-Эмброс, потому что с той известностью, которой пользуется моё другое имя, мне ничего другого не остаётся, как обвенчаться с Мидуинтером под моим девическим именем — мисс Гуильт.

Это-то соображение и привело меня в контору стряпчего. Я чувствовала, что должна узнать, прежде чем увижусь с Мидуинтером, какие неприятные обстоятельства могут последовать в случае замужества вдовы, если она скроет своё вдовье имя.

Не зная никакого другого юриста, на которого я могла бы положиться, я смело пошла к тому, который защищал меня в то ужасное прошлое время моей жизни, о котором я имею больше

причин чем прежде стараться не вспоминать теперь. Он был удивлён и, как я ясно увидела, вовсе не рад меня видеть. Не успела я раскрыть рот, как он уже выразил надежду, что я опять (он сделал сильное ударение на этом слове) не пришла советоваться с ним о себе. Я поняла намёк и сделала вид, будто пришла спросить для очень удобного лица в подобных случаях — отсутствующей приятельницы. Стряпчий, очевидно, понял все, но он очень хитро обратил в свою пользу «мою приятельницу». Он сказал, что будет отвечать на вопросы из вежливости к даме, представительницей которой служу я, но должен поставить условием, что этой консультацией закончится мой визит.

Я приняла его условия, потому что мне понравилось искусство, с каким он сумел держать меня на приличном расстоянии, не нарушая законов приличия. За две минуты я выслушала его, запомнила все и ушла.

Как ни была коротка консультация, я выяснила всё, что желала знать. Я ничем не рискую, венчаясь с Мидуинтером под моим девическим, а не вдовьим именем. Брак может быть расторгнут только в том случае, если мой муж узнает об обмане и примет меры, чтоб разорвать наш брак законным порядком. Это ответ адвоката, его собственные слова. Он успокоил меня — в этом отношении, по крайней мере, — насчёт всех будущих планов. Единственный обман, который откроет мой муж — и то если он будет жив и здоров при этом, — будет тот обман, который доставит меня в Торп-Эмброс и принесёт мне доход вдовы Армадэля, а в то время я сама разорву навсегда мой брак.

\* \* \*

Половина третьего. Мидуинтер будет здесь через полчаса. Я должна посмотреться в зеркало, проверить, какой у меня вид. Я должна применить всю мою изобретательность и сочинить свой маленький домашний роман. Тревожит ли меня это? Что-то трепещет в том месте, где прежде было моё сердце. В тридцать-то пять лет! И после такой жизни, как моя!

Шесть часов. Он только что ушёл. День нашей свадьбы уже назначен.

Я стараюсь успокоиться и немного прийти в себя. Не могу. Я возвращаюсь к этим листкам. Многого надо написать на них после того, как Мидуинтер был здесь, записать всё, что близко касается меня.

Начну с того, о чём я более всего не люблю вспоминать (так что, чем скорее закончить с этим, тем лучше), начну с жалкой цепи лжи, связанной с рассказом о моих семейных невзгодах.

В чём может заключаться тайна влияния этого человека на меня? Как он воздействует на меня таким образом, что я едва узнаю себя? Я походила на себя вчера в вагоне с Армадэлем. Конечно, ужасно было разговаривать с живым человеком в течение этого продолжительного путешествия и помнить всё время, что я намерена быть его вдовой, а между тем только в конце пути меня охватило волнение. В продолжение нескольких часов я, ни разу не останавливаясь, разговаривала с Армадэлем; но от первой же лжи, сказанной мною Мидуинтеру, я похолодела, когда увидела, что он верит ей. Я почувствовала, что спазма сжала горло, когда он умолял не открывать ему моих огорчений. А когда — я прихожу в ужас, когда подумаю об этом, — когда он сказал: «Если бы я мог любить вас больше, я ещё больше полюбил бы вас теперь», я чуть было сама не выдала себя, я чуть было не закричала ему: «Ложь! Это все ложь! Я дьявол в человеческом образе! Женитесь на самой развратной женщине, шатающейся по улицам, и вы женитесь на женщине лучше меня!..» Да, видя как увлажняются его глаза, слыша, как голос его дрожит в то время, как я обманываю его, я была потрясена. Я видела сотни мужчин красивее и умнее его. Какие чувства этот человек пробудил во мне? Неужели это любовь? Я думала, что никогда уже не буду более любить. Разве женщина не любит так, что из-за жестокости мужчины к ней пытается утопиться? Один мужчина довёл меня до этого последнего отчаянного шага в давнопрошедшие дни... Или мои несчастья в то время происходили от другого, а не от любви? Неужели я дожила до тридцати пяти лет и только теперь чувствую, что такое

любовь, — теперь, когда уже слишком поздно? Смешно! Кроме того, к чему спрашивать? Разве я это знаю? Какая женщина это знает? Чем более мы думаем об этом, тем более мы себя обманываем. Желала бы я родиться зверем: моя красота, может быть, была бы мне тогда полезна, она, может быть, свела бы меня тогда с любимым существом.

Вот целая страница моего дневника заполнена, я ничего ещё не написала такого, что могло бы принести мне хоть какую-то пользу. Надо и здесь рассказать мою жалкую историю, пока события ещё свежи в памяти, а то как мне сослаться на неё в будущем, когда я, может быть, буду принуждена говорить о ней опять?

Ничего не было нового в том, что я рассказала ему. Это был пошлый вздор романов, заполняющих полки библиотек и читален. Умерший отец, потерянное состояние, беспутные братья, которых я боюсь, больная мать, жившая на средства, которые я зарабатывала своим трудом... Нет! Не могу этого писать! Я ненавижу, презираю себя, когда вспоминаю, что он поверил этому, потому что я это говорила, что он был этим огорчён, потому что это была моя история! Я лучше подвергнусь опасности противоречить себе в будущем, я рискну разоблачением и гибелью — всем, нежели буду распространяться далее об этом презренном обмане.

Моя ложь наконец закончилась. Он заговорил со мной о самом себе и о своих надеждах. О! Каким было облегчением вернуться к этому разговору в то время! Какое облегчение вернуться к этому теперь!

Он принял предложение, о котором писал мне в Торп-Эмброс, и стал теперь заграничным корреспондентом одной газеты. Прежде всего он должен поехать в Неаполь. Хотела бы я, чтоб это было какое-нибудь другое место, потому что у меня с Неаполем связаны воспоминания, к которым я не желала бы возвращаться. Условились так, что он оставит Англию не позже одиннадцатого числа этого месяца. В эту поездку я должна отправиться с ним как его жена.

Относительно брака нет никакого затруднения. Всё получается так легко, что я начинаю опасаться какого-нибудь несчастья. Предложение держать наш брак в тайне — что мне затруднительно было бы сделать — сделал он. Так как Мидуинтер женится на мне под своим собственным именем — именем, которое он скрывал от всех, кроме меня и Брока, — он не хочет, чтоб на брачной церемонии

присутствовал кто-нибудь из тех, кто его знает, его друг Армадэль в первую очередь. Мидуинтер уже в Лондоне неделю. В конце следующей недели он предлагает получить разрешение и обвенчаться в церкви, находящейся в приходе, в котором расположена и гостиница. Это единственные необходимые формальности. Мне стоит только сказать «да» (он уверил меня) и не испытывать беспокойства о будущем. Я сказала «да» с таким страшным беспокойством о будущем, что испугалась, как бы он этого не увидел. Какие волшебные минуты последовали за этим, когда он шептал мне слова восхищения, а я спрятала лицо на груди его!

Я скоро опомнилась, заговорила с ним об Армадэле, имея свои причины знать, о чём они говорили между собой после того, как я оставила их вчера.

Тон, которым Мидуинтер отвечал, показывал, что он говорил очень сдержанно, не желая полностью раскрывать признания своего друга. Задолго до того, как он закончил, я поняла, в чём заключалось это признание. Армадэль советовался с ним (именно, как я ожидала) насчёт побега. Хотя, кажется, Мидуинтер был против того, чтоб увезти девушку тайно, но, по-видимому из деликатности, не очень отговаривал, вспомнив (несмотря на огромную разницу в обстоятельствах), что он сам собирается жениться тайно. Я поняла, по крайней мере, что его слова произвели мало действия и что Армадэль уже исполнил своё нелепое намерение посоветоваться с главным клерком в конторе его лондонских нотариусов.

Рассказав это, Мидуинтер задал вопрос, который, как я ожидала, он должен был задать раньше или позже. Он спросил: буду ли возражать я тому, чтоб о нашей помолвке он под строжайшим секретом сообщил своему другу?

«Я поручусь, — сказал он, — что Аллэн сохранит в тайне всякое моё признание. А я, когда настанет время, постараюсь сделать все, чтобы он не присутствовал на свадьбе и не узнал (чего он не должен знать никогда), что я ношу одно имя с ним. Это поможет мне, — продолжал Мидуинтер, — говорить авторитетнее о причине, которая привела его в Лондон, если я отплачу за откровенность, с какой он говорил мне о своих частных делах, такой же откровенностью с моей стороны».

Мне ничего более не оставалось, как дать согласие, и я его дала. Для меня чрезвычайно важно знать, на что решится майор Мильрой относительно своей дочери и Армадэля после получения моего анонимного письма; и если я не завоеую доверия Армадэля, я совершенно убеждена, что я не выясню ничего. Когда он будет знать, что я выхожу замуж за Мидуинтера, всё, что он будет рассказывать своему другу, он расскажет мне.

Когда мы решили, что Армадэлю будет доверена моя тайна, мы начали опять говорить о себе. Как бежало время! Каким сладким было очарование забыть все в его объятиях! Как он любит меня! Ах, бедняжка! Как он любит меня!

Я обещала встретиться с ним завтра в Регентском парке. Чем меньше его видят здесь, тем лучше. Конечно, люди в этом доме для меня чужие, но, может быть, благоразумнее сохранять внешне вид, как будто я ещё в Торп-Эмброзе, и не производить впечатления даже на них, что Мидуинтер помолвлен со мною. Если будут наводить справки впоследствии, когда я решусь на великий риск, свидетельство моей лондонской хозяйки чего-нибудь да будет стоить.

Этот негодный старик Бэшуд! Написав о Торп-Эмброзе, я вспомнила о нём. Что он скажет, когда до него дойдут городские сплетни, что Армадэль увёз меня в Лондон в отдельном вагоне? Это, право, слишком нелепо в человеке таких лет и такой наружности, как Бэшуд, осмелиться влюбиться!..

\* \* \*

Июля 30. Новости наконец! Армадэль получил известие от мисс Мильрой. Моё безымённое письмо произвело эффект. Девочку уже увезли из Торп-Эмброза, и весь план побега разлетелся по ветру раз и навсегда. Это суть того, что Мидуинтер рассказал мне, когда я встретила с ним в парке. Я притворилась чрезвычайно удивлённой и выказала женское любопытство узнать подробности.

«Я не ожидаю, что моё любопытство удовлетворилось этим, — сказала я, — потому что я и мистер Армадэль не более того, как короткие знакомые».

«Вы более чем знакомая для Аллена, — сказал Мидуинтер. — Имея ваше позволение довериться ему, я уже рассказал Аллену, как вы близки и дороги для меня».

Услышав это, я сочла нужным, прежде чем стану расспрашивать о мисс Мильрой, позаботиться о своих собственных интересах и узнать, какое действие произвело на Армадэля известие о моём предстоящем браке. Очень может быть, что он ещё подозревает меня и что справки, наводимые им в Лондоне по наущению миссис Мильрой, ещё тяготят его душу.

«Был удивлён мистер Армадэль, — спросила я, — когда вы сказали ему о нашей помолвке и о том, что она должна оставаться в тайне от всех?»

«Он казался очень удивлённым, — отвечал Мидуинтер, — услышав, что вы выходите за меня. Он сказал только, когда я сообщил ему, что это надо держать в тайне, что, вероятно, семейные причины с вашей стороны заставляют не распространяться об этом браке».

«А что вы сказали, когда он сделал это замечание?» — осведомилась я.

«Я сказал, что семейные причины с моей стороны, — отвечал Мидуинтер, — и счёл нужным прибавить, что вы рассказали мне всю вашу печальную семейную историю и вполне объяснили ваше нежелание говорить о своих семейных делах».

Я опять вздохнула свободно. Он сказал именно то, что нужно, и именно так, как следовало сказать.

«Благодарю вас, — отвечала я, — за то, что вы вернули мне уважение вашего друга. Хочет ли он видеть меня?» — прибавила я, чтобы вернуться к мисс Мильрой и её побегу.

«Он очень желает вас видеть, — отвечал Мидуинтер. — Он очень огорчён, бедняжка! Я старался утешить Армадэля, но горе его скорее успокоит женское сочувствие, чем моё».

«Где он теперь?» — спросила я.

Он был в гостинице, и я тотчас предложила идти туда. Это многолюдное место, и с опущенной вуалью я менее боюсь скомпрометировать себя там, чем в моей тихой квартире. Притом для меня чрезвычайно важно знать, что теперь будет делать Армадэль при этой полной перемене обстоятельств, потому что я так должна распорядиться его поступками, чтоб удалить его из Англии, если

смогу. Мы взяли кэб — таково было моё нетерпение высказать сочувствие огорчённому любовнику.

За всю свою жизнь я не видела ничего смешнее поведения Армадэля после получения двух неожиданных известий: о том что его возлюбленную увезли от него и что я выхожу замуж за Мидуинтера. Сказать, что он походил на ребёнка, было бы клеветой на всех детей, не родившихся идиотами. Он поздравил меня с предстоящим замужеством и проклинал неизвестную злодейку, написавшую анонимное письмо, не думая, что он говорит с этой самой злодейкой. То он покорно соглашался, что майор Мильрой действует по праву отца, то обвинял майора в том, что он абсолютно бесчувствен для всего, кроме своей механики и своих часов; то он вскакивал со слезами на глазах и заявлял, что его «дорогая Нили» сущий ангел на земле; потом опять мрачно садился и думал, что такая мужественная девушка могла бы убежать к нему в Лондон. Через полчаса этих нелепых разговоров я успела успокоить его, а потом с помощью нескольких сочувственных вопросов выяснила то, зачем именно пришла в гостиницу — прочитала письмо мисс Мильрой.

Оно было глупо, длинно и сбивчиво — словом, такое письмо могла написать только дура. Я должна была прочитать множество пошлых сентиментальностей и сетований и потерять время и терпение над изливанием приторных вспышек чувств и противных поцелуев, обведённых чернилами. Однако мне удалось наконец добраться до сведений, которые мне были нужнее. Вот они:

Майор по получении моего анонимного письма тотчас послал за дочерью и показал ей письмо.

«Ты знаешь, какую тягостную жизнь веду я с твоей матерью? Не сделай её тягостнее, Нили, обманывая меня».

Вот всё, что сказал бедный джентльмен. Я всегда любила майора, и хотя он боялся это показать, я знаю, что он любил меня. Его слова (если верить её рассказу) пронзили ей сердце. Она заплакала и призналась во всём.

Дав ей время прийти в себя (если бы он дал ей пощёчину, это было бы лучше), майор задал несколько вопросов и убедился (как убедилась и я), что сердце или воображение, или, как бы она ни называла это, его дочери принадлежат Армадэлю. Это открытие, очевидно, и огорчило и удивило его. Он заколебался, хотя некоторое



время не хотел изменить своё неблагоприятное мнение о возлюбленном мисс Нили. Но слезы и просьбы дочери (как это похоже на слабость милого старика!) поколебали его наконец. Хотя он твёрдо отказался дать теперь же согласие на помолвку, но согласился простить непозволительные свидания в парке и испытать, годится ли Армадэль быть ему зятем, с некоторыми условиями.

Эти условия состоят в том, чтобы на шесть месяцев прервать все сношения, и личные и письменные, между Армадэлем и мисс Мильрой. Это время должно быть использовано молодым человеком по его усмотрению, а молодой девицей — для завершения своего воспитания в школе. Если через полгода оба не изменят намерений и если поведение Армадэля за это время изменит мнение майора о нём, Армадэлю будет позволено явиться в качестве жениха мисс Мильрой, а ещё через полгода, если всё пойдёт хорошо, может состояться и свадьба.

Право, я могла бы расцеловать милого майора, если бы была близко от него! Если бы я стояла возле него и диктовала условия сама, я не могла бы потребовать ничего лучше этого. Шесть месяцев разлуки между Армадэлем и мисс Мильрой! За половину этого времени, когда все сообщения будут прерваны между ними, со мной случится непоправимое несчастье, если я не оденусь в надлежащий траур и не выдам себя публично за вдову Армадэля.

Но я забываю о письме девочки. Она объясняет причины, по которым отец поставил эти условия, собственными словами отца. Майор говорил так умно и с таким чувством, что не оставил ни дочери, ни Армадэлю ничего другого, кроме как покориться. Насколько я могу припомнить, он говорил с мисс Нили такими или почти что такими словами:

«Не думай, что я поступаю с тобой жестоко, друг мой. Я просто прошу тебя испытать мистера Армадэля. Это не только справедливо, но и необходимо, чтобы ты не поддерживала с ним связь некоторое время, и я объясню тебе почему. Во-первых, если ты поступишь в школу, необходимые правила в таких местах, необходимые и для других девушек, не позволят тебе видеться с мистером Армадэлем или получать письма от него; а если ты хочешь стать владельницей Торп-Эмброза, ты должна поступить в школу, потому что и тебе и мне было бы стыдно, когда ты, занимая важное положение в обществе, не

будешь иметь образования, которое получают все дамы в этом обществе. Во-вторых, я хочу знать, будет ли мистер Армадэль продолжать думать о тебе так, как он думает теперь, не будучи поощряем в своей привязанности свиданиями с тобою или известиями о тебе. Если я ошибаюсь, считая его легкомысленным и ненадёжным, и если твоё мнение о нём справедливо — это значит подвергать его несправедливому испытанию, — настоящая любовь выдержит и более продолжительную разлуку, чем шестимесячная. А когда это время пройдёт, когда я сам смогу понаблюдать за ним ещё шесть месяцев и стану думать о нём так же хорошо, как Думаешь ты, даже тогда, друг мой, после этой всей большой отсрочки, ты будешь замужем раньше, чем тебе минует восемнадцать лет. Подумай об этом, Нили, и покажи, что ты любишь меня и доверяешь мне, приняв моё предложение. Я не буду иметь связи с мистером Армадэлем, представляю тебе написать ему, как мы решили. Он может ответить одним письмом, только одним, чтобы сообщить тебе своё решение. После этого, ради сохранения твоей репутации, никаких связей не должно поддерживаться, и это следует держать в строжайшей тайне, пока пройдут оговорённые полгода».

Вот как рассуждал майор. Его обращение с этой девчонкой произвело на меня более сильное впечатление, чем все другое в письме. Оно заставило меня подумать (меня, из всех людей на свете менее способную на это) о том, что называется «нравственным затруднением». Нам постоянно говорят, что между добродетелью и пороком невозможны никакие отношения. Неужели нет? Вот майор Мильрой сделал именно то, что превосходный отец, одновременно добрый и благоразумный, любящий и твёрдый, сделал бы в подобных обстоятельствах, и этим самым поведением он теперь проложил дорогу для меня так гладко, как если бы стал сообщником этого гнусного создания — мисс Гуильт. Вот каким образом я рассуждаю! Но я в таком хорошем расположении духа, что на все способна сегодня. Я уже много месяцев не чувствовала себя такой молодой и весёлой!

Возвращаюсь к письму в последний раз, оно так скучно и так глупо, что я никак не могу не отвлекаться от него собственными размышлениями, чтобы ослабить отвращение.

Торжественно объявив, что она намерена пожертвовать собой ради воли отца (дерзость выдать себя за жертву после того, что случилось, превосходит все слышанное или читанное мною!), мисс Нили потом упомянула, что майор предложил отвезти её в приморский город для перемены климата на короткое время, которое должно пройти, прежде чем она поступит в школу. Армадэль должен был отвечать ей со следующей почтой на имя отца в Лоуистофт. За этим, с последней вспышкой нежных уверений, нацарапанных в углу страницы, письмо заканчивалось. (N. B.) Цель майора отвезти её в приморский городок довольно ясна. Он ещё не доверяет Армадэлю и благоразумно не допускает свиданий в парке, прежде чем девушка поступит в школу.

Когда я закончила с письмом, я спросила позволения прочесть в нём некоторые места, которыми я особенно восхищалась, во второй и в третий раз, — мы все стали совещаться дружески о том, что Армадэлю делать.

Он сначала имел глупость не соглашаться на условия майора Мильроя. Он объявил, заливаясь своим противным румянцем, который был свидетелем его скотского здоровья, что он не переживёт шестимесячной разлуки со своей возлюбленной Нили. Мидуинтеру (как легко можно представить) стало стыдно за него, и он вместе со мной стал уговаривать его образумиться. Мы доказали ему, что было бы ясно для всякого, кроме этого олуха, что благородство и даже приличие предписывают ему последовать примеру покорности молодой девушки.

«Подождите — и она будет вашей женой», — сказала я.

«Подождите — и вы принудите майора переменить своё несправедливое мнение о вас», — прибавил Мидуинтер.

Когда двое умных людей вбивали ему в голову здравый смысл, не надо и говорить, что голова его не выдержала, и он покорился.

Уговорив его принять условия майора (я позаботилась предостеречь его, прежде чем он написал к мисс Мильрой, что моя помолвка с Мидуинтером должна оставаться в такой же строгой тайне от неё, как от других), надо было решить прежде всего его будущий образ действий. У меня были готовы надлежащие аргументы, чтоб остановить его, если он предложит вернуться в Торп-Эмброс. Но он не предложил ничего подобного, напротив, он объявил сам, что ничто не

заставит его вернуться. И место это, и тамошние жители стали для него ненавистны. Теперь мисс Мильрой не будет встречаться с ним в парке, а Мидуинтер беседовать с ним в уединённом доме.

«Я скорее пойду дробить камни на дороге, — было его первым умным замечанием, — чем возвращусь в Торп-Эмброз».

Толковый совет затем подал Мидуинтер. Хитрый старик из Сомерсетшира, наделавший столько хлопот миссис Ольдершо и мне, был болен, но в последнее время ему стало лучше.

«Почему не поехать в Сомерсетшир, — сказал Мидуинтер, — увидеться с вашим и моим добрым другом, мистером Броком?»

Армадэль с радостью ухватился за это предложение. Он захотел, во-первых, видеть «милого старика Брока», а во-вторых — свою яхту. Он останется ещё несколько дней в Лондоне с Мидуинтером, а потом охотно поедет в Сомерсетшир. Но после-то что ж?

Представился удобный случай, я подросла на выручку и на этот раз.

«У вас есть яхта, мистер Армадэль, — сказала я, — а вы знаете, что Мидуинтер едет в Италию. Когда вам надоест Сомерсетшир, почему не совершить поездку по Средиземному морю и не увидеться с вашим другом и с женой вашего друга в Неаполе?»

Я сделала намёк на «жену его друга» с самой благопристойной скромностью и с замешательством. Армадэль был в восторге. Я предложила самый лучший способ занять время ожидания. Он вскочил и пожал мою руку с чувством признательности. Как я ненавижу людей, которые могут выражать свои чувства, сжимая до боли руки своих собеседников!

Мидуинтеру, так же как и Армадэлю, было приятно моё предложение, но он увидел затруднение в исполнении его. Он считал яхту слишком маленькой для путешествия по Средиземному морю и думал, что следует нанять судно побольше. Друг его решал иначе. Я оставила их рассуждать по этому вопросу. Для меня было совершенно довольно удостовериться, во-первых, что Армадэль не вернётся в Торп-Эмброз, и уговорить его, во-вторых, уехать за границу. Он может ехать, как он хочет. Я сама предпочла бы маленькую яхту, потому что появилась бы надежда, что маленькая яхта могла оказать мне неоценимую услугу — утопить его...

Пять часов. Сознание, что будущие поступки Армадэля будут находиться под моим контролем, так меня взволновало, когда я вернулась на свою квартиру, что я была вынуждена пойти снова на улицу и заняться чем-нибудь. Мне было необходимо заниматься новыми делами, я и отправилась в Пимлико, раздумывая над тем, как покончить с миссис Ольдершо. Я пошла пешком и решила дорогой, что поссорюсь с ней. Так: как по одной моей расписке уже заплачено, а Мидуинтер охотно заплатит по двум другим по наступлении срока, то мои теперешние отношения с негодной старухой изменились и я так независима от неё, как только могла бы пожелать. Я всегда с ней слажу, когда между нами доходит до прямой ссоры, и нахожу её удивительно вежливой и обязательной, как только дам ей почувствовать, что моя воля сильнее её воли. В моём настоящем положении она может быть полезна мне в разных делах, если бы я могла получить её помощь, не доверяя ей тайн, которые решила теперь более прежнего держать про себя одну. Это был мой план, когда я шла в Пимлико. Во-первых, расстроить нервы миссис Ольдершо, а потом повернуть её, как захочу. Эта затея обещала мне интересное занятие на целый день. Когда я пришла в Пимлико, меня ждал сюрприз. Дом был заперт не только со стороны миссис Ольдершо, но и со стороны доктора Дауноарда. Замок висел на двери лавки, а какой-то человек караулил; конечно, он мог быть простым праздношатающимся, но, по моему мнению, очень походил на переодетого полисмена.

Зная, каким опасностям подвергается доктор в практике того рода, какой занимается он, я тотчас догадалась, что случилось нечто серьёзное и что хитрая миссис Ольдершо скомпрометирована на этот раз. Не останавливаясь, не делая никаких расспросов, я села в первый проезжавший кэб и поехала на почту, куда распорядилась пересылать письма, которые будут получены после отъезда из Торп-Эмброза.

Там оказалось письмо к «мисс Гиульт». Почерк был миссис Ольдершо, и в нём сообщалось мне, что доктор попал в серьёзную историю, что она сама, к несчастью, замешана в это дело и что они оба скрываются пока. Письмо кончалось очень злобными фразами о

моём поведении в Торп-Эмброзе и предостережением, что я ещё услышу о миссис Ольдершо. Меня обрадовало это письмо, потому что она была бы вежлива и раболепна, если бы подозревала, что у меня есть на уме. Я сожгла письмо, как только принесли свечи. Пока все сношения между матушкой Иезавелью и мною кончились. Теперь я должна одна совершить моё грязное дело, и, может быть, будет безопаснее, если не поручу этого ничьим другим рукам, кроме своих собственных.

\* \* \*

Июля 31. Ещё полезные сведения для меня. Я опять встретила с Мидуинтером в парке (под предлогом, что моя репутация может пострадать, если он слишком часто будет бывать у меня) и узнала, чем занимался Армадэль после того, как я вчера ушла из гостиницы.

Когда он написал мисс Мильрой, Мидуинтер воспользовался случаем поговорить с ним о необходимых деловых распоряжениях на время его отсутствия в Торп-Эмброзе. Решили, что слугам будет выдаваться жалованье на стол и что Бэшуд останется на своей должности. (Мне как-то не нравится появление Бэшуда при моих теперешних планах, но нечего делать.) Следующий вопрос — о деньгах — тотчас был решён самим Армадэлем. Все его наличные деньги — большая сумма — Бэшуд должен сдавать в банк Куттса на имя Армадэля. Он сказал, что это избавит его от скуки писать письма своему управляющему и позволит тотчас взять, сколько нужно, когда он поедет за границу. План, предложенный таким образом, был самый простой и безопасный и был одобрен Мидуинтером. Тем и закончилось бы деловое совещание, если бы об этом вечном Бэшуде опять не было упомянуто в разговоре, что продолжило его в совсем новом направлении.

Мидуинтеру пришло в голову, что не следует возлагать всю ответственность по Торп-Эмброзу на Бэшуда. Не испытывая к нему ни малейшего недоверия, Мидуинтер чувствовал, однако, что над Бэшудом следует поставить кого-то, к кому он мог бы обратиться в случае появления непредвиденных обстоятельств. Армадэль не стал на это возражать, он только спросил, кто это будет.

Ответ нелегко было дать. Можно было пригласить одного из торп-эмбросских стряпчих, но Армадэль был в дурных отношениях с обоими. О примирении с таким лютым врагом, как стряпчий Дарч, нечего было и говорить, а просить Педгифта занять его прежнее место значило бы безмолвно одобрить со стороны Армадэля гнусное поведение стряпчего со мною, что не согласовалось бы с уважением, которое он испытывал к женщине, собирающейся скоро стать женой его друга. После долгих рассуждений Мидуинтер дал новый совет, по-видимому устранивший затруднение. Он предложил Армадэлю написать к одному почтенному стряпчему в Норуич, объяснить ему своё положение в общих словах и просить, чтобы он взялся за его дела и занял место советника и начальника Бэшуда, когда этого потребуют обстоятельства. Норуич недалеко от Торп-Эмброза, находится на одной железной дороге, и Армадэль не видел никаких препятствий для принятия этого предложения и обещал написать норуичскому стряпчему. Боясь, чтобы он не сделал какой-нибудь ошибки, если будет писать без его помощи, Мидуинтер сам написал ему черновик письма, и Армадэль теперь переписывает и сообщает Бэшуду, чтобы он сдавал деньги в банк Куттса.

Эти подробности так скучны и неинтересны, что я сначала не решалась записать их в мой дневник, но, поразмыслив, убедилась, что они слишком важны для того, чтобы обойти их молчанием. Если смотреть на них с моей точки зрения, они значат, что Армадэль сам отрезал все сообщения с Торп-Эмбросом, даже письменные. Он почти что умер для всех оставленных там. Причины, которые привели к такому результату, конечно, заслуживают лучшего места, какое я могу уделить им на этих страницах.

\* \* \*

Августа 1. Нечего записывать, кроме того, что я провела спокойный и счастливый день с Мидуинтером. Он нанял коляску, и мы поехали в Ричмонд и обедали там. После сегодняшнего дня невозможно обманывать себя долее. Что ни вышло бы из этого, я люблю его.

Я впала в уныние, как только он оставил меня. Мной овладело убеждение, что гладкое и счастливое течение дел после приезда в Лондон — слишком гладко и удачно для того, чтоб так продолжалось и дальше. Меня что-то тяготит сегодня посильнее тяжёлого лондонского воздуха.

\* \* \*

Августа 2. Три часа. Мои предчувствия, как и предчувствия других людей, часто обманывали меня, но я почти боюсь, что вчерашнее предчувствие стало пророческим на этот раз.

Я пошла после завтрака к модистке, живущей поблизости, заказать несколько летних нарядов, а оттуда в гостиницу Мидуинтера — условиться с ним о новой поездке за город. Я ездила в кэбе к модистке и в гостиницу, но, когда я возвращалась, мне опротивел несносный запах в кэбе (верно, кто-нибудь в нём курил), я вылезла и отправилась пешком. Не прошло и пяти минут, как я заметила, что за мной следует незнакомый мужчина.

Может быть, это ничего не значит, кроме того, что какой-нибудь праздношатающийся был заинтересован моей фигурой и вообще моей наружностью. Моё лицо не могло произвести на него впечатления, потому что оно было закрыто по обыкновению вуалью. От модистки или от гостиницы следовал он за мной, не могу сказать, не знаю также точно, последовал ли он за мной до дверей квартиры; я только знаю, что потеряла его из виду, прежде чем вернулась домой. Нечего делать, надо ждать, что подскажут события. Если в том, что заметила, есть что-нибудь серьёзное, я скоро это узнаю.

\* \* \*

Пять часов. Это серьёзно. Десять минут назад я была в своей спальне, которая сообщается с гостиной. Я выходила из спальни, когда услышала незнакомый голос на площадке — голос женский. Через минуту дверь гостиной вдруг отворилась, и этот женский голос спросил: «Эти комнаты вы отдаёте внаймы?»



Хотя хозяйка, стоявшая позади, отвечала: «Нет, выше», эта женщина прямо вошла в мою спальню, как будто она не слышала. Я успела захлопнуть дверь перед её носом, прежде чем она увидела меня. Последовали непременные объяснения и извинения между хозяйкой и незнакомкой, а потом я опять осталась одна.

Я не имею времени писать долее. Ясно, что кто-то старается увидеть меня, и если бы не моя расторопность, эта незнакомая женщина добилась бы своей цели, застигнув меня врасплох. Она и мужчина, следовавший за мной на улице, как я подозреваю, действуют заодно, а, вероятно, на заднем плане скрывается кто-нибудь, чьим интересам они служат. Не миссис ли Ольдершо нападает на меня втёмную? Или кто-то другой? Всё равно, кто бы это ни был, моё настоящее положение слишком критическое, им шутить нельзя. Я сегодня же должна выехать из этого дома и не оставить следов, по которым могли бы отыскать меня в другом месте.

\* \* \*

Августа 3. Улица Гэри, Тоттенгэмская Дорога. Я уехала вчера (написав извинение Мидуинтеру, в котором моя больная мать была достаточной причиной для моего исчезновения) и нашла убежище здесь. Это стоило мне денег, но цель достигнута: никто не мог проследить за мной от Новой Дороги до настоящего адреса.

Заплатив моей хозяйке необходимый штраф за то, что оставляю её без предупреждения, я устроила так, что её сын отвёз мои вещи в кэбе и сдал в багажное отделение ближайшей железнодорожной станции, и послал мне квитанцию в письме на почту. Пока он поехал в одном кэбе, я уехала в другом с немногими вещами, необходимыми на ночь, уложив их в дорожный мешок. Я прямо поехала к модистке, в магазине которой, как заметила вчера, есть чёрный ход к конюшням. Я вошла в магазин, оставив кэб ждать меня у дверей.

«Меня преследует какой-то мужчина, — сказала я, — и я хочу освободиться от него. Вот деньги извозчику. Подождите десять минут, потом отдайте деньги, а меня выпустите сейчас чёрным ходом».

Через минуту я была у конюшен, а там на соседней улице, на другой, на третьей, села в проезжавший омнибус и опять была

свободна от слезки.

Прервав все сообщения между собой и моей последней квартирой, я позаботилась прежде всего (в случае, если подстерегают Мидуинтера и Армадэля) прекратить все сношения, по крайней мере на несколько дней, между мной и гостиницей. Я написала Мидуинтеру — опять ссылаясь на мою мать, — что связана обязанностями сиделки и что пока мы должны поддерживать связь только письменно. Так как я ещё не знаю, кто мой скрытый враг, то не могу сделать большего для своей защиты, чем сделала теперь.

\* \* \*

Августа 4. Оба друга написали мне из гостиницы. Мидуинтер выражает сожаление о нашей разлуке в самых нежных словах. Армадэль просит помочь ему в весьма щекотливой ситуации. Письмо от майора Мальроя было препровождено к нему из большого дома, и он прислал это письмо ко мне.

Выехав из приморского города и поместив свою дочь в школу, ранее выбранную для неё (в окрестностях Или), майор вернулся в Торп-Эмброс в конце последней недели и в первый раз услышал разговоры об Армадэле и обо мне и немедленно написал об этом Армадэлю.

Письмо сурово и коротко. Майор Мильрой считает эти слухи невероятными, потому что невозможно поверить в такое хладнокровное вероломство, которое вытекало из этих слухов, если бы эти слухи были верны. Он пишет просто для того, чтобы предостеречь Армадэля, что если он вперёд не будет осторожнее в своих поступках, то должен отказаться от всяких притязаний на руку мисс Мильрой. «Я не ожидаю и не желаю ответа (так кончается письмо), потому что не желаю получать уверений на словах. По вашему поведению, только по вашему поведению я буду судить о вас. Позвольте мне также прибавить, что я решительно запрещаю вам считать это письмо предлогом для того, чтоб нарушить условия, заключённые между нами, и опять писать к моей дочери. Вам не нужно оправдываться в её глазах, потому что я, к счастью, увёз её из Торп-Эмброса, прежде чем

эти гнусные слухи успели дойти до неё, и я позабочусь о том, чтоб её не взволновали и не расстроили слухи об этом там, где она теперь».

Армадэль просит меня (так как я невинная причина новых нападков на его репутацию) написать майору и оправдать его, упомянуть, что он не мог из простой вежливости не проводить меня в Лондон. Прощаю дерзость этой просьбы из уважения к новостям, которые он сообщает мне. Это ещё одно обстоятельство в мою пользу, что торп-эмброзские сплетни не дойдут до ушей мисс Мильрой. С её характером (если она услышит об этом) мисс Мильрой могла бы совершить какой-нибудь отчаянный поступок для того, чтоб объявить свои притязания на Армадэля, и таким образом серьёзно скомпрометировать меня. Относительно же того, как мне поступить с Армадэлем, это довольно легко. Я успокою его обещанием написать майору Мильрою и возьму на себя смелость ради собственных интересов не сдерживать слова.

Сегодня не случилось ничего подозрительного. Кто бы ни были мои враги, они потеряли меня из виду, и до того времени, как я оставлю Англию, они не найдут меня. Я была на почте и получила квитанцию на мои вещи, присланную мне, как я договорилась, из дома на Новой Дороге. Вещи мои я ещё оставлю на станции, пока не увижу ясно, как мне действовать.

\* \* \*

Августа 5. Опять два письма из гостиницы. Мидуинтер напоминает мне самыми милыми словами, что он прожил уже достаточно в одном приходе для того, чтобы иметь право взять позволение обвенчаться со мной. Если я намерена сказать «нет», то теперь настало это время. Я не могу сказать «нет». Вот вся правда. Стало быть, и дело кончено!

Письмо Армадэля прощальное. Он благодарит меня за любезное согласие написать майору и прощается со мной до свидания в Неаполе. Он узнал от своего друга, что есть причины, лишаящие его удовольствия присутствовать на нашей свадьбе. При таких обстоятельствах его ничто не удерживает в Лондоне. Он отдал все деловые распоряжения, едет в Сомерсетшир с вечерним поездом и,

погостив некоторое время у Брока, отправится в Средиземное море (несмотря на возражения Мидуинтера) на своей собственной яхте.

В письмо был вложен футляр с кольцом — подарок Армадэля к моей свадьбе. Это рубин, но довольно маленький и оправленный очень безвкусно. Он подарил бы мисс Мильрой кольцо в десять раз дороже, если бы это был её свадебный подарок. По моему мнению, нет существа противнее скупого молодого человека. Желала бы я знать, утопит ли его эта маленькая яхта?

Я так взволнована и раздражена, что сама не знаю, о чём пишу. Не то чтоб я боялась наступающих событий, я только чувствую, как будто меня гонят скорее, чем я желаю идти. Таким образом, если не случится ничего, Мидуинтер женится на мне в конце этой недели. И тогда!..

\* \* \*

Августа 6. Если бы что-нибудь могло удивлять меня теперь, то удивили бы известия, дошедшие до меня сегодня.

Вернувшись в гостиницу сегодня утром после получения позволения венчаться, Мидуинтер нашёл телеграмму, ожидавшую его. Армадэль уведомлял Мидуинтера, что мистеру Броку стало хуже и что доктора не питают никакой надежды на его выздоровление. По желанию умирающего Армадэль зовёт Мидуинтера проститься с ним и умоляет не терять ни минуты и ехать с ближайшим поездом.

В торопливо написанном письме, сообщающем мне это, Мидуинтер пишет мне также, что, когда я прочту эти строки, он будет уже в пути на запад. Он обещает написать подробно после того, как увидит мистера Брока, с вечерней почтой.

Это известие имеет для меня интерес, о котором Мидуинтер не подозревает. Только одно человеческое существо, кроме меня, знает тайну его происхождения и имени — и это старик, который ждёт его теперь на смертном одре. Что они скажут друг другу в последнюю минуту? Не возвратит ли их какое-нибудь случайное слово к тому времени, когда я служила у миссис Армадэль на Мадере? Будут ли они говорить обо мне?

\* \* \*

Августа 7. Я получила обещанное письмо. Они не обменялись прощальными словами, всё кончилось, прежде чем Мидуинтер доехал до Сомерсетшира. Армадэль встретил его у калитки пастората с известием, что мистер Брок умер.

Я стараюсь бороться против этого, но после странного стечения обстоятельств, собравшихся вокруг меня за эти несколько недель, в этом последнем происшествии есть что-то потрясшее мои нервы. Только одна возможность быть узнанной стояла на пути моем, когда вчера я раскрыла дневник. Когда я раскрываю его сегодня, эта возможность устранена смертью Брока. Это что-нибудь значит. Я желала бы знать что.

Похороны состоятся в субботу утром. Мидуинтер будет на них с Армадэлем, но он раньше хочет вернуться в Лондон и пишет, что заедет ко мне вечером прямо со станции в надежде видеть меня. Даже если бы в этом был риск, я увиделась бы с ним при теперешних обстоятельствах. Но риска нет, если он приедет со станции, а не из гостиницы.

\* \* \*

Пять часов. Я не ошиблась, полагая, что мои нервы совершенно расстроены. Безделицы, которые в другое время не заставили бы меня призадуматься ни на минуту, мучают меня теперь.

Два часа тому назад с отчаяния, не зная как провести день, вздумала сходить к модистке, которая шьёт мне летнее платье. Я имела намерение пойти примерить его вчера, но это вылетело у меня из памяти от волнения, в которое меня привело известие о Броке. Я пошла сегодня, желая сделать что-нибудь, что помогло бы мне освободиться от себя самой, но возвратилась, чувствуя себя ещё растревоженнее и ещё унылее, чем чувствовала себя, когда вышла. Боюсь, что могут быть причины раскаяться в том, что не оставила своё неоконченное платье у модистки.

На этот раз со мной ничего не случилось на улице. Только в той комнате, где примеривают платья, у меня вновь появились подозрения, и мне пришло в голову, что попытка узнать меня, которую я расстроила, ещё не окончилась и что некоторые из работниц магазина были тут замешаны, а возможно, и сама хозяйка.

Могу ли я объяснить себе причину этого подозрения? Дай-ка я подумаю.

Я заметила два обстоятельства, которые отличались от обыкновенного порядка вещей в магазине: во-первых, в комнате находилось вдвое больше женщин, чем было нужно. Это казалось подозрительным, а между тем я могла объяснить это многими причинами. Сейчас в работе перерыв, и разве я не знаю из своего опыта, что я дама такого рода, к которой другие женщины всегда испытывают завистливое любопытство? Во-вторых, мне показалось, что одна из присутствующих довольно странно заставляла меня поворачиваться в одну сторону, лицом к стеклянной двери за занавесью, которая вела в рабочую комнату. Впрочем, она объяснила причину, когда я спросила её об этом. Она сказала, что свет падает лучше на меня с той стороны, и, когда я обернулась, окно доказало справедливость её слов. Всё-таки эти пустяки произвели на меня такое действие, что я нарочно осталась недовольна платьем, чтоб иметь предлог примерить его опять, прежде чем сказать адрес, по которому его надо прислать мне. Наверно, это чистая фантазия. Может быть, теперь это чистая фантазия. Мне всё равно, я буду действовать по инстинкту (как говорят) и откажусь от платья — простыми словами: я не вернусь к модистке.

Полночь. Мидуинтер навестил меня, как обещал. Прошёл час после того, как мы простились, а я всё ещё сижу с пером в руке и думаю о нём. Никакими словами нельзя описать того, что произошло между нами. Я могу только описать на этих страницах конец всего этого, а конец состоит в том, что он поколебал мою решимость. Первый раз с тех пор, как я увидела лёгкий способ положить конец жизни Армадэля в Торп-Эмброзе, я чувствую, как будто человек, которого я обрекла на смерть в своих мыслях, имеет возможность спастись от меня.

Любовь ли к Мидуинтеру так изменила меня или его любовь ко мне овладела не только всем, что я желаю дать ему, но и всем тем, что

я желаю от него скрыть? Я чувствую, как будто забыла о себе — я хочу сказать: забыла о себе для него. Он был очень взволнован тем, что случилось в Сомерсетшире и заставил и меня почувствовать такое же уныние и печаль. Хотя он не признавался мне, однако я поняла, что смерть Брока испугала его, как несчастное предзнаменование для нашего брака — я это знаю, потому что и мне также это кажется дурным предзнаменованием. Суеверие, его суеверие так сильно овладело мной, что, когда мы успокоились и он заговорил о будущем — он сказал мне, что должен или отказаться от своей договорённости с редакторами газет, или поехать за границу, как обязался, в следующий понедельник — я просто испугалась мысли, что наш брак последует так скоро за похоронами Брока, и сказала Мидуинтеру под впечатлением от случившегося: «Поезжайте и начните вашу новую жизнь один! Поезжайте и оставьте меня здесь ждать более счастливых времён».

Он заключил меня в свои объятия. Он вздыхал и целовал меня с ангельской нежностью, он сказал (о! как нежно и как грустно): «У меня нет теперь жизни без вас».

Когда эти слова сорвались с его губ, в моей голове как отголосок на них промелькнула мысль: «Почему не прожить всех дней, оставшихся мне в жизни, счастливо и невинно в такой любви, как эта?» Я не могу этого объяснить, не могу этого понять. В то время в голове моей появилась эта мысль, и эта мысль ещё со мной. Я смотрю на свою руку, когда пишу эти слова, и спрашиваю себя: действительно ли это рука Лидии Гуильт?

Армадэль...

Нет! Никогда не буду писать, никогда не буду думать больше об Армадэле.

Да! Напишу ещё раз, буду думать ещё раз о нём, потому что я успокаиваюсь, зная, что он уезжает и что море разделит нас, прежде чем я выйду замуж. Его прежний дом уже не будет для него домом теперь, когда после смерти матери последовала смерть его лучшего старого друга. После похорон Армадэль решил ехать в тот же день за границу. Мы встретимся, а может быть, и не встретимся в Неаполе. Изменюсь ли я, если мы встретимся, желала бы знать! Желала бы я знать!

\* \* \*

Августа 8. Письмо от Мидуинтера. Он вернулся в Сомерсетшир, чтобы быть готовым к завтрашним похоронам, и приедет сюда (простившись с Армадэлем) завтра вечером.

Последние формальности в подготовке к нашему браку были выполнены. Я должна стать женой Мидуинтера в следующий понедельник, не позже половины одиннадцатого, что даст нам время, по окончании обряда, прямо из церкви отправиться на железную дорогу и начать наше путешествие в Неаполь в тот же день.

Сегодня — суббота — воскресенье! Я времени не боюсь; время пройдёт. Я и себя не боюсь, если только смогу выбросить все мысли из головы моей, кроме одной: я люблю его! День и ночь, пока не наступит понедельник, я ни о чём не буду думать, кроме этого: я люблю его!

\* \* \*

Четыре часа. Другие мысли толпятся в голове против воли. Мои вчерашние подозрения были не простые фантазии: модистка замешана в этом. Моё сумасбродство, когда я вернулась к ней, дало возможность отыскать мои следы. Я совершенно уверена, что не давала этой женщине своего адреса, а между тем новое платье было прислано ко мне сегодня в два часа.

Его принёс человек со счётом и вежливо объяснил, что так как я не пришла в назначенное время на примерку, то платье было закончено и присылается ко мне. Он встретил меня в коридоре, и мне не оставалось ничего более, как заплатить по счёту и отпустить его.

Сделать что-нибудь другое при таком обороте событий было бы чистым сумасбродством. Посланный не тот человек, который следовал за мной на улице, но, видимо, другой шпион, подсланный следить за мной (в этом нет никакого сомнения), заявил бы, что он ничего не знает, если бы я заговорила с ним. Модистка сказала бы мне в лицо, если бы отправилась к ней, что я дала ей свой адрес. Единственная полезная вещь, которую мне остаётся сделать теперь, это —



мобилизовать все свои способности для собственной безопасности и выйти из трудного положения, в которое меня поставила собственная опрометчивость. Если я смогу.

\* \* \*

Семь часов. Я опять приободрилась. Мне кажется, что я скоро выпутаюсь.

Я только что вернулась из продолжительной поездки в кэбе. Во-первых, ездила на станцию Западной дороги взять вещи, которые отослала туда из моей старой квартиры, потом на станцию Юго-Восточной железной дороги оставить эти вещи (записанные на имя Мидуинтера), ждать до нашего отправления в понедельник; потом на почту отправить письмо к Мидуинтеру, адресованное в пасторат, которое он получит завтра утром; наконец, снова сюда, на квартиру, с которой уже не выйду до понедельника.

Моё письмо Мидуинтеру — я в этом не сомневаюсь — приведёт к тому, что он поможет (совершенно невольно) предосторожностям, которые я принимаю для моей безопасности. Недостаток времени в понедельник заставит его расплатиться по счёту в гостинице и отвезти свои вещи до венчания. Я попрошу его только отвезти вещи самому на Юго-Восточную железную дорогу (для того чтобы стали бесполезными все вопросы, с которыми могут обратиться к слугам гостиницы) и, сделав это, встретиться у дверей церкви, вместо того чтобы заезжать за мной сюда. Остальное не касается никого, кроме меня. Когда наступит вечер воскресенья или утро понедельника, было бы большое несчастье (так как я теперь свободна от всяких помех), если бы я не могла во второй раз ускользнуть от людей, подстерегающих меня.

Казалось бы, бесполезно писать Мидуинтеру сегодня, когда он возвращается завтра вечером. Но невозможно просить о том, о чём я была принуждена просить его, не использовав опять в качестве предлога мои семейные обстоятельства; а так как я должна была это сделать — надо признаться в правде — я написала ему, потому что после того, что я выстрадала в последний раз, я не смогу никогда снова обманывать, глядя ему в лицо.

Августа 9, два часа. Я встала сегодня рано, в более унылом расположении духа, чем обыкновенно. Начало этого дня, так как начало каждого предыдущего было для меня скучно и безнадежно уже несколько лет. Мне снилось всю ночь (не Мидуинтер и моя супружеская жизнь, как я надеялась) отвратительные попытки выследить меня, по милости которых меня гоняют из одного места в другое, как преследуемого зверя. Никакое новое открытие не осенило меня. Я могла только угадать во сне то, что я угадываю наяву, — что миссис Ольдершо враг, нападающий на меня во мраке. Кроме старика Бэшуда (о котором было бы смешно думать в таком серьезном деле), кто другой, кроме миссис Ольдершо, может быть заинтересован вмешиваться в мои дела в настоящее время?

Однако беспокойная ночь принесла один удовлетворительный результат: она дала мне возможность завоевать расположение здешней служанки и заручиться её помощью, какую она может оказать мне, когда наступит время ускользнуть отсюда.

Служанка заметила утром, что я бледна и растревожена. Я призналась ей, что выхожу замуж и что у меня есть враги, которые хотят разлучить меня с моим женихом. Это сейчас же вызвало у неё сочувствие, а подарок десяти шиллингов сделал остальное. В перерывах между работой она пробыла со мной почти все утро, и я узнала, между прочим, что её жених — гвардейский солдат и что она надеется увидеться с ним завтра. У меня осталось достаточно денег, как их ни мало, чтобы вскружить голову любому солдату в британской армии, и если человек, направленный следить за мной завтра, мужчина, я думаю, что, может быть, его внимание будет завтра неприятно отвлечено от мисс Гуильт.

Мидуинтер приехал сюда в последний раз с железной дороги в половине десятого. Как проведу скучные, скучные часы до вечера? Кажется, закрою ставни в спальне и упыюсь сладостным забвением из склянки с каплями.

Одиннадцать часов. Мы расстались в последний раз до того дня, который сделает нас мужем и женой.

Он оставил меня, как оставлял прежде предметом любви и всепоглощающего интереса. Те же чувства испытывала и я в его отсутствие. Я заметила в нём перемену, как только он вошёл в комнату. Когда Мидуинтер рассказывал мне о похоронах и о прощании с Армадэлем на яхте, он говорил об этом с глубоким чувством, но проявил такое самообладание при этом, которое было ново для меня. Повторилось то же, когда разговор обратился на наши планы в будущем. Мидуинтер был очень раздосадован, узнав, что мои семейные обстоятельства не позволяют нам встретиться завтра, и очень встревожен мыслью, что должен позволить мне одной отправиться в понедельник в церковь. Но за всем этим чувствовалось какое-то ожидание и какое-то спокойствие что произвело на меня такое сильное впечатление, что я была вынуждена заметить это.

«Вы знаете, странные фантазии овладели мною в последнее время, — сказала я. — Рассказать вам, какая фантазия овладела мною теперь? Я не могу не думать, что с тех пор, как мы виделись с вами в последний раз, с вами случилось что-то, чего вы мне ещё не рассказали».

«Случилось, — отвечал он. — И вы должны это знать».

С этими словами он вынул записную книжку, а оттуда два письма. На одно он взглянул и убрал назад; другое он положил на стол передо мной. Придерживая его рукой, он опять заговорил: «Прежде чем я скажу вам, что это и как досталось мне, я должен признаться вам в том, что я от вас скрывал. В этом признании речь идёт ни о чём более серьёзном, как о моей слабости».

Он потом признался мне, что возобновление его дружбы с Армадэлем было омрачено, весь период их встреч в Лондоне, его суеверными предчувствиями. Каждый раз, когда они оставались вдвоём, страшные слова его отца на смертном одре и ужасное предчувствие их предостережением сновидения не выходили у него из головы. День за днём убеждение, что последствия, губительные для Армадэля, будут связаны с возобновлением их дружбы и с моим участием в достижении этого, всё сильнее и сильнее приобретали над ним влияние. Он повиновался голосу, призывавшему его к постели ректора с твёрдым намерением признаться в своём предчувствии

приближающегося несчастья мистеру Броку, и суеверие его подтвердилось вполне, когда он узнал, что смерть вошла в дом прежде него и разлучила их на этом свете навсегда. Он вернулся с похорон с тайным чувством облегчения при мысли расстаться с Армадэлем и с тайным намерением не допускать встречи с ним в Неаполе, о которой они условились. С этим твёрдым намерением он в одиночестве вошёл в комнату, приготовленную для него в пасторате, и распечатал письмо, которое нашёл на столе. Письмо было найдено только в этот день — под кроватью, на которой умер Брок. Оно было написано рукой ректора и адресовано Мидуинтеру.

Рассказав мне это почти такими же словами, как я написала, он поднял руку с письма, лежавшего на столе между нами.

«Прочтите, — сказал он, — и мне не нужно будет говорить вам, что моя душа опять стала спокойна и что я пожал руку Аллэна на прощанье с сердцем, более достойным любви».

Я прочла письмо. Моей душе не нужно было побеждать суеверия, в сердце моем не могло возбудиться чувство признательности к Армадэлю, а между тем действие, которое это письмо произвело на Мидуинтера, вполне соответствовалось с действием, произведённым этим письмом на меня.

Напрасно я просила его оставить у меня это письмо, чтоб можно было прочитать его опять (как я хотела), когда останусь одна. Он решил не выпускать его из рук, он решил держать его у себя вместе с другой бумагой, которую он вынул из бумажника и на которой записано сновидение Армадэля. Я смогла только выпросить у него позволение списать это письмо, и на это он согласился охотно. Я списала письмо в его присутствии и теперь помещаю его в свой дневник, чтоб отметить один из самых достопамятных дней в моей жизни.

*«Боскомский пасторат, августа 2.*

*Любезный Мидуинтер! В первый раз после начала моей болезни я нашёл вчера достаточно сил, чтоб пересмотреть мои письма. Одно из писем было от Аллэна и лежало нераспечатанным на моём столе целых десять дней. Он пишет мне с большим огорчением, что между вами произошёл большой разлад и что вы оставили его. Если вы*

*ещё помните, что происходило между нами, когда вы открыли мне всю вашу душу на острове Мэн, вы поймёте, как я обдумывал эти злополучные известия в ночь, которая теперь прошла, и не удивитесь, узнав, что я проснулся сегодня утром, чтобы сделать усилие написать вам. Хотя я вовсе не теряю надежды на своё выздоровление, тем не менее не смею в мои лета слишком полагаться на эту надежду. Пока время ещё есть, я должен употребить его на пользу Аллена и вашу.*

*Я не знаю обстоятельств, разлучивших вас с другом. Если моё мнение о вашем характере не основано на обманчивой фантазии, единственное влияние, которое могло повести вас к отчуждению от Аллена, есть влияние того злого духа суеверия, которое я когда-то выкинул из вашего сердца и которое я опять преодолею, если угодно Богу, если у меня хватит сил высказать письменно мои мысли вам в этом письме.*

*У меня нет намерения опровергать выше мнение, что люди могут быть предметом сверхъестественного вмешательства во время их странствования по этому свету. Говоря как человек рассудительный, я признаюсь, что не могу доказать вам, что вы ошибаетесь. Единственная цель, которой я желаю достигнуть, состоит в том, чтобы убедить вас освободиться от парализующего фатализма язычников и дикарей и смотреть на таинственность, которая приводит вас в недоумение, и на тяжёлые предчувствия, устрашающие вас, с христианской точки зрения. Если я могу успеть в этом, я очищу вашу душу от призрачных сомнений, которые теперь тяготят её, и соединю вас опять с вашим другом, с тем чтобы вы не разлучались с ним никогда.*

*Я не имею возможности видеть вас; я могу только послать это письмо к Аллену, чтобы он препроводил его к вам, если он знает или может узнать ваш теперешний адрес. Поставленный в такое положение относительно вас, я обязан обдумать всё, что может быть сделано в вашу пользу. Я уверен, что с вами или с Алленом случилось что-*

*нибудь не только утвердившее в вашей душе фаталистическое убеждение, в котором умер ваш отец, но и прибавившее новое и страшное значение предостережению, которое он сделал вам на своём предсмертном одре.*

*В этом-то отношении я буду вам возражать; в этом-то отношении я обращаюсь ко всему высокому в вашей натуре и к вашему здравому смыслу.*

*Сохраните ваше теперешнее убеждение, что происшедшие события, каковы бы они ни были, нельзя примирять с обычными случайностями и обычными человеческими законами, и смотрите на ваше собственное положение в лучшем и в более ясном свете, чем ваше суеверие набрасывает на него. Что вы? Вы беспомощное орудие в руках Рока. Вы осуждены, не имея никакой возможности сопротивляться, навлечь несчастье и слепую гибель на человека, с которым вы с любовью и признательностью соединили себя узами братской дружбы. Все нравственно твёрдое в вашей воле и нравственно чистое в ваших стремлениях ничего не может сделать против наследственного побуждения вас ко злу, возбуждённому преступлением, которое отец ваш совершил, прежде чем вы родились. Чем кончается это убеждение? Оно кончается мраком, в котором вы теперь заблудились, в противоречиях, в которых вы теперь теряетесь, в упорном молчании, которым человек оскверняет свою собственную душу и унижает себя до уровня погибающих скотов.*

*Смотрите, мой бедный страдающий брат, смотрите, мой жестоко испытанный, мой возлюбленный друг, выше этого! Опровергайте сомнения, осаждающие вас, с христианским мужеством и с христианской надеждой — и ваше сердце опять обратится к Аллэну, и ваша душа опять успокоится. Что ни случилось бы, Господь милосерд, Господь премудр: все естественное или сверхъестественное случается через Него. Тайна зла, приводящая в недоумение нашу слабую душу, горести и страдания, терзающие нас в*

*этой краткой жизни, не опровергают одну великую истину, что судьба человека в руках его Создателя и что блаженный Сын этого Господа умер для того, чтобы сделать нас достойнее нашей судьбы. Ничто исполняемое с покорностью премудрости Всемогущего не может быть дурно. Не существует никакого зла, из которого, повинувшись Его законам, не вышло бы добра. Будьте верны той правде, которой научает нас Христос. Поощряйте в себе, каковы бы ни были обстоятельства, все любящее, все признательное, все терпеливое, все прощающее к вашим ближним и смиренно и доверчиво предоставьте всё остальное Богу, создавшему вас, и Спасителю, любившему вас больше своей собственной жизни.*

*В этой вере я жил с Божьей помощью и с Божьим милосердием с самой моей юности. Я прошу вас убедительно, прошу вас с доверием придерживаться также этой веры: это главная причина всего добра, какое я когда-либо сделал, всего счастья, какое я когда-либо знал; это освещает мой мрак, это поддерживает мою надежду, это успокаивает и утешает меня, лежащего здесь, неизвестно, для жизни или для смерти. Пусть это поддерживает, утешает и освещает вас. Это поможет вам в самом горьком огорчении, как помогло мне; это покажет вам другую цель в событиях, которые свели вас и Аллена, чем та, которую предвидел ваш виновный отец. Я не опровергаю, что с вами уже случились странные вещи. Ещё более странные вещи могут случиться скоро, до которых, может быть, я не доживу. Помните, если наступит это время, — я умираю в твёрдом убеждении, что ваше влияние на Аллена не может быть никакое другое, кроме хорошего. Великая жертва искупления — говорю с благоговением — имеет отражение и на людях, даже на этом свете. Если опасность будет угрожать Аллену, вы, чей отец отнял жизнь его отца, вы, а не кто другой, будете тем человеком, которого Провидение назначит спасти его.*

*Приезжайте ко мне, если я останусь жив. Возвращайтесь к другу, который любит вас, останусь я*

*жив или умру.*

*Любящий вас до гроба Децимус Брок».*

«Вы, а не кто другой, будете тем человеком, которого Провидение назначит спасти его!»

Эти слова потрясли меня до глубины души. Эти слова заставили меня почувствовать, будто мертвец вышел из могилы и положил свою руку на то место в моём сердце, где скрывается страшная тайна, не известная ни одному живому существу, кроме меня самой. Одно предсказание письма уже сбылось. Опасность, которую оно предвидит, угрожает Армадэлю в эту минуту, и угрожает ему через меня!

Если благоприятные обстоятельства, которые сопутствовали мне до сих пор, доведут задуманное мною до конца, и если последнее земное предсказание этого старика окажется правдой, Армадэль спасётся от меня, что бы я ни делала. А Мидуинтер будет жертвой, которая спасёт его жизнь.

Это ужасно! Это невозможно! Этого никогда не будет! Только при одной мысли об этом рука моя дрожит и сердце замирает. Я благословляю трепет, обессиливающий меня! Я благословляю эти слова в письме, которые оживили дремавшие мысли, пришедшие ко мне первый раз дня два назад. Тяжело ли теперь, когда события без затруднений довольно быстро все ближе и ближе приближают меня к цели — тяжело ли преодолеть искушения идти дальше? Нет! Если есть хоть одна возможность, что с Мидуинтером может случиться несчастье, этого опасения достаточно для того, чтобы заставить меня решиться, достаточно, чтобы придать мне силы победить эти искушения ради него. Я ещё никогда не любила его, никогда, никогда, никогда так, как люблю теперь!

\* \* \*

Суббота, августа 10. Канун дня моей свадьбы! Закрываю эту тетрадь, с тем чтобы никогда не писать в ней, никогда не раскрывать её опять.



Я одержала великую победу: я растоптала ногами мою злость. Я невинна, я счастлива опять. Мой возлюбленный! Мой ангел! Когда завтра я стану твоей, я не хочу носить в сердце ни одной мысли, которая не была бы твоей мыслью так же, как и моей.

## Глава XV

### ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Было девять часов утра, понедельник 11 августа. В комнате одной из старинных гостиниц сидел Бэшуд, приехавший в Лондон по вызову сына и накануне остановившийся здесь.

Он никогда не казался таким несчастным, старым и беспомощным, как теперь. Лихорадка то надежды, то отчаяния иссушила и измучила его. Черты лица заострились, он весь как-то осунулся. Его одежда безжалостно указывала на печальную перемену. Никогда, даже в юности, не носил он такой костюм, как теперь. С отчаянным намерением сделать всё возможное, чтобы произвести впечатление на мисс Гуильт, Бэшуд сбросил свою печальную чёрную одежду, он даже набрался мужества и надел голубой галстук. На нём был длиннополый сюртук, светло-серый. Он заказал его в талию, подобно молодому франту, панталоны красивого летнего фасона из материала в широкую клетку. Парик Бэшуда был намаслен, надушён и расчёсан на обе стороны, чтобы скрыть морщины на висках. Он был предметом, достойным насмешки, он был предметом, достойным слез. Его враги — если такое жалкое существо могло иметь врагов — простили бы Бэшуду, увидев его в этом новом платье. Его друзья — если у него остались друзья — были бы меньше огорчены, увидев его в гробу, чем в таком виде. В непрерывной тревоге ходил он по комнате из одного угла в другой; то смотрел на часы, то выглядывал из окна, то бросал взор на стол, уставленный блюдами для завтрака — все с тем же пристальным, тревожным, вопросительным выражением в глазах. Когда вошёл слуга с чайником кипятка, он обратился к нему в пятидесятый раз с теми же самыми словами, которые это несчастное существо, по-видимому, только и было способно произносить в это утро:

— Сын мой будет к завтраку, сын мой очень разборчив. Мне нужно самое лучшее, и горячее и холодное, чай и кофе и всё остальное, слуга, всё остальное.

В пятидесятый раз он повторял эти взволнованные слова, в пятидесятый раз невозмутимый слуга давал тот же успокоительный

ответ:

— Всё будет в порядке, сэр, вы можете предоставить это мне.

Вдруг на лестнице послышались шаги, дверь отворилась, и давно ожидаемый сын небрежно вошёл в комнату, с красивой, маленькой, чёрной кожаной сумкой в руках.

— Отлично, старикашка! — сказал Бэшуд-младший, осматривая одежду отца с улыбкой насмешливого поощрения. — Вы готовы хоть сейчас под венец с мисс Гуильт!

Отец взял за руку сына и старался вторить его смеху.

— Ты такой весёлый, Джемми, — сказал он, называя сына тем именем, которым он привык называть его в более счастливые дни. — Ты всегда был весел, друг мой, и в детстве. Садись, я заказал для тебя вкусный завтрак, все самое лучшее! Все самое лучшее! Как приятно видеть тебя. О Боже, Боже! Как приятно видеть тебя!

Он замолчал и сел за стол. Лицо Бэшуда горело, он делал страшные усилия сдерживать нетерпение, пожиравшее его.

— Расскажи мне о ней, — вдруг сказал он, не в силах больше ждать. — Я умру, Джемми, если буду ждать и дальше. Скажи мне! Скажи мне!

— По одной вещи зараз, — сказал Бэшуд-младший, которого нисколько не трогало нетерпение отца. — Не позавтракать ли нам прежде, а потом заняться этой дамой. Потихе, старичок, потихе!

Он положил на стул свою кожаную сумку и спокойно сел напротив отца, улыбаясь и напевая песенку.

Никакой наблюдатель, применив обычные методы анализа, не мог бы узнать характера Бэшуда-младшего по его лицу. Его моложавый вид, который придавали ему светлые волосы и полные, румяные щёки, его непринуждённое обращение и всегда готовая улыбка, его глаза, смело встречавшиеся с глазами каждого, с кем он говорил, — все соединилось для того, чтобы производить в целом благоприятное впечатление. Никакие глаза, привыкшие читать характеры, кроме, может быть, одних глаз из десяти тысяч, не могли бы проникнуть сквозь обманчивую внешность этого человека и увидеть его таким, каким он был на самом деле, — гнусным существом, обслуживающим не менее гнусные потребности общества. Он сидел тут, шпион по договорённости, в наше время выполняющий заказы клиентов, число которых постоянно растёт; он сидел, человек, профессия которого,

видимо, необходима для прогресса нашей национальной Цивилизации; человек, который в данном случае, по крайней мере, был законным и разумным исполнителем дела, порученного ему; человек, готовый при малейшем подозрении (если малейшее подозрение платило ему) заглянуть в вашу постель и в щёлку вашей двери; этот человек был бы бесполезен для тех, кто нанимал его, если бы он мог испытывать хоть малейшее чувство человеческого сострадания к своему старому отцу, он заслуженно лишился бы своего места, если при каких бы то ни было обстоятельствах испытывал чувство сострадания или стыда.

— Потихе, старичок! — повторил сыщик, поднимая крышки с блюд и заглядывая в каждое. — Потихе!

— Не сердись на меня, Джемми, — упрашивал отец, — постарайся, если можешь, понять, как я сейчас взволнован. Я получил твоё письмо вчера утром. Я должен был приехать из Торп-Эмброза, я должен провести страшно длинный вечер и ужасно длинную ночь, когда в твоём письме прочитал, что ты узнал, кто она, а больше не сообщил вообще ничего. Неизвестность тяжело переносить, Джемми, когда доживёшь до моих лет. Что помешало тебе, друг мой, приехать ко мне сюда вечером?

— Обедец в Ричмонде, — отвечал Бэшуд-младший. — Налейте мне чаю.

Бэшуд постарался исполнить эту просьбу, но рука, которой он поднял чайник, так дрожала, что чай не попал в чашку, а пролился на скатерть.

— Мне очень жаль, что я не могу унять дрожь, когда так сильно встревожен, — сказал старик, когда сын взял чайник у него из рук. — Я боюсь, что ты сердишься на меня, Джемми, за то, что случилось, когда я в последний раз был в Лондоне. Признаюсь, я упорно и безрассудно сопротивлялся возвращению в Торп-Эмброз. Теперь я стал умнее. Ты был совершенно прав, взяв все на себя, как только я показал тебе даму под вуалью, когда она выходила из гостиницы; и ты был совершенно прав, отослав меня в тот же день к моим делам в управительской конторе большого дома.

Он наблюдал за действием своих слов на сына и нерешительно осмелился на новую просьбу.

— Если ты не хочешь сказать мне теперь ничего другого, — продолжал он слабым голосом, — Расскажи мне, как ты её отыскал? Расскажи, Джемми!

Бэшуд-младший поднял глаза от своей тарелки.

— Это я вам скажу, — отвечал он. — Поиски мисс Гуильт стоили больше денег и потребовали большего времени, чем я ожидал; и чем скорее мы решим финансовые вопросы, тем скорее мы перейдём к тому, что вы желаете знать.

Без малейшего упрёка отец положил свой грязный старый бумажник и свой кошелёк на стол перед сыном. Бэшуд-младший заглянул в кошелёк, пренебрежительно поднял брови, убедившись, что в нём находился только один соверен и мелкое серебро, и снова положил его на стол. В бумажнике оказалось четыре пятифунтовых казначейских билета. Бэшуд-младший взял себе три билета и передал бумажник обратно отцу с поклоном, выразившим насмешливую признательность и уважение.

— Тысячу раз благодарю вас, — сказал он. — Часть этих денег пойдёт людям в нашей конторе, а остальная — мне. Один из глупейших поступков, любезный сэр, совершенных в моей жизни, был, когда я написал вам, в то время когда вы в первый раз советовались со мною, что вы можете получить мои услуги даром. Как видите, спешу поправить ошибку. Час или два в свободное время я был готов вам посвятить. Но это дело отняло несколько дней и вышло из ряда обычных дел. Я уже сказал, что не могу тратить на вас: я написал это в моём письме самыми понятными словами.

— Да-да, Джемми, я не жалуясь, мой друг, я не жалуясь. Оставим деньги. Скажи мне, как ты узнал, кто она?

— Кроме того, — продолжал Бэшуд-младший, упрямо не обращая внимания на слова отца, — вы получили помощь опытного сыщика — я сделал это дёшево. Это стоило бы вдвое дороже, если бы другой человек взялся за дело. Другой человек подстерегал бы и мистера Армадэля, так же как и мисс Гуильт. Я избавил вас от этой издержки. Вы уверены, что мистер Армадэль хочет на ней жениться. Очень хорошо. В таком случае, в то время как мы наблюдаем за ней, мы наблюдаем и за ним. Узнайте, где женщина, и вы узнаете, что мужчина не может быть далеко.

— Совершенно справедливо, Джемми. Но как же это мисс Гуильт наделала тебе столько хлопот?

— Она чертовски хитрая женщина, — сказал Бэшуд-младший. — Вот как это было: она ускользнула от нас в магазине модистики. Мы договорились с модисткой, рассчитывая, что, может быть, она вернётся примерить платье, которое заказала. Самые хитрые женщины девять раз из десяти теряют свой ум, когда дело идёт о новом платье. И даже мисс Гуильт имела опрометчивость вернуться. Это всё, что было нам нужно. Женщина из нашей конторы помогала ей примерить новое платье и поставила её так, чтобы мисс Гуильт мог видеть один из наших людей, стоявший за дверью. Он немедленно догадался, кто она, основываясь на том, что ему было рассказано о ней, потому что мисс Гуильт женщина знаменитая в своём роде. Разумеется, мы этим не ограничились. Мы отыскали её новый адрес и пригласили человека из Скотланд-Ярда, который знал её, и мог подтвердить, что мнение нашего человека было справедливо. Человек из Скотланд-Ярда отправился к модистке и отнёс от неё мисс Гуильт готовое платье. Он увидел её в коридоре и тотчас узнал. Вам повезло, должен сказать. Мисс Гуильт — лицо публичное. Если бы мы имели дело с женщиной менее знаменитой, она могла бы стоять нам нескольких недель розысков, и вам пришлось бы заплатить сотни фунтов. В деле мисс Гуильт достаточно было одного дня, а на другой день вся история её жизни, написанная чернилами на бумаге, была в моих руках. Вот она теперь лежит в моей чёрной сумке, старичок.

Бэшуд-отец бросился было к сумке с протянутой рукой. Бэшуд-сын вынул из жилета ключик, подмигнул, покачал головой и опять положил в карман. — Я ещё не кончил завтракать, — сказал он. — Не спешите, любезный сэр, потише.

— Я не могу ждать! — закричал старик, напрасно стараясь сохранить самообладание. — Теперь половина десятого! Сегодня две недели, как она уехала в Лондон с мистером Армадэлем, она могла обвенчаться с ним через две недели! Она может обвенчаться с ним сегодня! Я не могу ждать! Я не могу ждать!

— Нельзя знать, что вы можете сделать, пока вы не попытаетесь, — возразил Бэшуд-младший. — Попытайтесь, и вы узнаете, что следует ждать. Что стало с вашим любопытством? — продолжал он, искусно разжигая огонь нетерпения отца. — Почему

вы не спрашиваете меня, зачем я называю мисс Гуильт лицом публичным? Почему вы не желаете знать, каким образом получил я историю её жизни, написанную чернилами на бумаге? Если вы сядете, я вам расскажу, если вы не сядете, я ограничусь завтраком.

Бэшуд тяжело вздохнул и вернулся к своему креслу.

— Я хотел бы, чтобы ты так не шутил, Джемми, — сказал он. — Я хотел бы, мой милый, чтобы ты так не шутил.

— Шутил? — повторил сын. — В глазах некоторых людей эта шутка выглядит довольно серьёзно, могу вам сказать. Мисс Гуильт была под уголовным судом, и бумаги в этой чёрной сумке — её следственное дело. Вы называете это шуткой?

Отец вскочил и посмотрел через стол на своего сына с таким восторгом, который трудно было ожидать.

— Она была под уголовным судом! — вскричал он с глубоким вздохом удовлетворения. — Она была под уголовным судом!

Он тихо и как-то странно засмеялся и с восхищением щёлкнул пальцами.

— Ха-ха-ха! Это испугает мистера Армадэля.

Сына, несмотря на то что он был порядочный бездельник, испугал взрыв чувств, который последовал у отца после этих слов.

— Не волнуйтесь, — сказал он угрюмо, сменив насмешливое обращение, с которым он объяснялся до сих пор. Бэшуд опять сел и вытер лоб носовым платком.

— Нет, — сказал он, благодарно улыбаясь своему сыну. — Нет, нет, я не буду волноваться, как ты просишь, я могу теперь ждать, Джемми, я могу теперь ждать.

Он ждал теперь с большим терпением. Время от времени Бэшуд-отец кивал головой, улыбался и шептал про себя: «Это испугает мистера Армадэля!»

Но ни словом, ни взглядом, ни движением не делал он попытки, чтобы поторопить сына. Бэшуд-младший закончил свой завтрак не спеша, куражась над отцом, закурил сигарету, посмотрел на него и, увидя отца все так же непоколебимо терпеливым, открыл наконец чёрную сумку и разложил бумаги на столе.

— Как вы хотите, чтобы я рассказывал, — спросил он, — длинно или коротко? У меня здесь вся её жизнь. Адвокату, защищавшему её во время этого процесса, было необходимо сильно возбуждать

сочувствие присяжных. Он очертя голову кинулся описывать несчастья её прошлой жизни и растрогал всех в суде самым искусным образом. Последовать мне его примеру? Желаете вы знать все о ней подробно с того времени, когда она носила коротенькие платьица и панталончики с оборкой, или предпочитаете тотчас перейти к её первому появлению на скамье подсудимых?

— Я хочу знать все о ней подробно, — с жаром отвечал отец. — Самое худшее и самое лучшее, особенно худшее. Не щади моих чувств, Джемми, что бы там ни было, не щади моих чувств! Не могу ли я сам взглянуть на бумаги?

— Нет, не можете: это будет для вас всё равно что тарабарская грамота. Благодарите судьбу за то, что у вас есть такой умный сын, который умеет выбрать главное из этих бумаг, придать им надлежащий вид. В Англии не найдётся и десяти человек, которые могли бы рассказать вам историю этой женщины так, как могу рассказать я. Это талант, старичок, и талант такого рода, который даётся не многим. И вот он где. — Он ударил себя по лбу и взялся за первую страницу рукописи, лежавшей перед ним, с нескрываемым торжеством от мысли показать своё искусство, что стало первым выражением чувств, проявленных им. — История мисс Гуильт начинается, — сказал Бзшуд-младший, — на рынке в Торп-Эмбросе. Однажды, этак с четверть столетия назад, странствующий шарлатан, торговавший духами и лекарствами, приехал в город в своей повозке и показал как живой пример превосходства своих духов, помады и тому подобного хорошенькую девочку с прекрасным цветом лица и чудными волосами. Его звали Ольдершо, у него была жена, помогавшая ему в парфюмерной части его торговли, а после его смерти она повела всю торговлю одна. Последние годы ей везло. Она та самая хитрая старуха, которая не так давно нанимала меня сыщиком. Что касается хорошенькой девочки, вы знаете хорошо, как и я, кто она. Когда шарлатан рекламировал товар народу и показывал на волосы девочки, молодая девица, проезжавшая по рынку, остановила свой экипаж, чтобы послушать, что он там такое говорит, увидела девочку, которая сразу же приглянулась ей. Эта молодая девица была дочь мистера Блэнчарда Торп-Эмбросского. Она поехала домой и рассказала своему отцу о судьбе невинной жертвы шарлатана. В тот же вечер за Ольдершо послали из большого дома и, когда те явились,



стали их расспрашивать. Они назвали её дядею и тёткою — разумеется, ложь! — и охотно согласились позволить ей ходить в деревенскую школу, пока они останутся в Торп-Эмбросе, когда такое предложение им было сделано. План был приведён в исполнение на следующий же день, а ещё через день Ольдершо исчезли и оставили девочку на руках сквайра! Очевидно, она не оправдала их ожидания в качестве рекламы, и вот каким образом они позаботились обеспечить её на всю жизнь. Это первый акт комедии для вас! Довольно ясно до сих пор, не так ли?

— Довольно ясно, Джемми, для людей умных, но я стар и туп. Я не понимаю одного: чья же это была дочь?

— Весьма умный вопрос! С сожалением должен сообщить вам, что на него никто не может ответить, включая и мисс Гуильт. Бумаги, с которыми я работаю, основаны, разумеется, на её собственных показаниях, полученных её адвокатом. Она могла только припомнить, когда её спросили, что её била и морила голодом где-то в деревне женщина, бравшая на воспитание детей. У этой женщины была бумага, в которой было сказано, что девочку звали Лидией Гуильт, и она получала годовую плату (от нотариуса) до восьмилетнего возраста девочки. После достижения этого возраста плата прекратилась. Нотариус не мог дать никаких объяснений. Никто не приезжал навещать девочку, никто ей не писал. Ольдершо увидели её и подумали, что она может служить им вместо рекламы. Женщина отдала её за безделицу Ольдершо, а Ольдершо оставили её навсегда Блэнчардам. Вот история её происхождения, родства и воспитания. Она может быть дочерью герцога и лавочника. Обстоятельства могут быть романтические в высшей степени или самые пошлые. Представьте себе, что захотите, — никто не опровергнет вас. Когда вы закончите предаваться вашей фантазии, скажите, я переверну листок и буду продолжать.

— Пожалуйста, продолжай, Джемми! Пожалуйста, продолжай!

— Потом начинается какая-то семейная тайна, — продолжал Бэшуд-младший, перевернув бумаги. — Брошенной девочке наконец посчастливилось. Она понравилась милой девице, у которой был богатый отец. Её баловали в большом доме и много занимались ею как новой игрушкой мисс Блэнчард. Вскоре мистер Блэнчард и дочь его уехали за границу и взяли девочку с собой как горничную мисс

Блэнчард. Когда они вернулись, дочь была уже вдова, а хорошенькая горничная, вместо того чтобы вернуться с ними в Торп-Эмброс, вдруг очутилась одна-одинехонька в одной школе во Франции. Лидия Гуильт была отдана в это первоклассное заведение, где её содержание и воспитание были обеспечены до тех пор, пока она не выйдет замуж и не устроит свою жизнь, с условием, чтобы она никогда не возвращалась в Англию. Это все подробности, которые удалось от неё получить стряпчому, писавшему эти бумаги. Она не захотела рассказать, что случилось за границей, не захотела даже после стольких лет сказать замужнее имя своей госпожи. Разумеется, совершенно ясно, что она знала какую-то семейную тайну и что Блэнчарды платили за школу на континенте для того, чтобы удалить её. Совершенно ясно, что она никогда не сохранила бы эту тайну, если бы не видела способа воспользоваться ею для собственных выгод когда-нибудь в будущем. Чертовски умная женщина, которая недаром таскалась по свету и видела все превратности жизни за границей и дома у себя!

— Да-да, Джемми, совершенно справедливо. Скажи, пожалуйста, как долго оставалась она во французской школе?

Бзшуд-младший посмотрел в бумаги.

— Она оставалась в школе, — отвечал он, — до семнадцати лет. В это время в школе случилось кое-что, кратко описанное в этих бумагах как «нечто неприятное», а дело было просто в том, что учитель музыки влюбился в мисс Гуильт. Это был господин средних лет, имевший жену и семейство, и видя, что обстоятельства не оставляют ему никакой надежды, он взял пистолет и, вообразив, что у него в голове есть мозг, размозжил его. Доктора спасли его жизнь, но не рассудок. Он кончил там, где ему было бы лучше начать, — в доме сумасшедших. Так как красота мисс Гуильт была причиной этого скандала, то, разумеется, было невозможно — хотя оказалось, что она была совершенно невинна в этом деле, — чтобы она оставалась в школе после того, что случилось. Уведомили её «друзей» (Блэнчардов). Друзья перевели её в другую школу — в Брюссель на этот раз... О чём вы вздыхаете? В чём теперь затруднение?

— Я не могу не пожалеть о бедном учителе музыки, Джемми. Продолжай!

— Судя по её собственному рассказу, и мисс Гуильт о нём жалела. Она была серьёзно потрясена и «обращена» (как они это называют) к религии одною дамой, у которой она жила перед отъездом в Брюссель. Патер в бельгийской школе, кажется, был человек разумный и видел, что душевное состояние девушки принимает весьма опасное направление. Прежде чем святой отец успел её успокоить, он сам занемог, и его сменил другой патер, который был фанатиком. Вы поймёте, какое участие он принял в этой девушке и каким образом он действовал на её чувства, когда я вам скажу, что через два года после пребывания в школе она объявила о своём намерении закончить жизнь в монастыре! Можете вытаращить глаза: мисс Гуильт как затворница есть женский феномен, который не часто приходится видеть. Женщины престранные существа!

— Поступила она в монастырь? — спросил Бэшуд. — Ей это позволили, такой молодой и одинокой, и никто не отсоветовал ей?

— Блэнчардов спрашивали так, для формы, — продолжал Бэшуд-младший. — Они не были против того, чтоб она ушла в монастырь, вы можете себе это представить. Самое последнее письмо, какое они получили от неё, — я за это поручусь — было то письмо, в котором она прощалась с ними на этом свете навсегда. Обитатели этого католического монастыря, разумеется, не хотели себя компрометировать. Правила их не позволяли ей постричься, пока она не выдержит годового испытания, и если она вызовет сомнение, то держать испытание ещё год. Она выдержала испытание в первый год и начала сомневаться, выдержала второй год и на этот раз отказалась от пострижения без дальнейших колебаний. Её положение было довольно неловкое, когда она опять очутилась на свободе. Сестры в монастыре больше не принимали к ней участия. Содержательница школы отказалась взять её в учительницы на том основании, что она слишком хороша собой для этого места. Патер считал её во власти дьявола. Ничего не оставалось более, как написать опять Блэнчардам и просить их помочь ей начать жизнь учительницей музыки. Она написала своей госпоже. Её прежняя госпожа, очевидно, сомневалась в искренности намерения девушки постричься в монахини и воспользовалась случаем, представленным ей прощальным письмом, чтобы прервать все дальнейшие отношения со своей бывшей горничной. Письмо мисс Гуильт было возвращено почтовой конторой.

Она навела справки и узнала, что мистер Блэнчард умер, а его дочь уехала из Торп-Эмброза в какое-то неизвестное место. Мисс Гуильт написала наследнику, получившему Торп-Эмбросское имение. На письмо ответили нотариусы, которым было поручено призвать на помощь закон при первой же её попытке получить деньги от какого бы то ни было члена торп-эмбросской фамилии. У мисс Гуильт оставалась последняя возможность узнать адрес местопребывания её бывшей госпожи. Фамильные банкиры, которым она написала, ответили, что им не велено давать адреса этой дамы никому, не испросив прежде позволения её самой. Это последнее письмо решило вопрос — мисс Гуильт не могла сделать ничего более. Имея деньги в своём распоряжении, она могла бы поехать в Англию и заставить Блэнчардов два раза подумать, прежде чем вести дело слишком высоко. Не имея ни полпенни, она была бессильна. Так как она не имела ни денег, ни друзей, вы можете удивляться, как она содержала себя, играя на фортепьяно в концертном зале в Брюсселе. Разумеется, мужчины осаждали её со всех сторон, но находили её холодной, бездушной, как камень. Один из этих отверженных джентльменов был иностранец и познакомил её со своей соотечественницей, имя которой не могут произнести английские губы. Будем называть по её титулу — баронессой. Обе женщины понравились друг другу уже при первом свидании, и новая страница открылась в жизни мисс Гуильт. Она стала компаньонкой баронессы. Всё выглядело внешне вполне прилично; всё было преступно на самом деле.

— В каком отношении, Джемми? Пожалуйста, подожди немножко и скажи мне, в каком отношении.

— В каком отношении? Баронесса любила путешествовать, и её всегда окружал избранный круг друзей, которые были одного образа мыслей с нею. Они переезжали из одного города на континенте в другой и казались такими очаровательными людьми, что везде заводили знакомства. Их знакомые приглашались на приёмы к баронессе, и карточные столы составляли неизменную принадлежность мебели салона баронессы. Понимаете ли вы теперь, или я должен вам рассказать, что карты не считались криминалом на этих пиршествах и что в конце месяца счастье неизменно переходило на сторону баронессы и её друзей. Все они были шулеры, и у меня нет ни малейшего сомнения — не знаю, как у вас, — что обходительность

и наружность мисс Гуильт служили приманкой, а это делало её драгоценным членом общества. Её собственные показания состоят в том, что она не знала, что происходит, и совсем не разбиралась в карточной игре, что у неё не было ни одного друга на свете, к кому она могла бы обратиться за помощью, что она любила баронессу по той простой причине, что баронесса была её искренним и добрым другом с начала и до конца. Верьте этому или нет, как хотите. Пять лет путешествовала она по континенту с этими шулерами высшего полёта и, может быть, была бы с ними и до сих пор, если бы баронесса не поймала в Неаполе богатого англичанина по имени Уолдрон... Ага! Это имя поразило вас, не так ли? Вы вместе со всеми читали о процессе знаменитой миссис Уолдрон, и вы знаете теперь, кто мисс Гуильт. Мне не нужно вам говорить?

Он остановился и посмотрел на отца с большим недоумением. Бэшуда совсем не поразило открытие, вдруг сделанное ему. После первого естественного удивления он взглянул на сына со спокойствием, которое было чрезвычайно странно при сложившихся обстоятельствах. В его глазах появился какой-то новый блеск, а на лице заиграл румянец. Если бы было можно подумать это о человеке в его положении, он как будто ободрился, а не пришёл в уныние от того, что услышал.

— Продолжай, Джемми, — сказал он спокойно. — Я один из тех немногих, которые не читали о процессе, а только о нём слышал.

Все ещё про себя удивляясь, Бэшуд-младший откашлялся и продолжал.

— Вы всегда отставали и всегда будете отставать от века, — сказал он. — Когда мы дойдём до процесса, я могу рассказать вам о нём столько, сколько вам нужно знать. Пока мы должны вернуться к баронессе и к мистеру Уолдрону. Несколько вечеров сряду англичанин позволил шулерам действовать, другими словами, он платил за представленную возможность ухаживать за мисс Гуильт. Когда ему показалось, что он произвёл на неё необходимое впечатление, Уолдрон без всякого милосердия раскрыл весь заговор. Вмешалась полиция. Баронесса очутилась в тюрьме, а мисс Гуильт вынуждена была выбирать: или принять покровительство Уолдрона, или опять остаться без денег и друзей. Она была необыкновенно добродетельна и изумительно хитра — это как вам угодно. К удивлению Уолдрона,

она ответила ему, что должна примириться с перспективой остаться одинокой на свете и что он должен или сделать ей честное предложение, или оставить её навсегда. Кончилось тем, чем кончается всегда, когда мужчина ослеплён, а женщина умна и решительна. К удивлению родных и друзей, Уолдрон сделал из необходимости добродетель и женился на ней.

— Сколько ему было лет? — поспешно спросил Бэшуд-старший.

Бэшуд-младший расхохотался.

— Он мог быть вашим сыном, — сказал он, — и так богат, что мог набить ваш драгоценный бумажник тысячными билетами! Не опускайте вашу голову. Это был несчастный брак, хотя он был так молод и так богат. Они жили за границей, и сначала довольно хорошо. Он, разумеется, сделал новое завещание, как только женился, и великолепно обеспечил жену под ласковым влиянием медового месяца. Но женщины со временем надоедают, как и другие вещи, и в одно прекрасное утро Уолдрон проснулся с сомнением в душе: не поступил ли он как дурак? Он был человек с тяжёлым характером; он был недоволен сам собой и, разумеется, вскоре стал подозревать её и свирепо ревновать к каждому мужчине, который входил в дом. Детей у них не было, они переезжали с одного места на другое, куда увлекала его ревность, и наконец вернулись в Англию после четырехлетнего супружества. У него был уединённый старый дом у йоркширских болот, и там он заперся со своей женой, не пуская в дом ни одной живой души, кроме собак и слуг. Только один результат, разумеется, мог получиться из такого обращения с решительной молодой женщиной. Может быть, это судьба, а может быть, и случай, но, когда женщина в отчаянии, непременно найдётся мужчина, готовый этим воспользоваться. В этом случае этим мужчиной был капитан Мануэль, уроженец Кубы и (по его рассказу) отставной офицер испанского флота. Он встретился с прелестной женой Уолдрона во время возвращения в Англию, успел поговорить с нею, несмотря на ревность мужа, и последовал за ними в место заточения в доме Уолдрона у болот. Капитан был хитрым и решительным человеком — вроде отважного пирата с оттенком таинственности, которая так нравится женщинам...

— Она не такая, как другие женщины, — вдруг перебил Бэшуд сына. — А ей?.. — Голос его ослабел, и он замолчал, не закончив

вопроса.

— А ей нравился ли капитан? — подсказал Бэшуд-младший, снова засмеявшись. — По её собственному рассказу, она обожала его; в то же время её поведение (по её словам) было совершенно невинно. Зная, как внимательно подсматривал за нею муж, это показание (как оно ни невероятно) должно быть правдиво. Около шести недель они ограничивались тайной перепиской. Кубинский капитан (в совершенстве говоривший и писавший по-английски) успел привлечь на свою сторону одну из служанок в йоркширском доме. Чем это могло кончиться, нам нечего трудиться разгадывать. Уолдрон сам довёл дело до кризиса. Дошла ли до него информация о тайной переписке или нет — это неизвестно, но верно то, что он вернулся однажды домой с прогулки верхом в более скверном расположении духа, чем обыкновенно. Жена показала ему такой образец присутствия духа, который ему ещё не удалось превозмочь, и это кончилось тем, что он ударил её по лицу хлыстом. Я боюсь, мы должны сознаться, что это было поведение неблагородное, но на её характер хлыст произвёл самое удивительное действие. С этой минуты она покорилась Уолдрону так, как ещё никогда не покорялась прежде. Две недели после этого он делал, что хотел, — она не перечила ему; он говорил, что хотел, — она не противоречила ни одним словом. Некоторые мужчины, может быть, подозревали бы, что этот внезапный переворот скрывает за собой что-нибудь опасное. Смотрел ли на это Уолдрон такой же точки зрения — я не могу вам сказать. Известно только то, что, прежде чем след хлыста сошёл с лица его жены, он занемог и через два дня умер. Что вы скажете на это?

— Я скажу, что он это заслужил! — сказал Бэшуд, ударив кулаком по столу, когда сын остановился и посмотрел на него.

— Доктор, лечивший умершего, думал не так, как вы, — сухо заметил Бэшуд-младший. — Он пригласил двух других докторов, и все трое отказались дать свидетельство о смерти. Последовало обычное судебное следствие. Показания докторов и слуг совпадали и обвиняли одну и ту же сторону, и миссис Уолдрон была предана суду по обвинению в отравлении мужа. Послали в Лондон за первоклассным стряпчим по уголовным делам снять показания с подсудимой для её защиты, и тогда были написаны эти бумаги. Что с вами случилось? Что вам теперь нужно?

Бэшуд-старший вдруг вскочил с места и, протянув руки к столу, попытался взять бумаги у сына.

— Я хочу на них взглянуть! — вскричал он с жаром. — Я хочу посмотреть, что в них говорится о капитане с Кубы. Это он всё сделал, Джемми, я клянусь, что он сделал все!

— Никто в этом не сомневался из тех, кто в это время знал тайну этого дела, — возразил ему сын, — но никто не мог этого доказать. Сядьте, прошу вас, и успокойтесь. О капитане Мануэле тут нет ничего, кроме сильного подозрения стряпчего о его соучастии, которое адвокат, для которого стряпчий приготовлял эти бумаги, мог использовать при защите или нет, по его усмотрению. С начала до конца она выгораживала капитана. В начале дела она дала два показания стряпчему; оба ему казались ложными. Во-первых, миссис объявила, что она невинна в этом преступлении. Это стряпчего не удивило, разумеется; его клиенты вообще имели привычку обманывать. Во-вторых, признаваясь в тайной переписке с кубинским капитаном, она заявила, что письма с обеих сторон относились только к замышляемому побегу, на который варварское обращение мужа заставило её согласиться. Стряпчий, конечно, захотел видеть письма.

«Он сжёг все мои письма, а я сожгла все его», — было единственным ответом, которого он добился. Очень было возможно, что капитан Мануэль сжёг её письма, когда узнал, что в доме идёт следствие, но стряпчий знал из своего опыта (как я знаю также), что когда женщина любит мужчину, то девяносто девять раз из ста, несмотря на риск, она сохранит его письма. Когда у него возникли подозрения в этом отношении, стряпчий тайно навёл справки об иностранном капитане и узнал, что он сильно нуждался в деньгах, как только может нуждаться иностранный капитан без средств в чужой стране. В то же время он задал несколько вопросов своей клиентке: какого размера наследства ожидала она от своего покойного мужа? Она отвечала в большом негодовании, что в бумагах её мужа было найдено завещание, тайно написанное только за несколько дней до его смерти, в котором ей было выделено из всего огромного богатства только пять тысяч фунтов.

«Разве было другое завещание, — спросил стряпчий, — заменённое этим новым?»



«Да, было, завещание, отданное мне самой, завещание, написанное тотчас после свадьбы».

«Обеспечивавшее хорошо его вдову?»

«Обеспечивавшее её в десять раз больше того, что ей было определено во втором завещании».

«Не упоминали ли вы об этом первом завещании, теперь уничтоженном, капитану Мануэлю?»

Она увидела ловушку, расставленную ей, и сказала без малейшей нерешительности: «Нет, никогда!»

Этот ответ подтвердил подозрения стряпчего. Он старался напугать её, уверяя, что миссис может заплатить жизнью за то, что обманывает его таким образом. С обычным женским упорством она оставалась непоколебима по-прежнему. Капитан со своей стороны вёл себя таким же образом. Он признался, что думал о побеге, заявил, что сжигал все её письма тотчас по получении, заботясь о её репутации. Он оставался в окрестностях старого дома, сам вызвался явиться в суд. Ничего не было выяснено, что по закону могло уличить его в преступлении или что позволило бы вызвать его в зал суда в день процесса иначе как свидетелем. Я сам не думаю, чтоб могло быть хоть малейшее сомнение, что Мануэль не знал о завещании, по которому его любовнице доставалось пятьдесят тысяч и что он был готов, в силу этого обстоятельства, жениться на ней после смерти Уолдрона. Если кто подстрекал её самой освободиться от мужа, став вдовой, то это, вероятно, был капитан, и если она не успела при таком надзоре достать яд сама, то этот яд, думаю, был прислан ей в письме капитана...

— Я не верю, чтоб она использовала яд, если он и был ей прислан! — воскликнул Бэшуд. — Я думаю, что капитан сам отравил её мужа!

Бэшуд-младший, не обращая внимания на слова отца, сложил бумаги, которые теперь уже не были нужны, убрал их в сумку и вместо них вынул вырезку из газеты.

— Вот один из опубликованных отчётов о процессе, — сказал он, — который вы можете прочесть в свободное время, если хотите. Мы не должны теперь терять времени, входя в подробности. Я уже говорил вам, как искусно её адвокат составил себе план для того, чтоб представить обвинение в убийстве последствиями трагедии многих

ударов судьбы, уже постигших невинную женщину. Два аргументированных пункта имелись для её защиты: во-первых, не было доказательств, что она имела в руках яд, а во-вторых, врачи, хотя определённо утверждали, что муж её умер от яда, не имели одинакового мнения о том, какой именно яд отравил его. Это были сильные пункты, и обоими адвокат воспользовался хорошо, но улики, с другой стороны, опровергали все. Доказали, что подсудимая имела не менее трех причин, чтоб убить своего мужа: он обращался с нею с беспримерной жестокостью; он оставлял её по завещанию (она не знала, что оно уничтожено) обладательницей большого состояния после своей смерти; и она, по своему собственному признанию, намеревалась бежать с другим. Выдвинув эти причины, обвинение доказало, опираясь на улики, не сомневаясь ни в чём, что только одна особа в доме имела возможность дать яд — это подсудимая. Что могли сделать присяжные и судьи при таких уликах? Приговор был «виновна», разумеется, и судья объявил, что он с этим согласен. С женщинами в зале суда сделалась истерика, да и с мужчинами было не лучше. Судья рыдал, адвокаты дрожали. Миссис Уолдрен была приговорена к смерти в такой обстановке, какой ещё не видывали в зале английского уголовного суда. А она и теперь жива и здоровёхонька и может совершить любое преступление, какое захочет, и отравит для собственных удобств каждого мужчину, каждую женщину, каждого ребёнка, которым случится стать на её пути. Преинтересная женщина! Оставайтесь с нею в хороших отношениях, любезный сэръ, потому что закон сказал ей на самом простом английском языке: «Мой очаровательный друг, я за вас не боюсь!»

— Как она была прощена? — спросил Бэшуд, едва дыша. — Мне говорили в то время, но я забыл. Не вмешался ли в это дело Секретарь Внутренних Дел?<sup>[9]</sup> Если так, я уважаю Секретаря Внутренних Дел, я скажу, что он достойным образом занимает своё место.

— Совершенно справедливо, старичок! — ответил Бэшуд-младший. — Секретарь Внутренних Дел был нижайшим и покорнейшим слугою просвещённой прессы, и он достойным образом занимал своё место. Возможно ли, чтоб вы не знали, как она спаслась от виселицы? Если вы не знаете, я должен вам рассказать. Вечером после окончания процесса двое-трое литераторов отправились в две-три газетные редакции и написали две-три раздирающие душу статьи

об этом процессе. Наутро публика вспыхнула как порох; подсудимую допрашивали перед судом любителей на страницах газет. Все, не имевшие никакого понятия об этом, схватились за перо и пустились писать (с благосклонного разрешения издателей). Доктора, не лечившие больного и не присутствовавшие при осмотре тела, объявляли дюжинами, что он умер естественной смертью. Адвокаты, не присутствовавшие в зале суда, не слышавшие обвинителей, напали на присяжных, слышавших их, и осудили судью, который заседал в суде, раньше чем многие из них родились. Публика следовала за адвокатами, докторами, литераторами, которые пустили все в ход. Закон серьёзно исполнял свою обязанность... Ужасно! Ужасно! Британская публика восстала, как один человек, против своего собственного устройства, и Секретарь Внутренних Дел отправился к судье. Судья твёрдо стоял на своём. Он и по окончании процесса находил приговор справедливым и теперь это находит.

«Но положим, — сказал Секретарь Внутренних Дел, — что обвинение попыталось бы доказать её виновность другим образом, а не так, как оно доказывало, что сделали бы тогда вы и присяжные?»

Разумеется, судья не мог этого сказать. Это успокоило Секретаря Внутренних Дел. А когда он получил согласие судьи представить улики врачей на рассмотрение одному знаменитому доктору и когда знаменитый доктор, излагая свою точку зрения, сослался прежде всего на то, что недостаточно знает подробности этого дела, говорящих в пользу обвиняемой, Секретарь Внутренних Дел был очень доволен. Смертный приговор подсудимой был брошен под стол. Но самое интересное ещё было впереди. Вы знаете, что случилось, когда публика вдруг осталась с нежным предметом своего сочувствия на шее? Тотчас одержало верх общее мнение, что она не была достаточно невиновна, чтобы её выпустить из тюрьмы! Накажите её немножко — вот чего хотела общественность. Накажите её немножко, господин секретарь, по общим нравственным основаниям. Небольшой приём лёгкого судебного лекарства, если вы нас любите — и мы будем совершенно спокойны на этот счёт до конца нашей жизни.

— Не шути над этим! — вскричал отец. — Не шути, не шути, не шути, Джемми! Неужели её осудили опять? Они не могли! Они не смели! Никого нельзя судить два раза за одно и то же преступление.

— Её можно было осудить во второй раз за второе преступление, — возразил Бэшуд-младший, — и её судили. К счастью, для успокоения общественного мнения, она очертя голову бросилась вознаграждать себя за обиду (как это делают женщины), когда узнала, что муж вместо пятидесяти тысяч оставил ей только пять. Накануне начала следствия запертый ящик стола в кабинете Уолдрона, в котором лежали драгоценные камни, был найден отпертым и пустым; а когда подсудимую арестовали, драгоценные камни были найдены вынутыми из оправы и зашитыми в её корсет. Она считала это справедливым вознаграждением себе. Закон объявил это воровством, совершенным у душеприказчиков покойного. Меньшее преступление, оставленное без внимания при обвинении в убийстве, вынуждены были рассмотреть для того, чтобы спасти честь мундира в глазах публики. Ход правосудия был остановлен в первом процессе, а теперь потребовалось опять дать ход правосудию в другом процессе. Миссис была привлечена к суду за воровство после того, как была прощена за убийство. Мало того, если бы её красота и трагическое прошлое не произвели сильного впечатления на стряпчего, ей пришлось бы не только выдержать другой процесс, но и лишиться пяти тысяч фунтов, на которое давало ей право второе завещание и которые были бы отняты у неё казной, как у воровки.

— Я уважаю её стряпчего! Я восхищаюсь её стряпчим! — воскликнул Бэшуд. — Мне было бы приятно пожать ему руку и высказать слова благодарности.

— Он не поблагодарил бы вас, если бы вы это сделали, — повторил Бэшуд-младший. — Он находился под приятным впечатлением, что никто не знает, кроме него, как он спас наследство миссис Уолдрон...

— Извини, Джемми, — перебил отец, — не называй её миссис Уолдрон. Говори о ней, пожалуйста, под тем именем, которое она носила, когда была невинна и молода. Тебе не будет неприятно для меня называть её мисс Гуилт?

— Нисколько! Мне решительно всё равно, как её называть. Бросьте вашу сентиментальность! Перейдём к фактам. Вот что сделал её стряпчий, прежде чем начался второй процесс. Он сказал ей, что она непременно будет снова признана виновной.

«И на этот раз, — продолжал он, — публика не будет препятствовать исполнению закона. Есть у вас старый друг, на кого вы могли бы положиться?»

У неё не было ни одного старого друга.

«Очень хорошо. Если так, вы должны положиться на меня, — сказал стряпчий. — Подпишите эту бумагу, будто вы передали мне все ваше состояние. Когда придёт время, я постараюсь уладить это дело с душеприказчиками вашего мужа, а потом передам деньги вам, закрепив их надлежащим образом (в случае, если вы выйдете замуж опять) собственно за вами. Казна в других сделках такого рода часто отказывается от своего права оспаривать законность продажи, и, если казна поступит с вами не суровее, чем с другими, когда вы выйдете из тюрьмы, у вас будет пять тысяч для того, чтобы снова начать жизнь».

— Очень мило со стороны стряпчего, когда её готовились судить за то, что она обворовала душеприказчиков, предоставить ей возможность обворовать казну — не правда ли? Ха-ха! Вот каков свет!

Последние слова сына, произнесённые с усмешкой, были оставлены отцом без внимания.

— В тюрьме! — сказал он сам себе. — О Боже! После всех этих бедствий опять в тюрьме!

— Да, — сказал Бэшуд-младший, вставая и потягиваясь. — Вот как это кончилось. Приговор был: виновна. Её приговорили к двухлетнему заключению в тюрьме. Мисс Гуильт отсидела своё время и вышла, сколько мне помнится, года три назад. Если вы желаете знать, что она сделала, когда вышла на свободу, и как жила потом, я могу рассказать вам кое-что об этом в другой раз, когда у вас в бумажнике будет билета два лишних. Пока вы знаете всё, что вам нужно знать. Нет ни тени сомнения, что эта очаровательная дама носит на себе двойное пятно: она была обвинена в убийстве и сидела в тюрьме за воровство. Вы получили достаточно за ваши деньги, не считая того, что моё мастерское изложение дела прошло задаром. Если у вас есть хоть какое-нибудь чувство признательности, вы должны сделать что-нибудь доброе для вашего сына. Если бы не я, хотите скажу вам, что вы сделали бы, старичок? Если бы вы могли поступить так, как хотели, вы женились бы на мисс Гуильт.

Бэшуд вскочил и пристально посмотрел сыну в лицо.

— Если бы я мог поступить так, как хотел, я женился бы на ней и теперь.

Бэшуд-младший отступил на шаг.

— После всего, что я вам рассказал? — спросил он с изумлением.

— После всего, что ты мне рассказал.

— С возможностью быть отравленным в первый раз, как вам случилось бы оскорбить её?

— С возможностью быть отравленным, — отвечал Бэшуд, — через двадцать четыре часа.

Агент конторы частных сыщиков сел на своё место, поражённый словами и выражением лица своего отца.

— Сошёл с ума! — сказал он сам себе. — Просто сошёл с ума!

Бэшуд взглянул на свои часы и торопливо схватил шляпу с бокового столика.

— Мне хотелось слышать остальное, — сказал он. — Мне бы хотелось бы слышать каждое слово, которое ты можешь сказать о ней, до самого конца. Но время, страшно бегущее время уходит. Может быть, они уже теперь обвенчаны.

— Что вы хотите делать? — спросил Бэшуд-младший, вставая между отцом и дверью.

— Я иду в гостиницу, — сказал старик, стараясь пройти мимо сына. — Я хочу видеться с мистером Армадэлем.

— Для чего?

— Для того, чтобы рассказать ему всё, что ты рассказал мне.

Он остановился, дав этот ответ.

Вновь улыбка торжества появилась на его лице.

— Мистер Армадэль молод, перед мистером Армадэлем вся жизнь впереди, — сказал он, цепляясь за руку сына своими трепещущими пальцами. — Что не пугает меня, испугает его.

— Подождите, — сказал Бэшуд-младший. — Вы уверены по-прежнему, что на ней женится мистер Армадэль?

— Да, да, да! Пусти меня, Джемми, пусти меня! Шпион стал спиной к двери и с минуту соображал.

Армадэль был богат. Армадэля (если и он также не сошёл с ума) можно было заставить заплатить большие деньги за сведения, которые спасут его от бесславного брака с мисс Гуильт.

«В моём кармане может очутиться фунтов сто, если я сам примусь за это дело, — думал Бэшуд-младший. — А мне не достанется и полпенни, если я предоставлю это отцу».

Он взял шляпу и свою кожаную сумку.

— Может ли сохранится все рассказанное в вашей старой, пустой голове? — спросил он с самым непринуждённым видом. — Где вам! Я отправлюсь с вами и помогу вам. Что вы думаете об этом?

Отец с восторгом бросился на шею к сыну.

— Джемми... — сказал он прерывающимся голосом, — ты так ко мне добр. Возьми оставшийся билет, друг мой, я как-нибудь обойдусь без него, возьми оставшийся билет.

Сын распахнул дверь настежь и великодушно повернулся спиной к бумажнику, который подавал ему отец.

— Чёрт побери, старичок! Я не такой корыстолюбивый, — сказал он с притворно глубоким чувством. — Спрячьте ваш бумажник и пойдём.

«Если я возьму последний пятифунтовый билет моего почтенного родителя, — думал он, спускаясь по лестнице, — может быть, он захочет взять половину, когда увидит деньги Армадэля!»

— Пойдёмте же! — продолжал он. — Мы возьмём кэб и поймаем счастливого женишка, прежде чем он отправится в церковь!

Они наняли кэб и поехали в гостиницу, которая была местопребыванием Мидуинтера и Аллэна. Как только дверца кэба закрылась, Бэшуд тотчас вернулся к мисс Гуильт.

— Расскажи мне остальное, — сказал он, взяв сына за руку и нежно поплаживая её. — Будем говорить о ней всю дорогу до гостиницы. Помоги мне провести это время, Джемми, помоги мне провести это время!

Бэшуд-младший был очень весел в надежде увидеть деньги Армадэля. Он до самого конца забавлялся над беспокойством отца.

— Посмотрим, помните ли вы то, что я вам говорил, — начал он. — В этой истории есть одно действующее лицо, которое исчезло без всякого объяснения. Можете вы сказать мне, кто это?

Он рассчитывал на то, что отец его не будет в состоянии ответить на этот вопрос, но память Бэшуда во всём, что относилось к мисс Гуильт, была так же ясна и тверда, как у его сына.

— Мошенник-иностранец, который подучил её и заставил выгородить его, рискуя её собственной жизнью, — ответил он без малейшей нерешительности. — Не говори о нём, Джемми, не говори о нём!

— Я должен говорить о нём, — возразил тот. — Ведь вы хотите знать, что стало с мисс Гуильт, когда она вышла из тюрьмы? Очень хорошо, я могу вам рассказать. Она стала миссис Мануэль... Не к чему тарашить на меня глаза, я это знаю официально. В конце прошлого года к нам в контору пришла одна иностранка с доказательствами, что она была законно обвенчана с капитаном Мануэлем, когда он в первый раз приехал в Англию. Она только недавно узнала, что он опять здесь, и имела причину предполагать, что он женился на другой женщине в Шотландии. Наши люди навели необходимые справки. Сравнение дат показало, что шотландский брак был заключён именно в то время, когда мисс Гуильт оказалась свободной. Дальнейшие расследования показали нам, что вторая миссис Мануэль была не кто иная, как героиня знаменитого уголовного процесса и — мы этого тогда не знали, но знаем теперь — ваш очаровательный друг мисс Гуильт.

Голова Бэшуда упала на грудь. Он крепко сжал свои трепещущие руки и молча ждал продолжения рассказа.

— Развеселитесь, — продолжал его сын, — она была столько же жена капитана, сколько и вы; мало того, сам капитан теперь уже вам не помеха. В один туманный день в прошлом декабре он ускользнул от нас и отправился на континент — никто не знал куда. Он истратил все пять тысяч второй миссис Мануэль за то время, которое прошло (года два или три) с тех пор, как она вышла из тюрьмы, и удивительно было, откуда он достал денег на дорожные издержки. Оказалось, что он получил их от второй миссис Мануэль. Она наполнила его пустые карманы и доверчиво ждала в жалкой лондонской квартире известия от него, чтоб приехать к нему, как только он поселится за границей! Откуда она достала деньги, можете вы спросить довольно естественно. Этого никто не мог сказать в то время. Моё мнение состоит в том, что, должно быть, ещё была жива её прежняя госпожа, и мисс Гуильт наконец извлекла выгоду из фамильной тайны Блэнчардов. Разумеется, это только догадка, но есть одно обстоятельство, делающее эту догадку правдоподобной для меня. В то



время у неё была одна пожилая приятельница, которая была способна помочь ей отыскать адрес её госпожи. Можете вы угадать имя этой пожилой приятельницы? Где вам! Разумеется, миссис Ольдершо!

Бэшуд вдруг поднял глаза.

— Зачем она обратилась, — спросил он, — к женщине, которая бросила её, когда она была ребёнком?

— Не могу сказать, — отвечал сын, — разве только она обратилась к ней для укладки своих великолепных волос. Мне не нужно говорить вам, что тюремные ножницы обрезали локоны мисс Гуильт, и прошу позволения прибавить, что миссис Ольдершо — самая знаменитая женщина в Англии относительно восстановления волос и кожи лиц женского пола. Сложите дважды два, и, может быть, вы согласитесь со мною, что в этом случае они составят четыре.

— Да-да, дважды два — четыре, — нетерпеливо повторил отец. — Но я желаю знать кое-что другое. Получила ли она от него известие? Прислал ли он за нею после того, как уехал за границу?

— Капитан? Как это могло прийти вам в голову? Разве он не истратил все её деньги и разве не скрылся на континенте от неё? Она, наверно, ожидала от капитана известия, потому что упорно продолжала верить ему. Но я готов поспорить с вами, что она никогда не увидела больше его почерка. Мы в конторе приложили все силы, чтоб открыть ей глаза, мы прямо сказали, что у капитана жива его первая жена и что она не имеет на него ни малейшего права. Она не хотела нам верить, хотя мы показывали ей доказательства. Упряма, дьявольски упряма! Наверно, она ждала несколько месяцев, прежде чем отказалась от последней надежды увидеть его опять.

Бэшуд быстро выпянул из окна.

— Куда могла она обратиться за прибежищем? — сказал он не сыну, а себе. — Что могла она сделать?

— Судя по моему опыту в женщинах, — заметил Бэшуд-младший, услышав слова отца, — я сказал бы, что она, вероятно, пробовала утопиться. Но это опять только догадка, только догадка об этом периоде в её жизни. Я ничего не знаю о поступках мисс Гуильт весной и летом этого года. Может быть, она в отчаянии покушалась на самоубийство; может быть, она была заказчицей тех справок, которые я собирал для миссис Ольдершо. Наверно, вы увидите её сегодня, и,

может быть, если вы используете ваше влияние, вы заставите её саму рассказать конец своей истории.

Бэшуд, все смотревший из окна, вдруг взял за руку сына.

— Тише! Тише! — воскликнул он в сильном волнении. — Мы приехали наконец. О Джемми! Посмотри, как бьётся моё сердце... Вот гостиница.

— Какой толк от вашего сердца, — сказал Бэшуд-младший. — Ждите здесь, пока я пойду навести справки.

— Я пойду с тобой! — закричал отец. — Я не могу ждать! Говорю тебе, я не могу ждать!

Они вместе пошли в гостиницу и спросили мистера Армадэля.

Ответ после некоторой нерешительности и заминки был тот, что мистер Армадэль уехал шесть дней назад; второй слуга прибавил, что друг мистера Армадэля, мистер Мидуинтер, уехал только утром. Куда уехал мистер Армадэль? Куда-то в провинцию. Куда уехал мистер Мидуинтер, никто не знал.

Бэшуд посмотрел на сына с безмолвным отчаянием.

— Вздор и пустяки! — сказал Бэшуд-младший, грубо заталкивая отца в кэб. — Мы найдём его у мисс Гуильт.

Старик взял руку сына и поцеловал её.

— Благодарю тебя, милый мой, — сказал он с признательностью, — благодарю тебя за то, что ты утешаешь меня.

Кэбу велели ехать ко второй квартире мисс Гуильт.

— Оставайтесь здесь, — сказал сын, выходя и запирая отца в кэбе. — Я намерен сам заняться этим делом.

Он постучался в дверь.

— Я принёс записку мисс Гуильт, — сказал он, заходя в коридор, как только дверь отворили.

— Она уехала, — отвечала служанка. — Вчера вечером.

Бэшуд-младший не терял больше времени со служанкой; он настоял, чтобы вызвали хозяйку; хозяйка подтвердила известие об отъезде мисс Гуильт.

— Куда она отправилась?

Хозяйка не могла сказать. Как она оставила квартиру? Пешком. В котором часу? В девятом. Что же она сделала со своей поклажей? У ней не было поклажи. Приходил к ней вчера какой-нибудь мужчина? Никто не приходил повидаться с мисс Гуильт.

Лицо отца, бледное и испуганное, выглядывало из окошка кэба, когда сын спустился с лестницы.

— Её нет здесь, Джемми? — спросил он слабым голосом. — Её нет здесь?

— Молчите! — закричал шпион, врождённая грубость которого вырвалась наконец из-под контроля. — Я ещё не кончил свои расспросы.

Он перешёл через дорогу и вошёл в кофейную, находившуюся прямо против того дома, из которого он только что вышел.

У окна сидели два человека, поглядывая на него с беспокойством.

— Кто из вас был вчера дежурный в десятом часу вечера? — спросил Бэшуд-младший, грозно подходя к ним и задавая вопрос строгим, повелительным шёпотом.

— Я, сэр, — отвечал один из них неохотно.

— Вы потеряли из вида дом? Да, я это вижу.

— Только на минуту, сэр. Какой-то грубиян-солдат вошёл...

— Этого довольно, — сказал Бэшуд-младший. — Я знаю, что сделал солдат и кто послал его сделать это. Она опять ускользнула от нас. Вы величайший осел! Считайте себя уволенным!

С этими словами и с ругательствами, для того чтобы придать им больше выразительности, он вышел из кофейной и вернулся к кэбу.

— Она уехала! — закричал отец. — О Джемми, Джемми! Я это вижу по твоему лицу!

Он упал в угол кэба со слабым жалобным криком.

— Они обвенчаны! — стонал он.

Руки его повисли, шляпа свалилась с головы.

— Останови их! — воскликнул он, вдруг опомнившись и схватив в бешенстве сына за ворот сюртука.

— Поезжай назад в гостиницу! — крикнул Бэшуд-младший извозчику. — Не шумите! — прибавил он, свирепо обернувшись к отцу. — Мне нужно подумать.

Весь лоск сошёл с него в это время. Его гнев был распалён; его гордость — даже такой человек имел свою гордость — была глубоко уязвлена. Два раза пытался он провести эту женщину, и два раза эта женщина провела его.

Он вышел из кэба, приехав в гостиницу во второй раз, и попробовал подкупить слуг деньгами. Результат этого опыта показал

ему, что они не могли продать никакие сведения. После минутного размышления он, прежде чем вышел из гостиницы, спросил дорогу к приходской церкви.

«Может быть, стоит попытаться», — подумал он, назвав адрес извозчику.

— Скорее! — закричал он, посмотрев прежде на свои часы, а потом на отца. — Минуты драгоценны, а старик-то начинает слабеть.

Эго была правда. Все ещё способный слышать и понимать, Бэшуд уже был не способен говорить; он уцепился обеими руками за крепкую руку сына и с отчаянием опустил голову на его плечо.

Приходская церковь стояла в стороне от улицы, на открытом месте, была окружена решётками, к ней вели ворота. Оттолкнув отца, Бэшуд-младший отправился прямо в ризницу. Клерк, убиравший книги, и помощник его, псаломщик, были единственными людьми в ризнице, когда он вошёл туда и попросил позволения взглянуть на брачные записи этого утра.

Клерк важно раскрыл книгу и отошёл от стола, на котором она лежала. В книге в это утро было записано три брака, и первые две подписи на странице были: «Аллэн Армадэль!» и «Лидия Гуильт!»

Даже Бэшуд-младший, не знавший правды, не подозревавший, к каким страшным последствиям могло повести утреннее происшествие, даже он вздрогнул, когда глаза его прочитали эту запись. Дело совершилось! Что бы ни вышло из этого, дело совершилось! Свидетельство о браке, который был и законен и вместе с тем ложен относительно осложнений, к которым он мог повести, было записано в книге. Собственным почерком Мидуинтера, вследствие рокового сходства имён, было представлено доказательство, которое могло убедить всякого, что не Мидуинтер, а Аллэн был мужем мисс Гуильт!

Бэшуд-младший закрыл книгу и возвратил её клерку. Он спустился с лестницы, угрюмо сунув руки в карманы. Серьёзный удар был нанесён его профессиональному самолюбию.

Сторож встретил его у церковной стены. Он подумал с минуту, стоит ли истратить шиллинг на расспросы этого человека, и решил, что стоит. Если бы их можно было выследить и нагнать, то появилась бы возможность даже и теперь увидеть деньги Армадэля.

— Как давно, — спросил он, — первая чета, обвенчавшаяся здесь сегодня, вышла из церкви?

— Около часа, — отвечал сторож.

— На чём они уехали?

Сторож не ответил на второй вопрос, пока не спрятал в карман деньги.

— Вы не проследите их отсюда, сэр, — сказал он, когда получил свой шиллинг. — Они ушли пешком.

— И вы больше ничего не знаете?

— Ничего не знаю, сэр.

Оставшись один, даже сыщик частной справочной конторы остановился на минуту в нерешительности, прежде чем возвратился к отцу, ждавшему в кэбе у ворот. Он был выведен из этой нерешительности внезапным появлением извозчика за оградой церкви.

— Я боюсь, что старому джентльмену стало плохо, сэр, — сказал извозчик.

Бэшуд-младший сердито нахмурился и вернулся к кэбу. Когда он отворил дверцу и заглянул в кэб, отец его наклонился вперёд и посмотрел на него, безмолвно шевеля губами, дрожа всем телом, бледный как смерть.

— Она провела нас, — сказал сын. — Они обвенчались сегодня утром.

Тело старика с минуту качалось из стороны в сторону, ещё через минуту глаза его закрылись, а голова упала вперёд, на переднюю скамейку кэба.

— Вези в больницу! — закричал сыщик. — С ним обморок. Вот что вышло из того, что я отступил от своего правила, чтобы угодить отцу! — пробормотал он, угрюмо поднимая голову Бэшуда и развязывая ему галстук. — Прекрасное утреннее занятие! Клянусь всем святым, прекрасное утреннее занятие!

Больница была близко, и дежурный доктор — на своём посту.

— Оправится он? — грубо спросил Бэшуд-младший.

— Кто вы? — спросил доктор не менее резко со своей стороны.

— Его сын.

— Не подумал бы этого, — ответил доктор, взяв лекарство, поданное ему сиделкой и отходя от сына к отцу с видимым

облегчением, которого не трудился скрывать. — Да, — прибавил он минуты через две, — ваш отец оправится на этот раз.

— Когда его можно будет перевезти отсюда?

— Часа через два.

Шпион положил визитную карточку на стол.

— Я приеду сам или пришлю за ним, — сказал он. — Я полагаю, что теперь могу ехать, если оставляю моё имя и мой адрес.

С этими словами он надел шляпу и ушёл.

— Какой скот! — сказала сиделка.

— Нет, — спокойно возразил доктор, — он человек.

В десятом часу вечера Бэшуд проснулся в своей постели в гостинице. Он проспал несколько часов, после того как его привезли из больницы, и душа его и тело теперь медленно оправлялись.

Свеча горела на столе возле кровати, и на нём лежало письмо. Почерк был его сына, и в письме было сказано следующее:

*«Любезный батюшка, привезя вас благополучно из больницы в гостиницу, я думаю, что могу похвалиться, что исполнил мой долг к вам и могу считать себя свободным заняться своими делами. Занятия помешают мне увидеться с вами сегодня, и не думаю, чтобы я был в ваших местах завтра утром. Мой совет вам возвратиться в Торп-Эмброс и продолжить работу в управительской конторе. Где бы ни был мистер Армадэль, он должен, рано или поздно, написать к вам по делам. Помните, что я впредь умываю руки от всего этого дела. Но если вы хотите помешать его браку, то сможете разлучить его с женой.*

*Пожалуйста, заботьтесь о себе.*

*Ваш любящий сын Джемс Бэшуд».*

Письмо выпало из слабых рук старика.

«Как жаль, что Джемми не мог прийти ко мне сегодня, — подумал он, — но всё-таки он добр, что посоветовал мне!»

Он с трудом повернулся на кровати и прочёл письмо во второй раз.

— Да, — сказал он, — мне ничего больше не осталось, как возвращаться. Я слишком беден и слишком стар, чтобы пуститься за ними в погоню.

Он зажмурил глаза. Слезы медленно струились по его морщинистым щекам.

— Я наделал хлопот Джемми, — прошептал он слабым голосом. — Я боюсь, что я наделал неприятных хлопот бедному Джемми!

Через минуту слабость охватила его, и Бэшуд опять заснул.

Часы соседней церкви пробили десять часов. Когда часы пробили это время, поезд, который должен был успеть к пароходу, с Мидуинтером и его женой в числе других пассажиров, быстро приближался к Парижу. Когда часы пробили этот час, вахтенный на яхте Аллена увидел Лэндэндский маяк и направил судно к Ушанту и Финистерре.

# КНИГА ПЯТАЯ



## Глава I

# ДНЕВНИК МИСС ГУИЛЬТ

Неаполь. Октября 10. Сегодня минуло два месяца с тех пор, как я объявила, что закрыла мой дневник, с тем чтобы никогда его не открывать.

Зачем я нарушила своё решение?

Зачем я вернулась к этому тайному другу моих бессонных и горьких часов? Затем, что я одинока больше прежнего, хотя мой муж работает в соседней комнате. Моё несчастье женское, и хочется высказаться здесь, а ни в каком другом месте, моя вторая жизнь здесь, в этой книге, и никто не должен знать о ней.

Как я была счастлива в первые дни после нашего брака, и каким счастливым сделала я его! Минуло только два месяца, и вот уже этого счастья не стало! Я стараюсь припомнить, что мы могли сказать или сделать дурное друг другу, — и ничего не могу припомнить недостойного моего мужа, ничего недостойного меня. Я не могу назвать день, когда тёмная туча в первый раз сгустилась над нами.

Я могла бы это перенести, если бы меньше его любила. Я могла бы понять тайну нашего отчуждения, если бы он объяснил перемену, происшедшую в нём, так же грубо, как другие мужчины выказали бы это.

Но этого не случилось и не случится никогда. Не в его натуре заставлять страдать других. Ни одного нелюбезного слова, ни одного неприветливого взгляда не услышишь и не увидишь у него. Только по ночам я слышу, как он вздыхает во сне; и иногда, когда я вижу его задумчивым по утрам, чувствую, как безнадёжно лишаюсь я любви, которую он когда-то испытывал ко мне. Он скрывает это или старается скрывать от меня. Он исполнен нежности, доброты, но нет прежней страсти и трепета на губах его, когда он целует меня теперь; его рука не говорит мне ничего, когда касается моей. Каждый день часы, которые он посвящает своему ненавистному писанию, становятся длиннее, каждый день он становится молчаливее в то время, которое отдаёт мне.

При всём том я ни на что пожаловаться не могу — ничего не было такого заметного, что оправдывало бы мои подозрения. Его разочарование не проявляется открыто; его безропотное отчуждение увеличивается так неуловимо, что даже моя бдительность не может заметить его. Раз пятьдесят в день я испытываю желание кинуться к нему на шею и сказать: «Ради Бога, сделай что-нибудь, только не обращай со мной таким образом!» — и раз пятьдесят в день слова эти замирают у меня на губах из-за ясного понимания того, что его поведение не даёт предлога высказать их. Я думала, что перенесла самые сильные страдания, которые выпали мне в жизни, когда мой первый муж ударил меня по лицу хлыстом. Я думала, что испытала самое крайнее отчаяние в тот день, когда узнала, что тот другой негодяй, негодяй ещё более подлый, бросил меня. Век живи — век учись. Есть ещё страдание сильнее того, которое я почувствовала от хлыста Уолдрона, есть отчаяние ещё более горькое, чем то, которое я узнала, когда Мануэль бросил меня.

Не стара ли я для него? Наверно, ещё нет! Не лишилась ли я красоты своей? Ни один мужчина не проходит мимо меня на улице без того, чтобы глаза его не сказали мне, что я хороша по-прежнему.

Ах, нет! Нет! Тайна лежит глубже! Я думала и передумывала об этом, пока мной не овладела страшная мысль. Он был благороден и добр в своей прошлой жизни, а я была зла и обесславлена. Кто может сказать, какую страшную пропасть может это проложить между нами? Неизвестно для меня и для него. Это глупость, это сумасбродство, но, когда я лежу возле него в темноте, я спрашиваю себя: не вырывается ли у меня бессознательно признание в содеянном в прошлом в той обстановке близости, которая теперь соединяет нас? Не сохранилось ли чего-нибудь от ужасов моей прошлой жизни, что невидимо не оставляет меня? И не чувствует ли он влияния этого подсознательно, не понимая ещё, в чём дело? О! Неужели в моём сердце остались зачумлённые места, которые не может смыть моё раскаяние?

Кто может сказать? В нашей супружеской жизни что-то не ладится, я могу только это повторить. Есть какое-то тайное влияние, которого ни он, ни я не можем проследить и которое разлучает нас друг с другом каждый день все больше и больше. Ну, я полагаю, что привыкну со временем и научусь переносить.

Мимо моего окна только что проехала коляска с мило одетой дамой. Возле неё сидел её муж, а напротив их дети. В ту минуту, когда я увидел её, она смеялась и разговаривала очень весело; блестящая, весёлая, счастливая женщина! Ах, миледи! Когда вы были моложе, смеялись бы так, если б были предоставлены самой себе и брошены в свете, как я?

\* \* \*

Октября 11. Одиннадцатого числа (два месяца назад) мы были обвенчаны. Он ничего не сказал мне об этом, когда мы проснулись, а я ему. Но решила воспользоваться этим случаем за завтраком, чтобы снова привлечь его внимание к себе.

Не думаю, чтоб я когда-нибудь ранее занималась так своим туалетом; не думаю, чтоб я когда-нибудь выглядела лучше, чем когда сошла вниз в это утро. Он позавтракал один, и я нашла на столе записку, в которой он приносил в нескольких словах извинения. Он писал, что почта в Англию уходит сегодня и что его материал в газету должен быть закончен. На его месте я скорее пропустила бы десять почт, чем позавтракала без него. Я пошла к нему в комнату. Он сидел, погрузившись целиком в свою ненавистную писанину.

«Не можешь ли ты уделить мне время сегодня?» — спросила я.

Он вздрогнул и вскочил.

«Конечно, если ты желаешь».

Он даже не взглянул на меня, говоря эти слова. Сам тон его ответа свидетельствовал о том, что все его мысли сосредоточились на статье, которую он только что отложил.

«Я вижу, что ты занят, — сказала я. — Я не желаю этого».

Прежде чем я успела затворить дверь, он уже вернулся к своему письменному столу. Я часто слышала, что жены писателей и журналистов по большей части несчастные женщины. Теперь я знаю почему.

Я полагаю, как я написала вчера, что научусь это переносить. (Кстати, какой вздор написала я вчера! Как мне было бы стыдно, если бы это увидел кто-нибудь другой, кроме меня!) Надеюсь, что вздорная газета, в которую он пишет, не будет иметь успеха; надеюсь, что его

глупая статья будет осмеяна какой-нибудь другой газетой, как только попадёт в печать!

Что я буду делать целое утро? Выйти на улицу не могу: идёт дождь. Если открою фортепьяно, то помешаю прилежному журналисту, который пишет в смежной комнате. О Боже! В моей торп-эмброзской квартире было скучно, но здесь ещё скучнее. Не почитать ли мне? Нет, книги меня не интересуют — я ненавижу все писательское племя. Мне кажется, я просмотрю страницы дневника и опять проживу жизнь, когда ещё строила планы и находила новые развлечения, занимавшие каждый час дня.

Он мог бы взглянуть на меня даже тогда, когда был так занят своей статьёй. Он мог бы сказать: «Как мило одета ты сегодня». Он мог бы вспомнить... всё равно что. Он же только помнит свою газету.

\* \* \*

Двенадцать часов. Я читала, думала и по милости моего дневника провела час.

Какое было время! Какая жизнь была в Торп-Эмброзе! Я удивляюсь, как тогда не помешалась. Сердце трепетно бьётся, щеки горят, когда читаю теперь об этом.

Дождь всё идёт, а журналист все пишет. Я не намерена опять думать о прошлом времени, а между тем о чём другом могу я думать?

Положим, я теперь все это только говорю, положим, я чувствовала бы себя теперь так, как тогда, когда ехала в Лондон с Армадэлем и когда видела способ лишить его жизни так же ясно, как видела его самого на всём продолжении пути?..

Я пойду и выгляну из окна; я пойду смотреть на прохожих.

Прошли мимо похороны, с кающимися в чёрных капюшонах, с восковыми факелами, гаснущими от дождя, и с молитвенным пением. Приятное зрелище ожидало меня у окна! Я вернусь к своему дневнику.

Положим, что я не изменилась бы — я только говорю положим, — какие перспективы имел бы теперь Большой иск, которому я прежде замышляла подвергнуться?

Я обвенчалась с Мидуинтером под его настоящим именем. Совершив это, сделала первый шаг из тех трех шагов, которые должны были привести меня через смерть Армадэля к состоянию и положению его вдовы. Как бы невинны ни были мои намерения в день свадьбы, — а они были невинны, — это одно из неизбежных последствий брака. Если бы я имела намерение сделать второй шаг, а я этого намерения не имею... В каком положении нахожусь я в настоящее время? Призывает ли оно меня попятиться назад, желала бы я знать, или поощряет идти вперед?

Мне интересно рассчитать возможности на успех. Ведь легко можно вырвать листок и уничтожить его, если перспектива будет слишком ободряющей.

Мы живём здесь (ради экономии) далеко от дорогого английского квартала, в предместье города со стороны Портичи. Мы не завели знакомств с нашими соотечественниками: бедность мешает нам, застенчивость Мидуинтера мешает нам, а с женщинами моя наружность мешает нам. Мужчины, от которых мой муж получает сведения для газеты, встречаются с ним в кофейной и никогда не приходят сюда. Я не поощряю его приводить ко мне посторонних, потому что, хотя прошло несколько лет с тех пор, как я была в Неаполе, не могу точно знать, живут ли ещё здесь те, кого я встречала здесь прежде. Мораль из всего этого (как говорится в детских книжках) состоит в том, что ни один свидетель, который мог бы объявить, если бы впоследствии в Англии началось следствие, что мы жили здесь с Мидуинтером как муж и жена, не должен побывать в этом доме. Вот в каком положении нахожусь я в настоящее время.

Потом Армадэль. Не заставило ли его какое-нибудь непредвиденное обстоятельство выйти на связь с Торп-Эмброзом? Не нарушил ли он условия, предложенные ему майором, и не объявил ли себя женихом мисс Мильрой с тех пор, как я видела его в последний раз?

Ничего подобного не случилось. Никакое непредвиденное обстоятельство не изменило его положения относительно меня. Я знаю всё, что с ним произошло после его отъезда из Англии, из писем, которые он присылает Мидуинтеру и которые тот показывает мне.

Во-первых, Армадэль потерпел крушение. Его яхта действительно постаралась утопить его, и ей это не удалось! Началась

буря (Мидуинтер предостерегал его, что может случиться в этом плане на таком маленьком судне). Их выбросило на португальский берег. Яхта разбилась вдребезги, но люди, судовые бумаги и всё прочее было спасено. Экипаж отослал в Бристоль с рекомендацией хозяина, которая уже помогла матросам получить места на заграничном корабле. А хозяин едет сюда. Он останавливался в Лиссабоне, потом в Гибралтаре и безуспешно старался в обоих местах достать другую яхту. Его третья попытка будет сделана в Неаполе, где стоит английская яхта для продажи или найма. Аллэн не счёл необходимым написать домой после крушения, потому что он взял из банка Куттса всю сумму денег, которая была переведена туда. А так как он не имел желания возвращаться в Англию (потому что мистер Брок умер, мисс Мильрой была в школе, а Мидуинтер здесь) и у него нет ни одной близкой души, которая встретила бы его по приезде, видеть нас и новую яхту — его две единственные цели. Мидуинтер ждёт Аллэна уже целую неделю, и он может войти в эту самую комнату в ту самую минуту, как я пишу.

Это соблазнительные обстоятельства, когда все обиды, пережитые мною от его матери и от него, ещё живы в памяти, когда мисс Мильрой с уверенностью готовится занять место во главе его стола, когда моя мечта жить счастливо и невинно любовью Мидуинтера исчезла навсегда и вместо неё не осталось ничего, что помогло бы мне выступить против своего плана. Я хотела бы, чтоб дождь прошёл, очень хотелось бы, чтобы можно было выйти из дому.

Может быть, что-нибудь помешает Армадэлю приехать в Неаполь. Когда он писал последний раз, то ждал в Гибралтаре английский пароход. Ему, может быть, надоест ждать или, может быть, он услышит о яхте, продающейся где-нибудь в другом месте, а не здесь. Маленькая птичка шепчет мне на ухо, что, может быть, это был бы самый благоразумный поступок в его жизни, если он не сдержит своего обещания приехать к нам в Неаполь.

Не вырвать ли мне лист, на котором были написаны эти оскорбительные вещи? Нет. Мой дневник так хорошо переплетён, что было бы очень жестоко вырвать лист. Займусь я чем-нибудь другим, более безобидным. Чем бы, например? Моей шкатулкой с вещами: я разберу мою шкатулку и выброшу вещицы, ещё оставшиеся после моих несчастий.

Ну вот, открыла шкатулку. Первая вещь, попавшаяся мне, был дрянной подарок Армадэля на свадьбу — дешёвенькое рубиновое кольцо. Это тотчас же покорило меня.

Вторая вещь, попавшаяся мне, была склянка с каплями. Я начала рассчитывать на глаз, сколько капель понадобится, чтобы перенести живое существо за черту разграничения между сном и смертью. Почему я с испугом закрыла шкатулку, прежде чем кончила расчёт, — не знаю, но закрыла. И вот опять возвратилась к своему дневнику, хотя мне не о чём, решительно не о чём писать. О, скучный день! Скучный день! Неужели ничего не случится, чтобы развлечь меня в этом противном месте?

\* \* \*

Октября 12. Важная статья Мидуинтера в газету была отправлена вчерашней почтой. Я имела безрассудство предполагать, что, может быть, он удостоит меня своим вниманием сегодня, — ничуть не бывало! Мидуинтер провёл тревожную ночь после своих письменных трудов и встал с головной болью и в самом унылом расположении духа. Когда он находится в таком состоянии, его любимое лекарство — возвратиться к своим прежним бродяжническим привычкам и шататься одному неизвестно где. Он для вида предложил мне сегодня утром (зная, что у меня нет амазонки) нанять для меня какую-то клячу, если пожелаю отправиться с ним, Я предпочла остаться дома. Очень хочу иметь красивую лошадь и щегольскую амазонку. Если этого не будет, то совсем ездить не стану. Он ушёл, не пытаясь убедить меня изменить своё решение. Я, разумеется, не изменила бы его, но Мидуинтер всё-таки мог бы попытаться уговорить меня.

Надо в его отсутствие раскрыть фортепьяно — это одно утешение, и я очень настроена играть — это другое. Есть одна соната Бетховена (я забыла какая), всегда напоминающая мне о погибших душах в аду. Ну, мои пальцы, поведите меня сегодня к погибшим душам!

\* \* \*

Октября 13. Наши окна выходят на море. Сегодня в полдень мы увидели подходящий пароход с развевающимся английским флагом. Мидуинтер пошёл на пристань, на случай, не тот ли это пароход из Гибралтара, на котором едет Армадэль.

\* \* \*

Два часа. Это пароход из Гибралтара. Армадэль прибавил ещё одну к длинному списку своих ошибок — он сдержал слово, приехал к нам в Неаполь.

Как это кончится теперь?

Кто это знает?



## Глава II

# ДНЕВНИК МИСС ГУИЛЬТ

Октября 16. Два дня пропущены в моём дневнике! Я сама не могу сказать почему, разве только оттого, что Армадэль раздражает меня сверх меры. Один вид его напоминает мне Торп-Эмброз. Мне кажется, я боялась того, что могла написать о нём в последние два дня, если бы позволила себе поддаться опасному удовольствию раскрыть эти страницы.

Сегодня утром я ничего не боюсь и поэтому беру опять мой дневник.

Есть ли границы, желала бы я знать, для скотской глупости некоторых мужчин? Я думала, что узнала границы глупости Армадэля, когда была его соседкой в Норфольке, но последняя встреча в Неаполе показала мне, что я ошибалась. Он беспрестанно приходит к нам (Армадэль приезжает к нам в лодке из гостиницы «Санта-Луция», где ночует), и разговор его постоянно составляет два предмета: яхта, продающаяся на здешней пристани, и мисс Мильрой. Да, он выбирает меня поверенной его верной любви к дочери майора! «Так приятно говорить об этом с женщиной!» Вот все извинение, какое он счёл необходимым принести для привлечения моего сочувствия — моего сочувствия! — к разговору о «его драгоценной Нили», который он начинал по пятидесяти раз в день. Армадэль, очевидно, убеждён (если только он думал об этом), что я совершенно забыла, так же как и он, всё, что когда-то было между нами, когда я приехала в Торп-Эмброз. Такое решительное отсутствие самой обыкновенной деликатности и самого обыкновенного такта в человеке, который, по всей вероятности, имеет человеческую кожу, а не ослиную шкуру, и который говорит, если только уши не обманывают меня, а не ревёт, кажется совершенно невероятным. Он спросил меня — он просто спросил меня вчера вечером, — сколько сот фунтов в год жена богатого человека может тратить на свои наряды.

«Не называйте слишком низкую цену, — прибавил идиот, глупо ухмыляясь. — Нили должна одеваться как одна из самых нарядных

щеголих в Англии, когда я женюсь на ней».

И это он посмел сказать мне после того, как он был у моих ног и когда я лишилась его по милости мисс Мильрой! Мне, одетой в платье из альпака и имеющей мужа, который живёт работой в газете!

Лучше не стану распространяться об этом, лучше буду думать и говорить о чем-нибудь другом.

О яхте. Я заявляю, что — как облегчение после разговоров о мисс Мильрой — яхта кажется мне преинтересным предметом. Она — прекрасное судно. Её марсели (что бы это ни было) особенно замечательны тем, что сделаны из красного дерева. Но при всех этих достоинствах яхта имеет тот недостаток, что она стара — это большая неприятность, а экипаж и шкипер после расчёта с ними были отправлены в Англию — это также неприятно. Всё-таки, если новый экипаж и нового шкипера можно найти здесь, таким красивым судном при всех его недостатках пренебрегать нельзя. Можно будет нанять её на одну поездку и посмотреть, как она поведёт себя. (Если она будет одного мнения со мною, её поведение удивит нового владельца!) Пробная поездка решит, какие недостатки она имеет и какой ремонт требует её преклонный возраст. И тогда можно решить, купить её или нет. Такова болтовня Армадэля, когда он не разговаривает о своей «драгоценной Нили». А Мидуинтер, который не может найти время, свободное от своей работы для жены, может посвящать часы своему другу и уделять их безусловно моей невольной сопернице, новой яхте.

Сегодня я не буду больше писать. Если такая красивая дама, как я, бросается как тигрица к своему дневнику, ощущая писательский зуд в пальцах, то в таком положении нахожусь и я в настоящую минуту. Но с моей внешностью и с моим образованием, разумеется, о таком увлечении не должно быть и речи. Мы все знаем, что изящная дама не имеет страстей.

Октября 17. Мидуинтер получил сегодня утром письмо от негровладельцев, то есть лондонских журналистов, которое заставило его работать старательнее прежнего, Армадэль приходил на завтрак и потом на обед. За завтраком разговор был о яхте, за обедом — о мисс Мильрой. Я была удостоена приглашением ехать с Армадэлем завтра в Толедо и помочь ему купить подарки для предмета его любви. Я не рассердилась на него, я просто отказалась. Можно ли словами

выразить удивление, в которое меня приводит моё терпение? Никакими словами не могу выразить его.

\* \* \*

Октября 18. Армадэль приходил к утреннему чаю, чтоб застать Мидуинтера, прежде чем он запрётся работать.

Разговор был такой же, как вчера вечером. Армадэль нанял яхту. Агент, сожалея о его абсолютном незнании языка, помог ему найти переводчика, но не может помочь ему найти экипаж. Переводчик вежлив и обязателен, но в морском деле не разбирается. Помощь Мидуинтера необходима, и Мидуинтера просят (а он соглашается) работать напряжённее прежнего, чтоб найти время помочь его другу... Когда экипаж найдут, достоинства и недостатки яхты будут определены в плавании в Сицилию, Мидуинтер должен плыть, чтоб высказать своё мнение. Наконец (если она не захочет остаться в одиночестве) дамская каюта отдаётся в распоряжение жены Мидуинтера. Всё было решено за чайным столом и закончилось одним из изящных комплиментов Армадэля мне: «Я намерен взять с собой на яхту Нили, когда мы обвенчаемся. А у вас такой хороший вкус, вы можете рассказать мне, что должно быть в дамской каюте».

Если некоторые женщины производят на свет таких людей, должны ли другие женщины позволить им жить? Здесь возможны разные мнения. Я этого не думаю.

Меня сводит с ума то, что я вижу ясно, что Мидуинтер находит в обществе Армадэля и в разговорах о его новой яхте убежище от меня. Он всегда веселее, когда здесь Армадэль. Он забывает меня с Армадэлем точно так, как забывает меня за своей работой. И я это переношу! Какая я образцовая жена! Какая я превосходная христианка!

Октября 19. Новости! Мидуинтер страдает от сильной головной боли и всё-таки работает, чтоб иметь время оставаться со своим другом.

\* \* \*

Октября 21. Мидуинтеру хуже. Он сердит, дик, неприступен после двух дурно проведенных ночей и двух дней за непрерывной работой. При всяких других обстоятельствах он воспользовался бы предостережением и перестал бы работать, но теперь он не обращает внимания ни на какие предостережения. Он все работает так же напряжённо, как и прежде, для Армадэля. Как долго продлится моё терпение?

\* \* \*

Октября 22. Вчера оказалось, что Мидуинтер напрягает свой мозг более того, что мозг может перенести. Когда он заснул, то был страшно беспокоен, стонал, говорил, скрежетал зубами. Из нескольких слов, услышанных мною, он, кажется, сначала видел во сне жизнь, которую вёл в детстве, когда был мальчиком и странствовал с танцующими собаками, потом ему снилось, как он провёл с Армадзлем ночь на разбитом корабле, к утру он стал спокойнее. Я заснула и, пробудившись вскоре, увидела, что лежу одна. Приподнявшись, огляделась вокруг, и увидела свет, горевший в уборной Мидуинтера. Я тихо встала и пошла взглянуть на него.

Мидуинтер сидел на безобразном огромном старинном кресле, которое я приказала вынести в уборную, с глаз долой, когда мы переехали сюда. Голова его была откинута назад, одна рука покоилась на ручке кресла, другая лежала на коленях. Я подошла ближе и увидела, что он задремал от усталости, когда читал или писал, потому что перед ним были на столе книги, перья, чернила и бумага. Зачем он встал так тихо в такой ранний час утра? Я посмотрела на бумаги, лежавшие на столе: они все были сложены аккуратно (так он всегда держит их) за одним исключением: письмо мистера Брока лежало раскрытое на других бумагах.

Я снова посмотрела на Мидуинтера и тут же заметила другую исписанную бумагу, лежавшую под рукой, которая покоилась на коленях. Нельзя было взять эту бумагу, не подвергаясь риску разбудить его. Часть рукописи, однако, не была закрыта. Я посмотрела на этот текст, желая понять, почему он ушёл прочесть его тайком, отодвинула

письмо Брока, и, прекрасно разобрав большой кусок текста, узнала, что это было описание сна Армадэля.

Сделав это второе открытие, я тотчас снова легла в постель и начала серьёзно размышлять.

Когда мы проезжали Францию, направляясь сюда, застенчивость Мидуинтера была быстро побеждена очень приятным человеком, ирландским доктором, которого мы встретили в вагоне железной дороги и который как-то незаметно сумел завязать с нами дружеские отношения. Узнав, что Мидуинтер посвятил себя литературным занятиям, наш спутник не советовал ему проводить много часов кряду за письменным столом.

«Ваше лицо говорит мне более, чем вы думаете, — сказал доктор. — Если вы поддадитесь искушению переутомлять ваш мозг, вы почувствуете это скорее, чем многие другие. Когда вы увидите, что ваши нервы чересчур расстроены, не пренебрегайте моим предостережением — бросьте перо».

После того что я вчера увидела в уборной, мне кажется, что нервы Мидуинтера сдают и начали оправдываться предостережения доктора. Если расстройство их состояло в том, чтоб мучить его прежним суеверным страхом, в нашей жизни скоро произойдут перемены. Я с любопытством буду ждать, не придёт ли опять Мидуинтер к убеждению, что нам обоим предназначено навлечь гибельную опасность на Армадэля. Если так, я знаю, что случится: он не сделает ни шага, чтоб помочь своему другу найти экипаж для яхты, и, наверно, откажется ехать с Армадэлем или отпустить меня с ним на пробную поездку.

\* \* \*

Октября 23. Письмо мистера Брока, по всей вероятности, не потеряло ещё своего влияния. Мидуинтер опять работает сегодня и с таким же трудом выгадывает время, которое он может посвятить своему другу.

\* \* \*

Два часа. Армадэль здесь по обыкновению — пришёл узнать, когда Мидуинтер может освободиться. На этот вопрос ещё нельзя дать определённого ответа, потому что всё зависит от того, сколько ещё Мидуинтер сможет продолжать свою работу. Армадэль сел с чувством обманутого ожидания; он зевал и засунул в карманы свои огромные, неуклюжие руки. Я взяла книгу. Скот не понимал, что я хотела остаться одна; он опять принялся за невыносимые для меня темы разговора — о мисс Мильрой и о всех нарядах, какие она будет иметь, когда он женится на ней, о её верховой лошади, о её кабриолете, о её прелестной гостиной наверху в большом доме, и так далее. Всё, что я могла иметь, мисс Мильрой будет иметь — если я позволю ей.

\* \* \*

Шесть часов. Опять этот вечный Армадэль! Полчаса тому назад Мидуинтер оторвался от своей работы, почувствовав головокружение и слабость. Мне ужасно хотелось целый день музыки, и я узнала, что в театре дают «Норму». Мне пришло в голову, что часа два, проведённые в опере, могут принести пользу Мидуинтеру и мне, и я сказала: «Почему бы не взять нам ложу в театре Сан-Карло сегодня?» Мидуинтер отвечал со скучным видом, что он не так богат для того, чтоб брать ложу. Армадэль при этом не преминул похвалиться своим туго набитым кошельком, заявив с нестерпимым самодовольством: «Я довольно богат, старикашка, а это нам поможет».

С этими словами он взял шляпу и, топая своими огромными, как у слона, ногами, пошёл брать ложу. Я смотрела ему вслед из окна, когда он шёл по улице.

«Твоя вдова, имея тысячу двести фунтов годового дохода, — думала я, — будет в состоянии брать ложу в театре, когда захочет, не будучи обязана никому».

Пустоголовый негодяй свистел, когда шёл в театр, и щедро бросал мелкое серебро каждому нищему, бежавшему за ним.

\* \* \*

Полночь. Наконец я опять одна. Хватит ли у меня сил описать события этого страшного вечера именно так, как всё случилось? Я имею достаточно сил, по крайней мере, чтоб перевернуть новый лист и попробовать.

Мы поехали в Сан-Карло. Глупость Армадэля проявилась даже в таком простом деле, как взять ложу. Он спутал оперу с комедией и выбрал ложу возле сцены, думая, что главное при посещении оперы — видеть лица певцов как можно яснее! К счастью для наших ушей, прелестные мелодии Беллини по большей части сопровождаются нежным и тонким аккомпанементом, а то оркестр оглушил бы нас.

Я сначала села в глубине ложи, потому что не могла знать, нет ли в театре кого-нибудь из моих прежних друзей, но дивная музыка постепенно выманила меня из заточения. Я была так очарована, заинтересована, что бессознательно наклонилась вперёд и посмотрела на сцену.

Меня заставило осознать свою неосторожность открытие, от которого на мгновение буквально застыла кровь. Один из хористов, в группе друидов<sup>[10]</sup> смотрел на меня, пока пел вместе с остальными. Его голова была покрыта длинными белыми волосами, а нижняя часть лица завершалась внушительной, пышной, белой бородой, соответствующей роли; глаза, которые смотрели на меня, принадлежали человеку, которого я больше всех на свете имею причины опасаться увидеть опять, — Мануэлю!

Если бы со мной не было скляночки с нашатырным спиртом, я думаю, что лишилась бы чувств. Я отодвинулась назад в тень. Даже Армадэль заметил во мне внезапную перемену, и он и Мидуинтер спросили, не больна ли я. Я сказала, что мне жарко, но что, вероятно, сейчас станет лучше, а потом отодвинулась в глубину ложи и постаралась собраться с мужеством. Мне удалось овладеть собой настолько, чтоб посмотреть на представление, не показываясь, как только хор снова вышел на сцену. Опять я увидела этого человека, но, к моему несказанному облегчению, он ни разу не взглянул на нашу ложу. Это явное равнодушие позволило мне предположить, что я случайно стала свидетельницей необыкновенного сходства, и более ничего. Я ещё придерживаюсь этого мнения, после того как имела время подумать, но мои мысли успокоились бы более, если бы смогла увидеть лицо этого человека без грима.

Когда занавес упал после первого акта, началось представление скучного балета (по нелепому итальянскому обычаю), прежде чем опера продолжалась. Хотя я оправилась от первого испуга, но не могла, однако, оставаться спокойна в театре: я боялась всякого рода неожиданных приключений. И когда Мидуинтер и Армадэль спросили меня, сказала им, что я не так здорова, чтоб оставаться на всё время представления.

В дверях театра Армадэль стал прощаться, но Мидуинтер — очевидно опасаясь провести вечер наедине со мною — просил его поужинать у нас, если я не возражаю. Я пригласила, и мы все трое вернулись сюда.

Десять минут спокойного пребывания в своей комнате (с помощью одеколона с водой) привели меня в чувство. Я пришла на ужин. Мужчины приняли мои извинения за то, что я увезла их из оперы, с любезным уверением, что я никого из них не заставила пожертвовать своим удовольствием. Мидуинтер объявил, что до такой степени измучен работой, что не может мечтать ни о чём, кроме двух великих наслаждений, не имеющих в театре, — спокойствия и свежего воздуха. Армадэль сказал как настоящий англичанин, гордясь своей собственной тупостью относительно искусства, что он ничего не понял в опере. Неприятнее всех было мне, потому что я понимала итальянскую музыку и находила в ней удовольствие, как все дамы вообще. Его драгоценная Нили...

Я была не в состоянии слышать о его «драгоценной Нили» после того, что пережила в театре. Или от нервного расстройства, или от одеколона, запах которого ударил мне в голову, но только одно имя этой девочки заставило меня вспыхнуть. Я постаралась обратить внимание Армадэля на ужин. Он очень был благодарен, но у него не было аппетита. Я предложила ему вина, вина здешнего, — наша бедность позволяет нам покупать только одно это вино. Он опять был очень благодарен. Иностранное вино также мало пришлось ему по вкусу, как и иностранная музыка, но он выпьет, так как я прошу его, и выпьет за моё здоровье по-старинному: с пожеланиями счастливого времени, когда мы все встретимся в Торп-Эмброзе и когда в этом доме будет принимать меня его хозяйка.

С ума, что ли, он сошёл, размышляя таким образом? Нет, его лицо не выказывало этого. Он находился под впечатлением от мысли, что



говорит особенно приятные вещи для меня.

Я посмотрела на Мидуинтера. Может быть, если бы он посмотрел на меня, то нашёл бы какие-нибудь причины для того, чтобы переменить тему разговора, но он сидел молча на стуле, раздражённый, утомлённый, потупив глаза и задумавшись.

Я встала и отошла к окну. Все ещё не понимая своей неловкости, Армадэль пошёл за мною. Если бы у меня хватило сил вышвырнуть его из окна в море, я, наверно, сделала бы в эту минуту. Не имея таких сил, я стала пристально смотреть на залив и сделала ему намёк самый явный и самый грубый, какой только могла придумать, чтоб уйти.

«Прекрасная ночь для прогулки, — сказала я, — если вы желаете вернуться в гостиницу пешком».

Я сомневаюсь, слышал ли он мои слова, по крайней мере, они не произвели на него никакого впечатления. Он стоял, сентиментально смотрел на луну и вздыхал. Я предчувствовала, что будет, если не закрою ему рот, поэтому заговорила прежде его.

«При всей вашей любви к Англии, — сказала я, — вы должны признаться, что такого лунного сияния там не бывает».

Он рассеянно посмотрел на меня и опять вздохнул.

«Желал бы я знать, такая ли чудная ночь сейчас в Англии, как здесь? — сказал он. — Желал бы я знать, смотрит ли моя милая на луну теперь и думает ли она обо мне?»

Я не могла больше выдержать, я накинулась на него тотчас.

«Боже мой, мистер Армадэль! — воскликнула я. — Неужели в том мире, в котором вы живёте, есть только один предмет, достойный разговора? Мне до смерти надоела мисс Мильрой. Пожалуйста, говорите о чем-нибудь другом».

Его широкое и глупое лицо покраснело до самых отвратительных волос.

«Извините, — пролепетал он с каким-то угрюмым удивлением, — я не предполагал...»

Он остановился в замешательстве и посмотрел на Мидуинтера. Я поняла, что означал этот взгляд. «Я не предполагал, чтоб она ревновала к мисс Мильрой после того, как стала вашей женой!» — вот что сказал бы он Мидуинтеру, если бы я оставила их в комнате одних!

Как бы то ни было, Мидуинтер услышал нас. Прежде чем я успела заговорить, прежде чем Армадэль успел прибавить слово, он завершил недоконченную фразу своего друга тоном, который я слышала, и с выражением лица, которое я видела в первый раз.

«Вы не предполагали, Аллэн, — сказал он, — что дамы могут так легко раздражаться?»

Первое ироническое слово, первый презрительный взгляд, услышанный мною от него! И Армадэль этому причиной!

Гнев мой вдруг прошёл, место его уступило другому чувству, тотчас придавшее мне твёрдость и заставившее меня молча выйти из комнаты.

Я была одна в спальне. Я имела несколько минут для своих мыслей, которые я не намерена передавать словами, даже на этих тайных страницах. Я встала и отперла — всё равно, что бы там ни было. Я подошла к изголовью кровати Мидуинтера и взяла — всё равно, чтобы ни взяла я. Последнее, что я сделала, прежде чем вышла из спальни, посмотрела на часы. Было половина одиннадцатого, время, когда Армадэль всегда оставлял нас. Я тотчас вернулась к обоим мужчинам; мило улыбаясь, подошла к Армадэлю и сказала ему...

Нет! Поразмыслив хорошенько, я не напишу того, что я ему сказала или что я сделала потом. Мне опротивел Армадэль! Его имя беспрестанно встречается в записях, которые я делаю. Я пропущу то, что случилось в следующий час — от половины одиннадцатого до половины двенадцатого, — и стану продолжать мой рассказ с того времени, как Армадэль оставил нас. Могу ли рассказать, что произошло, как только наш гость повернулся спиной, между Мидуинтером и мной в нашей спальне? Почему и это также не пропустить? Нужно ли волновать себя, записывая это? Я не знаю! Зачем я веду дневник? Зачем искусный вор, описанный недавно в английских газетах, оставил именно то, что могло уличить его, — каталог всех украденных им вещей? Почему мы не бываем рассудительны во всех наших поступках? Зачем я не всегда остерегаюсь и никогда не бываю последовательна, как злодей в романе? Зачем? Зачем? Зачем?

Мне это всё равно! Я должна записать, что случилось между Мидуинтером и мной сегодня, потому что я должна. На это есть

причина, которую никто не может объяснить, включая и меня.

Было половина двенадцатого. Армадэль ушёл. Я надела блузу и села уложить волосы на ночь, когда раздался стук в дверь и вошёл Мидуинтер.

Он был страшно бледен. Глаза его смотрели на меня с ужасным отчаянием. Он не ответил, когда я выразила удивление тем, что он пришёл гораздо раньше обыкновенного; он даже не ответил, когда я спросила, не болен ли он. Повелительно указав на кресло, с которого я встала, когда он вошёл в комнату, Мидуинтер велел мне опять сесть, а потом через минуту прибавил: «Я должен поговорить с тобой серьёзно».

Я подумала о том, что я сделала (или нет, что я старалась сделать в промежутки времени между половиной одиннадцатого и половиной двенадцатого, о чём не упомянула в дневнике), и ужасная тоска, которую я не чувствовала в то время, овладела мною теперь. Я опять села, как мне было велено, не отвечая Мидуинтеру и не смотря на него.

Он прошёлся по комнате, а потом приблизился ко мне.

«Если Аллэн придёт завтра, — начал он, — и если ты его увидишь...»

Голос его прервался, и он не сказал ничего больше. В душе он носил какое-то страшное горе, которое захватило его. Но бывает время, когда воля Мидуинтера становится железной. Он ещё прошёлся по комнате и, видимо, сумел подавить своё горе. Он вернулся к моему креслу и остановился прямо передо мной.

«Когда Аллэн придёт сюда завтра, — продолжил он, — впусти его в мою комнату, если он захочет меня видеть. Я скажу ему, что не смогу закончить работу, которую теперь делаю, так скоро, как надеялся, и что, следовательно, он должен найти экипаж для своей яхты без моей помощи. Если он, расстроенный напрасным ожиданием, обратится к тебе, — не подавай ему надежды, что я успею освободиться, чтобы помочь ему, если даже он будет ждать. Уговори его найти помощников среди местных моряков, с которыми и нужно заняться яхтой. Чем больше занятия яхтой отвлекут его от нашего дома и чем меньше ты будешь уговаривать его оставаться здесь, тем будет мне приятнее. Не забывай этого и не забывай также последнего наставления, которое я теперь дам тебе. Когда яхта будет готова выйти

в море и когда Аллэн пригласит нас плыть с ним, я желаю, чтобы ты решительно отказалась ехать. Он будет стараться уговорить тебя передумать, потому что я со своей стороны твёрдо откажусь оставить тебя одну в этом чужом доме и в этой чужой стране. Всё равно, что бы он ни говорил, ничто не должно заставить тебя изменить своё решение. Откажись решительно и окончательно! Откажись, я настаиваю на этом, ступать ногой на новую яхту!»

Он закончил спокойно и твёрдо, голос его не прерывался, и на лице его не было признаков смятения. Чувство удивления, которое я могла бы испытать, слыша весьма странные слова, с которыми он обратился ко мне, сменилось чувством облегчения, которое они принесли мне. Страх услышать другие слова, ожидаемые мною, оставил меня так же неожиданно, как и охватил. Я опять могла смотреть на него, я опять могла говорить с ним.

«Можешь не сомневаться, — отвечала я, — что я сделаю именно так, как ты приказал мне. Должна ли я повиноваться тебе слепо? Или я могу узнать причину странных приказаний, отданных мне?»

Лицо его омрачилось, и он сел по другую сторону туалетного столика тяжело, безнадежно вздохнув.

«Ты можешь узнать причину, — сказал он, — если желаешь».

Он замолчал, немного раздумывая.

«Ты имеешь право узнать причину, — продолжал он, — потому что ты сама замешана в этом».

Он опять немного помолчал и снова продолжал: «Я только одним образом могу объяснить странную просьбу, с которой сейчас обратился к тебе. Я должен просить тебя вспомнить, что случилось в соседней комнате, прежде чем Аллэн оставил нас сегодня».

Он посмотрел на меня со странным выражением на лице. Одно мгновение мне показалось, что он чувствует сострадание ко мне; затем — как будто он испытывает ко мне отвращение. Я опять начала бояться; я молча ждала его следующих слов.

«Я знаю, что работал слишком напряжённо последнее время, — продолжал он, — и что мои нервы страшно расстроены. Очень может быть, что в моём теперешнем положении я бессознательно перетолковал или исковеркал обстоятельства, теперь происходящие. Ты сделаешь мне одолжение, если сверишь мои воспоминания со своими. Если моя фантазия преувеличила что-нибудь, если моя

память обманула меня в чем-нибудь, я умоляю тебя остановить меня и сказать об этом».

Я настолько владела собой, что смогла спросить, на какие обстоятельства он намекает и каким образом я лично в них замешана.

«Ты лично в них замешана вот каким образом, — отвечал он. — Обстоятельства, о которых я упоминаю, начинаются с того момента, когда ты сказала Аллэну о мисс Мильрой, на мой взгляд, весьма необдуманно, не проявив терпения. Я боюсь, что и я тогда высказался так же запальчиво со своей стороны и прошу у тебя извинения за то, что произнёс в минуту раздражения. Ты ушла из комнаты. После непродолжительного отсутствия ты вернулась и очень тактично принесла извинения Аллэну, которые он принял, со своей обыкновенной добротой и доверчивостью. В этот момент ты и он стояли у стола, на котором был накрыт ужин, и Аллэн продолжил разговор, уже ранее начатый между вами о неаполитанском вине. Он сказал, что, наверно, со временем оно ему понравится, и просил позволения выпить ещё рюмку вина, которое было у нас на столе. Так ли я говорю?»

Слова замирали на губах, но я заставила себя подтвердить, что он говорит все, как было.

«Ты взяла графин из рук Аллэна, — продолжал Мидуинтер. — Ты сказала ему благожелательно: „Вы ведь не любите вино, мистер Армадэль. Позвольте мне сделать кое-что более подходящее вашему вкусу. У меня есть рецепт, как делать лимонад. Угодно вам попробовать?“ С милой улыбкой ты сделала ему это предложение, и Армадэль согласился. Попросил ли он также разрешения посмотреть, как делается лимонад? И не ответила ли ты ему, что лучше дашь письменный рецепт, если он хочет его иметь?»

На этот раз слова замерли на моих губах. Я могла только наклоном головы безмолвно отвечать «да». Мидуинтер продолжал:

«Аллэн засмеялся и подошёл к окну посмотреть на залив; я пошёл с ним. Через несколько минут Аллэн шутливо заметил, что один вид наливаемой тобой жидкости вызывал у него жажду. Когда он это говорил, я отвернулся от окна. Я подошёл к тебе и сказал, что лимонад готовится слишком долго. Ты дотронулась до моей руки, когда я сказал это, и подала мне стакан, наполненный до краёв.

В это время Аллэн отвернулся от окна, и я передал ему стакан. Тут нет ошибки?»

Неистово забилося моё сердце, голова закружилась. Я могла только покачать ею, я не могла произнести ни слова. «Я видел, как Аллэн поднёс стакан к губам. А ты видела? Я видел, как лицо его побледнело в одно мгновение. Ты видела? Я видел, как стакан выпал из рук его на пол. Я видел, как он зашатался и подхватил его, прежде чем он упал. Правда ли все это? Ради Бога, допроси свою память и скажи мне, правда ли все это?»

Биение моего сердца как будто прекратилось на одно мгновение. Через минуту какая-то свирепая, какая-то безумная мысль возникла в голове моей. Я вскочила, вне себя от бешенства и, не обращая внимания на последствия, с отчаяния была готова высказать все.

«Твои вопросы и твои взгляды оскорбительны! Разве ты думаешь, что я хотела отравить его?»

Эти слова сорвались с моих уст против воли. Эти слова отчаяния были последние, какие женщина в моём положении должна была бы произнести. Однако я их сейчас произнесла!

Мидуинтер вскочил в испуге и принёс мне скляночку с нашатырным спиртом.

«Полно, полно! — сказал он. — Ты также расстроена всем, что случилось сегодня. Ты говоришь дикие и неприятные вещи. Великий Боже! Как ты могла так истолковать мои слова? Успокойся, пожалуйста, успокойся!»

Он мог бы точно с таким же успехом говорить об успокоении дикому животному. Потеряв голову, я произнесла эти слова, не помня себя далее, вернулась к разговору о лимонаде, несмотря на то что Мидуинтер упрашивал меня замолчать.

«Я сказала тебе, что налила в стакан, как только мистер Армадэль лишился чувств, — продолжала я, настойчиво защищаясь от подозрений на себя. — Я сказала тебе, что взяла бутылку с водкой, которую ты держишь в тумбочке возле твоей кровати, и влила водку в лимонад. Откуда я могла знать, что он питает такое отвращение к запаху и вкусу водки? Он сказал мне это сам, когда пришёл в себя: „Я виноват, мне следовало предупредить вас, чтобы вы не наливали водки“. Не напомнил ли он тебе потом о том времени, когда вы были

вместе на острове Мэн и когда доктор сделала такую же ошибку, как и я?»

Я сильно напирала на мою невиновность — и не без основания. Кем бы я ни была, но горжусь тем, что я не лицемерка. Я была невинна относительно истории с водкой, я влила её в лимонад в абсолютном неведении этой особенности организма Армадэля, чтоб изменить вкус вина, влила бы всё равно, чего бы ни оказалось под рукой. Должна ещё признаться, что я никогда не отступаю в предмете спора.

Мидуинтер смотрел на меня с минуту так, как будто подумал, что я лишилась рассудка; потом походил по комнате и снова остановился передо мной.

«Если ничто другое не уверит тебя, что ты совершенно ошибочно растолковываешь мои слова, — сказал он, — и что я не имею ни малейшего намерения осуждать тебя, — прочти это».

Он вынул из кармана бумагу и поднёс её к моим глазам. Это было описание сна Армадэля. В одно мгновение вся тяжесть обвинения была снята с моей души. Я снова владела собой, я наконец поняла Мидуинтера.

«Ты знаешь, что это? — спросил он. — Помнишь, что я говорил тебе в Торп-Эмброзе об этом сне? Я говорил тебе, что два из трех видений уже сбылись. Теперь я говорю тебе, что третье видение сбылось в этом доме в нынешнюю ночь». Он перевернул листы рукописи и указал на строчки, которые он желал, чтоб я прочла.

Я прочла эти или почти эти слова из описания сновидения, как Мидуинтер записал с собственных слов Аллена.

«Темнота открылась в третий раз и показала мне тень женщины и тень мужчины вместе...

Тень мужчины была ближе. Тень женщины стояла позади. Оттуда, где она стояла, слышался звук тихо лившейся жидкости. Я видел, как она дотронулась до тени мужчины одной рукой, а другой подала ему рюмку. Он взял рюмку и подал её мне. В ту минуту, когда я поднёс её к губам, смертельная слабость овладела мной с головы до ног. Когда я опомнился, тень исчезла, и третье видение кончилось».

С минуту я была так же поражена этим странным стечением обстоятельств, как и Мидуинтер.

Он положил одну руку на открытую рукопись, а другой дотронулся до моей руки.

«Теперь ты понимаешь, для чего я пришёл сюда? — спросил он. — Теперь ты видишь, что последняя надежда, за которую я могу уцепиться, состояла в том, что твоя память о происшествии сегодняшнего вечера доказала бы, что моя память ошиблась? Теперь ты знаешь, почему я не хочу помогать Аллэну? Почему я не поплыву с ним в море? Зачем я лгу и заставляю тебя лгать, чтоб удалить моего лучшего и дорогого друга из этого дома?»

«Разве ты забыл письмо мистера Брока?» — спросила я.

Он с гневом ударил рукой по открытой рукописи.

«Если бы мистер Брок дожил до того дня, чтоб увидеть то, что мы видели сегодня, он чувствовал бы себя так, как я, он сказал бы то же, что говорю я».

Голос его таинственно понизился, и его большие чёрные глаза сверкнули, когда он говорил эти слова.

«Три раза тени видения предостерегали Аллэна в его сне, — продолжал Мидуинтер, — и три раза эти тени воплотились впоследствии в тебя и в меня! Ты, а не кто другая, стояла на месте этой женщины у пруда. Я, а не кто другой, стоял на месте мужчины у окна. И ты, и я, когда последнее видение показало тени рядом, стояли на месте мужчины и женщины. Для этого и наступил несчастный день, когда я встретился с тобою в первый раз. Для этого твоя красота, твой ум влекли к тебе в тот миг, когда мой добрый гений советовал бежать от тебя. Над нашей жизнью тяготеет проклятие! Каждый наш шаг преследуется роком. Будущность Аллэна зависит от его разлуки с нами немедленно и навсегда. Надо изгнать его из того места, где мы живём, и лишить того воздуха, которым мы дышим. Надо заставить его жить между чужими: самые плохие и самые злые из них будут для него безвреднее нас! Пусть уйдёт его яхта, если даже на коленях будет просить нас, без тебя и без меня, и пусть Армадэль узнает, как я любил его в другом мире, а не в этом, там, где злые перестают мучить, а утомлённые отдыхают!»

Горе сломило Мидуинтера, голос его прервали рыдания, когда он произнёс эти последние слова. Он взял со стола описание сновидения и оставил меня так же внезапно, как пришёл.



Когда я услышала, как затворилась за ним дверь, мысли мои вернулись к тому, что он сказал. Вспомнив «несчастный день», когда мы в первый раз увидели друг друга, и «доброе гения», советовавшего ему бежать от меня, я забыла все другое. Всё равно, что я ни чувствовала бы, я не призналась бы в этом, если бы даже говорила с другом. Кому дело до горя такой женщины, как я? Кто поверит этому горю? Притом Мидуинтер говорил в порыве безумного суеверия, опять овладевшего им. Для него всегда найдётся оправдание, для меня никакого. Если я не могу не любить его, несмотря ни на что, то должна покориться судьбе и страдать. Я заслужила эти муки; я не заслуживаю ни любви, ни сострадания ни от кого. Великий Боже! Как я глупа! И каким бы неестественным показалось бы все это читателю, если бы было написано в книге!

Пробило час. Я всё ещё слышу, как Мидуинтер ходит взад и вперед по комнате.

Он думает, я полагаю; ну, я тоже могу думать. Что мне теперь делать? Подожду и увижу. События принимают иногда странный оборот, и события могут извинить фатализм любимого человека, находящегося в смежной комнате и проклинающего день, когда он в первый раз увидел меня. Мидуинтер, может быть, доживёт до того времени, когда будет проклинать этот день по другим причинам. Если я та женщина, на которую указывает сновидение, скоро передо мною появится другое искушение — и в лимонаде Армадэля уже не будет водки, если я приготовлю его во второй раз.

\* \* \*

Октября 24. Только двенадцать часов прошло после вчерашней записи в моём дневнике, а уже явилось другое искушение и победило меня!

На этот раз не оставалось другого выхода. Немедленное раскрытие истории всей моей жизни и гибель угрожали мне — не оставалось ничего другого, как уступить необходимости защитить себя самой. Другими словами, не случайное сходство испугало меня в театре вчера. Хорист в опере был Мануэль!

Не прошло и десяти минут после того, как Мидуинтер вышел из гостиной в кабинет, хозяйкина служанка пришла с запиской в руках. Одного взгляда на почерк, которым был написан адрес, было достаточно. Он узнал меня в ложе, балет между двумя действиями оперы представил ему возможность последовать за мною до самого дома. Я сделала это заключение за минуту, которая прошла, прежде чем распечатала письмо. Мануэль уведомлял меня в двух строчках, что ждёт в переулке, ведущем к набережной и что, если я не приду к нему через десять минут, он истолкует моё отсутствие как приглашение ему самому явиться в дом.

То, что я перенесла вчера, должно быть, ожесточило меня, по крайней мере, прочтя это письмо, я почувствовала себя прежней женщиной, как уже не чувствовала несколько месяцев. Я надела шляпку и вышла из дома как ни в чём не бывало.

Он ждал меня в начале переулка.

В ту минуту, как мы встретились лицом к лицу, вся моя несчастная жизнь с ним прошла передо мной. Я вспомнила, как он обманул моё доверие; я вспомнила о жестокой шутке с нашим браком, в который он вступил со мной, зная, что жива его жена; я вспомнила то время, когда я пришла в такое отчаяние от того, что он меня бросил, что покушалась на свою жизнь. Когда я вспомнила все это и когда сравнила Мидуинтера с этим низким, презренным негодяем, которому я когда-то верила, это сравнение потрясло мою душу, я узнала в первый раз, что чувствует женщина, когда в ней не остаётся ни малейшего следа уважения к самой себе. Если бы Мануэль оскорбил меня в эту минуту, я, кажется, стерпела бы это. Но он не имел ни малейшего намерения оскорблять меня в прямом смысле этого слова. Я находилась в его власти, и его способ дать мне это почувствовать состоял в том, что он обращался со мною с насмешливым раскаянием и уважением. Я позволила ему говорить, что он хотел, не прерывая его, не смотря на него, не позволяя даже моему платью коснуться его, когда мы шли вместе по более безлюдной стороне набережной. Я заметила жалкое состояние его одежды, алчный блеск его глаз, когда взглянула на него в первый раз. И я знала, чем это кончится, так оно и кончилось — требованием денег.

Да, отняв у меня последний фартинг моих собственных денег и последний фартинг из того, что я успела вытянуть из моей бывшей

госпожи, он повернулся ко мне, когда мы остановились на берегу моря, и спросил, могу ли я позволить допустить, чтобы он носил такой сюртук и зарабатывал жалкие деньги на пропитание, служа хористом в опере!

Отвращение, скорее чем негодование, побудило меня наконец заговорить с ним.

«Вам нужны деньги, — сказала я. — А что если я так бедна, что не могу их вам дать?»

«В таком случае, — ответил он, — я буду вынужден напомнить вам, что вы сокровище само по себе, и я буду иметь тягостную необходимость предъявить мои права на вас одному из тех двух джентльменов, которых я видел с вами в опере — тому, разумеется, кого теперь вы удостаиваете вашим вниманием и который живёт теперь светом ваших улыбок».

Я не отвечала, потому что мне нечего было отвечать. Оспаривать его права на меня — напрасно терять время. Он знал так же хорошо, как и я, что не имел на меня ни малейшего права. Но одна попытка сделать это приведёт — как он хорошо знал — к тому, чтобы открыть всю мою прошлую жизнь.

По-прежнему сохраняя молчание, я посмотрела на море — сама не знаю зачем, разве только я бессознательно хотела смотреть куда бы то ни было, только не на него.

Небольшая лодка приближалась к берегу. Рулевой был скрыт от меня парусом, но лодка была так близко, что я узнала флаг на мачте. Я посмотрела на часы: да, это Армадэль ехал из Санта-Лучии в его обычное время, чтобы посетить нас.

Прежде чем я убрала часы за пояс, способ выпутаться из ужасного положения, в которое я была поставлена, представился мне так ясно, как будто я увидела его исполнение сию минуту.

Я повернула к высокой части берега, куда было вытащено несколько рыбачьих лодок, совершенно скрывших нас от тех людей, которые вышли бы на берег снизу. Видя, вероятно, что я имею какое-то намерение, Мануэль шёл за мною, не говоря ни слова. Как только мы укрылись за лодками, я заставила себя опять на него взглянуть.

«Что сказали бы вы, — спросила я, — если бы я была богата, а не бедна? Что сказали бы вы, если бы я могла дать вам сто фунтов?»

Он вздрогнул. Я видела ясно, что Мануэль не надеялся получить даже и половины названной мною суммы. Бесполезно говорить, что язык его лгал, между тем как лицо говорило правду, и когда он ответил мне, ответом его было: «Этого недостаточно».

«Положим, — продолжала я, не обращая внимания на то, что он сказал, — что я могу подсказать вам способ получить вдвое больше этого, втрое, впятеро больше, хватит ли у вас смелости протянуть руку и взять эти деньги?»

Алчный блеск опять появился в его глазах. Голос его стал хриплым от нетерпеливого ожидания моих следующих слов.

«Кто этот человек? — спросил он. — И в чём состоит риск?»

Я тотчас все объяснила в самых ясных выражениях. Я бросила ему Армадэля, как могла бы бросить кусок мяса хищному зверю, преследовавшему меня.

«Человек этот богатый молодой англичанин, — сказала я. — Он только что нанял яхту „Доротея“ в здешней гавани, и ему нужен шкипер и экипаж. Вы были офицером в испанском флоте, вы превосходно говорите по-английски и по-итальянски, вы хорошо знакомы с Наполеоном. Богатый молодой англичанин не знает итальянского языка, а переводчик, помогающий ему, ничего не понимает в мореплавании. Он не знает, что ему делать, не может получить помощь в этом чужом городе; он знает жизнь не более этого ребёнка, который вон там копается палкою в песке, и все наличные деньги он носит при себе банковыми билетами. Вот каков этот человек! А риск оцените сами».

Алчный блеск в его глазах разгорался всё сильнее и сильнее при каждом слове, произносимом мною. Он, очевидно, был готов решиться на риск, прежде чем я закончила.

«Когда я могу видеть этого англичанина?» — спросил он нетерпеливо.

Я перешла к носу рыбацкой лодки и оттуда увидела, что Армадэль в эту минуту выходил на берег.

«Вы можете видеть его сейчас же», — ответила я, указывая на Армадэля.

После долгого изучающего взгляда на Армадэля, беспечно шедшего по покатиному берегу, Мануэль отступил опять под

прикрытие лодки. Он подождал с минуту, что-то обдумывая, и задал мне другой вопрос, шёпотом на этот раз.

«Когда яхта будет снаряжена, — спросил он, — и англичанин уплывёт из Неаполя, сколько друзей поедут с ним?»

«У него здесь только два друга, — отвечала я. — Тот, другой джентльмен, которого вы видели вчера со мною в опере, и я. Он пригласил нас обоих ехать с ним, но когда подойдёт время, мы оба откажемся».

«Вы за это ручаетесь?»

«Положительно ручаюсь».

Мануэль отошёл на несколько шагов и, отвернувшись от меня, снова задумался. Я только видела, что он снял шляпу и вытер лоб носовым платком. Я только услышала, что он с волнением разговаривал сам с собою на родном языке.

С Мануэлем произошла перемена, когда он вернулся. Лицо его побледнело, а глаза смотрели на меня с плохо скрытым недоверием.

«Один последний вопрос, — глухо сказал он и вдруг подошёл ближе ко мне, а затем заговорил, делая ударения на следующие слова:

— Ваши какие выгоды в этом?»

Я в испуге отступила от него. Вопрос напомнил мне, что у меня действительно есть выгоды в этом деле, которые совершенно ясно сводились к тому, чтобы разъединить Мануэля и Мидуинтера. До сих пор я только помнила, что фатализм Мидуинтера открывал мне дорогу, представить Армадэля постороннему, который мог ему помочь. До сих пор единственная цель, которую я имела в виду, состояла в том, чтобы защитить себя, пожертвовав Армадэлем, спасти от огласки, угрожающей мне. Я не писала не правды в своём дневнике; я не притворялась, заявляя, что не чувствую ни малейшего интереса к кошельку Армадэля или к безопасности его в будущем. Я ненавидела его слишком сильно для того, чтобы заботиться о том, какие пропасти откроет мой поступок под его ногами. Но я точно не видела (пока этот последний вопрос не был задан мне), что, служа своим собственным целям, Мануэль мог бы, если бы он осмелился на все ради денег, служить также и моим интересам. Естественное беспокойство защитить себя от огласки перед Мидуинтером заполняло все мои мысли и исключало все другое.

Видя, что я не отвечаю, Мануэль повторил свой вопрос в другой форме.

«Вы бросили мне англичанина, — сказал он, — как кусок церберу. Сделали бы вы это так охотно, если бы не имели для этого своих причин? Я повторяю свой вопрос: вы имеете в этом выгоду? Какую?»

«Я имею две выгоды, — ответила я. — Выгоду принудить вас уважать здесь моё положение и выгоду освободиться от вас навсегда!»

Я говорила с такой смелостью и дерзостью, каких он ещё не слышал от меня. Сознание того, что я делаю негодяя орудием в своих руках и принуждаю его слепо помогать моему намерению в то время, когда он помогает себе, пробудило моё мужество и заставило меня почувствовать, что я стала опять похожа на себя.

Он засмеялся.

«Сильное выражение в некоторых случаях составляет преимущество дам, — сказал Мануэль. — Сможете вы или нет освободиться от меня навсегда, мы предоставим будущему решить этот вопрос. Но ваша вторая выгода в этом деле приводит меня в недоумение. Вы сказали мне всё, что мне нужно знать об англичанине и его яхте и не поставили условий, прежде чем заговорили. Позвольте спросить, как вы можете принудить меня, как вы говорите, уважать ваше положение здесь?»

«Я скажу вам как, — возразила я. — Вы услышите мои условия. Я требую, чтобы вы меня оставили через пять минут; я требую, чтобы вы никогда не подходили к тому дому, где я живу, и запрещаю вам иметь сношения каким бы то ни было образом со мною или с тем другим джентльменом, которого вы видели со мною в театре...»

«А если я не соглашусь? — перебил он. — Что вы сделаете в таком случае?»

«В таком случае, — отвечала я, — я скажу два слова по секрету богатому англичанину, и вы останетесь хористом в опере».

«Смелая вы женщина, если считаете, что я имею уже планы на англичанина и что преуспею в них. Почему вы знаете...»

«Я знаю вас, — перебила я, — и этого довольно».

Наступило обоюдное молчание. Он смотрел на меня, я смотрела на него. Мы поняли друг друга.

Он заговорил первый. Зловещая улыбка замерла на губах его, и голос звучал хрипло и тихо, почти шёпотом.

«Я принимаю ваши условия, — сказал он. — Пока вы будете молчать, буду молчать и я, конечно, если только не узнаю, что вы обманули меня. В таком случае наше условие не выполняется, и вы опять увидите меня. Я завтра пойду к англичанину с необходимой аттестацией, чтобы войти к нему в доверие. Скажите мне его имя».

Я сказала.

«Дайте мне его адрес».

Я дала и повернулась, чтобы оставить его.

«Одно последнее слово, — сказал Мануэль. — На море иногда случаются несчастья. Настолько ли вы интересуетесь этим англичанином, чтобы, если с ним случится несчастье, пожелать узнать подробности происшествия?»

Я остановилась и со своей стороны стала соображать. Очевидно, я не убедила его, что не имею никаких выгод, отдавая деньги и, как вероятное последствие, жизнь Армадэля в его руки. И теперь стало совершенно ясно, что он довольно хитро старается пристроиться к достижению моей тайной цели, открыв тем самым возможность общения между нами в будущем. Нельзя было колебаться насчёт того, как отвечать ему в подобных обстоятельствах. Если «несчастье», на которое он намекал, действительно случится с Армадэлем, я не имела надобности в уведомлении Мануэля. Стоило только поискать между столбцами английских газет, и я узнаю все, с той дополнительной выгодой, что газеты напишут правду. Я церемонно поблагодарила Мануэля и отказалась от его предложения.

«Нисколько не интересуюсь этим англичанином, — сказала я. — Я не желаю знать, что с ним случится».

Он смотрел на меня с минуту с пристальным вниманием и с таким участием, какого он ещё не показывал.

— «Какую игру ни играли бы вы, — возразил он, произнося слова медленно и значительно, — я не имею претензии узнавать, но я всё-таки осмелюсь предсказать: вы выиграете! Если мы встретимся когда-нибудь, вспомните, что я это сказал».

Он снял шляпу и с серьёзным видом поклонился мне.

«Ступайте своей дорогой, сударыня, а мне предоставьте идти моим путём».

С этими словами он избавил меня от неприятности видеть его. Я подождала с минуту одна, чтобы успокоиться на воздухе, а потом возвратилась домой.

Первый, кто попался мне на глаза, когда я вошла в гостиную, был Армадэль! Он ждал, когда я приду, чтоб просить употребить все моё влияние на его друга. Я задала вопрос о том, что это значило, и узнала, что Мидуинтер сказал именно то, что хотел сказать, когда говорил со мною. Он объявил, что не может кончить работу для газеты так быстро, как надеялся, и советовал Армадэлю найти экипаж для яхты, не ожидая никакой помощи с его стороны.

Мне только оставалось, когда я услышала это, исполнить обещание, данное мною Мидуинтеру, когда он давал мне распоряжения, как действовать в этом деле. Досада Армадэля, когда он увидел, что я решила не вмешиваться, выразилась в такой форме, которая была для меня оскорблением. Он отказался верить моим многочисленным уверениям, что я не имею никакого влияния на Мидуинтера, которое могла бы употребить в его пользу.

«Если бы я был женат на Нили, — сказал он, — она могла бы делать со мной всё, что хотела; и я уверен, что и вы, если захотите, можете делать всё, что захотите, с Мидуинтером».

Если бы ослеплённый дуралей хотел заглушить последнюю слабую борьбу угрызения и сострадания, которая ещё шевелилась в моём сердце, он не мог бы сказать ничего гибельнее этого! Я бросила на него взгляд, который заставил его замолчать. Он вышел из комнаты, бормоча про себя: «Хорошо говорить о снаряжении яхты. Я ни слова не говорю на здешнем тарабарском языке, а переводчик думает, что и рыбак, и матрос одно и то же. Пусть меня повесят, если я знаю, что мне делать теперь с яхтой!»

Он, вероятно, будет завтра знать. И если он придёт сюда по обыкновению, я также узнаю.

Октября 28, десять часов вечера. Мануэль завладел им. Он только что оставил нас, пробыв более часа и говоря всё время только о своём удивительном счастье в том, что получил именно ту помощь, какая была ему нужна, в то именно время, когда она всего нужнее для него.

В полдень Армадэль пошёл на пристань со своим переводчиком, напрасно стараясь заставить бродяжническое береговое народонаселение понять себя. Когда он отказался от этого в отчаяние,



незнакомец, стоявший неподалёку (я полагаю, Мануэль проследовал за ним на пристань из гостиницы), с улыбкой предложил поправить дело. Он сказал: «Я говорю на английском и на итальянском языках, сэр. Я знаю Неаполь хорошо и привык к морю — это моя профессия. Не могу ли я помочь вам?»

Последовал ожидаемый ответ. Армадэль навязал все свои затруднения вежливому незнакомцу по-своему, безрассудно и опрометчиво. Его новый друг, однако, настоял самым благородным образом соблюдения все обычные формальности, прежде чем согласится взять это дело в свои руки. Он попросил позволение явиться к мистеру Армадэлю с аттестатами о его репутации и способностях. В тот же самый день пришёл он в гостиницу со всеми своими бумагами и «с самой печальной историей» его страданий и лишений как «политического изгнанника», какую когда-либо слышал Армадэль. Это свидание решило все. Мануэль ушёл из гостиницы с поручением найти экипаж для яхты и занять место шкипера на пробном плавании.

Я с тревогой наблюдала за Мидуинтером, пока Армадэль рассказывал нам эти подробности, и потом, когда он вынул аттестаты нового шкипера, которые принёс с собой показать своему другу.

С минуту суеверные предчувствия Мидуинтера затихли, оттеснённые естественным беспокойством за судьбу друга. Он рассмотрел бумаги — после того как он сказал мне, что чем скорее Армадэль попадёт в руки посторонних, тем лучше, — с самым пристальным вниманием и с самым деловым недоверием.

Бесполезно говорить, что аттестаты были написаны правильно и удовлетворительны по содержанию. Когда Мидуинтер возвратил их, на щеках его вспыхнул румянец; он как будто почувствовал неискренность своего поведения и заметил в первый раз, что я рядом и также это примечаю.

«Против аттестатов ничего возразить нельзя, Аллэн. Я рад, что вы наконец получили помощь, которую хотели найти».

Вот всё, что он сказал при расставании. После того как Армадэль ушёл, я больше не видала Мидуинтера: он опять заперся на ночь в своей комнате.

Теперь меня мучает только одно беспокойство. Когда яхта будет готова выйти в море и когда я откажусь занять дамскую каюту, не

изменит ли Мидуинтер своего намерения и откажется ли ехать без меня?

\* \* \*

Октября 26. Уже начало будущего испытания. Письмо от Армадэля к Мидуинтеру, которое Мидуинтер сейчас принёс мне. Вот оно:

*«Любезный Мид, я так занят, что не могу прийти сегодня. Кончайте вашу работу, ради Бога! Новый шкипер человек деловой. Он уже пригласил англичанина, которого хорошо знает, в помощники шкипера и абсолютно уверен в том, что сможет собрать экипаж дня через четыре. Я умираю от желания подышать морским воздухом, и вы, видимо, также, или вы не моряк? Снасти подготовлены, запасы прибывают на яхту, и мы поставим паруса завтра или послезавтра. Я никогда в жизни не был так весел. Напомните обо мне вашей жене и скажите ей, что она сделает мне одолжение, если приедет тотчас и распорядится насчёт всего, что ей будет нужно в дамской каюте.*

*Преданный вам А.А.»*

Под этим текстом было подписано рукой Мидуинтера: «Вспомни, что я сказал тебе. Напиши! Таким образом отказ покажется ему не таким жестоким, и извинись перед ним, что не можешь ехать на яхте...»

Я написала, не теряя ни минуты. Чем скорее Мануэль узнает (а он непременно узнает это от Армадэля), что решение не ехать на яхте уже принято с моей стороны, тем безопаснее я буду чувствовать себя.

\* \* \*

Октября 27. Письмо от Армадэля в ответ на моё. Он выражает церемонные сожаления, что лишается моего общества в пробном плавании, и вежливо выражает надежду, что Мидуинтер убедит изменить моё решение. Подождёт немного и узнает, что и Мидуинер не поплывёт с ним!..

\* \* \*

Октября 30. Ничего нового до сегодняшнего дня. Сегодня же перемена в нашей жизни наконец совершилась.

Армадэль явился утром в самом шумно-весёлом расположении духа объявить, что яхта готова выйти в море, и спросить, когда Мидуинтер может перебраться на судно. Я сказала ему, чтобы он сам спросил об этом в комнате Мидуинтера. Он оставил меня с ещё одной просьбой передумать и поплыть с ним. Я принесла ещё одно извинение, объявила, что тверда в своём намерении, и села к окну в ожидании результата разговора в смежной комнате.

Вся моя будущность зависела от того, чем закончится разговор между Мидуинтером и его другом. Всё шло так гладко до сих пор. Единственная опасность состояла в том, чтобы Мидуинтер не изменил своего намерения, или, лучше сказать, своего фатализма в последнюю минуту. Если он позволит Армадэлю уговорить себя ехать с ним, разгневанный Мануэль не остановится ни перед чем, он припомнит, что я поручилась ему, что Армадэль поедет из Неаполя один, и он такой человек, что способен рассказать всю мою прошлую жизнь Мидуинтеру, прежде чем яхта выйдет из гавани. Когда я думала об этом и считала минуты, медленно следовавшие одна за другой, а до моего слуха не доходило ничего, кроме шума голосов в смежной комнате, ожидание развязки стало почти невыносимо. Напрасно я старалась приковать своё внимание к тому, что происходило на улице. Я машинально глядела из окна и не видела ничего.

Вдруг — не могу сказать, через сколько времени — шум голосов прекратился, дверь открылась, и Армадэль в одиночестве показался на пороге.

«Прощайте, — сказал он грубо. — Надеюсь, что, когда я женюсь, жена моя не причинит Мидуинтеру такого разочарования, какое жена

Мидуинтера причинила мне!»

Он бросил на меня сердитый взгляд, сердито поклонился и, круто повернувшись, вышел из комнаты.

Я опять видела людей на улице, я видела спокойное море и мачты кораблей в гавани, где стояла яхта. Я могла думать, я могла опять дышать свободно! Слова, спасшие меня от Мануэля, слова, бывшие смертным приговором Армадэля, были сказаны. Яхта должна была уйти без Мидуинтера и без меня!

Охватившее меня чувство восторга почти свело с ума, но это было чувство мгновенное. Сердце моё замерло, когда я подумала о Мидуинтере, который остался один в смежной комнате.

Я вышла в коридор, прислушалась и не услышала ничего. Я тихо постучалась в дверь и не получила ответа. Я отворила дверь и заглянула в комнату: он сидел у стола, закрыв лицо руками. Я молча посмотрела на него и увидела крупные слёзы, струившиеся по его щекам.

«Оставь меня, — сказал он, не отнимая рук от лица. — Я должен один это перенести».

Я вернулась в гостиную. Кто может понять женщин? Мы порой даже сами не понимаем себя. То, что он отослал из кабинета таким образом, поразило меня в самое сердце. Я не думаю, чтобы самая невинная и самая кроткая женщина почувствовала это сильнее меня. И это после того, что я сделала! Это после того, о чём я думала за минуту перед тем, как вошла в его комнату! Кто может это объяснить? Никто, а я менее всех!

Через полчаса дверь его кабинета отворилась, и я услышала, как он торопливо сошёл с лестницы. Я выбежала, не дав себе времени подумать, и спросила, не могу ли я пойти вместе с ним. Он не остановился и не отвечал. Я вернулась к окну и увидела, как он быстро шёл по улице в сторону, противоположную Неаполю и морю.

Теперь я понимаю, что он не слышал меня, в то время я нашла его поведение грубым, жестоким по отношению ко мне. Я надела шляпку и в припадке бешенства от этого поступка послала за коляской и велела кучеру везти меня, куда он хочет. Он отвёз меня, как отвозил всех других приезжих, в музей осматривать статуи и картины.

Я переходила из комнаты в комнату с горящим лицом; все с удивлением смотрели на меня. Я пришла наконец в себя, вернулась в

коляску и велела кучеру везти меня назад как можно скорее. Я сбросила мантию и шляпку и опять села к окну. Вид моря охладил меня. Я забыла о Мидуинтере и думала об Армадэле и о его яхте. Не было ни малейшего ветра, не было ни облачка на небе, широкие воды залива были так гладки, как зеркало.

Солнце закатилось, короткие сумерки наступили, и их сменила ночь. Я напилась чаю и сидела у стола, думая и мечтая. Когда я окончательно опомнилась и вернулась к окну, взошла луна, а море было спокойно по-прежнему.

Я ещё была у окна, когда на улице увидела Мидуинтера, возвращающегося назад. Я настолько успокоилась, что вспомнила его привычки, и угадала, что он пробовал снять тяжесть с души своей продолжительной прогулкой в одиночестве. Когда услышала, что он вернулся в свою комнату, то решила быть осторожной, чтобы не беспокоить его. Я решила ждать, когда он сам вздумает прийти ко мне.

Скоро услышала, как отворилось окно в его кабинете, и увидела, из своего окна, что он вышел на балкон и, посмотрев на море, поднял руки вверх. На этот раз он постоял, облокотясь на перила балкона и пристально смотря на море, которое поглощало все его внимание.

Долго-долго Мидуинтер не шевелился, потом вдруг увидела, как он вздрогнул, упал на колени, сложив руки, держась за перила балкона.

«Господь да помилует и сохранит тебя, Аллэн! — сказал он набожно. — Прощай навсегда!»

Я посмотрела на море. Дул тихий ветерок, и гладкая поверхность воды сверкала в лунном сиянии. Я опять взглянула на залив — и между мною и полосой лунного света медленно прошло длинное, чёрное судно с высокими, похожими на привидение парусами, скользя по воде бесшумно, как змея.

К ночи яхта Армадэля поплыла в пробный рейс.

## Глава III

### ДНЕВНИК ПРЕРЫВАЕТСЯ

Лондон, ноября 19. Я опять одна в большом городе, одна в первый раз после нашей свадьбы. Около недели тому назад я отправилась в путь на родину, оставив Мидуинтера в Турине.

Дни были так наполнены событиями с начала этого месяца, а я была так утомлена и душой и телом большую часть времени, что мой дневник оставался в забвении; только несколько отметок, написанных так торопливо и сбивчиво, что я сама едва понимаю их, напоминают мне о том, что случилось после того вечера, когда яхта Армадэля ушла из Неаполя. Я попробую, может быть удастся провести их в порядок без большой потери времени; я попробую, не смогу ли припомнить все обстоятельства по порядку, как они следовали одно за другим с начала месяца.

Третьего ноября, будучи ещё в Неаполе, Мидуинтер получил торопливое письмо от Армадэля из Мессины. «Погода, — писал он, — была прекрасная, и яхта сделала самый быстрый переход, какой только мог я предполагать. Экипаж с виду груб, но капитан Мануэль и его помощник англичанин (последний описан добрейшим существом) прекрасно управлялись с ним». После этого счастливого начала Армадэль, разумеется, продолжал плавание и по совету шкипера решил посетить некоторые гавани в Адриатике, которые, по описанию капитана, стоило осмотреть.

Далее следовал постскриптум, объяснявший, что Армадэль торопился писать, чтобы успеть к неаполитанскому пароходу, и что он снова распечатал письмо прибавить кое-что, забытое им. Накануне отплытия яхты он был у банкира, чтобы взять «несколько сотен золотом», и думает, что забыл там сигарочницу: это была его любимая вещь. Он просил Мидуинтера сделать ему одолжение — постараться найти её и сохранить до будущего свидания.

Вот суть письма.

Я старательно его обдумала, после того как Мидуинтер оставил меня одну после прочтения письма. Я думаю, что Мануэль не даром убедил Армадэля крейсировать в Адриатическом море, в котором

гораздо меньше встречается кораблей, чем в Средиземном. Выражения, в которых упоминалось о такой ничтожной потере, как сигарочница, также поразили меня — как предсказание того, что будет. Я заключила, что банковые билеты Армадэля были разменены на золото не по его собственной предусмотрительности и знанию дел. Я подозреваю, что влияние Мануэля было также использовано в этом случае, и опять не без причины. Должна сказать, что во время бессонной ночи эти соображения беспрестанно приходили мне в голову, и время от времени я склонялась к решению о необходимости для меня вернуться в Англию.

Как попасть туда, особенно без Мидуинтера, — я не могла придумать в ту ночь. Я старалась разрешить это затруднение и заснула, измученная к утру, не придумав ничего.

Несколько часов спустя, когда я уже была одета, пришёл Мидуинтер с известием, полученным с утренней почтой от лондонских журналистов. Издатели газет получили от редактора такой благоприятный отзыв о его корреспонденции из Неаполя, что решили предложить ему более ответственную должность с большим жалованьем в Турине. Редакторские инструкции были приложены к письму и его просили не теряя времени выехать из Неаполя к новому месту службы.

Услышав это, я успокоила его, прежде чем он успел задать вопрос, тревоживший его, согласна ли я на переезд. Турин имел в моих глазах большую привлекательность в том отношении, что он находится на дороге в Англию. Я уверила Мидуинтера тотчас, что готова ехать так скоро, как только возможно.

Он поблагодарил меня за готовность поддержать его планы с большей теплотой и ласковостью, чем я это видела в нём последнее время. Приятные известия от Армадэля, полученные накануне, по видимому, вывели его из состояния отчаяния, в которое он был погружён после отплытия яхты. А теперь сообщение о его профессиональном успехе, а более всего надежда покинуть роковое место, в котором третье видение сновидения сбылось, окончательно (как он признался сам) развеселило и облегчило его. Он спросил, прежде чем ушёл отдать распоряжения к нашему отъезду, ожидаю ли я известий от своих «родных» из Англии и распорядиться ли ему насчёт того, чтоб мои письма пересылались вместе с его письмами

poste restante<sup>[11]</sup> в Турин. Я тепло поблагодарила его и приняла предложение. В голове моей тотчас мелькнула мысль, как только он сделал своё предложение, что моими мнимыми «семейными обстоятельствами» снова можно воспользоваться как причиной для неожиданного отъезда из Италии в Англию.

Девятого числа мы поселились в Турине.

Тринадцатого Мидуинтер, будучи тогда очень занят, спросил, не хочу ли я избавить его от потери времени и сходить за письмами, которые, может быть, были пересланы нам из Неаполя. Я ожидала случая, который он теперь сам представил мне, и решилась ухватиться за него, не давая себе времени заколебаться. Нам не было писем poste restante. Но когда он задал мне этот вопрос после возвращения, я сказала ему, что для меня было письмо с неприятными известиями из «дома». Моя «мать» была опасно больна, и меня умоляли, не теряя времени, спешить в Англию, чтобы увидеться с нею.

Кажется совершенно непонятным теперь, когда я далеко от Мидуинтера, но тем не менее справедливо, что я не могла, даже теперь сказать ему заведомую ложь без трепета и стыда. Другие люди сочтут, да и я сама считаю это совершенно несообразным с таким характером, как мой. Несообразно или нет, а я это чувствовала. А что ещё удивительнее (может быть, мне следовало бы сказать безумнее), если бы он настаивал на своём первоначальном намерении проводить меня в Англию, скорее чем позволить ехать одной, я твёрдо верю, что повернулась бы спиной к искушению во второй раз и заставила бы себя возвратиться к старой мечте прожить жизнь счастливо и безбедно с любимым мужем.

Обманываю ли я себя в этом? Наверно, обманываю. Теперь важно только то, что случилось.

А кончилось тем, что Мидуинтер позволил мне убедить его, что я довольно опытна для того, чтобы заботиться о себе во время поездки в Англию, и что у него есть обязанности относительно журналистов, вверивших ему свои интересы, что нельзя поэтому оставлять Турин сразу после того, как он переехал туда. Мидуинтер не страдал, прощаясь со мною так, как страдал, когда видел в последний раз своего друга. Я это видела и как следует оценила беспокойство, выраженное им насчёт того, чтоб я писала ему. Наконец я совершенно преодолела свою слабость к Мидуинтеру. Ни один мужчина, истинно



любивший меня, не поставил бы своих обязанностей по службе выше своих обязанностей к жене. Я ненавижу его за то, что он позволил мне убедить его! Мне кажется, он был рад избавиться от меня. Мне кажется, он увидел в Турине какую-нибудь женщину, которая понравилась ему. Ну, пусть тогда следует своей новой фантазии, если хочет! Я скоро буду вдовой мистера Армадэля Торп-Эмбросского, и какое мне будет тогда дело до того, кого он любит или не любит?

О происшествиях в дороге не стоит упоминать, и мой приезд в Лондон уже записан на верху новой страницы.

Сегодня же единственное, хоть сколько-нибудь важное дело, сделанное мною после того, как я приехала в дешёвую и спокойную гостиницу, в которой и нахожусь теперь, было поговорить с хозяином и попросить его помочь мне отыскать старые номера «Таймса». Он вежливо предложил проводить меня завтра утром в какое-то место в Сити, где хранят все газеты строго по номерам. До завтра я должна сдержаться, как только могу, моё нетерпение узнать об Армадэле. Итак, я прощаюсь со своим прелестным отражением, которое появлялось на этих страницах.

\* \* \*

Ноября 20. Ещё нет никаких известий в газетах. Я внимательно пересмотрела каждый номер с того дня, когда письмо Армадэля было написано из Мессины, до 20 числа, и знаю наверно, что если и случилось что-нибудь, то в Англии ещё это неизвестно. Терпение! Газеты будут доставляться ко мне каждое утро, и теперь каждый день может принести то, что я более всего желаю видеть.

\* \* \*

Ноября 21. Опять нет известий. Я сегодня написала Мидуинтеру, чтобы соблюсти приличие.

Когда письмо было написано, я впала в сильное уныние — сама не знаю почему — и почувствовала такое сильное желание увидеть кого-нибудь, что с отчаяния, не зная других мест, куда можно было

пойти, я отправилась в Пимлико, надеясь, что, может быть, миссис Ольдершо вернулась в свою прежнюю квартиру.

В Пимлико после того, как я там была, произошли перемены. Та часть дома, которую занимал доктор Доуноард, была ещё пуста, но лавку обжили весёлые модистки и портнихи. Эти люди, когда я вошла в лавку, были мне незнакомы. Они, однако, без всяких вопросов дали мне адрес миссис Ольдершо, когда я спросила его, из чего я заключила, что маленькое «затруднение», принудившее её скрываться в прошлом августе, закончилось для неё благополучно. А что касается доктора, в лавке не знали или не хотели мне сказать, что случилось с ним.

Не знаю, вид ли Пимлико заставил меня сделать глупость или это от злости, право не знаю, но, когда я достала адрес миссис Ольдершо, я почувствовала, что она единственная особа на свете, которую я хотела видеть. Я взяла кэб и велела кучеру ехать на ту улицу, где она живёт, а потом решила вернуться в гостиницу. Я сама не знаю, что со мною, разве только я становлюсь нетерпеливее с каждым часом, ожидая сведений об Армадэле. Будет ли будущность менее мрачна, желала бы я знать. Завтра суббота. Поднимет ли покрывало неизвестности завтрашняя газета?

\* \* \*

Ноября 22. Субботняя газета подняла покрывало неизвестности. Все слова напрасны, чтоб выразить страшное удивление, в котором я нахожусь, никак этого не ожидала. Я не могу поверить или понять теперь, что случилось. Ветры и волны сделались моими сообщниками! Яхта пошла ко дну, и все до одного члены экипажа погибли!

Вот описание, вырезанное из газеты:

«Несчастье на море. Известия, дошедшие до Королевской Яхтенной Эскадры и до страхователей, не оставляют ни малейшего сомнения, что мы с сожалением должны сообщить о трагической гибели пятого числа этого месяца яхты „Доротея“ и всех находившихся на борту членов экипажа. Подробности следующие. На рассвете шестого числа итальянский бриг „Надежда“, следовавший из

Венеции в Марсалу, встретил у мыса Спортивенто (на самой южной оконечности Италии) плавающие предметы, которые привлекли любопытство людей на бригае. Накануне здесь свирепствовала сильная и неожиданно налетевшая буря, свойственная этим южным морям, но такая сильная, какой не помнят много лет. „Надежда“ тоже была в опасности, когда разразилась эта буря, и капитан и экипаж заключили, что перед ними следы кораблекрушения; спустили лодку рассмотреть предметы, плавающие на воде. Курятник, сломанные доски были первыми признаками случившегося несчастья; потом нашли лёгкую мебель из каюты, исковерканную и сломанную. И, наконец, самая интересная вещь — спасательная бочка, к которой была привязана закупоренная бутылка. Эти последние вещи с остатками каютной мебели были подняты на „Надежду“. На спасательной бочке стояло название судна: „Доротея“. К.Я.Э. (Королевской Яхтенной Эскадры). Когда раскупорили бутылку, в ней нашли лист бумаги, на котором были торопливо набросаны карандашом следующие строки: „У мыса Спортивенто, через два дня по выходе из Мессины. Ноября 5, ч.п..п. (это был час, когда лаг-бук итальянского брига показывал самую сильную бурю) обе наши лодки унесены морем. Руль сломался, и на корме открылась течь — этого мы уже не можем выдержать. Помогите нам, Боже! Мы тонем. Подписано: Джон Миченден, помощник шкипера“. Дойдя до Марсалы, капитан брига подал рапорт британскому консулу и оставил найденные предметы у него. Розыски в Мессине показали, что, несчастное судно прибыло туда из Неаполя. В этой последней гавани узнали, что „Доротея“ была нанята у агента владельца англичанином мистером Армадэлем из Торп-Эмброза в Норфольке. Были ли с мистером Армадэлем на яхте друзья — не выяснено, но, к несчастью, нет сомнений, что сам несчастный джентльмен вышел на яхте из Неаполя и что он также находился на этом судне, когда оно отправилось из Мессины».

Такова история кораблекрушения, как описали его газеты ясно и кратко. Голова моя кружится, волнение моё так велико, что я думаю одновременно о пятидесяти разных вещах, стараясь думать об одной. Я должна ждать — один день ничего не значит, — я должна ждать, пока буду в состоянии взглянуть на моё новое положение, не будучи ошеломлена случившимся.

\* \* \*

Ноября 23. Восемь часов утра. Я встала час тому назад и представила ясно, как мне следует поступить чтобы сделать первый шаг, который необходим в сложившихся обстоятельствах.

Для меня чрезвычайно важно узнать, что делается в Торп-Эмброзе, и было бы в крайней степени опрометчиво, пока я ещё ничего не знаю об этом, осмелиться показаться туда. Остаётся только написать туда кому-нибудь, и единственный человек, которому я могу написать, — Бэшуд.

Я только что кончила письмо. Оно озаглавлено: «секретно» и подписано: «Лидия Армадэль». В нём нет ничего, что могло бы скомпрометировать меня, если старый дурак смертельно оскорблён моим обращением с ним и со злости покажет письмо другим. Но я не думаю, чтобы он это сделал. Человек в его лета прощает женщине все, если только женщина подаст ему надежду. Я прошу его как о личном одолжении сохранить нашу переписку в тайне. Я намекнула, что моя жизнь с моим покойным мужем была не очень счастлива и что я почувствовала, как неблагоприятно поступила, выйдя за молодого человека. В постскриптуме я захожу ещё дальше и смело пишу ему утешительные слова: «Я могу объяснить, любезный мистер Бэшуд, что могло показаться ложно и обманчиво в моём поведении с вами, когда вы представите мне случай лично увидеться с вами».

Если бы ему было только шестьдесят лет, я сомневалась бы в результате, но ему за шестьдесят, и я думаю, что он представит мне случай лично с ним увидеться.

\* \* \*

Десять часов. Я рассматривала копию с моего брачного свидетельства, которую я позаботилась снять в день свадьбы, и заметила, к своему невыразимому смущению, препятствие к появлению в роли вдовы Армадэля, которое теперь увидела в первый раз.

Описание Мидуинтера (под его именем), как показывает это свидетельство, совпадает, во всех возможных подробностях с приметами Армадэля Торп-Эмбросского, если бы я вышла за него. Имя и фамилия: «Аллэн Армадэль». Двадцать один год вместо двадцати двух, что можно легко принять за ошибку. Состояние — холостой. Звание — джентльмен. Местопребывание во время брака — гостиница Френта, на улице Дарли. Имя и фамилия отца: Аллэн Армадэль. Звание отца: джентльмен. Каждая подробность (кроме разницы в годах) относится как к одному, так и к другому. Но положим, когда я покажу копию с брачного свидетельства, какой-нибудь дотошный стряпчий захочет взглянуть на подлинник. Почерк Мидуинтера совершенно не похож на почерк его покойного друга. Роспись, которую он сделал в книге, не совпадает с подписью, которой Армадэль Торп-Эмбросский привык подписывать своё имя.

Могу ли я безопасно действовать в этом деле перед такой пропастью, какую я вижу под своими ногами? Что могу я сказать? Где я могу найти опытного человека, чтобы посоветоваться с ним? Я должна закрыть свой дневник и подумать.

\* \* \*

Семь часов. Мои планы опять изменились после последней записи. Я получила предостережение быть осторожнее впредь, которым я не пренебрегу, и, кажется, сумела получить совет и помощь, которые мне нужны.

Напрасно придумывая, к кому обратиться в затруднении, стесняющем меня, я сделала из необходимости добродетель и отправилась сделать миссис Ольдершо сюрприз визитом её возлюбленной Лидии! Видимо, бесполезно прибавлять, что я решила осторожно расспросить её и не проговориться о своих нынешних секретах.

Кислая и чопорная старая служанка впустила меня в дом. Когда я спросила её госпожу, мне напомнили с самой ядовитой многозначительностью, что я совершила неприличный поступок, приехав в воскресенье. Миссис Ольдершо была дома только потому, что нездоровье не позволило ей быть в церкви. Служанка считала, что

она навряд ли примет меня. Я, напротив, думала, что она непременно удостоит меня свиданием ради своих выгод, если я скажу моё имя: мисс Гуилт. И оказалось, что я была права. Меня заставили подождать несколько минут, а потом ввели в гостиную.

Там сидела матушка Иезавель с видом женщины, находящейся на пути к небу, в платье стального цвета, с серыми митенками на руках, в строгом простом чепчике на голове и с книгой проповедей на коленях. Она набожно закатила под лоб глаза при виде меня, и первые слова, сказанные ею, были: «О, Лидия! Лидия! Почему вы не в церкви?»

Если бы я была не так озабочена, внезапное представление миссис Ольдершо в совершенно новой роли могло бы позабавить меня, но я не была расположена смеяться и (так как все мои расписки были оплачены) не была обязана воздерживаться в выражениях.

«Вздор и пустяки! — сказала я. — Спрячьте в карман ваше воскресное лицо. У меня есть для вас новости с тех пор, как я вам писала из Торп-Эмброза».

Только что я упомянула о Торп-Эмброзе, глаза старой лицемерки снова закатились, и она наотрез отказалась услышать хоть слово о моих поступках в Норфольке. Я настаивала, но совершенно бесполезно. Миссис Ольдершо только качала головой, стонала и сообщила мне, что её отношения к суетам мира сего изменились навсегда.

«Я родилась заново, Лидия, — сказала бесстыдная старуха, вытирая глаза. — Ничто не заставит меня возвращаться к этой вашей нечестивой спекуляции насчёт сумасбродства богатого молодого человека».

Услышав это, я тотчас бы оставила её, если бы одно соображение не удержало меня ещё на минуту.

Легко было увидеть, что обстоятельства, принудившие миссис Ольдершо скрываться во время моего первого приезда в Лондон, были достаточно серьёзны, чтоб принудить её бросить — или по крайней мере сделать вид — её прежние занятия. И едва ли было менее ясно, что она нашла выгодным — все в Англии находят это выгодным — прикрыть внешнюю сторону своей репутации гладким лоском лицемерия. Это, однако, было моё дело, и я поразмышляла бы об этом потом, а не у неё дома, если бы мои интересы не требовали испытать искренность преобразования миссис Ольдершо.

В то время, когда она снаряжала меня для нашего предприятия, я помню, что подписала документ, дававший ей прекрасные денежные выгоды, если я стану миссис Армадэль Торп-Эмброской. Возможность воспользоваться этой интересной бумагой в качестве пробного камня была так заманчива, что устоять против неё не было возможности. Я попросила моего набожного друга позволения сказать одно последнее слово, прежде чем я оставлю её дом.

«Так как вы не интересуетесь более моей нечестивой спекуляцией в Торп-Эмбросе, — сказала я, — может быть, вы возвратите мне бумагу, подписанную мною, когда вы не были такой примерной особой, как теперь?»

Бесстыдная старуха лицемерка тотчас зажмурила глаза и задрожала.

«Что это значит: да или нет?» — спросила я.

«По нравственным и религиозным причинам, Лидия, это значит нет», — отвечала миссис Ольдершо.

«По нечестивым и мирским причинам, — возразила я, — прошу позволения поблагодарить вас за то, что вы показали мне ваши когти».

Теперь действительно не могло быть сомнения насчёт цели, которую она имела в виду. Она не хотела больше рисковать и давать мне займы денег, она предоставляла мне возможность выиграть или проиграть одной. Если я проиграю — она не будет скомпрометирована; если я выиграю — она предъявит бумагу, подписанную мною, и воспользуется ею без угрызений совести. В моём теперешнем положении оставаться — значит понапрасну терять время и слова на бесполезные возражения. Я взяла на заметку это предостережение, чтобы учесть в будущем, и встала, намереваясь уйти.

В ту минуту, когда я поднялась со стула, раздался сильный стук в парадную дверь. Миссис Ольдершо, очевидно, узнала, кто это. Она торопливо встала и позвонила в колокольчик.

«Я нездорова и не могу никого видеть, — сказала она, когда вошла служанка. — Подождите несколько минут», — прибавила миссис Ольдершо, резко повернувшись ко мне, когда женщина пошла отворять дверь.

С моей стороны это была маленькая, очень маленькая месть — я знаю, но против удовольствия поступить наперекор матушке

Иезавели, даже в безделице, нельзя было устоять.

«Я не могу ждать, — ответила я. — Вы только что напомнили, что мне следует быть в церкви».

Прежде чем она успела что-нибудь сказать, я вышла из комнаты.

Когда я стала ногой на первую ступеньку лестницы, парадная дверь отворилась, и мужской голос спросил, дома ли миссис Ольдершо.

Я тотчас узнала голос: доктор Доуноард!

Доктор повторил служанке свой вопрос тоном, в котором чувствовалось раздражение, что его не пускали дальше двери.

«Ваша госпожа нездорова и не может принимать гостей? Передайте ей эту карточку, — сказал доктор. — И скажите ей, что я надеюсь, когда я приду в следующий раз, она будет настолько здорова, чтобы принять меня».

Если бы его голос не сказал мне ясно, что он не чувствует дружеского расположения к миссис Ольдершо, я, наверно, отпустила бы доктора Доуноарда, не пытаясь напомнить о нашем знакомстве. Но теперь я испытывала желание поговорить с ним или с кем бы то ни было, кто сердился на матушку Иезавель. Я полагаю, что это было вызвано моей злостью на неё. Как бы то ни было, я сошла со ступенек и, тихо следуя за доктором, нагнала его на улице.

Я узнала его голос, узнала и его спину, когда шла позади него. Но когда я назвала его по имени и когда он, вздрогнув, обернулся и оказался со мной лицом к лицу, я последовала его примеру и также вздрогнула от неожиданности со своей стороны. Лицо доктора превратилось в лицо совершенно незнакомого мне человека, его лысина скрылась под искусно прилаженным седоватым париком. Он отпустил бакенбарды и выкрасил их под цвет своих новых волос. Отвратительные круглые очки торчали на его носу вместо красивого лорнета, который он обычно держал в руке, и чёрный галстук с огромным воротничком являлся недостойным приемником клерикального белого галстука прежних времён. От человека, которого я когда-то знала, ничего не осталось, кроме полной фигуры, вкрадчивой вежливости и приятности в обращении и в голосе.

«Очень рад видеть вас снова, — сказал доктор, тревожно осматриваясь вокруг и поспешно вынимая свою визитную карточку. — Но, любезная мисс Гуильт, позвольте мне поправить



небольшую ошибку, допущенную с вашей стороны. Доктор Доуноард из Пимлико умер и похоронен, и вы чрезвычайно меня обяжете, если никогда, ни в каком случае не упомяните о нём опять».

Я взяла визитную карточку, которую он подал мне, и увидела, что я теперь говорю с доктором Ле-Ду, живущим в лечебнице в Фэрруэтер-Вэле, в Гэмпстиде!

«Вы, кажется, нашли необходимым, — сказала я, — изменить многое с тех пор, как я видела вас в последний раз? Ваше имя, ваше местопребывание, вашу наружность...»

«И мою практику, — перебил доктор. — Я купил у человека безынициативного и малоизвестного диплом и лечебницу для приёма нервных больных. Мы уже принимаем нескольких привилегированных друзей. Придите и навестите нас. Вы идёте в мою сторону? Не угодно ли вам взять меня под руку и рассказать мне, какой счастливой случайности я обязан удовольствием видеть вас снова».

Я рассказала ему о своих делах именно так, как они складывались, и прибавила (желая узнать о его отношениях с прежней союзницей в Пимлико), что очень удивилась, услышав, что миссис Ольдершо не приняла такого старого друга, как он. Как доктор ни был осторожен, его поведение, когда он услышал моё замечание, тотчас убедило, что мои подозрения о его несогласии с миссис Ольдершо имели основания. Улыбка с лица исчезла, и он с раздражением поправил на носу свои отвратительные очки.

«Простите меня, если я предоставляю вам самой сделать свои выводы, — сказал он. — Я с сожалением должен сказать, что разговор о миссис Ольдершо очень для меня неприятен при теперешних обстоятельствах. Одно деловое затруднение, относящееся к нашему товариществу в Пимлико, совершенно неинтересно для такой молодой и красивой женщины, как вы. Расскажите мне ваши новости. Вы оставили место в Торп-Эмброзе? Вы живёте в Лондоне? Не могу ли я, как врач по моей профессии или по другим вопросам, сделать что-нибудь для вас?»

Этот последний вопрос был для меня гораздо важнее, чем он предполагал. Прежде чем я ответила на него, я почувствовала необходимость расстаться с доктором и подумать.

«Вы были так добры, доктор, что пригласили меня нанести вам визит, — сказала я. — В вашем спокойном доме, в Гэмпстиде, я, может быть, найду что-нибудь рассказать вам, что я не могу сделать на этой шумной улице. Когда вы бываете дома в вашей лечебнице? Найду я вас там сегодня немного попозже?»

Доктор уверил меня, что он возвращается туда, и просил назначить час. Я сказала: «к полудню» и, сославшись на необходимость быть в другом месте, села в первый омнибус, проезжавший мимо.

«Не забудьте адреса», — сказал доктор, сажая меня.

«У меня есть ваша карточка», — ответила я.

Так мы расстались. Я вернулась в гостиницу, прошла в свою комнату и очень беспокойно обдумала все.

Серьёзное препятствие в виде Подписи на брачном свидетельстве все ещё стояло на моей дороге также непреодолимо, как и прежде. Всякая надежда получить помощь от миссис Ольдершо пропала. Я могла смотреть на неё теперь только как на врага, скрытого во мраке, — врага, в этом я не могла более сомневаться, который следил за мною и подстерегал меня, когда я была в Лондоне в последний раз. К какому другому специалисту могла я обратиться за советом, который моё несчастное незнание законов и порядка ведения дел принуждало меня искать у человека более опытного, чем я? Могла ли я обратиться к стряпчему, с которым консультировалась, когда хотела венчаться с Мидуинтером под своим девическим именем? Возможно! Не говоря уже ничего о холодном приёме, который я встретила в последний раз, совет, который мне был нужен сейчас, относился (как бы ни скрывала я факты) к обману — обману такого рода, которому не согласится помогать никакой порядочный стряпчий, если он дорожит своей репутацией. Не было ли какого-нибудь другого такого же сведущего человека, известного мне? Был один, только один — доктор, умерший в Пимлико и опять оживший в Гэмпстиде.

Я знаю, что это человек совершенно бессовестный, что он имеет опытность в делах, которая мне нужна; и такой хитрый, такой искусный и такой дальновидный человек, какого только можно найти в Лондоне. Кроме этого, я сделала два важных открытия, относившихся к нему в это утро. Во-первых, он находился в дурных отношениях с миссис Ольдершо, что защитило бы меня от всякой

опасности, чтобы они оба не соединились против меня, когда я доверюсь ему; во-вторых, обстоятельства все ещё принуждали его старательно скрывать свою личность, что позволяло мне иметь на него влияние ни в коем случае не меньше того, которое он сможет иметь надо мною. Во всех отношениях он был именно такой человек, какой был нужен для реализации своей цели, а я всё не решалась идти к нему, не решалась больше часа, сама не зная почему.

Было уже два часа, когда я окончательно решилась нанести визит доктору. После этого я провела в номере ещё час, определяя с величайшей осторожностью тот предел, до которого я окажу ему доверие. Наконец послала за кэбом и отправилась к трём часам пополудни в Гэмпстид.

Я с некоторым затруднением нашла лечебницу.

Фэруэтер-Вэль находился к югу от Гэмпстида и только недавно начал заселяться. День был пасмурный, и окрестности показались мне очень унылыми. Мы подъезжали к посёлку по новой дороге, извивавшейся между деревьями, которая когда-то была аллеей парка какого-нибудь загородного дома. В конце этой дороги мы выехали на пустынную, открытую местность, с недостроенными виллами, разбросанными по ней, и с множеством свалок из досок, тачек и строительных материалов всякого рода, видневшихся по всем направлениям. В одном углу этой унылой местности стоял большой, не радовавший глаз дом, окружённый только что разбиваемым садом. Там не было ещё ни куста, ни цветка, в общем, не на что было посмотреть. На открытой железной калитке, которая вела за садовую ограду, была прикреплена медная доска с написанными на ней огромными чёрными буквами словом «Лечебница». Колокольчик, когда извозчик позвонил, откликнулся в пустом доме каким-то погребальным звоном, а бледный, с дряблым лицом старый слуга в чёрном платье, отворивший дверь, имел вид только что вышедшего из могилы, чтобы исполнить эту обязанность. Из дома дохнуло на меня запахом сырой извёстки и свежего лака, а за мною ворвался в комнаты сквозной порыв сырого ноябрьского ветра. Я не заметила этого в то время, но, набрасывая эти строки, теперь вспомнила, что дрожала, когда переходила через порог.

Я назвала своё имя слуге: миссис Армадэль, и меня провели в приёмную. Даже огонь потухал от сырости в камине. Единственные

книги в тёмных коричневых переплётках, лежавшие на столе, были сочинениями доктора, а единственный предмет, украшавший стены, — диплом (в красивой рамке и под стеклом), который доктор купил вместе с иностранным именем.

Минуты через две хозяин лечебницы вошёл и с весёлым удивлением поднял кверху руки при виде меня.

«Я не имел ни малейшего понятия, кто такая миссис Армадэль, — сказал он. — И вы также переменили ваше имя? Как же хитро поступили вы, не сказав мне об этом, когда мы встретились сегодня утром! Пожалуйте в мой уголок, я не могу держать такого старого и дорогого друга, как вы, в приёмной пациентов».

Уголок доктора находился с задней стороны дома, выходящей на поля, и деревья, предназначенные к срубке, но ещё не срубленные строителями. Отвратительные медные, кожаные и стеклянные приборы и пробирки, искривлённые, как будто это были одушевлённые предметы, изгибавшиеся в болезненной агонии, заполняли одну часть комнаты. Большой книжный шкаф со стеклянными дверцами занимал всю противоположную стену, и я увидела на его полках длинные ряды стеклянных банок, в которых плавали в жёлтой жидкости какие-то неопределённого вида мёртвые существа серовато-белого цвета. Над камином в двух больших рамах, висевших рядом с большим пространством между ними, была размещена коллекция фотографических портретов мужчин и женщин. В раме с левой стороны помещались изображения нервных страданий, рама с правой стороны демонстрировала последствия сумасшествия, а пространство между ними было занято красиво раскрашенной бумагой, на которой был написан девиз: «Предупредить болезнь лучше, чем лечиться».

«Вот я здесь с моим гальваническим аппаратом, с моими сбережёнными образцами и со всеми другими медицинскими принадлежностями, — сказал доктор, поставив для меня кресло у камина. — А вот моя система лечения безмолвно обращается с плаката над вашей головой в виде изложения её сути, которое я осмеливаюсь представить с полным откровением. Это не дом сумасшедших, любезная миссис Армадэль. Пусть другие лечат сумасшествие, если хотят, — я останавливаю его. До сих пор у меня в доме ещё нет больных. Но мы живём в таком веке, когда нервное

расстройство (сродни помешательству) постоянно увеличивается, и со временем больные будут. Я могу ждать, как Гэрви ждал, как Дженнер ждал. А теперь положите вашу ногу на каминную решётку и расскажите мне о себе. Вы, разумеется, замужем? И какое хорошенькое имя! Примите мои сердечные поздравления; вы имеете два величайших счастья, какие только могут достаться женщине: мужа и дом...»

Я прервала поток искренних поздравлений доктора при первой возможности: «Я замужем, но мои семейные обстоятельства вовсе не столь радостны, — сказала я серьёзно. — Моё настоящее положение не несёт того счастья, которое, как обыкновенно предполагают, достаётся на долю женщины. Я уже нахожусь в положении весьма опасном».

Доктор придвинул свой стул ближе ко мне и тотчас перешёл на своё прежнее докторское обращение и свой прежний откровенный тон.

«Если вы желаете посоветоваться со мною, — сказал он тихо, — вы знаете, что я в своё время хранил много опасных тайн, вы знаете также, что я имею два драгоценных качества для советника. Я не очень щекотлив, и на меня можно положиться безусловно».

Я колебалась даже теперь, сидя с ним одна в его комнате. Для меня было бы так странно довериться кому бы то ни было, кроме меня самой! А между тем, как мне было не довериться другому в таком затруднении, которое касалось юридического вопроса?

«Это как вам угодно, — прибавил доктор. — Я никогда не вызываю доверия, я только принимаю его».

Нечего было делать — приехала я сюда не колебаться, а говорить. Я рискнула и заговорила:

«Дело, о котором я желаю посоветоваться с вами, не относится к вашей докторской опытности, как вы, кажется, Думаете. Но я думаю, что вы можете помочь мне, если я доверюсь вашему большому опыту человека светского. Предупреждаю вас заранее, что я непременно удивлю, а может быть, и испугаю вас».

С этим предисловием я начала мою историю и рассказала ему то, что решила ему рассказать, не более.

С самого начала я не скрала моего намерения выдать себя за вдову Армадэля и упомянула без всякой опаски (зная, что доктор

может отправиться в контору и сам посмотреть завещание) большой доход, который достанется мне в случае успеха. Некоторые из обстоятельств я сочла нужным изменить или скрыть. Я показала ему известие, напечатанное в газете о гибели яхты, но не сказала ему ничего о неаполитанских происшествиях. Я сообщила ему о точном сходстве двух имён, предоставив ему вообразить, что это сходство случайное. Я сказала ему, как важен пункт в этом деле, что мой муж скрыл своё настоящее имя в глубокой тайне от всех, кроме меня; но для того, чтобы предотвратить общение между ними, я старательно скрыла от доктора, под каким именем Мидуинтер жил всю жизнь. Я призналась, что оставила своего мужа на континенте, но когда доктор задал этот вопрос, я предоставила ему самому заключить — при всей моей решимости я не могла сказать ему этого положительно, — что Мидуинтер знал о замышляемом обмане и что он нарочно остался за границей, чтобы не компрометировать меня своим присутствием. Обойдя это затруднение — или, как я теперь чувствую совершив эту низость, — я вернулась к самой себе и к истине. Я упомянула обо всех обстоятельствах, относившихся к моему браку, о поступках Армадэля и Мидуинтера, поступках, делавших открытие обмана (с помощью показаний других людей) совершенно невозможным.

«Я рассказала вам обо всём, — заявила я в заключение, — что касается цели, которой хочу добиться. Теперь мне остаётся сообщить вам прямо о весьма серьёзном препятствии, стоящем на моём пути».

Доктор, который слушал до сих пор, не прерывая меня, попросил позволения сказать несколько слов, прежде чем я стану продолжать.

Эти «несколько слов» оказались вопросами — умными, дотошными, недоверчивыми вопросами, — на которые, однако, я оказалась способной отвечать с небольшой скрытностью и даже вовсе без скрытности, потому что они относились почти во всём к обстоятельствам, при которых я выходила замуж, и к моему законному мужу, если он вздумает со временем предъявить свои права на меня.

Мои ответы открыли доктору, во-первых, что я так устроила дела в Торп-Эмброзе, что произвела общее впечатление, будто Армадэль намерен на мне жениться; во-вторых, что прежняя жизнь моего мужа не может произвести на него благоприятного впечатления в глазах света; в-третьих, что мы были обвенчаны, не имея свидетелей, в большой приходской церкви, в которой в это же утро были обвенчаны

две другие четы, не говоря уже о дюжине других пар, перепутавших всякие воспоминания о нас в голове церковнослужителей, которые венчались после того. Когда я сообщила доктору эти факты и когда он затем удостоверился, что я и Мидуинтер уехали за границу тотчас по выходе из церкви и что матросы, служившие на той яхте, на которой Армадэль уехал из Сомерсетшира (до моего брака), теперь плавают на других кораблях и в разных концах света, — доверие к моим планам ясно выразилось на его лице.

«Насколько я могу предположить, — сказал он, — права вашего мужа на вас (после того, как вы займёте место вдовы умершего мистера Армадэля) не будут основаны ни на чём, кроме его простых уверений, и их, я думаю, вы сможете безопасно опровергнуть. Извините моё естественное недоверие к этому джентльмену, но между ним и вами может произойти в будущем недоразумение, и чрезвычайно желательно удостовериться заранее именно в том, что он может или не может сделать при подобных обстоятельствах. Теперь, когда мы покончили с главным препятствием, которое я вижу на пути вашего успеха, перейдём к тому препятствию, которое вам кажется не менее важным».

Я сама хотела перейти к этому препятствию. Тон, которым доктор говорил о Мидуинтере, хотя я сама была причиной того, страшно мне досаждал и пробудил на минуту старое сумасбродное чувство, которое, как мне казалось, я усыпила навсегда. Я воспользовалась возможностью переменить предмет разговора, упомянула о разнице подписи в церковных книгах между рукой, которою Мидуинтер подписал имя Аллэн Армадэль, и рукой, которой Армадэль Торп-Эмбросский привык подписывать своё имя, с такой поспешностью, которая, по-видимому, показалась доктору смешной.

«Это все? — спросил он, к моему чрезвычайно удивлению и облегчению. — Милая миссис Армадэль, пожалуйста, успокойтесь! Если стряпчие умершего Армадэля захотят видеть доказательства вашего брака, они не обратятся к церковным книгам для этого — могу вас уверить».

«Как! — воскликнула я с удивлением. — Вы хотите сказать, что запись в церковных книгах не служит доказательством моего брака?»

«Это служит доказательством, — сказал доктор, — что вы были обвенчаны с кем-то, но это не служит доказательством, что вы были

обвенчаны с мистером Армадзлем Торп-Эмбросским. Джэк Нокиз или Том Стайлз — извините, за пошлость примера — могли получить позволение обвенчаться без оглашения и отправиться в церковь, чтобы обвенчаться с вами под именем мистера Армадэля, и церковная книга (как это могло быть иначе?) должна была в таком случае невинно помогать обману. Я вижу, что удивляю вас. Когда вы начали рассказывать это интересное дело, то удивили меня — теперь я могу в этом признаться, — уделив так много внимания любопытному сходству между двумя именами. Вы могли приступить к смелому и романтическому предприятию, в которое вы теперь вступили, не имея никакой необходимости выходить замуж за вашего настоящего супруга. Всякий другой человек пригодился бы точно так же, только если бы он согласился назваться мистером Армадэлем».

Я рассердилась на это.

«Всякий другой человек не годился бы точно так же, — немедленно возразила я. — Если бы не сходство имён, я и не подумала бы вовсе об этом предприятии».

Доктор согласился слишком поспешно.

«Я сознаюсь, что этот личный взгляд на предмет ускользнул от меня, — сказал он. — Однако вернёмся к делу. В продолжение того, что я могу назвать исполненной приключений медицинской жизни, мне случалось не раз вступать в общение с юристами и пользоваться случаем замечать их действия в делах — назовём их домашней юриспруденцией. Я совершенно уверен, что не ошибаюсь, сообщая вам, что доказательства, которые потребуют представители мистера Армадэля, будут показаниями свидетеля, присутствовавшего при венчании, который сможет поручиться за личность жениха и невесты по своему личному знакомству с ними».

«Но я уже говорила вам, — ответила я, — что там не было никакого свидетеля».

«Именно, — возразил доктор. — В таком случае вам нужен, прежде чем вы сделаете шаг в этом деле, извините за выражение, готовый свидетель, обладающий высокими нравственными и личными качествами, на которого можно было бы положиться в том отношении, что он возьмёт на себя нужную роль и даст перед судьёй необходимые показания. Вы знаете такого человека? — спросил



доктор, откидываясь на спинку кресла и смотря на меня с невинным выражением».

«Я знаю только вас», — сказала я.

Доктор тихо засмеялся.

«Как это похоже на женщину! — заметил он с самой весёлой досадой. — Как только она видит свою цель, она стремится к ней очертя голову самым ближайшим путём. О женщины! Женщины!»

«Оставьте в покое женщин, — торопливо перебила я. — Мне нужен конкретный серьёзный ответ: да или нет».

Доктор встал и обвёл рукой вокруг себя с чрезвычайной важностью и достоинством.

«Вы видите это обширное заведение, — начал он. — Вы можете по возможности определить, до какой степени мне дороги его благоденствие и успех. Ваш превосходный природный ум должен подсказать вам, что владелец этой лечебницы должен быть человеком самой незапятнанной репутации...»

«Зачем тратить так много слов, — снова перебила я, — когда достаточно одного слова? Вы хотите сказать „нет!“

Владелец лечебницы вдруг перешёл к роли моего доверенного друга.

«В эту минуту ни да, ни нет, — сказал он. — Дайте мне время до завтрашнего полудня. К тому времени я обязуюсь быть готов к одному из двух: или совсем отказаться от этого дела, или приняться за него всем сердцем и всей душой. Вы согласны на это? Очень хорошо, очень хорошо! Мы можем оставить этот разговор до завтра. Куда я могу заехать к вам, когда решу, что мне делать?»

Я не видела никакого препятствия оставить ему свой адрес в гостинице. Я позаботилась явиться туда как миссис Армадэль, а Мидуинтеру дала адрес ближайшей почтовой конторы, куда он должен адресовать ответы на мои письма. Мы назначили час, в который доктор должен заехать ко мне, и, обговорив это дело, я встала, отказываясь от предложения закусить и осмотреть весь дом. Его настойчивое стремление поддерживать внешнее приличие после того, как мы поняли друг друга, стало мне противно. Я ушла от него так скоро, как только могла, и вернулась к своему дневнику в гостиничном номере. Мы посмотрим, чем это кончится завтра. Мне сдаётся, что мой доверенный друг скажет «да».

Ноября 24. Доктор сказал «да», как я и предполагала, но на условиях, которых я никогда не ожидала. Условия, по которым я могла воспользоваться его услугами, состоят — не более и не менее — в том, чтобы я заплатила ему за них, когда займу место вдовы Армадэля, половину моего годового дохода, другими словами шестьсот фунтов!

Я протестовала против этого требования всякими способами, какие только могла придумать. Все это ни к чему не привело. Доктор объяснился со мною с самой обезоруживающей откровенностью. Он сказал, что ничего, кроме случайных затруднений в его положении в настоящее время, не могло заставить его вмешаться в это дело. Он откровенно признался, что он истратил свои собственные средства и средства других людей, которых он назвал своими покровителями, на покупку и окончательное обустройство лечебницы. В подобных обстоятельствах шестьсот фунтов были для него весьма кстати. За эту сумму он готов был подвергнуться серьёзному риску советовать и помогать мне. Ни одним фартингом меньше сумма его не устраивает, в этом случае он оставит дело с самыми лучшими и дружескими пожеланиями в моих руках!

Торг кончился единственным способом, каким только мог закончиться. Мне не оставалось другого выбора, как принять это условие и предоставить доктору право начать это дело сейчас же так, как он хочет. Когда договорённость была достигнута между нами, я должна отдать ему справедливость и сказать, что он не показал намерения, как говорят, дать траве вырасти под его ногами. Он попросил перо, чернила и бумагу и посоветовал написать письмо в Торп-Эмброс и отправить его с сегодняшней почтой.

Мы условились о содержании письма, которое я и написала, а он тотчас же переписал. Я не входила в подробности, а просто извещала, что я вдова умершего мистера Армадэля, что я тайно обвенчалась с ним, что я вернулась в Англию, когда он отплыл на яхте из Неаполя, и что я вкладываю в письмо копию с нашего брачного свидетельства, как формальность, которую, как я полагаю, было необходимо исполнить. Письмо было адресовано к «представителям покойного Аллена Армадэля, эсквайра, в Торп-Эмброс в Норфольке». Сам доктор отнёс письмо на почту.

Я жду ответа с таким волнением, с таким нетерпением, когда сделан первый шаг. Образ Мидуинтера преследует меня как привидение. Я опять написала ему, как раньше, для соблюдения приличия. Я думаю, что это будет моё последнее письмо. Мужество мне изменяет, расположение духа становится мрачным, когда мои мысли возвращаются в Турин. Я все менее способна думать о судьбе Мидуинтера в эту минуту, чем прежде. День расчёта с ним, прежде казавшийся отдалённым и маловероятным, может, настал теперь, а может, нет — я сама не знаю.

А я ещё слепо полагаюсь на случайности.

\* \* \*

Ноябрь 25. Сегодня в два часа доктор опять зашёл ко мне, как мы условились. Он ходил к своим стряпчим (разумеется, не открывая им ничего) просто для того, чтобы выяснить, как доказать мой брак. Результат беседы подтверждает то, что он уже мне говорил. Ось, на которой будет вертеться все дело, если мои права будут оспаривать, это — вопрос о личности. Может быть, окажется необходимо для свидетеля дать показание в присутствии судей на этой неделе.

В таком положении дел доктор считает важным, чтобы мы были недалеко друг от друга, и предлагает найти спокойную квартиру для меня по соседству с ним. Я готова отправиться куда бы то ни было, потому что между другими странными фантазиями, овладевшими мною, у меня есть мысль о том, что я буду лучше избавлена от Мидуинтера, если перееду из тех мест, куда он адресует ко мне письма. Я не спала и думала о нём опять всю прошлую ночь. Сегодня утром я окончательно решила не писать ему больше.

Пробыв у меня полчаса, доктор уехал, предварительно осведомившись, хочу ли я идти вместе с ним в Гэмпстид снимать квартиру. Я сообщила ему, что есть дело, которое задержит меня в Лондоне. Он спросил меня, какое это дело.

«Вы увидите, — отвечала я, — завтра или послезавтра».

Меня охватил какой-то трепет, когда я осталась одна. Моё дело в Лондоне, кроме того, что оно было серьёзно в глазах женщины, возвратило мысли к Мидуинтеру вопреки моей воле. Переезд на

новую квартиру напомнил мне о необходимости одеться подобающе моей новой роли. Настало время надеть вдовий траур. Первым делом было достать денег. Я достала столько, сколько мне было нужно для роли вдовы, от продажи подарка Армадэля мне на свадьбу — рубинового кольца! Оно оказалось более дорогой вещью, чем я предполагала. По всей вероятности, теперь мне долго не придётся беспокоиться о деньгах.

От ювелира я пошла в большую траурную лавку на Регентской улице. В двадцать четыре часа (если я не согласна ждать дольше) там обязались одеть меня с головы до ног во вдовий костюм. Я имела ещё тревожную минуту, когда ушла из лавки, и для дополнения сильных ощущений в этот трудный день меня ожидал сюрприз по возвращении в гостиницу. Мне доложили, что меня ждёт какой-то пожилой джентльмен. Я отворила дверь гостиной — там был старик Бэшуд!

Он получил моё письмо сегодня утром и отправился в Лондон с первым поездом, чтобы ответить на него мне лично. Я ожидала многого от него, но, конечно, не ожидала, что он примчится столь скоро. Это польстило мне. Я повторяю, что это польстило мне.

Я пропускаю восторги и упрёки, стоны и слезы, скучные разглагольствования противного старика об одиноких месяцах, проведённых им в Торп-Эмброзе, где он погружался в мысли о том, что я бросила его. Он был чрезвычайно красноречив иногда, но мне не нужно сейчас его красноречия. Бесполезно говорить, что я оправдалась во всём и выслушала все о его чувствах, прежде чем спросила о новостях. Как приятно иногда женское тщеславие! Я почти забыла о своём риске, о своей ответственности, стараясь казаться очаровательной. Минуты две я чувствовала победный трепет торжества. Это было торжество — даже над стариком! Через четверть часа я заставила его улыбаться и хихикать, с восторгом прислушиваться ко всем моим словам и отвечать на все вопросы, которые я задавала ему, как послушного маленького ребёнка.

Вот рассказ о торп-эмбросских делах, как я осторожно добилась от него.

Во-первых, известие о смерти Армадэля дошло до мисс Мильрой. Оно так поразило её, что отец был принуждён забрать её из школы. Она вернулась в коттедж, и доктор каждый день бывает у неё.

Сожалею ли я о ней? Да, я сожалею о ней точно так, как она когда-то сожалела обо мне!

Потом, положение дел в большом доме, которое я ожидала понять с некоторым трудом, оказалось совершенно понятным и вовсе не таким безнадежным. Только вчера стряпчие с обеих сторон пришли к соглашению. Мистер Дарч (фамильный нотариус Блэнчардов и лютей враг Армадэля в прежнее время) представляет интересы мисс Блэнчард — ближайшей наследницы имения, которая, как оказывается, уже была в Лондоне некоторое время по своим собственным делам. Мистер Смарт из Норуича, которому было поручено надзирать за Бэшудом в управительской конторе, представляет покойного Армадэля. И вот что стряпчие решили между собой.

Мистер Дарч, действуя за мисс Блэнчард, потребовал владения имением и право получить доходы по расчёту за рождественский срок от её имени. Мистер Смарт со своей стороны согласился, что просьба фамильного стряпчего имеет большой вес. Он не видит при настоящем положении дела, чтобы он мог оспаривать смерть Армадэля, и соглашается не препятствовать этой просьбе, если мистер Дарч согласится со своей стороны принять ответственность в том, что он вступает во владение от имени мисс Блэнчард. Это мистер Дарч уже сделал, и имение находится теперь во владении мисс Блэнчард.

Результат этой договорённости (как думает Бэшуд) поставил мистера Дарча в положение человека, который решит, имею ли я право на положение вдовы и на её деньги. Так как доход вдовы определён с имения, то он должен поступать из кармана мисс Блэнчард, а следовательно, вопрос о том, следует ли выплачивать его, будет вопросом для стряпчего мисс Блэнчард. Завтрашний день, вероятно, решит, справедлив ли этот взгляд, потому что моё письмо к представителям Армадэля должно быть получено в большом доме сегодня утром.

Вот что Бэшуд рассказал мне. Вернув своё влияние на него и получив от старика все нужные сведения, я должна была прежде всего сообразить, какую пользу можно извлечь из него в будущем. Он был полностью в моих руках, потому что его место в управительской конторе уже занял поверенный мисс Блэнчард, и Бэшуд горячо упрашивал позволить ему остаться, потому что я, разумеется, легко

убедила его в том, что я действительно вдова Армадэля Торп-Эмбросского. Но, пользуясь поддержкой доктора, я не нуждалась ни в какой помощи в Лондоне, и мне пришло в голову, что можно сделать Бэшуда гораздо полезнее, если отправить его в Норфольк наблюдать там за событиями в моих интересах.

Он горько разочаровался (намереваясь, очевидно, ухаживать за мною в моём вдовьем положении!), когда я сказала ему, к какому решению пришла. Но несколько убедительных слов и скромный намёк на то, что он может питать надежды в будущем, если будет служить мне с абсолютным повиновением в настоящем, удивительно быстро примирили его с необходимостью исполнить моё желание. Он спросил «инструкций», когда пришла пора оставить меня и возвратиться в Норфольк с вечерним поездом. Я не смогла дать ему никаких инструкций, потому что не имела ещё ни малейшего понятия о том, что сделают или чего не сделают стряпчие.

«Но если что-нибудь случится, — настаивал он, — чего я не пойму, что мне делать так далеко от вас?»

Я могла дать ему только один ответ.

«Не делайте ничего, — сказала я. — Что бы ни случилось, молчите и напишите или приезжайте тотчас в Лондон посоветоваться со мною».

С этими прощальными наставлениями мы условились о регулярной переписке. Я позволила Бэшуду поцеловать мою руку и отправила его на железную дорогу.

Теперь, когда я опять одна и могу подумать спокойно о свидании между мною и моим пожилым поклонником, я припоминаю некоторую перемену в обращении старика Бэшуда, которая привела меня в недоумение в то время и приводит в недоумение ещё и теперь.

Даже в первые минуты встречи, когда он увидел меня, мне показалось, что взгляд его остановился на моём лице с новым выражением, пока я разговаривала с ним. Кроме этого, он сказал потом несколько слов о своей одинокой жизни в Торп-Эмбросе, в которых подразумевалось, что его поддерживало в горьком одиночестве чувство уверенности о его будущих встречах со мною, когда я вернусь. Если бы он был моложе и смелее (и если бы подобное открытие было возможно), я почти готова была бы подозревать его в том, что он узнал кое-что о моей прошлой жизни, внушившее ему

уверенность удержать меня, если я вздумаю опять обмануть и бросить его. Но подобная мысль в отношении старика Бэшуда просто нелепа. Может быть, я чересчур взволнована неизвестностью, трудностью моего настоящего положения; может быть, чистые фантазии и подозрения сбивают меня с толку. Как бы то ни было, меня занимают теперь более серьёзные предметы, чем старик Бэшуд. Завтрашняя почта может сказать мне, что думают представители Армадэля о правах вдовы Армадэля.

\* \* \*

Ноября 26. Ответ получен сегодня в письме (как и предполагал Бэшуд) мистера Дарча. Угрюмый старый стряпчий отвечает на моё письмо в трех строчках. Прежде чем он сделает какой-нибудь шаг или выразит какое-нибудь мнение на этот счёт, ему нужны доказательства личности и брачного свидетельства. И он осмеливается сообщить, что, прежде чем мы пойдём далее, желательно было бы дать ему возможность обратиться к моим поверенным!

\* \* \*

Два часа. Доктор зашёл вскоре после двенадцати часов сказать, что он нашёл квартиру для меня в двадцати минутах ходьбы от лечебницы. Выслушав его новости, я показала ему письмо мистера Дарча. Он тотчас отнёс его к своим стряпчим и вернулся с необходимыми сведениями для моих ответных действий. Я ответила мистеру Дарчу, сообщив в письме адрес моих поверенных, то есть стряпчих доктора, не сделав никаких комментариев о желании, выраженном им, получить доказательства моего брака. Вот всё, что могло быть сделано сегодня. Завтрашний день принесёт с собой события чрезвычайно интересные, потому что завтра доктор даст показание перед судьёй, завтра же я перееду в мою новую квартиру во вдовьем трауре.

\* \* \*

Ноября 27. Феруэтерская вилла. Показание было дано со всеми необходимыми формальностями. А я переехала в новую квартиру в своём вдовьем костюме.

Мне следовало бы прийти в волнение от начала этого нового акта в драме и от отважной роли, которую я играю в ней сама. Странно сказать, я спокойна и грустна. Мысль о Мидуинтере преследует меня и в новом жилище и страшно тяготит в эту минуту. Я не боюсь, что случится что-нибудь в то время, которое должно ещё пройти, прежде чем я публично займу место вдовы Армадэля. Но когда наступит это время и когда Мидуинтер найдёт меня (а найти меня он должен рано или поздно) в моей фальшивой роли и в положении, захваченном мною, тогда я спрашиваю себя: что случится? Ответ является, как явился сегодня утром, когда надевала вдовье платье. И теперь, как и тогда, в моей душе поселилось предчувствие, что он убьёт меня. Если бы не было слишком поздно отступить... Нелепость! Закрою мой дневник.

\* \* \*

Ноября 28. Стряпчие получили письмо от мистера Дарча и послали ему показание свидетеля с первой почтой.

Когда доктор принёс мне это известие, я спросила, известен ли его стряпчим мой настоящий адрес, и, узнав, что он ещё не сообщил его им, я попросила продолжать сохранять его в тайне. Доктор засмеялся.

«Вы боитесь, что мистер Дарч подкрадётся к нам и лично атакует вас?» — спросил он.

Я согласилась с этим предположением, как с самым лёгким способом заставить его исполнить мою просьбу.

«Да, — сказала я, — я боюсь мистера Дарча».

Я несколько ободрилась после ухода доктора: есть приятное ощущение безопасности при мысли, что никто из посторонних не знает твоего адреса. Я довольно спокойна душевно сегодня, чтобы



приметить, как мне к лицу вдовий траур, и чтобы заставить себя быть любезной с людьми в доме.

Мидуинтер опять расстроил меня в прошлую ночь, но я преодолела призрачное заблуждение, овладевшее мною вчера. Теперь я убедилась, что не должна опасаться насилия от него, когда он узнает, что я сделала; а ещё менее можно опасаться, чтобы он унился до предьявления своего права на женщину, которая так обманула его, как я. Единственное серьёзное испытание, которому я буду подвержена, когда наступит день расчёта, будет заключаться в том, чтобы поддержать мою фальшивую роль в его присутствии. После этого меня спасут его презрение и отвращение. В тот день, когда отрекусь от него в его присутствии, я увижу Мидуинтера в последний раз.

Буду ли я способна отречься от него перед ним? Буду ли я способна смотреть на него и говорить с ним, как будто он никогда не был для меня более чем друг? Как могу я это знать, пока не наступит время? Была ли когда на свете такая ослеплённая дура, как я, чтобы писать о Мидуинтере, когда это только побуждает думать о нём? Я проявлю твёрдую решимость. С этого времени его имя больше не будет появляться на страницах дневника.

\* \* \*

Понедельник, декабря 1. Последний месяц истекающего старого года, тысяча восемьсот пятьдесят первого! Если бы я позволила себе оглянуться назад, какой жалкий в моей жизни год увидела бы я прибавленным ко всем другим, не менее жалким пролетевшим годам! Но я приняла решение смотреть только вперёд и намерена выполнить его.

Мне нечего записывать о последних двух днях, кроме того, что двадцать девятого числа я вспомнила о Бэшуде и сообщила ему свой новый адрес. В то утро стряпчие опять получили известие от мистера Дарча. Он уведомляет о получении показания, но откладывает известие о решении, к которому пришёл, до тех пор, пока не спишется с душеприказчиками завещания покойного мистера Блэнчарда и пока не получит окончательных инструкций от своей клиентки, мисс Блэнчард. Стряпчие доктора объявили, что это последнее письмо —

просто уловка для того, чтобы выиграть время. С какой целью, они, разумеется, не могли отгадать. Сам доктор говорит шутливо, что это обыкновенная цель стряпчих для того, чтобы предъявить более крупный счёт. Мне кажется, что мистер Дарч подозревает что-то и что его цель постараться выиграть время...

\* \* \*

Десять часов вечера. Я написала эту последнюю неоконченную фразу (к четырём часам пополудни), когда меня испугал стук колёс кэба, подъехавшего к дому. Я подошла к окну и едва успела увидеть старика Бэшуда, выскочившего из кэба с проворством, на которое я не сочла бы его способным. Я так мало ожидала страшного открытия, предстоящего мне через минуту, что повернулась к зеркалу и спросила себя, что чувствительный старик скажет о моём вдовьем чепчике.

Как только он вошёл в комнату, я поняла, что случилось какое-то серьёзное несчастье. Взгляд его был дик, парик съехал на сторону. Он подошёл как-то странно — торопливо и смущённо.

«Я сделал, как вы велели мне, — прошептал он, едва переводя дух. — Я там промолчал и прямо приехал к вам».

Он схватил меня за руку, прежде чем я успела заговорить, со смелостью, совершенно неожиданной для меня.

«О! Как могу сказать я это вам? — вырвалось у него. — Я вне себя, когда подумаю об этом!»

«Когда вы сможете говорить, — сказала я, сажая его на стул, — говорите. Я вижу по вашему лицу, что вы привезли мне известие из Торп-Эмброза, которого я не ожидала».

Он засунул руку в карман сюртука и вынул письмо, посмотрел на письмо и посмотрел на меня.

«Известия... известия... известия, которых вы не ожидали, — пролепетал он, — но не из Торп-Эмброза!»

«Не из Торп-Эмброза?»

«Нет. С моря!»

Первая догадка о случившемся мелькнула у меня при этих словах. Я не могла говорить, я смогла только протянуть руку к нему за

письмом. Он ещё не решался отдать его мне.

«Я не смею... я не смею! — повторял он бессмысленно. — Это потрясение может быть для неё смертельно».

Я выхватила у него письмо. Одного взгляда на почерк его автора было довольно. Руки мои опустились на колени, крепко сжав письмо. Я сидела, окаменев, не двигаясь, не говоря, не слыша ни одного слова из того, что Бэшуд говорил мне, и медленно осваиваясь с ужасной истиной. Человек, на роль вдовы которого я предъявляла права, был жив! Напрасно отравила я лимонад в Неаполе, напрасно предала его обманом в руки Мануэля. Два раза я расставляла для него западни, и два раза Армадэль спасся от меня!

Я пришла в себя и нашла плачущего Бэшуда на коленях у моих ног.

«Вы, кажется, рассердились, — бормотал он, — вы рассердились на меня? О! Если бы вы только знали, какие надежды имел я после того, когда мы виделись в последний раз, и как жестоко это письмо разбило их все в прах!»

Я оттолкнула жалкого старика от себя, но очень тихо.

«Ш-ш! — сказала я. — Не огорчайте меня теперь, мне нужно сочувствие, я должна прочитать письмо».

Он покорно отошёл в другой конец комнаты. Я слышала, как Бэшуд сказал сам себе в бессильной злости: «Если бы море разделяло мои мысли, то оно утопило бы его!»

Я медленно развернула письмо, чувствуя между тем странную неспособность сосредоточить своё внимание на те самые строчки, которые горела нетерпением прочесть. Но зачем распространяться далее об испытанных при этом ощущениях, которых я описать не могу? Гораздо ближе будет к цели, если перепишу все письмо для будущих ссылок на этой странице моего дневника.

*«Фиуме, Иллирия, ноября 21, 1851.*

*Мистер Бэшуд, город, из которого я пишу вам, удивит вас, и вы ещё более удивитесь, когда узнаете, каким образом я пишу к вам из гавани Адриатического моря.*

*Я стал жертвой злодейского покушения. Меня хотели обворовать и убить. Воровство удалось, и только по милосердию Господа не удалось убийство.*

*Я нанял яхту более месяца назад в Неаполе и отправился (с радостью думаю теперь), не имея с собой друзей, в Мессину. Из Мессины я отправился в Адриатическое море. Через два дня нас застигла буря. Бури поднимаются и утихают очень быстро в тех морях. Яхта держалась на плаву отлично. Право, у меня слезы на глазах теперь, когда я думаю, что она на дне моря! К солнечному закату буря стала утихать, а к полночи осталось небольшое волнение, море начало успокаиваться. Я пошёл в каюту немного усталый (я помогал управлять яхтой, пока продолжалась буря) и заснул через пять минут. Часа через два меня разбудил стук упавшего в мою каюту в щель вентилятора в верхней части двери предмета. Я вскочил и нашёл маленький свёрток, в который был завернут ключ. На клочке бумаги было что-то написано с внутренней стороны почерком, который было не очень легко разобрать.*

*До сих пор я не имел ни тени подозрения, что нахожусь в море наедине с шайкой злодеев (кроме одного), которые не останутся ни перед чем. Я был в очень хороших отношениях с моим шкипером (самым опасным злодеем из всей шайки) и ещё в лучших с его английским помощником. Так как матросы все были иностранцы, то мне нечего было с ними говорить. Они исполняли своё дело, и ни ссор и ничего неприятного не случилось. Если бы кто-нибудь сказал мне, прежде чем ночью я лёг в постель после бури, что шкипер, экипаж и помощник шкипера (который казался сначала не лучше остальных) были все в заговоре, чтоб украсть у меня деньги, а потом утопить меня на своей собственной яхте, я засмеялся бы ему в лицо. Вспомните это, а потом представьте себе (потому что просто нет слов вам рассказать), что я должен был подумать, когда я развернул бумажку, в которой был завернут ключ. Простите, что я теперь списываю с письма помощника его содержание:*

\* \* \*

*«Сэр, оставайтесь в постели, пока не услышите, что спускают лодку с штирборта, или вы будете убиты. Ваши деньги украдены, и через пять минут дно яхты будет прорублено, а дверь вашей каюты забита гвоздями. Мёртвые ничего не могут рассказать, а шкипер намерен оставить доказательства на море о том, что яхта пошла ко дну со всеми находившимися на ней. Это его выдумка, и мы все замешаны в этом деле. Я никак не могу удержаться, чтобы не дать вам возможность спасти вашу жизнь. Возможность плохая, но не могу сделать более. Я сам буду убит, если не подам вида, что действую вместе со всеми. Ключ от двери вашей каюты бросаю вам в этом письме. Не пугайтесь, когда услышите стук молотка: я буду забивать вашу дверь, и у меня в руке будут короткие гвозди вместе с длинными, я употреблю только короткие. Подождите, пока не услышите, как лодка со всеми нами спущена на воду, а потом выломайте дверь каюты, прислонившись к ней спиной. Яхта проплывёт с четверть часа после того, как в ней будут просверлены дыры. Бросайтесь в море с левой стороны и имейте яхту между вами и лодкой: вы найдёте множество разного плавающего хлама, выброшенного нарочно, на котором сможете продержаться. Ночь тихая, море спокойное, и, может быть, какой-нибудь корабль подберёт вас, пока вы будете ещё живы. Я не могу сделать большего.*

*Искренно вам преданный Д. М.»*

\* \* \*

*Когда я дошёл до последних слов, то услышал стук молотка. Не думаю, чтобы я был трусливее многих, но была минута, когда пот потёк с меня градом. Я опомнился, прежде чем прекратился стук молотка, и начал думать об особе, очень дорогой для меня. Я сказал себе: «Я попытаюсь*

*спасти свою жизнь, хотя все шансы к спасению против меня».*

*Я вложил письмо от особы, о которой упомянул, в одну из бутылок в моей шкатулке вместе с предупреждающим письмом помощника шкипера на случай, если я доживу до того дня, когда смогу увидеть его опять. Я повесил бутылку и фляжку с виски на перевязи на шею и сначала оделся, страшно волнуясь, потом одумался и опять разделся, чтобы плыть только в рубашке и подштанниках. В то время как я сделал это, стук молотка прекратился, и наступила такая тишина, что я услышал, как вода ворвалась в просверлённое дно яхты. Потом я услышал стук спускаемой на воду лодки и голоса сидевших в ней злодеев, доносившиеся с правого борта. Я подождал, пока не услышал шум весел на воде, а потом с силой нажал спиной на дверь. Помощник шкипера сдержал своё обещание: я легко отворил дверь, выполз на четвереньках на палубу под прикрытием больверка и бросился в воду с левого борта. На море плавало множество предметов, я схватил первую попавшуюся мне вещь (курятник) и отплыл, держась за него, ярдов двести, оставляя яхту между собой и лодкой. Отплыв на это расстояние, почувствовал, что меня охватила дрожь, и остановился (боясь судорог), чтобы глотнуть виски. Закупорив фляжку, я оглянулся назад и увидел, что яхта тонет.*

*Ещё через минуту между мной и лодкой не осталось ничего, кроме обломков для инсценировки кораблекрушения, брошенных нарочно. Сияла луна, и если бы на лодке была подзорная труба, то мне кажется, они могли бы увидеть мою голову, хотя я старательно держал курятник между собой и преступниками.*

*Они гребли вёслами, и я слышал громко спорившие голоса. Минуты показались мне веком, я понял, о чём шёл спор. Нос лодки вдруг повернулся в мою сторону. Какой-то злодей, поумнее остальных (наверно, шкипер), очевидно, уговорил их вернуться к тому месту, где затонула яхта, и убедиться, что я пошёл ко дну вместе с нею.*

*Они проплыли уже половину расстояния, разделявшего нас, и я считал себя погибшим, когда услышал крик одного из них и увидел, что лодка вдруг остановилась. Минуты через две лодка развернулась, и её пассажиры стали лихорадочно грести от меня так, как гребут люди, старающиеся спасти свою жизнь. Я посмотрел в одну сторону, в сторону земли, и ничего не увидел; я посмотрел в другую сторону, в сторону моря, и увидел то, что экипаж лодки заметил раньше меня, — парус вдали, становившийся все виднее и тем больше при лунном сиянии, чем дальше я на него смотрел. Через четверть часа на корабле смогли услышать мой крик, и экипаж подобрал меня.*

*Это были иностранцы, которые совершенно оглушили меня своей болтовнёй. Я пробовал объясняться знаками, но прежде чем успел заставить их понять меня, тело моё охватило такой озноб, что меня отнесли вниз. Я не сомневался, что корабль шёл своим курсом, но был не в состоянии узнать о нём что-нибудь. Под утро я метался в горячке и с того времени не помню ничего до тех пор, пока не очнулся здесь, оказавшись на попечении венгерского купца, получателя товаров (как они это называют) берегового корабля, который спас меня. Он говорит по-английски так же хорошо и даже лучше, чем я, и обращается со мною с добротой, которую у меня не хватает слов передать. Когда купец был молодым человеком, он жил в Англии и учился торговому делу. Говорит, что воспоминания о нашем отечестве привлекли его сердце к англичанину. Он снабдил меня платьем, дал мне денег, чтобы отправиться в путь, как только доктор позволит мне ехать домой. Если у меня не возобновятся приступы болезни, я буду в состоянии выехать через неделю после этого. Если я успею к почтовой карете из Триесте и перенесу усталость, я возвращусь в Торп-Эмброс через неделю или дней десять, уж никак не позднее после того, как вы получите моё письмо. Вы согласитесь со мною, что это страшно длинное письмо, но короче я никак не могу. Я, кажется, отвык от моей прежней привычки выражаться*

*кратко и заканчивать на первой странице. Впрочем, я теперь уже кончаю, потому что мне ни о чём более не остаётся рассказать, кроме как о причине, почему я пишу о том, что случилось со мною, и не жду, пока приеду домой и расскажу все устно.*

*Я думаю, что моя голова ещё отуманена болезнью. По крайней мере, мне только сегодня утром пришло в голову, что какой-нибудь корабль, вероятно, прошёл мимо того места, где яхта пошла ко дну, и подобрал мебель и другие вещи, выброшенные в море. В таком случае какие-нибудь ложные слухи о том, что я утонул, могли достигнуть Англии. Если это случилось (я молю Бога, чтобы это было безосновательное опасение с моей стороны), ступайте прямо в коттедж майора Мильроя, покажите ему это письмо — я написал его столько же для него, сколько и для вас, — а потом дайте ему вложенную записку и спросите его, не оправдывают ли, по его мнению, обстоятельства мою надежду, что он отправит эту записку к мисс Мильрой. Я не могу объяснить, почему я не пишу прямо к майору или к мисс Мильрой. Я могу только сказать, что есть уважительные причины, которые я обязался честью не нарушать, принуждающие меня действовать таким окольным путём.*

*Я не прошу вас отвечать на это письмо, потому что буду на обратном пути домой, надеюсь, задолго до того, как ваше письмо может дойти в это отдалённое место. Что бы вы ни делали, не теряя ни минуты, ступайте к майору Мильрою. Известно ли о гибели яхты в Англии или нет — ступайте!*

*Искренно вам преданный Аллэн Армадэль».*

Я подняла глаза, когда прочитала до конца письмо, и увидела, что Бэшуд встал со своего стула и остановился прямо напротив меня. Он пристально изучал моё лицо с пытливym интересом человека, который старается прочесть чужие мысли. Он виновато опустил глаза, встретившись с моим взглядом, и вернулся к своему стулу. Считая



меня действительно обвенчанной с Армадэлем, старался ли он приметить, хорошим или дурным известием, по моему мнению, было известие о спасении Армадэля? Тогда не было времени входить с ним в объяснения... Первое, что следовало сделать, это тотчас же известить доктора. Я подозвала Бэшуда и подала ему руку.

«Вы оказали мне услугу, — сказала я, — которая делает нас ещё более близкими друзьями, чем прежде. Я после расскажу вам больше об этом и о других вещах, интересующих нас обоих. Теперь я хочу, чтобы вы дали мне письмо мистера Армадэля, которое я обещаю вам привезти назад, и подождать здесь, пока я возвращусь. Сделаете вы это для меня, мистер Бэшуд?»

Он отвечал, что он сделает все, о чём я его попрошу.

Я пошла в спальню и надела шляпку и шаль.

«Позвольте мне узнать точно некоторые обстоятельства, прежде чем я оставлю вас, — продолжала я, когда я была готова выехать. — Вы никому кроме меня, не показывали этого письма?»

«Ни одна живая душа не видала его, кроме нас двоих».

«Что вы сделали с запиской к мисс Мильрой?»

Он вынул её из кармана. Я быстро её пробежала, увидела, что нет ничего интересного, и тотчас же бросила в огонь. Сделав это, я оставила Бэшуда в гостиной и отправилась в лечебницу с письмом Армадэля в руках.

Доктор уехал, и слуга не мог сказать точно, когда он вернётся. Я зашла в его кабинет и написала несколько строк, приготовлявших его к известию, которое привезла с собой. Я запечатала свою записку вместе с письмом Армадэля в конверт и оставила до его возвращения. Потом я сказала слуге, что зайду снова через час, и ушла.

Бесполезно было возвращаться в свою квартиру и говорить с Бэшудом, прежде чем узнаю, что доктор намерен делать. Я ходила поблизости взад и вперёд по улицам, перекрёсткам и скверам с каким-то тупым, застывшим чувством, которое не допускало не только активной работы мысли, но и всякого ощущения физической усталости. Я вспомнила, что то же самое чувство испытала несколько лет назад в то утро, когда тюремные служители пришли за мной, чтобы вести в суд, где решался вопрос о моей жизни. Вся эта страшная сцена снова пришла мне на память самым странным образом, как

будто в ней участвовала не я, а какое-то другое лицо. Раза два я спрашивала себя в страшном отчаянии, зачем меня тогда не повесили.

Когда я вернулась в лечебницу, мне сказали, что доктор пришёл уже полчаса назад и что он сейчас в своей комнате, с нетерпением ждёт меня.

Я вошла к нему в кабинет и увидела его сидящим у камина. Он обхватил голову руками и опирался локтями на колени. На столе возле него кроме письма Армадэля и моей записки я увидела в небольшом кругу света, отбрасываемом лампой, открытый указатель расписания железных дорог. Не думал ли он о побеге? Нельзя было узнать по его лицу, когда он взглянул на меня, что он замышлял или как это известие поразило его, известие о том, что Армадэль жив.

«Сядьте около камина, — сказал он. — Сегодня сыро и холодно».

Я молча села. Доктор молча растирал колени перед огнём.

«Вы ничего не хотите сказать мне?» — спросила я.

Он встал и вдруг приподнял абажур лампы так, что свет упал на моё лицо.

«Вы, кажется, нездоровы? — спросил он. — Что с вами?»

«Голова у меня тяжёлая, а глаза горят, — ответила я. — Верно, от погоды».

Странно было, как мы оба удалялись от самого важного вопроса, о котором собрались говорить.

«Я думаю, что чашка чаю пойдёт вам на пользу», — заметил доктор.

Я приняла предложение, и он приказал подавать чай. Пока подавали чай, доктор ходил взад и вперёд по комнате, а я сидела у камина, и ни слова не было сказано. Чай взбодрил меня, и доктор заметил перемену к лучшему в моём лице. Он сел напротив у стола и наконец заговорил: «Если бы у меня было десять тысяч фунтов в эту минуту, я отдал бы их за то, чтобы не компрометировать себя в вашей отчаянной спекуляции со смертью мистера Армадэля».

Он сказал эти слова резко, запальчиво, что не вязалось с его обычным обращением. Был ли он сам испуган или старался испугать меня? Я решила заставить его объясниться, прежде всего относительно того, что касалось меня.

«Минуту, минуту, доктор, — сказала я. — Вы обвиняете меня в том, что случилось?»

«Конечно нет, — отвечал он угрюмо. — Ни вы и никто не мог предвидеть того, что случилось. Когда я говорю, что отдал бы десять тысяч, чтобы не участвовать в этом деле, я не осуждаю никого, кроме себя. А когда я скажу вам, что не позволю воскресению мистера Армадэля погубить меня, не воспротивившись этому всеми силами, я открою вам одну из самых простых истин, когда-либо открытых мною мужчине или женщине за всю мою жизнь. Не думайте, что я подло отделял свои интересы от ваших в общей опасности, теперь угрожающей нам обоим. Я просто указываю разницу в риске, которому мы взаимно подвергались. Вы не использовали все свои ресурсы на приобретение лечебницы; вы не давали ложных показаний перед судьёй, которые наказываются законом как клятвопреступление...»

Я опять перебила доктора. Его эгоизм принёс мне больше пользы, чем его чай: он возвратил мне бодрость.

«Оставим в покое ваш и мой риск и приступим к делу, — сказала я. — Я вижу на вашем столе указатель железных дорог. Уж не собираетесь ли вы бежать?»

«Бежать? — переспросил доктор. — Вы, кажется, забываете, что мои последние деньги вложены в это заведение».

«Стало быть, вы остаётесь здесь?»

«Непременно!»

«А что вы намерены делать, когда мистер Армадэль придет в Англию?»

Одинокая муха, видимо последняя из своего рода, пощажённая зимой, слабо жужжала, летая около лица доктора. Он поймал её, прежде чем ответить мне, и протянул через стол в своём сжатом кулаке.

«Если бы эту муху звали Армадэль, — сказал он, — и если бы вы поймали его, как я поймал её теперь, что сделали бы вы?»

Взгляд его, обращённый на моё лицо, сразу же устремился, когда он задал свой вопрос, на моё вдовье платье. Я тоже посмотрела на своё платье. Воспоминание о старой смертельной ненависти и вынесенном Армадэлю смертном приговоре охватило меня опять.

«Я убила бы его», — ответила я.

Доктор вскочил, все ещё держа муху в кулаке, и посмотрел на меня — чересчур театрально — с выражением крайнего ужаса.

«Убили бы его! — повторил доктор в приступе добродетельного испуга. — Насилие! Убийство! В моей лечебнице! Перехватило даже дух у меня!»

Я встретила его взгляд, когда он выражался с таким искусственным негодованием, рассматривая меня с пытливым любопытством, которое, чтобы не сказать более, нисколько не согласовалось с пылкостью его языка и горячностью тона. Доктор тревожно засмеялся, когда наши глаза встретились, и вернулся к своему обычному обращению за ту минуту, которая прошла, прежде чем он заговорил опять.

«Приношу тысячу извинений, — сказал он. — Мне следовало знать, что слова дамы нельзя принимать буквально. Позвольте мне напомнить вам, однако, что обстоятельство слишком серьёзно для... позвольте сказать, всякого преувеличения или шутки. Вы услышите, что я предлагаю, без дальнейших предисловий».

Он остановился и продолжал, используя муху, заключённую в его кулаке.

«Вот мистер Армадэль. Я могу выпустить его или удержать — как хочу, и он это знает. Я говорю ему, — продолжал доктор, шутливо обращаясь к мухе, — дайте мне надлежащие гарантии, мистер Армадэль, что вы не предпримите ничего против этой дамы или меня, и я выпущу вас из кулака. Откажете, и, каков бы ни был риск, я вас задержу. Можете ли вы точно предсказать, каков будет раньше или позже ответ мистера Армадэля? Можете ли вы не сомневаться, — сказал доктор, принаравливая действие к словам и выпуская муху, — что это кончится к совершенному удовольствию всех сторон таким образом?»

«Я не скажу сейчас, — отвечала я, — сомневаюсь я или нет. Дайте мне прежде убедиться, что я правильно понимаю вас. Вы предлагаете, если я не ошибаюсь, запереть двери этой лечебницы за мистером Армадэлем и не выпускать его до тех пор, пока он не согласится на условия, которые наши интересы требуют предложить ему? Могу ли я спросить в таком случае, как вы намерены заставить его войти в ловушку, которую расставите для него здесь?»

«Я предлагаю, — сказал доктор, положив руку на указатель расписания железных дорог, — удостовериться, во-первых, в какое время каждый вечер в этом месяце приходят в Лондон поезда из

Дувра и Фолкестона, а потом я предлагаю послать человека, известного мистери Армадэлю и на которого вы и я можем положиться, ждать прихода поездов и встретить мистера Армадэля в ту минуту, когда он выйдет из вагона».

«Вы придумали, — спросила я, — кто должен быть этот человек?»

«Тот самый, к кому адресовано это письмо», — сказал доктор, взяв письмо Армадэля.

Ответ испугал меня. Неужели было возможно, что он и Бэшуд знали друг друга? Я немедленно задала этот вопрос.

«До сегодняшнего дня я даже не слышал имени этого господина, — сказал доктор. — Я просто следовал процессу выводов рассуждения, которыми мы обязаны бессмертному Бэкону. Как это важное письмо попало в ваши руки? Я не могу оскорблять вас предположением, что оно было украдено. Следовательно, этот человек пользуется вашим доверием. Следовательно, он первый пришёл мне в голову. Вы видите, как идёт процесс выводов? Очень хорошо. Позвольте мне задать несколько вопросов о мистере Бэшуде, прежде чем мы пойдём далее?»

Вопросы доктора, по обыкновению, вели прямо к цели. Из моих ответов он узнал, что мистер Бэшуд был управителем Армадэля, что он получил это письмо в Торп-Эмброзе сегодня утром и привёз его прямо ко мне с первым поездом, что он не показывал его и не говорил о нём перед отъездом ни майору Мильрою и никому другому, что я подучила от него эту услугу, не доверив ему моей тайны, что я поддерживала с ним отношения как вдова Армадэля, что он скрыл это письмо, вообще повинуюсь только предосторожности, так как я предложила ему молчать до тех пор, если в Торп-Эмброзе случится что-нибудь странное, пока он не посоветуется со мною, и наконец, что причина, по которой он в этом случае исполнил все так, как я ему велела, состояла в том, что и в этом случае, так и во всех других, мистер Бэшуд был слепо предан моим интересам.

В этом месте рассказа доктор посмотрел на меня недоверчиво из-под очков.

«В чём заключается тайна этой слепой преданности мистера Бэшуда вашим интересам?» — спросил он.

Я поколебалась с минуту — из сострадания к Бэшуду, а не в себе.

«Если вам хочется знать, — отвечала я, — то мистер Бэшуд в меня влюблён».

«Да, да! — воскликнул доктор с видом облегчения. — Я начинаю теперь понимать. Он молод?»

«Старик».

Доктор откинулся на спинку кресла и тихо захохотал.

«Все лучше и лучше, — сказал он. — Бэшуд именно такой человек, какой нам нужен. Кто подходит больше управителя мистера Армадэля для того, чтобы встретить своего господина, когда тот вернётся в Лондон? И кто более способен употребить влияние на мистера Бэшуда надлежащим образом, как не очаровательный предмет обожания мистера Бэшуда?»

Нельзя было сомневаться, что Бэшуд годился для реализации цели доктора и что на моё влияние можно положиться для того, чтобы заставить Бэшуда служить этой цели. Затруднение заключалось не в этом, а в том вопросе, который остался без ответа. Я задала этот вопрос опять.

«Положим, что управитель мистера Армадэля встретит своего хозяина на железной дороге, — сказала я, — могу я спросить ещё раз, как он убедит мистера Армадэля приехать сюда?»

«Не считайте меня невежей, — возразил доктор самым спокойным тоном. — Если я спрошу со своей стороны: как мужчин убеждают делать девять раз из десяти сумасбродные поступки в их жизни? Их убеждает ваш очаровательный пол. Слабая сторона каждого мужчины сторона женская. Нам надо только найти слабую сторону мистера Армадэля — пощекотать его с этой стороны, и молодой человек станет шёлковым. Я заметил здесь, — продолжал доктор, открывая письмо Армадэля, — ссылку на какую-то молодую девицу, ссылку, обещающую нам многое. Где записка, которую мистер Армадэль адресовал к мисс Мильрой?»

Вместо того чтобы ответить ему, я вскочила со своего места. Как только доктор упомянул о мисс Мильрой, все что я слышала от Бэшуда о её болезни и о причине её, пришло мне на память. Я увидела способ заманить Армадэля в лечебницу так ясно, как видела по другую сторону стола доктора, удивившегося необыкновенной перемене во мне. Какое наслаждение заставить наконец мисс Мильрой послужить моим интересам!

«Оставьте записку в покое, — сказала я. — Она сожжена из предосторожности. Я могу сказать вам все (даже более), чем эта записка могла мне сказать. Мисс Мильрой разрубает узел! Мисс Мильрой снимает все наши затруднения! Она тайно помолвлена с ним. До неё дошли ложные слухи о его смерти, и с тех пор она серьёзно болеет в Торп-Эмброзе. Когда Бэшуд встретит Армадэля на станции, его первый вопрос непременно будет...»

«Вижу, — воскликнул доктор, перебивая меня. — Мистеру Бэшуду ничего более не остаётся, как помочь истине, добавив немного вымысла. Когда он скажет своему хозяину, что ложные слухи дошли до мисс Мильрой, ему только стоит прибавить, что это сообщение так подействовало на её психику, что она заболела и находится здесь под медицинским наблюдением. Бесподобно! Бесподобно! Бесподобно! Мы будем иметь его в лечебнице так скоро, как только самая быстрая извозчичья лошадь в Лондоне может привезти его к нам. И заметьте, никакого риска, никакой необходимости доверяться другим! Это не сумасшедший дом, это патентованное заведение; здесь не нужно докторских свидетельств. Поздравляю вас, поздравляю самого себя. Позвольте мне передать вам указатель расписания железных дорог, просить вас засвидетельствовать моё уважение мистеру Бэшуду и указать ему на страницу, загнутую для него в надлежащем месте, на которое ему следует обратить особое внимание».

Вспомнив, как долго я заставила Бэшуда ждать меня, я тотчас взяла книгу и, простившись с доктором, ушла без дальнейших церемоний. Когда он вежливо отворил мне дверь, то без малейшей необходимости, хотя я не сказала ни слова, которое могло бы подвести его к этому, заговорил о той вспышке добродетельного испуга, случившейся с ним в начале нашего свидания.

«Я надеюсь, — сказал он, — что вы забудете и простите мой странный недостаток такта и проницательности, когда... словом, когда я поймал муху. Я положительно краснею за мою собственную глупость, как я могу придать буквальный смысл шутке дамы! Насилие в моей лечебнице! — воскликнул доктор, опять пристально устремив глаза на моё лицо. — Насилие в этом просвещённом девятнадцатом столетии! Было ли когда что-нибудь до такой степени смешное? Застегните ваше манто, прежде чем выйдете отсюда — там холодно и сыро! Не проводить ли мне вас? Не послать ли с вами моего лакея? А!

Вы были всегда независимы, всегда, если я могу так выразиться, сама себе хозяйка! Могу я прийти завтра утром и узнать, что вы решили с мистером Бэшудом?»

Я сказала «да» и наконец ушла от него. Через четверть часа я вернулась в свою квартиру, и служанка мне сказала, что пожилой господин ещё ждёт меня.

У меня не достало духу или терпения — право не знаю чего — потратить много слов на то, что произошло между мною и Бэшудом. Было так легко, так удивительно легко дёргать верёвочку этой бедной старой куклы, поворачивая её куда захочу! Я не встретила таких затруднений, какие могла бы встретить с человеком моложе или менее ослеплённым любовью ко мне. Я оставила объяснения намёком на мисс Мильрой в письме Армадэля, которые привели в недоумение Бэшуда. Я даже не побеспокоилась выдумать вероятные причины, чтобы приказать ему встретить Армадэля на станции и заманить его хитростью в лечебницу доктора. Я только нашла необходимым упомянуть о том, о чём написала Бэшуду после моего приезда в Лондон, потом повторила то, что сказала ему, когда он лично отвечал на моё письмо в гостинице.

«Вы уже знаете, — сказала я, — что моё замужество было несчастливо. Сделайте из этого какие хотите заключения и не принуждайте меня говорить вам, так ли приятно известие о спасении мистера Армадэля, как следовало бы быть для его жены».

Этого было довольно для того, чтобы заставить засиять его дряблое лицо и снова оживить его увядшие старые надежды. Мне стоило только прибавить: «Если вы сделаете то, о чём я вас прошу, — всё равно, какой бы непонятной и таинственной ни показалась вам моя просьба, — и если вы примете мои уверения, что сами вы не подвергнетесь никакому риску и получите надлежащее объяснение в надлежащее время, — вы будете иметь такие права на мою признательность и на моё внимание, какие не имел ещё ни один человек на свете!» Мне стоило только сказать эти слова, сопроводить их нежным взглядом и пожать его руку украдкой, и он был у моих ног, слепо стремясь повиноваться мне. Если бы он мог только знать, что я думала о себе... но это всё равно, он не знает ничего.

Прошло несколько часов после того, как я отослала Бэшуда (взяв с него обещание молчать, снабдив его инструкциями и расписанием



поездов на железной дороге) в гостиницу возле станции, где он должен оставаться до тех пор, пока Армадэль не появится на платформе. Волнение, охватившее меня в начале вечера, прошло, и мною овладело опять тупое безразличие. Неужели моя энергия изменяет мне, желала бы я знать, именно в то время, когда она более всего нужна? Или мною овладевает какое-то предчувствие несчастья, которого я ещё не могу понять?

Я была расположена просидеть здесь ещё несколько часов, предаваясь подобным мыслям и позволяя им превращаться в слова, если бы дневник дал возможность для этого. Но моё ленивое перо было, однако, так прилежно, что добралось до конца тетради. Я дописала последние строчки, оставшиеся на последней странице, — и нравится мне это или нет — должна закрыть тетрадь на этот раз совсем.

Прощай, мой старый друг и товарищ многих несчастных дней! Так как мне некого и нечего любить, я подозреваю, что безрассудно любила тебя.

Какая я дура!

# КНИГА ПОСЛЕДНЯЯ

## Глава I

# НА СТАНЦИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Вечером второго декабря Бэшуд в первый раз занял свой наблюдательный пост на станции Юго-Восточной железной дороги. Это было шестью днями ранее того числа, которое Аллэн назначил для своего возвращения. Но доктор, посоветовавшись со своей медицинской опытностью, счёл возможным, что «мистер Армадэль мог в свои молодые лета выздороветь скорее, чем предполагали его доктора». Вследствие этого, предосторожности ради, Бэшуду было велено начать ожидать прибытия поездов на другой день после того, как он получил письмо от своего хозяина.

От второго до седьмого декабря управитель аккуратно ждал на платформе, видел, как подъезжали поезда и убеждался каждый вечер, что все приезжие были незнакомы ему. От второго до седьмого декабря мисс Гуильт (мы возвращаемся к имени, под которым она более известна на этих страницах) получала его ежедневные донесения иногда лично, иногда письменно. Доктор, которому передавались эти донесения, читал их в свою очередь с невозмутимой уверенностью в правильности принятой предосторожности, до утра восьмого числа. В этот день раздражение от столь продолжительной неизвестности произвело перемену к худшему в переменчивом расположении духа мисс Гуильт, заметную для всех окружающих. Эта метаморфоза довольно странным образом отразилась такой же заметной переменной в обращении доктора, когда он нанёс мисс Гуильт свой обычный визит. По случайности столь необыкновенной, что его враги могли бы подозревать, что это вовсе не было случайностью, в то утро, когда мисс Гуильт потеряла терпение, доктор в первый раз также потерял свою уверенность.

— Нет известий, разумеется, — сказал он, садясь с тяжёлым вздохом. — Хорошо! Хорошо!

Мисс Гуильт с раздражением подняла на него глаза от своей работы.

— Вы, кажется, в необыкновенно унылом расположении сегодня, — сказала она. — Чего вы боитесь теперь?

— Обвинение в боязни, — торжественно отвечал доктор, — нельзя опрометчиво бросать ни на одного мужчину, даже когда он принадлежит к такой мирной профессии, как моя. Я не боюсь. Я, как вы правильнее выразились сначала, в необыкновенно унылом расположении духа. Я по природе, как вам известно, сангвиник и вижу сегодня только то, что без моей привычной склонности к надежде я мог и должен бы видеть неделю тому назад.

Мисс Гуильт с досадой бросила свою работу.

— Если бы слова стоили денег, — сказала она, — увлечение болтовнёй обошлось бы для вас дорого.

— Что я мог и должен был бы видеть, — повторил доктор, не обращая ни малейшего внимания на слова мисс Гуильт, — неделю тому назад? Говоря попросту, я вовсе не так уверен, как прежде, что мистер Армадэль согласится без борьбы на условия, которые мои выгоды, в меньшей степени чем ваши, требуют поставить ему. Заметьте, я не сомневаюсь что нам удастся заманить его в лечебницу, я только сомневаюсь, окажется ли он таким сговорчивым, как я сначала предполагал. Что если он смел, упрям, — продолжал доктор, в первый раз поднимая глаза и пристально всматриваясь в мисс Гуильт, — что если он будет держаться целые недели, целые месяцы, как многие люди в подобном положении держались и прежде него? Что выйдет из этого? Риск задерживать его насильно в заключении увеличивается с быстро растущими процентами и становится огромным! Мой дом в эту минуту уже готов для приёмов пациентов; пациенты могут появиться через неделю; пациенты могут поддерживать связь с мистером Армадэлем, или мистер Армадэль может поддерживать связь с пациентами. Записка или письмо могут быть вынесены из дома и переданы комиссионерам, наблюдающим за домами умалишённых. Даже когда дело идёт о частном заведении, таком, как моё, этим господам стоит только обратиться к лорду-канцлеру за разрешением и, придя в мою лечебницу, и обыскать дом сверху донизу! Я не желаю смущать вас, я не желаю вас пугать, я не имею намерения сказать, что меры, принятые для нашей безопасности, не самые лучшие, какие имеются в нашем распоряжении, я только прошу вас вообразить, как комиссионеры войдут в мой дом, а потом представить последствия...

последствия! — повторил доктор, поднимаясь со своего места и взяв шляпу, будто имел намерение уйти из комнаты.

— Вы хотите ещё что-то сказать? — спросила мисс Гуильт.

— Можете вы высказать что-нибудь на это с вашей стороны? — возразил доктор.

Он стоял со шляпой в руке и ждал. Минуты две оба смотрели друг на друга. Мисс Гуильт заговорила первая:

— Мне кажется, я понимаю вас, — сказала она, вдруг снова став спокойной.

— Извините, — переспросил доктор, приложив руку к уху, — что вы сказали?

— Ничего.

— Ничего?

— Если вам случится поймать другую муху сегодня, — с горечью сказала мисс Гуильт, насмешливо делая ударение на слово «муху», — я способна оскорбить вас другой «шуточкой».

Доктор умоляюще поднял кверху обе руки с выражением покорности на лице и явно повеселев.

— Жестоко, — прошептал он кротко, — что вы не простили мне даже теперь этой несчастной ошибки!

— Что ещё хотите вы сказать? Я жду, — проговорила мисс Гуильт.

Она с пренебрежением повернула кресло к окну и опять принялась за свою работу. Доктор встал позади неё и положил руку на спинку кресла.

— Во-первых, я должен задать вопрос, — сказал он, — а во-вторых, посоветовать принять меры необходимой предосторожности. Если вы удостоите меня вашим вниманием, я прежде задам вопрос.

— Я слушаю.

— Вы знаете, что мистер Армадэль жив, — продолжал доктор, — знаете, что он возвращается в Англию, зачем же вы продолжаете носить ваш вдовий траур?

Она отвечала ему без малейшей нерешительности, продолжая заниматься своей работой:

— Потому что я сангвинического характера, так же как и вы, и намерена полагаться на случай до самого конца. Мистер Армадэль может ещё умереть на обратном пути.

— А если он придет живой, тогда что?

— Тогда может произойти ещё одна случайность.

— Какая, позвольте спросить?

— Он может умереть в вашей лечебнице.

— Милостивая государыня, — возразил доктор густым басом, который он сохранял для вспышек добродетельного негодования, — подождите! Вы говорите о случайностях, — продолжал он, переходя на более спокойный тон в разговоре. — Да! Да! Разумеется. Я понимаю вас на этот раз. Даже искусство излечения зависит часто от случайностей, даже в такой лечебнице, как моя, может иметь место смертельный исход. Именно, именно! — повторил доктор, соглашаясь с мисс Гуильт с показным беспристрастием. — Я допускаю случайности, если вы хотите рассчитывать на них. Заметьте: я говорю, если вы хотите рассчитывать на них.

Наступила снова минута молчания — молчания такого глубокого, что в комнате ничего не было слышно, кроме шороха от иголки мисс Гуильт, продаваемой в её работе.

— Продолжайте, — сказала она, — вы ещё не кончили.

— Правда, — ответил доктор, выслушав этот вопрос, — я должен ещё посоветовать вам принять меры предосторожности. Вы увидите, что я с своей стороны не расположен полагаться на случайности. Размышления убедили меня, что мы с вами (говоря о местности) не так удобно живём, как мы могли бы жить в расчёте на непредвиденный случай. Кэбов мало в этой только обживаемой местности. Я живу в двадцати минутах ходьбы от вас, вы живёте в двадцати минутах ходьбы от меня. Я ничего не знаю о характере мистера Армадэля, вы знаете его хорошо. Может быть, окажется необходимо — крайне необходимо — вдруг обратиться к вашему более близкому знакомству с ним. Как же это я сделаю, если мы не будем находиться близко друг от друга, не под одной кровлей? В интересах нас обоих я приглашаю вас переселиться в мою лечебницу на короткое время.

Быстрая иголка мисс Гуильт вдруг остановилась.

— Я понимаю вас, — сказала она опять так же спокойно, как прежде.

— Извините, — отвечал доктор в новом приступе глухоты поднося руку к уху.

Она засмеялась про себя тихим дьявольским смехом, который испугал даже доктора, так что он отнял свою руку от спинки её кресла.

— Переселиться в вашу лечебницу? — повторила она. — Вы соблюдаете внешне приличия во всём другом, намерены ли вы соблюсти эти приличия, принимая меня в ваш дом.

— Непременно! — отвечал доктор с энтузиазмом. — Я удивляюсь, почему вы задаёте мне этот вопрос? Знали ли вы когда человека моей профессии, который пренебрегал бы внешними приличиями? Если вы согласитесь принять моё приглашение, вы поступите в мою лечебницу в самой безупречной роли — роли пациентки.

— Когда вам нужен мой ответ?

— Можете вы решить сегодня?

— Нет.

— Завтра?

— Да. Вы хотите ещё что-то сказать?

— Больше ничего.

— Оставьте же меня. Я не соблюдаю приличий. Я желаю быть одна, и говорю это. Всего доброго.

— О женщины! Женщины! — сказал доктор, опять возвратившись к прежнему расположению духа. — Такая восхитительная впечатлительность! Какая очаровательная небрежность в том, что они говорят или как они говорят! О! Как женщины нерешительны, застенчивы и как им трудно угодить! Прощайте.

Мисс Гуилт встала и презрительно посмотрела ему вслед из окна, когда дверь на улицу затворилась и он вышел из дома.

— Сам Армадэль принудил к этому в первый раз, — сказала она. — Мануэль принудил меня к этому второй раз. Неужели я позволю тебе, трусливому злодею, принудить меня к этому и в последний раз.

Она отошла от окна и задумчиво посмотрела в зеркало на свой вдовый траур.

День прошёл, а она не решила ничего. Настала ночь, а она ещё колебалась. Настало новое утро, а страшный вопрос ещё остался без ответа. С ранней почтой получила она письмо: это было обычное

донесение Бэшуда. Опять он поджидал приезда Аллена и опять напрасно.

— Я хочу иметь больше времени! — запальчиво воскликнула она. — Ни один человек на свете не заставит меня решиться скорее, чем я сама решу!

За завтраком в это утро (девятого декабря) доктор был застигнут в своём кабинете визитом мисс Гуильт.

— Мне нужен ещё день, — сказала она, как только слуга затворил за нею дверь.

Доктор посмотрел на мисс Гуильт, прежде чем ответил, и понял, по выражению её лица, как в эту минуту опасно доводить её до крайности.

— Время уходит, — возразил он спокойным тоном. — Почём мы знаем, может быть, мистер Армадэль будет здесь сегодня.

— Мне нужен ещё день! — повторила она громко и горячо.

— Согласен, — сказал доктор, с тревогой смотря на дверь. — Не говорите слишком громко: слуги могут слышать вас. Помните, — прибавил он, — я полагаюсь на вашу честь, надеюсь, что вы не станете принуждать меня к дальнейшей отсрочке.

— Вы лучше положитесь на моё отчаяние, — сказала она и оставила его.

Доктор очистил скорлупу на яйце и тихо засмеялся.

«Совершенно справедливо, моя милая! — подумал он. — Я помню, куда отчаяние привело тебя в прошлый раз, и, мне кажется, я могу предположить, что оно приведёт тебя туда же и теперь».

Без четверти восемь Бэшуд занял свой наблюдательный пост, как обыкновенно, на платформе станции железной дороги у Лондонского моста.

Поезда ожидали в этот вечер в восемь часов. В пять минут девятого раздался свисток. Ещё через пять минут пассажиры уже выходили на платформу.

Следуя полученным инструкциям, Бэшуд пробрался сквозь толпу к дверям вагонов и, не заметив знакомого лица при этом первом осмотре, присоединился к пассажирам, чтобы посмотреть на них во второй раз в приёмной комнате таможни. Он огляделся по сторонам комнаты и удостоверился, что все люди, находившиеся там, незнакомы ему, когда вдруг услышал позади себя голос, воскликнувший:



— Неужели это мистер Бэшуд?

Он обернулся в нетерпеливом ожидании и очутился лицом к лицу с последним человеком на свете, которого он желал увидеть.

Этим человеком был Мидуинтер.

## Глава II

### В ДОМЕ

Заметив замешательство Бэшуда (одного брошенного взгляда было достаточно, чтобы обнаружить перемену в его наружности), Мидуинтер заговорил первый.

— Я вижу, что удивил вас, — сказал он. — Вы, верно, отыскивали кого-нибудь другого? Получили вы известие от Аллэна? Возвращается он домой?

Вопрос об Аллэне, хотя он естественно пришёл бы в голову всякому в положении Мидуинтера, в эту минуту увеличил замешательство Бэшуда. Не зная, как выпутаться из критического положения, в которое он был поставлен, Бэшуд прибегнул к простому отрицанию.

— Я ничего не знаю о мистере Армадэле, — отвечал он с ненужной торопливостью. — Добро пожаловать обратно в Англию, сэр, — продолжал он, меняя тему разговора со своим обычным смятением в голосе. — Я не знал, что вы были за границей... Как давно мы не имели удовольствия... Я не имел удовольствия... Веселились вы, сэр, за границей? Такие отличные обычаи от наших! Долго вы останетесь в Англии теперь, когда вернулись?

— Я сам не знаю, — отвечал Мидуинтер. — Я был вынужден изменить свои планы и неожиданно приехать в Англию. — Он был в нерешительности, голос его изменился, и Мидуинтер добавил очень тихо:

— Серьёзное беспокойство заставило меня возвратиться. Я не могу сказать, какими будут мои планы до тех пор, пока это беспокойство не пройдёт.

Свет от фонаря падал на его лицо, и Бэшуд заметил, что он очень переменялся и похудел.

— Мне жаль, сэр, право, мне очень жаль. Не могу ли я быть вам полезен? — спросил Бэшуд, говоря под влиянием отчасти своей обычной вежливости, отчасти своих воспоминаний о том, что Мидуинтер сделал для него в Торп-Эмброзе в прошлом.

Мидуинтер поблагодарил его и грустно ответил:

— Я боюсь, что вы не сможете быть полезны, мистер Бэшуд. Тем не менее я очень благодарен за ваше предложение.

Он остановился и соображал некоторое время.

— Что если она не больна? Что если случилось какое-нибудь несчастье? — продолжал он, говоря сам с собой и опять повернувшись к управителю. — Если она оставила свою мать, может быть, её следы найдутся, если поспрашивать в Торп-Эмброзе?

Любопытство Бэшуда было тотчас возбуждено. Его теперь интересовали все женщины ради мисс Гуильт.

— Вы отыскиваете какую-нибудь даму, сэр? — спросил он.

— Я отыскиваю, — сказал Мидуинтер просто, — мою жену.

— Вы женились, сэр? — воскликнул Бэшуд. — Вы женились после того, как я имел удовольствие видеть вас? Могу я осмелиться спросить...

Глаза Мидуинтера тревожно смотрели в землю.

— Вы знали эту особу, — сказал он. — Я женился на мисс Гуильт.

Управитель отскочил назад, как отскочил бы от заряженного пистолета, приставленного к его голове. Глаза его сверкнули, как будто он вдруг лишился рассудка, и нервный озноб, которому он был подвержен, охватил его с головы до ног.

— Что такое с вами? — спросил Мидуинтер.

Ответа не последовало.

— Что же такого удивительного в том, что мисс Гуильт моя жена? — продолжал он немного нетерпеливо.

— Ваша жена? — повторил Бэшуд с отчаянием, — Миссис Армадэль...

Он сдержался с отчаянным усилием и не сказал ничего более. Изумление, овладевшее управителем, тотчас же отразилось на лице Мидуинтера. Имя, под которым он втайне обвенчался со своей женой, сорвалось с губ последнего человека на свете, которому он думал оказать доверие! Он взял под руку Бэшуда и отвёл его к более малолюдной стороне платформы, чем та, где они до сих пор говорили друг с другом.

— Вы говорили о моей жене и вместе с тем о миссис Армадэль, — сказал он. — Что вы хотели этим сказать?

Опять ответа не было. Будучи совершенно не способен понять что-нибудь, кроме того, что он впутался в какое-то серьёзное дело, совершенно для него непонятное, Бэшуд старался высвободиться от руки, удержавшей его, и старался напрасно. Мидуинтер сурово повторил вопрос:

— Я спрашиваю вас опять: что вы хотели этим сказать?

— Ничего... сэр! Даю вам честное слово, что я не хотел сказать ничего!

Он чувствовал, как рука Мидуинтера все крепче сжимала его руку, он видел даже в темноте отдалённого угла, в котором они стояли, что Мидуинтер охвачен гневом и что с ним нельзя было шутить. Степень его опасности внушила ему единственную возможность, которую имеет робкий человек, когда его принуждает сила стать лицом к лицу с непредвиденным обстоятельством — возможность солгать.

— Я только хотел сказать, сэр, — сказал он с отчаянным усилием, пытаюсь смотреть и говорить с уверенностью, — что мистер Армадэль удивится...

— Вы сказали миссис Армадэль.

— Нет, сэр... Честное слово, вы ошибаетесь... Право, ошибаетесь! Я сказал мистер Армадэль... Как мог я сказать что-нибудь другое? Пожалуйста, отпустите меня, мне некогда. Уверю вас, что мне страшно некогда.

Мидуинтер ещё с минуту удерживал его и в эту минуту решил, что ему делать.

Он справедливо сказал, что его возвращение в Англию было вызвано беспокойством о его жене — беспокойством, естественно возбуждённым (после аккуратного получения от неё писем через день или через два дня) внезапным прекращением переписки между ними с её стороны в течение целой недели. Первое смутное, ужасное подозрение о другой причине её молчания, а не какого-нибудь несчастья или болезни, которым он до сих пор приписывал это, охватило его вдруг внезапным холодом, как только услышал, что управитель жену его назвал миссис Армадэль. Маленькие неточности в её переписке, которые он до сих пор считал только странными, теперь пришли к нему на память и показались ему также подозрительными. До сих пор он верил причинам, приводимым ею,

пока она не дала ему другого, более определённого адреса, чтобы отвечать на её письма, кроме адреса почтовой конторы. Теперь он стал подозревать, что эти причины были просто предлогом. До сих пор он имел намерение приехать в Лондон, расспросить в одном-единственном месте, которое было ему известно, чтобы найти её следы по тому адресу, который она дала ему, будто бы квартиры, где жила «её мать». Теперь (по причине, которую он боялся даже определить самому себе, но которая была так сильна, что пересиливала все другие соображения в его голове) он решил прежде всего выяснить, почему Бэшуду известна тайна, которая была брачной тайной между ним и его женой. Всякий прямой вопрос управителю в настоящем состоянии его духа, очевидно, был бы бесполезен. Оружие обмана было в этом случае насильно вложено в руки Мидуинтера. Он выпустил руку Бэшуда и сделал вид, что принял его объяснение.

— Извините, — сказал он, — я не сомневаюсь, что вы правы. Пожалуйста, припишите мою грубость беспокойству и усталости. Желаю вам доброго вечера.

Станция к этому времени была уже почти пуста, пассажиры прибывшего поезда собрались для проверки их багажа в приёмной таможене. Было нелегко как будто проститься с Бэшудом, а на самом деле не терять его из виду, но прежняя жизнь Мидуинтера с его хозяином-цыганом была такова, что приучила его к таким уловкам, к каким он теперь был вынужден прибегать. Он отошёл к дверям пустых вагонов, открыл одну из них, как бы отыскивая что-то оставленное им, и заметил, что Бэшуд направляется к ряду кэбов, стоящих у противоположной стороны платформы. Мидуинтер быстро прошёл к длинному ряду экипажей со стороны, дальней от платформы, сел во второй кэб с левой стороны через минуту после того, как Бэшуд взобрался в первый кэб с правой стороны.

— Я заплачу вдвое, — сказал Мидуинтер извозчику, — если вы не потеряете из виду кэб, который едет перед нами, и поспеете за ним, куда бы он ни поехал.

Ещё через минуту оба экипажа отъехали от станции.

Клерк сидел в своей будочке у ворот и записывал, куда едут проезжавшие кэбы. Мидуинтер услышал, что извозчик, который вёз его, закричал «Гэмпстид!», когда проезжал мимо окна клерка.

— Зачем вы сказали — Гэмпстид? — спросил он, когда они выехали со станции.

— Потому что извозчик, ехавший передо мною, сказал «Гэмпстид», сэр, — отвечал кучер.

Во время утомительной поездки к северо-западному предместью Мидуинтер непрерывно спрашивал, виден ли ещё кэб. Кучер непрерывно отвечал:

— Прямо перед нами.

Был уже десятый час, когда извозчик остановил наконец своих лошадей. Мидуинтер вышел и увидел перед собой кэб, ожидавший у дверей какого-то дома. Как только он удостоверился, что извозчик был тот самый, которого нанял Бэшуд, он заплатил обещанную награду и отпустил свой кэб.

Он стал ходить взад и вперёд перед домом. Смутное страшное подозрение, возникшее в его душе на станции железной дороги, приняло в это время определённую форму, которая была для него ненавистна. Без малейшего основания он вдруг слепо заподозрил неверность своей жены и слепо стал подозревать, что Бэшуд служит ей посредником. Ужасаясь своей болезненной фантазии, он решил записать номер дома и название улицы, а потом, чтобы не обижать напрасно свою жену, тотчас обратиться по адресу, который она дала ему как адрес того дома, где жила её мать. Он вынул свою записную книжку и пошёл на угол улицы, когда заметил, что извозчик, привёзший Бэшуда, смотрел на него с любопытством и удивлением. Мысль расспросить извозчика, пока представился случай, немедленно пришла ему в голову. Он вынул полкроны из кармана и положил её в руку извозчика.

— Господин, которого вы привезли со станции, вошёл в этот дом? — спросил он.

— Да, сэр.

— Вы слышали, спрашивал ли он кого-нибудь, когда дверь была отворена?

— Он спрашивал даму, сэр, миссис... — Кучер колебался. — Это имя было необыкновенное, сэр. Я его узнаю, если опять его услышу.

— Мидуинтер?

— Нет, сэр.

— Армадэль?

— Точно так, миссис Армадэль.

— Вы уверены, что он спросил миссис, а не мистера?

— Я так уверен, как может быть уверен человек, не обративший на это внимания, сэр.

Сомнение, заключавшееся в этом последнем ответе, заставило Мидуинтера решиться тут же разузнать, в чём дело. Он поднялся по ступеням к двери. Когда он поднёс руку к колокольчику, охватившее волнение на минуту лишило его сил. Странное ощущение, как будто его сердце буквально выпрыгнуло из груди, испытал он, закружилась голова. Он удержался за перила лестницы, повернул лицо к воздуху и терпеливо ждал, пока слабость пройдёт. Потом он позвонил в колокольчик.

— Дома... — Он хотел сказать «миссис Армадэль», когда служанка отворила дверь, но даже его решимость не могла заставить это имя сорваться с губ. — Дома ваша госпожа? — спросил он.

— Дома, сэр.

Служанка повела его в дальнюю гостиную и представила маленькой старушке с хорошими манерами и блестящими глазами.

— Тут какая-то ошибка, — сказал Мидуинтер. — Я желал видеть... — Опять он старался произнести имя, и опять у него не хватало сил.

— Миссис Армадэль? — подсказала маленькая старушка с улыбкой.

— Да.

— Проводи господина наверх, Дженни.

Служанка повела Мидуинтера в гостиную второго этажа.

— Как о вас доложить, сэр?

— Никак.

Бэшуд, только что закончил своё донесение о том, что случилось на станции. Самовластная повелительница Бэшуда ещё сидела, онемев от удара, поразившего её, когда дверь комнаты отворилась и Мидуинтер появился на пороге. Он сделал шаг в комнату и машинально запер за собой дверь. Он стоял в полном молчании и смотрел на свою жену с пронизательностью, которая была ужасна по своему неестественному спокойствию, и охватывал её твёрдо одним пытливым взглядом с головы до ног.

В полном молчании встала она со стула, в полном молчании стояла она на каминном ковре прямо перед мужем в своём вдовьем трауре.

Он сделал шаг ближе к ней и опять остановился. Он поднял руку и указал своим тонким смуглым пальцем на её платье.

— Что это значит? — спросил Мидуинтер, не теряя своего страшного самообладания и не шевеля своей протянутой рукой.

При звуке его голоса грудь её, тяжело дышавшая, — что было единственным видимым признаком волнения, охватившего мисс Гуильт, вдруг перестала волноваться. Она стояла непроницаемо молчалива, так неподвижно, что нельзя было заметить, дышит ли она, как будто его вопрос поразил её в сердце.

Он сделал ещё шаг навстречу к ней и повторил свой вопрос ещё тише и спокойнее, чем это было в первый раз. Ещё одна минута молчания, ещё одна минута неопределённости могли стать для неё спасением, но роковая черта её характера восторжествовала в этот кризисный момент их судьбы. Бледная, неподвижная, с диким горящим взглядом встретила она страшный неожиданный удар с большим мужеством и произнесла фатальные слова, которыми она отрекалась от мужа.

— Мистер Мидуинтер, — произнесла она тоном, неестественно жёстким и неестественно чётким, — наше знакомство не даёт вам право говорить со мною таким образом.

Таковы были её слова. Она не поднимала глаз, когда произносила их, а когда произнесла, последний слабый румянец исчез с её щёк.

Наступило молчание. Все ещё пристально глядя на неё, Мидуинтер старался запечатлеть в уме слова, с которыми она обратилась к нему.

— Она называет меня «мистером Мидуинтером», — сказал он шёпотом. — Она говорит «о нашем знакомстве».

Он подождал немного и осмотрел комнату. Его блуждающие глаза увидели Бэшуда. Управитель стоял у камина, дрожа, наблюдая за ним.

— Я когда-то оказал вам услугу, — сказал он, — а вы когда-то сказали мне, что вы благодарный человек. Достаточно ли вы мне признательны, чтобы ответить мне, если я вас спрошу о чём-нибудь?

Он опять подождал. Бэшуд все стоял, дрожа, у камина и молча наблюдая за Мидуинтером.



— Я вижу, что вы как-то странно смотрите на меня, — продолжал Мидуинтер. — Разве во мне произошла какая-нибудь перемена, которой я сам не замечаю? Разве я вижу предметы, которых не видите вы? Разве я слышу слова, которых не слышите вы? Разве я смотрю и говорю, как человек не в своём уме?

Опять он подождал, и опять молчание не прерывалось. Глаза Мидуинтера засверкали, горячая кровь, которую он наследовал от матери, ударила в голову, густой румянец покрыл его бледные щёки.

— Та ли это женщина, — спросил он, — которую вы знали прежде и которая называлась мисс Гуильт?

Опять жена его собралась со всем своим мужеством, опять она произнесла роковые слова:

— Вы принуждаете меня снова сказать, что вы употребляете во зло наше знакомство и забываете о необходимости уважения ко мне.

Он обернулся к ней так внезапно и грозно, что с губ Бэшуда сорвался крик испуга.

— Вы жена моя или нет? — спросил он сквозь сжатые зубы.

— Я не жена ваша, — отвечала она.

Он, шатаясь, отступил назад, отыскивая рукой, за что бы ухватиться, как человек, находящийся в темноте. Он тяжело прислонился к стене и посмотрел на женщину, которая совсем недавно спала на груди его, а теперь, глядя ему в глаза, отреклась от него.

Бэшуд стоял, сражённый ужасом, возле неё.

— Пойдите сюда, — шепнул он, — увлекая её к двери, которая вела в смежную комнату. — Ради Бога скорее! Он убьёт вас!

Она отстранила старика рукой, посмотрела на него с внезапным румянцем на своём окаменевшем лице и ответила ему губами, на которых медленно появлялась дьявольская улыбка.

— Пусть он убьёт меня! — сказала она.

Когда эти слова сорвались с её губ, Мидуинтер отпрыгнул от стены с криком, разнёсшимся по всему дому. Бешенство сумасшедшего сверкнуло в его тусклых глазах и угрожало ей его поднятыми руками. Он приблизился к ней на расстояние протянутой руки и вдруг остановился. Густой румянец исчез с его лица в ту самую минуту, когда он остановился, веки его закрылись, протянутые руки задрожали и беспомощно повисли. Он упал как мёртвый и как

мёртвый лежал на руках жены, которая отреклась от него Она опустила на пол, положила его голову на свои колени. Потом схватила руку управителя, старающегося помочь ей, и сжала её, как в тисках.

— Бегите за доктором, — сказала она, — и не пускайте сюда никого, пока он придёт.

В её глазах и в её голосе было что-то такое, что заставило бы всякого человека, кем бы он ни был, молча повиноваться ей. Молча покорился и Бэшуд и торопливо вышел из комнаты.

Как только она осталась одна, сейчас же подняла его со своих колен. Обняв Мидуинтера обеими руками, эта жалкая женщина прижала его безжизненное лицо к своему лицу и стала его укачивать на груди своей с такой нежностью, которая не нашла бы выражения в слезах, и с такими угрызениями совести, которых невозможно было передать словами. Молча прижимала она его к груди, молча покрывала поцелуями его лоб, щеки и губы. Ни малейшего звука не сорвалось с губ её, пока она не услышала шаги людей, торопливо поднимавшихся по лестнице. Потом тихий стон сорвался с губ её, когда она взглянула на него в последний раз, и опять положила голову его на свои колени, прежде чем вошли посторонние.

Когда отворилась дверь, она увидела сначала хозяйку и управителя, за ними шёл доктор, живший на этой же улице. Трагичность и красота её лица, когда она подняла на него глаза, поразили воображение доктора, отвлекли его внимание от всего другого. Мисс Гуильт должна была сделать ему знак головой, она должна была указать ему на бесчувственного человека, прежде чем успела обратить его внимание на пациента и отвлечь это внимание от себя.

— Умер он? — спросила она.

Доктор отнёс Мидуинтера на диван и приказал отворить окна.

— Это обморок, — сказал он, — и больше ничего.

Услышав этот ответ, она поняла, что силы изменили ей в первый раз. Мисс Гуильт глубоко вздохнула и с облегчением облокотилась о камин. Только один Бэшуд заметил, что она изнемогла от волнения. Он провёл её в противоположный конец комнаты, где стояло кресло, и предоставил хозяйке подавать доктору то, что он требовал.

— Вы будете здесь ждать, пока он опомнится? — шепнул управитель, смотря на диван и дрожа.

Этот вопрос возвратил ей чувство реального положения, сознание безжалостной необходимости, в силу которой это положение теперь вынуждало её поступить. С тяжёлым вздохом посмотрела она на диван, посоветовалась сама с собой с минуту и ответила на вопрос Бэшуда вопросом:

— Здесь ли ещё тот кэб, который привёз вас с железной дороги?

— Здесь.

— Поезжайте сейчас в лечебницу и ждите у ворот, пока я к вам приду.

Бэшуд колебался. Она подняла на него глаза и одним взглядом выслала его из комнаты.

— Больной опомнился, — сказала хозяйка, когда управитель затворил дверь. — Он только что глубоко вздохнул.

Она поклонилась, это было безмолвным ответом, встала, опять посоветовалась с собой, во второй раз посмотрела на диван, потом прошла в свою спальню.

Через некоторое время доктор отошёл от дивана и сделал хозяйке знак стать поодаль. Телесное выздоровление пациента было надёжно. Ничего более не оставалось делать, как ждать и предоставить его организму медленно возвращать сознание того, что случилось.

— Где она? — были первые слова, которые Мидуинтер сказал доктору и хозяйке, тревожно наблюдавшими за ним.

Хозяйка постучалась в дверь спальни и не получила ответа. Она заглянула в комнату и нашла её пустой. На туалете лежал листок бумаги с деньгами для доктора. На бумаге написаны были такие строки, очевидно набросанные в сильном волнении и очень торопливо: «Мне невозможно оставаться здесь сегодня после того, что случилось. Я возвращусь завтра за моими вещами и заплачу за то, что я вам должна».

— Где она? — опять спросил Мидуинтер, когда хозяйка вернулась одна в гостиную.

— Ушла, сэр.

— Не верю!

Старушка вспыхнула.

— Если вы знаете её почерк, сэр, — отвечала она, подавая ему бумагу, — может быть, вы поверите этому.

Он прочитал.

— Я прошу извинения, — сказал Мидуинтер, отдавая ей назад бумагу. — Я прошу у вас извинения от всего своего сердца.

В его лице, когда он произнёс эти слова, было что-то такое, не только уничтожившее раздражение старушки, но даже тронувшее её внезапным состраданием к человеку, который оскорбил её.

— Я боюсь, что под всем этим кроются какие-нибудь ужасные неприятности, сэр, — сказала она просто. — Не желаете ли вы, чтобы я передала какое-нибудь поручение этой даме, когда она вернётся?

Мидуинтер встал и прислонился на минуту к стене.

— Я сам принесу завтра моё поручение, — сказал он. — Я должен видеть её, прежде чем она оставит ваш дом.

Доктор проводил своего пациента на улицу.

— Не надо ли проводить вас домой? — сказал он ласково. — Вам лучше не идти пешком, если это далеко. Вам нельзя утомляться, вам нельзя простужаться в эту холодную ночь.

Мидуинтер взял его за руку и тепло поблагодарил.

Оставшись один, Мидуинтер остановился и молча посмотрел на небо. Небо прояснилось, сияли звёзды — те звёзды, которые он в первый раз научился узнавать от своего цыгана-хозяина на горе. В первый раз мысли его с сожалением вернулись к детским дням.

«О, моя прежняя жизнь, — подумал он с тоской. — Я не знал до сих пор, как счастлива была моя прежняя жизнь!»

Мидуинтер опомнился и пошёл в сторону открытой местности. Лицо его омрачилось, когда обжитые улицы остались позади. Он шёл навстречу уединению и темноте, которые простирались перед ним.

— Сегодня она отрёклась от своего мужа, — сказал он. — Завтра она узнает своего властелина.

## Глава III

# ПУРПУРОВЫЙ ФЛАКОН

Кэб ждал у дверей, когда мисс Гуильт подошла к лечебнице. Бэшуд вышел её встретить, она взяла его под руку и отвела на несколько шагов, так, чтобы не слышал извозчик.

— Думайте обо мне, что хотите, — сказала она, не поднимая с лица густой чёрной вуали, — но не говорите со мною сегодня. Поезжайте назад в вашу гостиницу, действуйте так, как будто не случилось ничего. Встречайте, по обыкновению, поезд завтра, а потом приезжайте ко мне в лечебницу. Поезжайте, не говоря ни слова, и я поверю, что на свете есть один человек, который истинно любит меня. Если же вы останетесь и будете задавать вопросы, я прощусь с вами тотчас и навсегда.

Она указала на кэб. Ещё через минуту кэб отъехал от лечебницы и повёз Бэшуда в гостиницу. Она открыла железную калитку и медленно подошла к двери дома. Дрожь пробежала по её телу, когда она позвонила в колокольчик. Мисс Гуильт горько засмеялась.

— Опять дрожу! — сказала она себе. — Кто подумал бы, что во мне осталось так много чувства?

Раз в жизни лицо доктора сказало правду, когда в одиннадцатом часу вечера отворилась дверь и мисс Гуильт вошла в комнату.

— Господи помилуй! — воскликнул он с изумлённым видом. — Что это значит?

— Это значит, — отвечала она, — что я решила сегодня вместо того, чтобы решить завтра. Вы, так хорошо знающие женщин, должны понимать, что они действуют по внутреннему побуждению. Меня привело сюда внутреннее убеждение. Примите меня или бросьте на произвол судьбы, как хотите.

— Принять вас или бросить... — повторил доктор, к которому вернулось присутствие духа. — Какие вы ужасные употребляете выражения! Ваше комната сейчас будет готова. Где ваша поклажа? Вы мне позволите послать за нею? Нет? Вы можете обойтись без вашей поклажи сегодня? Какая удивительная твёрдость! Вы сами пойдёте за

нею сегодня? Какая необыкновенная независимость! Снимите вашу шляпку. Присядьте к огню! Что могу я вам предложить?

— Предложите мне самое сильное снотворное средство, какое вам случилось составлять в своей практике, — отвечала она, — и оставьте меня в покое до тех пор, пока наступит время его принять. Я серьёзно хочу быть вашей пациенткой! — прибавила она, когда доктор пробовал возражать. — Я буду самой бешеной из бешеных, если вы будете раздражать меня сегодня!

Хозяин лечебницы тотчас же стал серьёзным и спокойным, как врач.

— Сядьте в этот тёмный угол, — сказал он. — Вас не потревожит никто. Через полчаса ваша комната будет готова и снотворное лекарство на столе.

«Это было для неё более тяжёлой борьбой, чем я ожидал, — думал он, выходя из комнаты и направляясь к своей аптеке, находившейся в противоположной стороне передней. — Великий Боже! Какое ей дело до своей совести после такой жизни, какую вела она!»

Аптека была заполнена всеми последними изобретениями по медицинской части. Но одна из четырех стен не была занята полками, и это пустое пространство было заставлено красивым старинным шкапом из резного дерева, странно не согласовавшимся с простой, практичной мебелировкой этой комнаты вообще. С каждой стороны шкапа две трубы были вделаны в стену, сообщаясь с верхними этажами дома и с табличками. На одной трубе — «К дежурному аптекарю», а на другой — «К главной сиделке». Доктор, когда вошёл в комнату, сказал несколько слов во вторую трубу — появилась пожилая женщина, получила приказание приготовить спальню миссис Армадэль, поклонилась и ушла.

Оставшись один в аптеке, доктор открыл среднее отделение шкапа, внутри находилась коллекция бутылок, содержащих различные яды, используемые в медицине. Вынув опиум, необходимый для усыпительного приёма, и поставив склянку на прилавок, доктор вернулся к шкапу, заглянул в него, с сомнением покачал головой и подошёл к открытым полкам на противоположной стороне комнаты. Там, немного подумав, он вынул из ряда больших склянок, стоявших перед ним, одну с жёлтой жидкостью. Поставив эту склянку на стол,

он вернулся к шкапику, открыл боковое отделение, где стояла стеклянная посуда. Он выбрал красивый пурпуровый флакон, высокий и узкий по форме, со стеклянной же пробкой, и наполнил её жёлтой жидкостью, оставив только небольшое количество на дне банки, и опять поставил, а затем запер флакон там, откуда его взял. Потом поставил бутылку на прежнее место, наполнив её водою из цистерны, находившейся в аптеке, смешанной с химическими жидкостями в небольшом количестве, что сделало эту склянку (по цвету) совершенно такой, какой она была, когда он снял её с полки. Завершив все эти таинственные комбинации, доктор тихо засмеялся и вернулся к своим трубам вызвать провизора.

Провизор пришёл в длинном белом переднике от пояса до самых ступней ног. Доктор торжественно написал рецепт успокоительного питья и подал его провизору.

— Нужно немедленно, Бенджамин, — сказал он тихим и меланхолическим голосом. — Больная дама — миссис Армадэль, номер комнаты I, на втором этаже. Ах, Боже мой, Боже мой! — печально произнёс доктор. — Болезнь серьёзная, Бенджамин, болезнь серьёзная.

Он раскрыл совершенно новую регистрационную книгу своего заведения и записал историю болезни подробно, а также выписанный рецепт.

— Вы отлили лавдан? Поставьте его на место, закройте шкаф и отдайте мне ключ. Готово лекарство? Надпишите на сигнатурке: «Принять перед сном» — и отдайте сиделке, Бенджамин, отдайте сиделке.

Пока губы доктора отдавали эти приказания, его руки были заняты отпиранием ящика под конторкой, на которой лежала регистрационная книга. Он вынул из ящика красиво напечатанные билеты для посещения лечебницы, от 2 до 4 часов пополудни, и вписал число следующего дня — ю декабря. Когда двенадцать этих билетов были завернуты в двенадцать пригласительных писем и вложены в двенадцать отпечатанных литографским способом конвертов, он внимательно просмотрел список семейств, живших в окрестностях, и надписал их адреса на конвертах, сверяясь со списком. Позвонив в колокольчик он отдал явившемуся слуге письма и велел разнести их на следующее утро.

— Кажется, этого довольно, — сказал доктор, расхаживая по аптеке, когда слуга вышел. — Я думаю, что этого довольно.

Пока он был погружён в свои размышления, сиделка пришла доложить, что комната дамы готова, и доктор на минутку вернулся в кабинет сообщить эти сведения мисс Гуильт.

Она не пошевелилась с тех пор, как он её оставил. Она встала из своего тёмного угла, когда он сообщил ей, что всё готово, и, не говоря ни слова, не поднимая вуали, выскользнула из комнаты как призрак.

Через некоторое время сиделка опять спустилась вниз, чтобы сказать несколько слов своему хозяину наедине.

— Дама приказала разбудить её завтра в семь часов, сэр, — сказала она. — Она намерена сама поехать за своей поклажей и хочет, чтобы её ждал у дверей кэб, как только она оденется. Что мне делать?

— Делайте то, что дама вам приказала, — сказал доктор. — На неё можно положиться, она вернётся в лечебницу.

В лечебнице завтракали в половине девятого. К этому времени мисс Гуильт все сделала в своей квартире и вернулась в лечебницу со своей поклажей. Доктора изумила поспешность его пациентки.

— Зачем тратить понапрасну столько энергии? — спросил он, когда они встретились за завтраком. — Зачем так торопиться, когда в вашем распоряжении все утро?

— Просто нетерпение! — сказала она коротко. — Чем дольше я живу, тем нетерпеливее я становлюсь.

Доктор заметил, прежде чем она заговорила, что лицо её кажется в это утро страшно бледным и постаревшим, что когда она отвечала ему, то выражение её лица — от природы подвижное необыкновенно — ничуть не изменилось. На губах её не было обычной улыбки, в глазах обычного блеска. Он никогда не видел её такой непроницаемой и холодно спокойной, какой была она теперь.

«Она наконец решилась, — подумал он. — Я могу сказать ей сегодня то, чего не мог сказать вчера».

Вместо предисловия к предстоящему разговору он бросил взгляд на её вдовый траур.

— Теперь, когда вы привезли ваши вещи, — начал он, — позвольте мне посоветовать вам снять этот чепчик и надеть другое платье.

— Зачем?



— Помните, что вы мне говорили дня два тому назад? Вы сказали, что вполне возможно, что мистер Армадэль умрёт в моей лечебнице.

— Я повторю это опять, если хотите.

— Возможность весьма сомнительная, — продолжал доктор, глухой, как всегда, ко всяким опасным предложениям. — Это едва ли можно даже вообразить! Но пока есть хоть какая-нибудь вероятность, то о ней стоит поразмыслить. Положим, он умрёт — умрёт скоропостижно и следствие коронёра в доме будет необходимо. Что мы должны делать в таком случае? Мы должны сохранить те роли, в которых компрометировали себя. Вы — как его вдова, я — как свидетель вашего брака. И в этих ролях добиваться проведения самого подробного следствия. Если, что весьма невероятно, он умрёт именно в то время, когда мы желаем этого, я думаю, я могу даже сказать, я решился признаться в том, что мы знали о его спасении от кораблекрушения, и в том, что мы научили Бэшуда заманить его в дом с помощью ложного сообщения насчёт мисс Мильрой. Когда последуют неизбежные вопросы, я попробую доказать, что у него появились симптомы умственного расстройства вскоре после вашего брака, что его помешательство состояло в том, чтоб не признавать вас своей женой и уверять, будто он помолвлен с мисс Мильрой, что вы так были испуганы, когда услышали, что он жив и возвращается назад, что пришли в нервное состояние, потребовавшее моего попечения, что — по вашей просьбе и чтобы успокоить вашу нервную систему — я навел его как врач и спокойно заманил его в лечебницу, потакая его помешательству — что совершенно позволительно в подобном случае, — и наконец, что я могу засвидетельствовать, что его мозг поражён таинственной болезнью, совершенно неизлечимой, совершенно губительной, относительно которой медицинская наука находится ещё в неведении. Такой образ действия (в случае весьма невероятном, предполагаемом нами) будет и в ваших интересах, и в моих бесспорно самым подходящим способом действия, и такое платье, при теперешних обстоятельствах, носить не следует.

— Сейчас его снять? — спросила она, вставая из-за стола и не делая никаких замечаний на сказанное доктором.

— Ещё успеете до двух часов, — сказал доктор.

Она посмотрела на него с нескрываемым любопытством, и только.

— Отчего только до двух? — спросила она.

— Потому что сегодняшний день приёма посетителей, а приём назначен от двух до четырех.

— Какое мне дело до ваших посетителей?

— Объясню какое. Я считаю важным, чтобы порядочные и бескорыстные свидетели увидели вас в моём доме в роли дамы, которая лечится у меня.

— Ваша причина не очень убедительна. Это ваша единственная причина?

— Моя милая, милая миссис Армадэль! — возразил доктор. Скрываю ли я что-нибудь от вас? Уж, конечно, вы должны знать лучше меня.

— Да, — сказала она примирительно, — это довольно глупо с моей стороны не понять вас до сих пор. Пришлите сказать в номер, когда я буду вам нужна.

Она оставила его и поднялась в свою комнату.

Часы пробили два часа, минут через пятнадцать пришли посетители. Как ни мало прошло времени после приглашения доктора, тем не менее оно было принято женской половиной тех семейств, которым они были адресованы.

Владелец лечебницы встретил своих гостей в передней, держа под руку мисс Гуильт. Алчущие глаза пришедших женщин не остановились ни на минуту на докторе, будто подобного человека и не существовало, и, устремившись на незнакомую даму, в одно мгновение опядели её с ног до головы.

— Моя первая пациентка, — сказал доктор, представляя мисс Гуильт. — Эта дама приехала только вчера поздно вечером и пользуется настоящим случаем (единственным, которое мои утренние занятия позволили мне представить), чтобы осмотреть лечебницу. Позвольте мне, милостивая государыня, — продолжал он, оставляя мисс Гуильт и подавая руку самой пожилой даме среди гостей. — Расстроенные нервы, домашние неприятности, — шепнул он ей по секрету. — Милая женщина! Печальные обстоятельства!

Он тихо вздохнул и повёл пожилую даму через переднюю.

За ними хлынула толпа посетителей. Мисс Гуильт молча провожала их и шла одна — между ними, но не с ними, а после всех.

Доктор вёл гостей, останавливаясь время от времени, чтобы старушка, опирающаяся о его руку, могла перевести дух, прямо наверх. Остановив посетителей в коридоре и указав рукой на нумерованные двери, открывавшиеся с обеих сторон, он пригласил гостей заглянуть или в какую-нибудь одну или во все комнаты, как им будет угодно.

— Номера от первого до четвёртого, милостивые государыни и милостивые государи, — сказал доктор, — для богатых людей, а дальше комнаты прислуги. Номера от четвёртого до восьмого предназначены для небогатых больных, которых я принимаю на условиях, позволяющих только покрывать мои издержки — не более. Для приёма этих бедных страждущих необходимо, чтобы они были набожны и рекомендованы двумя пасторами. Это мои единственные условия, но я настаиваю на них. Пожалуйста, заметьте, что комнаты все с вентиляторами, а кровати железные, и будьте так добры, обратите внимание, когда мы опять спустимся во второй этаж, что там есть дверь, с помощью которой можно прекратить всякое сообщение между вторым этажом и верхним, когда это необходимо. Комнаты во втором этаже, до которого мы теперь дошли (за исключением моей комнаты), все предназначены для приёма больных дам. Практика убедила меня, что чрезвычайная чувствительность женского организма требует, чтобы спальни были расположены высоко — для большей чистоты и свободы циркуляции воздуха. Здесь дамы находятся непосредственно под моим наблюдением, в то время как мой помощник, которого я ожидаю через неделю, присматривает за мужчинами на первом этаже. Заметьте опять, когда мы спускаемся на этот нижний или первый этаж, вторую дверь, закрывающую сообщение ночью между двумя этажами для всех, кроме моего помощника и меня. А теперь, когда мы дошли до мужской половины лечебницы и когда вы ознакомились с устройством заведения, позвольте мне ознакомить вас с примерами моей системы лечения. Я могу представить практический пример, пригласив вас в комнату, оборудованную по моим указаниям, для лечения самых сложных нервных болезней и умопомешательства, какие только встречались мне. — Он отворил дверь в самом конце коридора, дверь под номером четвёртым.

— Посмотрите, милостивые государыни и милостивые государи, — сказал он, — и если заметите что-нибудь замечательное, пожалуйста, скажите.

Комната была не очень велика, но хорошо освещена одним широким окном. Удобно меблированная, она отличалась от других подобных спален только тем, что в ней не было камина. Когда посетители это заметили, им было сообщено, что комната отапливалась зимой с помощью горячей воды, а потом их пригласили обратно в коридор, чтоб показать им то, чего они не могли заметить сами.

— Позвольте мне сказать вам одно слово, милостивые государыни и милостивые государи, — сказал доктор, — буквально одно слово о нервных расстройствах. Каков ход лечения, когда состояние нервной системы тревожит вас и вы обращаетесь к своему доктору? Он примет вас, выслушает и даст вам два рецепта: один написан на бумаге, и лекарство составляется в аптеке; другой даётся словесно в подходящую минуту, скажем, когда вы платите доктору за визит, и состоит в общей рекомендации сохранять душевное спокойствие. Дав этот превосходный совет, доктор оставляет вас избегать всех неприятностей вашими собственными усилиями, до следующего визита к нему. Здесь в действие вступает моя система и помогает вам. Когда я вижу, что вам необходимо сохранить душевное спокойствие, я устраиваю это. Я создаю для вас такую обстановку, в которой не допускаются десять тысяч безделиц, раздражающих нервных людей дома. Я ставлю непроходимый нравственный барьер между раздражением и вами. Найдите дверь, хлопающую в этом доме, если можете! Встретьте слугу в этом доме, который звенел бы чашками, когда уносит поднос! Найдите лающих собак, кричащих петухов, стучащих молотком работников, визгливых людей здесь — и я обязуюсь закрыть мою лечебницу завтра же! Разве эти неприятные вещи ничего не значат для нервных людей? Спросите их! Могут они избавиться от этих неприятностей дома? Спросите их! Разве десять минут раздражения от лая собаки или голоса плачущего ребёнка не перечёркнут той пользы, которую принесёт нервному больному месяц амбулаторного лечения? В Англии не найдётся ни одного сведущего доктора, который осмелился бы отрицать это. Моя система основана на этих простых правилах. Я утверждаю, что медицинское лечение

нервных больных совершенно подчинено нравственному, духовному лечению. Нравственное лечение вы находите здесь. Это нравственное лечение, заботливо продолжаемое целый день, следует за больным в его комнату, ночью успокаивает его, без ведома его самого, — вы видите каким образом.

Доктор остановился перевести дух и в первый раз с тех пор, как посетители вошли в дом, посмотрел на мисс Гуильт. Она выступила вперёд и посмотрела на доктора. После минутной остановки, прокашлявшись, доктор продолжал:

— Положим, милостивые государыни и милостивые государи, что мой больной только что поступил ко мне. Его воображение наполнено нервными фантазиями и капризами, которые его друзья (с самыми лучшими намерениями) по неведению усиливали дома. Например, они боялись за него ночью. Они требовали, чтобы кто-нибудь спал с ним в комнате, или запрещали ему, из опасения какого-нибудь несчастья, запирали на ночь дверь. Он приходит ко мне в первую ночь и говорит: «Я не хочу, чтобы кто-нибудь спал у меня в комнате».

«Никто не будет спать».

«Я непременно хочу запереть мою дверь».

«Заприте».

Он запирает свою дверь и, успокоенный, уже расположенный к доверию, становится расположенным и ко сну от того, что ему позволено поступить по-своему. Все это очень хорошо, можете вы сказать, но положим, что-нибудь случится, положим, что с ним случится припадок ночью, тогда что? Вы увидите!

— Эй, мой милый друг, — вдруг обратился доктор к сонному мальчику. — Послушайте! Вы будете бедным больным, а я добрым доктором. Ступайте в эту комнату и запирайте дверь. Вы заперли? Очень хорошо. Вы думаете, что я не могу войти к вам, если захочу? Я подожду, пока вы заснёте, нажму эту белую кнопку, спрятанную в парапете наружной стены — замок неслышно открывается, и я захожу в комнату, когда захочу. То же самое делается и с окном. Мой капризный больной не хочет отворять окна ночью, когда его следует отворить. Я опять ему потакаю.

«Неприменно запирайте, любезный сэр!» Как только он заснёт, я прижму чёрную ручку, спрятанную здесь в углу стены, — окно в комнате неслышно открывается, как вы видите. Положим, капризный

больной непременно хочет отворить окно, когда ему следует затворить его. Пусть открывает! Я нажму другую ручку, когда он уляжется в постель, и окно тихо закроется в одну минуту. Ничто не раздражает его, милостивые государыни и милостивые государи, его решительно не раздражает ничто! Но я ещё с ним не закончил. Эпидемическая болезнь, несмотря на все мои предосторожности, может войти в эту лечебницу и потребовать необходимой дезинфекции комнаты больного. Или болезнь больного может усложниться ещё другой, кроме нервной болезни, положим, одышкой. В первом случае необходимо окуривание, во втором — увеличение кислорода в воздухе приносит облегчение. Эпидемический нервный больной скажет: «Я не хочу, чтобы у меня курили под носом!» Страдающий одышкой нервный больной приходит в ужас при мысли о химическом реактиве в комнате. Я неслышно окуриваю одного, я неслышно подаю кислород другому посредством простого аппарата, прикрепленного снаружи в углу. Он защищён деревянным ящиком, заперт моим ключом и сообщается посредством трубы с внутренностью комнаты. Посмотрите!

Бросив взгляд на мисс Гуильт, доктор отпер крышку деревянного ящика, показав большую керамическую банку со стеклянной трубой, обложенной пробкой и сообщавшейся со стеной. Снова бросив взгляд на мисс Гуильт, доктор опять запер крышку и спросил самым спокойным голосом, понятна ли его система.

— Я мог бы показать вам разные другие способы лечения в том же роде, — продолжал он, показывая дорогу вниз, — но это будет в основном только повторение того же. Нервный больной, который всегда может поступить по-своему, никогда не раздражается, а нервный больной, никогда не раздражающийся, всегда выздоравливает. Пожалуйста посмотрите аптеку, милостивые государыни, аптеку, а потом кухню.

Опять мисс Гуильт пошла позади посетителей, пристально глядя на комнату, которую доктор отворял, и на аппараты, которые доктор показывал. Опять, хотя ни одного слова не было сказано между ними, она его поняла. Мисс Гуильт знала так же хорошо, как если бы он признался в этом, что доктор хитро ввёл её в страшное искушение, при свидетелях, которые могли засвидетельствовать, не вдаваясь в подробности о безвредности приборов виденных ими, если бы

случилось что-нибудь серьёзное. Аппарат, первоначально предназначенный для медицинских хитростей доктора, очевидно, должен быть теперь направлен для другого использования, о котором сам доктор, вероятно, не представлял до сих пор. И вероятно, что в этот же самый день об этом другом использовании ей будет тайно сообщено в присутствии настоящего свидетеля.

«Армадэль умрёт на этот раз, — сказала она сама себе, медленно спускаясь с лестницы. — Доктор убьёт его моими руками».

Посетители были в аптеке, когда она присоединилась к ним. Все дамы восхищались красотой старинного шкапика, и все дамы пожелали видеть, что там внутри. Доктор бросил взгляд на мисс Гуильт и добродушно покачал головой.

— Для вас нет ничего интересного внутри, — сказал он, — ничего, кроме ряда маленьких дрянных склянок с ядами, употребляемыми в медицине, которую я держу под замком и ключом. Пойдёмте на кухню, милостивые государыни, и удостоьте меня вашими советами о хозяйственных делах внизу.

Он опять взглянул на мисс Гуильт, когда общество проходило через переднюю, и взгляд его ясно говорил: «Ждите здесь».

Через четверть часа доктор изложил свои воззрения на стряпню и диету, а посетители, снабжённые рекламными проспектами, прощались с ним у дверей.

— Очень полезное ознакомление! — говорили они друг другу, снова направляясь изящной процессией к железной калитке. — Какой умный человек!

После минутной нерешительности она пошла за ним. Когда мисс Гуильт вошла в аптеку, там был провизор, вызванный хозяином за минуту перед тем.

— Доктор, — сказала она холодно и как-то машинально, как бы повторяя урок, — мне также любопытно, как и другим дамам, взглянуть на ваш хорошенький шкапик. Теперь, когда они ушли, не покажете ли вы его содержимое мне.

Доктор засмеялся самым приятным образом.

— Старая история! — сказал он. — Запертая комната Синей Бороды и женское любопытство! Не уходите, Бенджамин, не уходите. Вам интересно посмотреть на медицинскую склянку только потому, что эта склянка с ядом?

Она во второй раз повторила свой урок:

— Мне интересно посмотреть на неё и представить, что если склянка попадётся в руки кого-нибудь, какие страшные вещи может она натворить!

Доктор посмотрел на своего провизора с сострадательной улыбкой.

— Любопытно, Бенджамин, — сказала он, — какой романтический взгляд имеют дамы на эти наши снадобья. Если это интересует вас, — прибавил он, опять обращаясь к мисс Гуильт, — то вам незачем просить меня отпереть шкапик, вам стоит только осмотреть полки на стенах в этой комнате. В этих склянках находятся всякого рода медицинские вещества, самые невинные и самые полезные сами по себе, которые в соединении с другими веществами и с другими жидкостями, становятся ядами столь же страшными и столь же смертельными, как те, которые я держу в моём шкапике под замком и ключом.

Она посмотрела на него с минуту и перешла на противоположную сторону комнаты.

— Покажите мне одну склянку, — попросила она.

Все улыбаясь также добродушно, как и прежде, доктор исполнил прихоть своей нервной больной. Он указал на склянку, из которой накануне вылил жёлтую жидкость и которую опять наполнил смесью собственного изобретения такого же цвета.

— Видите эту склянку, — сказал он, — эту круглую, красивую скляночку? Возьмём эту склянку и назовём её, если хотите, собственным именем. Не назвать ли нам её Нашим Сильным Другом? Очень хорошо. Наш Сильный Друг сам по себе безвредное и полезное лекарство. Он свободно раздаётся каждый день десяткам тысяч больных во всём цивилизованном мире. Он не появлялся романтически в уголовных судах, он не возбуждал интереса в романах, он не играл ужасной роли на сцене. Это невинное, безобидное существо, которое не вызывает ни у кого необходимость запереть его. Но введите его в прикосновение с чем-нибудь другим, познакомьте его с неким минеральным веществом общедоступного рода, разбитым на куски; запаситесь шестью приёмами Нашего Сильного Друга и выливайте эти приёмы на куски минерала, упомянутые мною, в промежутке на более чем пять минут.



Множество маленьких пузырьков будет подниматься, когда вы будете лить; соберите газ в этих пузырьках и перенесите его в запертую комнату, и, хоть сам Самсон находишь в этой запертой комнате, Наш Сильный Друг убьёт его через полчаса, убьёт его так медленно, что он не увидит ничего, не почувствует никакого запаха, не почувствует ничего, кроме дремоты. Убьёт его и ничего не скажет целой коллегии врачей, если они будут анатомировать его после смерти, кроме того, что он умер от апоплексического удара или от воспаления лёгких! Что вы думаете об этом относительно таинственности и романтизма? Так ли же интересен теперь наш безвредный Сильный Друг, как если бы он пользовался страшной популярностью мышьяка или трихина, которые я держу запертыми здесь. Не думайте, что я преувеличиваю! Не предполагайте, будто я несу вздор для того, чтобы заморочить вас. Спросите Бенджамина, — сказал доктор, обращаясь к своему провизору и устремив глаза на мисс Гуильт. — Спросите Бенджамина, — повторил он, делая ударение на каждом слове, — если шесть приёмов этой склянки, налитые через пять минут при условиях, высказанных мною, дадут результат, мною описанный.

Провизор, скромно восхищавшийся мисс Гуильт издали, вздрогнул и покраснел. Ему было просто приятно небольшое внимание, включившее его в разговор.

— Доктор совершенно прав, — обратился он к мисс Гуильт с самым изящным поклоном. — Испарений газа, продолжающихся постепенно в течение получаса, будет вполне достаточно, и, — прибавил провизор обращаясь к хозяину, в надежде что тот позволит ему показать свои химические познания, — объёма газа будет достаточно, наконец, если я не ошибаюсь, сэр, чтобы быть губительным для любого человека, который войдёт в комнату менее чем через пять минут.

— Неоспоримо, Бенджамин, — сказал доктор, — но я думаю, что нам пока довольно химии, — обратился он к мисс Гуильт. — С искренней готовностью исполнить каждое ваше желание я осмелюсь предположить более весёлый предмет для беседы. Не оставить ли нам аптеку, прежде чем она представит ещё предметы для расспросов вашему деятельному уму? Нет? Вы желаете видеть опыт? Вы желаете посмотреть, как составляются маленькие пузырьки? Ну-ну! В этом нет ничего вредного. Мы покажем миссис Армадэль пузырьки, —

продолжал доктор тоном отца, исполняющего прихоть избалованного ребёнка. — Посмотрите, не найдёте ли вы нужные камешки, Бенджамин. Наверно, работники (они такие неаккуратные!) оставили что-нибудь в этом роде около дома.

Провизор вышел из комнаты.

Как только он ушёл, доктор начал открывать и закрывать ящики в разных местах с видом человека, который торопится что-то найти и не знает, где отыскать.

— Господи помилуй! — воскликнул он, вдруг остановившись у ящика, из которого он вынул накануне пригласительные билеты. — Это что такое? Ключ? Дубликат ключа от моего аппарата наверху! О Боже, Боже! Каким я становлюсь небрежным, — сказал доктор, обращаясь к мисс Гуильт. — Я не имел ни малейшего понятия, что у меня есть этот второй ключ. Я никогда бы его не хватился, уверяю вас; я никогда бы его не хватился, если бы кто-нибудь вынул его из этого ящика.

Он суетливо перешёл на другой конец комнаты, не заперев ящика и не вынув ключа.

Молча мисс Гуильт слушала, пока он говорил; молча проскользнула она к ящику, молча вынула ключ и спрятала его в кармане передника.

Провизор вернулся с обломками камней, сложенных в тазу.

— Благодарствуйте, Бенджамин, — сказал доктор. — Пожалуйста, облейте их водой, пока я принесу склянку.

Так как неприятные случаи бывают иногда в наиболее устроенных семействах, так и неловкость встречается иногда с наиболее приученными к делу руками. Когда доктор снимал с полки склянку, она выскользнула из его рук и разбилась вдребезги на полу.

— О пальцы мои, пальцы! — закричал доктор с видом комической досады. — Зачем вы сыграли со мною такую злую шутку? Ну, делать нечего. У нас нет этого больше, Бенджамин?

— Ни одной капли, сэр.

— Ни одной капли! — повторил доктор. — Милостивая государыня, как мне извиняться перед вами? Моя неловкость сделала невозможным сегодня наш маленький опыт. Напомните мне завтра, чтобы выписать ещё этого состава, Бенджамин, и пожалуйста, не беспокойтесь исправлять этот беспорядок. Я пришлю сюда слугу

подтереть пол. Наш Сильный Друг довольно безвреден теперь, милостивая государыня, в соединении с деревянным полом. Мне очень жаль, право, жаль, что я обманул ваше ожидание.

С этими извинительными словами он предложил руку мисс Гуильт и вывел её из аптеки.

— Вы закончили со мною теперь? — спросила она, когда они были в передней.

— О Боже, Боже! Каким тоном вы это говорите! — воскликнул доктор. — Обед в шесть часов, — прибавил он с подчёркнутой вежливостью, когда она отвернула» от него и с холодным молчанием медленно пошла вверх в свою комнату.

Часы самые тихие, неспособные расстроить самые раздражительные нервы были прикреплены в стене над площадкой первого этажа в лечебнице. В эту минуту, когда стрелки показывала без четверти шесть, тишина на этажах нарушилась только шелестом платья мисс Гуильт. Она пошла по коридору первого этажа, остановилась у закрытого аппарата, прикреплённого снаружи у комнаты под номером четвёртым, прислушалась с минуту, потом отперла крышку ключом.

Открытая крышка отбрасывала тень на внутренность ящика. Мисс Гуильт сначала увидела то, что она уже видела — банку и стеклянную трубу, обложенную пробкой. Она вынула трубу и, осмотревшись вокруг, заметила на подоконнике, находившемся возле, восковую свечу, прикреплённую к железному пруту, которым зажигали газ. Она взяла прут и, вложив его в отверстие, которое занимала труба, начала мешать им в банке. Лёгкое бульканье какой-то жидкости и скрежет какого-то твёрдого вещества, которое она мешала, было единственными звуками, доносившимися до её ушей. Она вынула прут и осторожно дотронулась кончиком языка до жидкости, оставшейся на пруте. Осторожность оказалась совершенно ненужной в этом случае: жидкостью оказалась вода.

Положив трубу на прежнее место, мисс Гуильт заметила что-то блестящее на пустом месте возле банки. Она вынула эту вещь, которая оказалась пурпуровым флаконом. Жидкость, которой он был наполнен, темнела сквозь прозрачное цветное стекло; шесть тоненьких бумажек были прикреплены в правильных промежутках,

разделявших жидкость, заключённую в флаконе на шесть равных частей.

Теперь не было сомнений, что аппарат был тайно приготовлен для неё — аппарат, от которого она одна (исключая доктора) имела ключ.

Мисс Гуильт поставила флакон на прежнее место и заперла ящик. С минуту она смотрела на него с ключом в руке. В этот же миг исчезнувший румянец снова выступил на её лице, впервые в этот день она почувствовала душевный подъем. Мисс Гуильт обернулась и, запыхавшись, поспешила вверх в свою комнату на втором этаже. Торопливо достала из гардероба своё манто и из картонки — шляпку.

— Я не в тюрьме! — закричала она пылко. — Я могу владеть своим телом! Я могу идти — всё равно, куда бы то ни было, только бы мне выйти из этого дома!

Надев манто и держа шляпку в руке, прошла через комнату к двери. Ещё мгновение, и она была бы в коридоре. В эту минуту в голове её мелькнуло воспоминание о муже, от которого она отреклась. Мисс Гуильт вдруг остановилась и бросила манто и шляпку на постель.

— Нет, — сказала она. — Бездна легла между нами. Худшее сделано!

Постучали в дверь. Голос доктора вежливо напомнил ей, что уже шесть часов. Она отперла дверь и остановила его, когда он сходил вниз.

— В какое время придёт сегодня поезд? — спросила она шёпотом.

— В десять часов, — отвечал доктор таким голосом, который все могли слышать.

— В какой комнате остановится мистер Армадэль, когда приедет?

— В какой комнате хотите вы, чтобы он остановился?

— В комнате под номером четвёртым.

Доктор до самого конца поддерживал инсценировку.

— Пусть будет номер четвёртый, — сказал он любезно. — Только, разумеется, если номер четвёртый не будет занят в это время.

Прошёл вечер, настала ночь.

За несколько минут до десяти часов Бэшуд опять был на своём посту и опять ожидал прибытия поезда.

Дежурный инспектор, знавший его по наружности и лично удостоверившийся, что его аккуратное появление на станции железной дороги не связано с намерением посягнуть на кошельки и чемоданы пассажиров, заметил два новых обстоятельства в поведении Бэшуда в этот вечер. Во-первых, вместо того чтобы проявить свою обыкновенную весёлость, он казался встревоженным и унылым; во-вторых, пока он поджидал поезда, за ним в свою очередь наблюдал худощавый, смуглый, среднего роста молодой человек, который оставил свою поклажу (записанную на имя Мидуинтера) в таможене накануне и вернулся за ней только полчаса назад, попросив, чтобы её осмотрели.

Что привело Мидуинтера на станцию железной дороги и почему он также поджидал поезда?

Он добрёл до Гендона в своей одинокой прогулке накануне, зашёл в деревенскую гостиницу и проспал (просто от изнеможения) до позднего утра, чем и воспользовалась его предусмотрительная жена. Когда он вернулся на её квартиру, хозяйка могла только сообщить ему, что жилища полностью расплатилась с нею и уехала (куда — ни она, ни служанка не знали) более чем два часа назад.

Потратив немного времени на расспросы, результат которых убедил его, что след потерян, Мидуинтер вышел из дома и машинально продолжал свой путь к более шумным центральным районам столицы. После всего случившегося накануне было бы совершенно бесполезно отправиться по адресу, который она ему дала, адресу её матери. Мидуинтер пошёл по улицам, решившись найти её и тщетно стараясь найти пути для достижения своей цели, пока им опять не овладело чувство усталости. Когда он остановился отдохнуть и собраться с силами в первой попавшейся гостинице, случайный спор между слугой и приезжим о потерянном чемодане напомнил ему о его собственном багаже, оставленном на станции железной дороги, и немедленно навёл его мысли на обстоятельства встречи с Бэшудом. Ещё через минуту мелькнула мысль, что он напрасно ищет встречи на улицах, что надо попробовать опять найти управителя, поджидающего приезда человека, которого он, очевидно, встречал с вечерним поездом накануне.

Мидуинтер не знал о слухах, распространившихся о смерти Аллена в море, и не узнал при последнем свидании с женой, с какой

целью она надела вдовый траур. Его первые подозрения о её неверности перешли в твёрдое убеждение, что она изменила ему. Он мог дать только единственное толкование тому, что она открыто отрёклась от него и приняла имя, под которым он тайно на ней женился. Её поведение вынудило его сделать заключение, что она вступила в какую-то постыдную связь и подлейшим образом обеспечила себе такое положение, в котором, она знала, для него будет противно и стыдно предъявлять на неё свои права. С этим убеждением он теперь наблюдал за Бэшудом в твёрдой уверенности, что тайное убежище его жены было известно гнусному служителю её пороков, и смутно подозревал, поглядывая на часы, что неизвестный человек, оскорбивший его, и неизвестный путешественник, приезда которого поджидал управитель, было одно и то же лицо.

Поезд опоздал в этот вечер, а вагоны были заполнены более обыкновенного, так что на платформе стало многолюдно, когда он остановился наконец. Мидуинтер скрылся в толпе, суетившейся на платформе, и, стараясь выбраться из неё, в первый раз потерял Бэшуда из виду.

Прошло несколько минут, прежде чем он опять увидел управителя, с жаром разговаривавшего с человеком в широком лохматом пальто, который стоял к Мидуинтеру спиной. Забыв всякую осторожность и сдержанность, которые он соблюдал до прихода поезда, Мидуинтер немедленно подошёл к ним. Бэшуд увидел его грозное лицо и молча отступил. Человек в широком пальто обернулся посмотреть, что испугало управителя, и Мидуинтер увидел при ярком свете фонаря лицо Аллэна!

С минуту оба стояли, безмолвно глядя друг на друга. Аллэн опомнился первый.

— Слава Богу за это! — сказал он набожно. — Я не спрашиваю, как вы приехали сюда. Довольно того, что вы приехали. Неприятные известия уже встретили меня, Мидуинтер. Только вы можете утешить меня и помочь их перенести.

Голос Аллэна ослаб после этих слов, и он не сказал ничего более.

Тон, которым Аллэн говорил, заставил Мидуинтера вернуться к прежнему старому сердечному участию к своему другу, которое когда-то было главным смыслом в его жизни. Он пересилил своё

собственное горе в первый раз после того, как оно его постигло, и тихо отведя Аллэна в сторону, спросил, что случилось.

Сообщив ему о разнёсшихся слухах насчёт мнимой смерти Аллэна — уведомил его (основываясь на словах Бэшуда), что это известие дошло до мисс Мильрой и что горестные последствия нанесённого ей удара вынудили майора поместить дочь в лечебницу, находящуюся в окрестностях Лондона под медицинский надзор.

Прежде чем Мидуинтер ответил со своей стороны, он недоверчиво оглянулся. Бэшуд последовал за ними. Бэшуд поджидал, что они будут делать.

— Он ожидал вашего приезда здесь, чтобы рассказать вам о мисс Мильрой? — спросил Мидуинтер, смотря на Аллэна.

— Да, — ответил Аллэн. — Он был так добр, что ожидал здесь каждый вечер, чтобы сообщить мне это известие.

Мидуинтер снова замолчал. Попытка связать заключение, сделанное им из поступков жены, с сообщением, что Бэшуд ожидал прибытия Аллэна, была бесполезной. Единственная возможность узнать действительное положение дел заключалась в том, чтобы напасть на управителя с единственной доступной стороны, которую он сам открыл для нападения. Он твёрдо уверял накануне, что ничего не знает об Аллэне или что он интересуется возвращением Аллэна в Англию. Поймав Бэшуда в одной лжи, сказанной ему, Мидуинтер тотчас стал подозревать, что он Аллэну сказал другую ложь. Он ухватился за эту возможность тотчас же проверить его сообщение о мисс Мильрой.

— Как вы узнали эти печальные известия? — спросил он, вдруг обернувшись к Бэшуду.

— От майора, разумеется, — сказал Аллэн, прежде чем управитель успел ответить.

— Какой доктор лечит мисс Мильрой? — настаивал Мидуинтер, все ещё обращаясь к Бэшуду.

Во второй раз управитель не ответил, во второй раз Аллэн ответил за него.

— У этого человека иностранная фамилия, — сказал Аллэн. — Он содержит лечебницу близ Гэмпстида. Как вы сказали, называется это место, Бэшуд?

— Фэрзуэтер-Вель, — сказал управитель, в силу необходимости отвечая своему хозяину.

Адрес лечебницы тотчас напомнил Мидуинтеру, что он жену свою нашёл вчера в Фэрзуэтере. Он начал видеть свет сквозь темноту, тускло, тускло в первый раз. Инстинкт, проявляющийся в непредвиденных случаях, прежде чем более медленный процесс рассудка возьмёт своё, тотчас помог сделать заключение, что Бэшуд, видимо действовавший под влиянием его жены вчера, может быть, и теперь действует под её влиянием. Он настойчиво добивался показаний управителя, и убеждение все твёрже и твёрже складывалось в его уме, что это показание было ложно и что в этом замешана его жена.

— Майор в Норфольке, — спросил он, — или с дочерью в Лондоне?

— В Норфольке, — 1 сказал Бэшуд.

Ответив этими словами на вопросительный взгляд Аллэна, а не на вопрос Мидуинтера, Бэшуд колебался, в первый раз посмотрел Мидуинтеру прямо в лицо и вдруг прибавил:

— Я не согласен, чтоб меня подвергали допросу, сэр. Я знаю, что сказать мистеру Армадэлю, и не знаю ничего больше.

Слова и голос, которым они были сказаны, не походили на обычный разговор Бэшуда. На его лице было выражение угрюмого уныния, а в глазах ненависть и отвращение, когда он смотрел на Мидуинтера, и это Мидуинтер сам заметил теперь. Прежде чем он успел отреагировать на обычную вспышку управителя, вмешался Аллэн.

— Не считайте меня нетерпеливым, — произнёс он. — Но уже поздно, а до Гэмпстида далеко. Я боюсь, что лечебница будет заперта.

Мидуинтер вздрогнул.

— Неужели вы поедете в лечебницу сегодня? — воскликнул он.

Аллэн взял руку своего друга и крепко её пожал.

— Если бы вы любили её так, как я, — шепнул он, — вы не захотели бы ожидать, вы не смогли бы заснуть, пока не увиделись бы с доктором и не выслушали все хорошее или плохое, что он мог бы вам сказать. Бедняжечка! Кто знает, если бы она только могла увидеть меня живым и здоровым...



Слёзы выступили на его глазах, и он молча отвернулся. Мидуинтер посмотрел на управителя.

— Отойдите, — сказал он. — Мне нужно поговорить с мистером Армадэлем.

В его глазах было что-то такое, с чем опасно было шутить. Бэшуд отошёл так, что ему нельзя было слышать, но видеть происходящее он мог. Мидуинтер с любовью положил руку на плечо друга.

— Аллэн, — сказал он, — я имею причины...

Он остановился. Мог ли он назвать эти причины, прежде чем понял их сам, да ещё в такое время и при таких обстоятельствах? Невозможно!

— Я имею причины, — продолжал он, — советовать вам не слишком верить тому, что мистер Бэшуд вам говорит. Не передавайте ему этого, но послушайтесь моего предостережения.

Аллэн с удивлением посмотрел на своего друга.

— Но вы всегда любили мистера Бэшуда! — воскликнул он. — Это вы доверились ему, когда он в первый раз пришёл в большой дом!

— Может быть, я ошибался, Аллэн, а вы были правы. Хотите подождать, пока мы телеграфируем майору Мильрою и получим его ответ? Хотите переждать эту ночь?

— Я сойду с ума, если буду ждать ночь, — сказал Аллэн. — Вы ещё более растрожили меня. Если я не должен говорить об этом с мистером Бэшудом, я должен и хочу поехать в лечебницу и узнать, там она или нет, от самого доктора.

— Позвольте мне ехать с вами? — спросил Мидуинтер.

Лицо Аллэна в первый раз просияло.

— Добрый, милый друг! — воскликнул он. — Я именно об этом хотел вас просить.

Мидуинтер сделал знак управителю.

— Мистер Армадэль едет в лечебницу, — сказал он, — а я хочу проводить его. Найдите извозчика и поезжайте с нами.

Он ждал, желая проверить, будет ли повиноваться мистер Бэшуд. Бэшуду строго было приказано, когда Аллэн приедет, не терять его из виду, но так как неожиданное появление Мидуинтера могло служить объяснением его поступка, то ему ничего более не оставалось, как повиноваться. С угрюмой покорностью исполнил он данное ему приказание. Ключи от багажа Аллэна были отданы слуге-иностранцу,

которого он привёз с собой. Слуге велено было ждать приказаний господина в гостинице. Через несколько минут кэб выехал со станции, Мидуинтер и Аллэн сидели внутри, а Бэшуд с кучером на козлах.

В двенадцатом часу в эту ночь мисс Гуильт, стоя одна у окна, освещавшего коридор лечебницы на втором этаже, слышала приближавшийся стук колёс. Этот звук, быстро усиливавшийся в тиши уединённой местности, замолк у железной калитки. Через минуту она увидела, как кэб подъехал к двери дома.

Ночь была туманная, но теперь небо прояснилось и сияла луна. Она отворила окно, чтобы посмотреть и послушать. При свете луны она увидела Аллэна, вышедшего из кэба и обернувшегося что-то сказать человеку, сидящему внутри. Голос, ответивший ему, прежде чем человек вылез из кэба в свою очередь, сказал мисс Гуильт, что спутник Аллэна был её муж. То же самое окаменение, которое произошло с нею при свидании с ним накануне, овладело ею теперь. Она стояла у окна бледная и неподвижная, расстроенная, постаревшая, стояла, как тогда, когда в первый раз встретила его во вдовьем трауре. Бэшуд, прокрававшийся один на второй этаж сделать донесение, понял, как только на неё взглянул, что это донесение было излишнее.

— Это не моя вина, — вот всё, что он сказал, когда она медленно повернула голову и посмотрела на него. — Они встретились, и их нельзя было разлучить.

Она глубоко вздохнула и сделала Бэшуду знак, чтобы он молчал.

— Подождите немного, — сказала она. — Я знаю все.

Отвернувшись от него при этих словах, мисс Гуильт медленно прошла по коридору до самого дальнего конца, повернулась и возвратилась к Бэшуду с нахмуренным лбом и опущенной головой — вся её грация и красота исчезли, остались только врождённые грация и красота в движениях её стана, рук и ног.

— Вы хотите говорить со мною? — спросила она, между тем как мысли её были далеко от него, а глаза рассеянно смотрели на Бэшуда, когда она задавала этот вопрос.

Тот собрался с мужеством, как никогда ещё не собирался в её присутствии.

— Не доводите меня до отчаяния! — закричал он резко. — Не смотрите на меня таким образом теперь, когда я узнал...

— Что вы узнали? — спросила она с минутным удивлением на лице, удивлением, исчезнувшим прежде, чем Бэшуд собрался с духом, чтобы продолжать.

— Не мистер Армадэль отнял вас у меня, — отвечал Бэшуд, — а мистер Мидуинтер. Я вчера узнал это по вашему лицу. Зачем вы подписали ваше имя «Армадэль», когда писали ко мне? Зачем вы и теперь ещё называетесь миссис Армадэль?

Он произнёс эти смелые слова с большими интервалами, с усилием сопротивляясь её влиянию над ним, усилием, которое было и жалко и страшно видеть. Она в первый раз посмотрела на него с состраданием.

— Я печалюсь, что не пожалела вас, когда мы встретились в первый раз, — сказала она кротко, — так как жалею вас теперь.

Она взяла Бэшуда за руку и заговорила с ним с заметным терпением, но без малейшего признака волнения.

— Вы уже ждали по моей просьбе, — сказала она, — подождите до завтра, и вы узнаете все. Если вы не верите ничему другому, что я вам говорила, вы можете поверить тому, что я говорю вам теперь: это кончится сегодня.

Когда она произнесла эти слова, шаги доктора послышались на улице. Бэшуд отошёл от неё, и сердце его забилося невыразимой надеждой.

«Это кончится сегодня!» — повторил он про себя, едва переводя дух и отходя в дальний конец коридора.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — весело сказал доктор, когда они встретились. — Мне нечего говорить такого, миссис Армадэль, что вы или все другие не могли бы слышать.

Бэшуд продолжал идти в дальний конец коридора, все повторяя:

— Это кончится сегодня!

Доктор прошёл мимо него и подошёл к мисс Гуильт.

— Вы, без сомнения, слышали, — начал он самым спокойным тоном, — что мистер Армадэль приехал. Позвольте мне прибавить, милостивая государыня, что нет ни малейшей причины для особого волнения с вашей стороны. Ему не противоречили ни в чём, и он так спокоен и сговорчив, как только могут пожелать его лучшие друзья. Я сообщил ему, что сегодня невозможно иметь свидание с молодой женщиной, но что он сможет увидеть её (с надлежащими

предосторожностями) очень рано утром, как только она проснётся завтра. Так как поблизости нет гостиницы, я должен был при сложившихся обстоятельствах предложить ему остановиться на ночь в лечебнице. Он принял предложение с величайшей признательностью и поблагодарил самым сердечным и трогательным образом за мои старания успокоить его. Всё идёт вполне удовлетворительно до сих пор! Но случилось было маленькое препятствие — теперь счастливо побеждённое, — о котором я считаю нужным упомянуть вам, прежде чем мы разойдёмся на ночлег.

Подготовив себе почву этими словами (так что Бэшуд мог его слышать) для показания, которое он прежде изъявил намерение сделать в случае, если Аллэн умрёт в лечебнице, доктор хотел продолжать, но его внимание было привлечено звуком, донёсшимся снизу, как будто скрипнула дверь, которую старались отворить.

Он немедленно сошёл вниз и отпер дверь, соединяющую первый и второй этажи, которую он запер за собой, когда шёл наверх. Но человек, старавшийся отпереть дверь (если только действительно кто-нибудь старался) был проворнее его. Доктор посмотрел вдоль коридора и через лестницу в переднюю и, не заприметив ничего, вернулся к мисс Гуильт, снова заперев дверь.

— Извините меня, — продолжал он, — мне послышалось что-то внизу. Касательно маленького препятствия, о котором я сейчас говорил, позвольте мне сообщить вам, что мистер Армадэль привёз с собой друга, носящего странное имя Мидуинтера. Вы знаете этого господина? — спросил доктор, с подозрением глядя на неё, странно не вязавшимся с равнодушием в его голосе.

— Я знаю, что он старый друг мистера Армадэля, — сказала она. — И он...

Голос изменил ей, и она опустила глаза под твёрдым проницательным взглядом доктора. Она преодолела минутную слабость и в свою очередь спросила:

— И он также остаётся здесь ночевать?

— Мистер Мидуинтер очень груб в обращении и имеет подозрительный характер, — ответил доктор, пристально наблюдая за нею. — Он принудил меня оставить его ночевать здесь, как только мистер Армадэль принял моё приглашение.

Он остановился, чтоб заметить действие этих слов на мисс Гуильт. Так как она оставила его в совершенном неведении предосторожностью, с какою она избегала упоминать об имени, принятом её мужем, с их первого свидания, подозрения доктора, конечно, были весьма неопределенны. Он услышал, что голос подвёл её, увидел, как изменилось её лицо. Он подозревал только, что она что-то скрывает о Мидуинтере, и больше ничего.

— Вы позволили ему остаться? — спросила она. — На вашем месте я выгнала бы его.

Непроницаемое спокойствие её тона показало доктору, что её самообладание не будет поколеблено в этот вечер. Он опять вступил в роль врача, с которым миссис Армадэль советовалась об умственном расстройстве Армадэля.

— Если бы я должен был советоваться только с моими чувствами, — сказал он, — я не скрываю от вас, что я выгнал бы мистера Мидуинтера. Но я видел, что мистер Армадэль не желает расставаться со своим другом. При подобных обстоятельствах оставалось только одно — опять исполнить его прихоть. Об опасности раздражать его — не говоря уже ничего, — прибавил доктор, на минуту обращаясь к истине: — о моём естественном опасении с таким характером, как у вашего друга, огласки и расстройства в доме — нечего было думать ни минуты. Мистер Мидуинтер остаётся здесь ночевать и занял (мне следовало бы сказать, что он настоял на том) комнату возле мистера Армадэля. Посоветуйте мне, милостивая государыня, в этом непредвиденном обстоятельстве, — заключил доктор, произнося эти слова громким голосом, — в какие комнаты поместить их в первом этаже?

— Поместите мистера Армадэля в комнате под номером четвёртым.

— А его друга возле него в комнате под номером третьим? — сказал доктор. — Хорошо! Хорошо! Хорошо! Может быть, это самые удобные комнаты. Я сейчас отдам распоряжения. Не торопитесь уходить, мистер Бэшуд, — весело закричал он, дойдя до верхних ступенек лестницы. — Я оставил ключ моего помощника вон на том подоконнике, и миссис Армадэль может выпустить вас из дверей у лестницы, когда вам угодно. Не засиживайтесь слишком поздно, миссис Армадэль! Ваша нервная система требует продолжительного

сна. Нежный восстановитель нервных натур — успокоительный сон. Бог да благословит вас!

Бэшуд вернулся с дальнего конца коридора, все обдумывая в нетерпеливом ожидании того, что должно было случиться в эту ночь.

— Уйти мае? — спросил он.

— Нет, вы должны остаться. Я сказала, что вы узнаете все, если подождёте до утра. Ждите здесь.

Он колебался и осматривался вокруг.

— Доктор... — пролепетал он, — мне послышалось, что доктор сказал...

— Доктор не станет мешать мне ни в чём, что я сделаю в этом доме сегодня. Я говорю вам, чтобы вы остались. На верхнем этаже есть пустые комнаты, займите одну из них.

Бэшуд почувствовал, что его опять охватила дрожь, когда он посмотрел на неё.

— Могу я спросить... — начал он.

— Не спрашивайте ни о чём. Вы мне нужны.

— Пожалуйста, скажите мне...

— Я не скажу вам ничего, пока не пройдёт ночь и не настанет утро.

Его любопытство победило его боязнь. Он настаивал.

— Это что-нибудь страшное? — прошептал он. — Слишком страшное для того, чтобы сказать это мне?

Она топнула ногой во внезапной вспышке нетерпения.

— Слушайте! — сказала она, схватив ключ от двери с подоконника. — Вы совершенно правы, что не доверяете мне, вы совершенно правы, что не следуете за мною далее во мраке. Ступайте, прежде чем дом будет заперт. Я могу обойтись без вас.

Она пошла к лестнице с ключом в одной руке и со свечой в другой.

Бэшуд молча шёл за нею. Никто, знавший то, что он знал о её прежней жизни, не мог бы заметить, что эта женщина была доведена до последней крайности и сознательно стояла на краю пропасти. Сделав также ужасное открытие, он освободился от влияния, которое она имела над ним — он думал и действовал как человек, снова имеющий свою собственную волю.

Мисс Гуильт вложила ключ в замочную скважину и обернулась к нему, прежде чем отперла её, свет от свечи падал на лицо её.

— Забудьте меня и простите мне, — сказала она. — Мы более не встретимся.

Она отперла дверь и, когда Бэшуд прошёл мимо неё, подала ему руку. Он устоял против её взгляда, он устоял против её слов, но магнетическое действие её прикосновения победило его в последнюю минуту.

— Я не могу вас оставить, — сказал он, уцепившись за руку, которую она подала ему. — Что должен я делать?

— Пойдёмте и увидите, — отвечала она, не давая ему ни минуты на размышление.

— Приметьте эту комнату, — шепнула она.

Взглянув на лестницу, чтоб убедиться, одни ли они, она вернулась с ним в противоположный конец коридора. Там, против окна, освещавшего коридор на другом конце, была небольшая комната с узкой решёткой наверху двери, эта комната была спальней помощника доктора. Из этой комнаты через решётку видны были спальни с каждой стороны коридора, так что помощник мог видеть все действия больных, находившихся под его надзором, а они не могли догадаться, что он наблюдает за ними... Мисс Гуильт отворила дверь, и они вошли в пустую комнату.

— Ждите здесь, — сказала она, — пока я схожу наверх, и запирайтесь, если хотите. Вы будете в темноте, но газовая лампа зажжётся в коридоре. Оставайтесь у решётки и смотрите, чтобы мистер Армадэль вошёл в ту комнату, которую я указала вам, и чтобы он не вышел из неё потом. Если вы хоть на минуту спустите глаз с этой комнаты, прежде чем я вернусь, вы будете раскаиваться в этом до конца своей жизни. Если вы сделаете так, как я говорю, вы увидите меня завтра и можете требовать награды. Поскорее отвечайте: да или нет?

Он не смог ответить словами, он поднёс её руку к своим губам и с восторгом поцеловал её. Мисс Гуильт оставила его в комнате. Бэшуд видел в решётку, как она проскользнула по коридору к двери на лестнице; она вышла в неё и заперла; затем наступила тишина.

Вскоре Бэшуд услышал голос доктора. Он появился в конце коридора и показал Аллэну и Мидуинтеру их комнаты. Все они вошли

в комнату под номером четвертью. Через некоторое время доктор вышел первым. Он подождал, пока вышел Мидуинтер и с церемонным поклоном указал ему на дверь под номером третьим. Мидуинтер вошёл в комнату, не говоря ни слова, и заперся там. Доктор, оставшись один, отошёл к двери у лестницы и отпер её, потом постоял в коридоре, тихо посвистывая, потом подошёл к двери под номером четвёртым и отпер ящик с аппаратом, прикрепленный в углу стены. Приподняв крышку и заглянув туда, он перестал свистеть, вынул длинный пурпуровый флакон, рассмотрел его при свете газовой лампы, поставил назад и запер ящик. Сделав это, он подошёл на цыпочках к открытой двери у лестницы и запер её с внутренней стороны, по обыкновению.

Бэшуд видел, как он подходил к аппарату, Бэшуд заметил, каким образом он отошёл к двери у лестницы. Опять чувство нетерпеливого ожидания заставило забиться его сердце. Ужас медленно, холодной волной, подобрался к его рукам и направил их в темноте к ключу, оставленному для него с внутренней стороны двери. Он повернул его, испытывая ужас перед тем, что может вскоре случиться, и затаившись ждал. Минуты тянулись медленно, и пока не случилось ничего. Тишина стояла ужасная; пустой коридор был наполнен колеблющимися тенями. Бэшуд начал считать, чтобы занять свои мысли, отогнать от себя растущий страх. Числа, которые он нашёптывал, медленно перевалили за сотню, а все ещё ничего не случилось. Он начал вторую сотню, дошёл до двадцати, когда Мидуинтер вдруг появился в коридоре, хотя ни малейшим звуком не обнаружил свои шаги по комнате.

Мидуинтер постоял минуту и прислушался, подошёл к лестнице и заглянул вниз, в переднюю. Потом во второй раз в этот вечер попробовал отпереть дверь у лестницы и во второй раз нашёл её запертой. После минутного размышления он попробовал отпереть дверь спальни по правую сторону, заглянул в каждую и увидел, что они пусты; потом он подошёл к двери той комнаты, где прятался управитель, но туда не пустил его замок. Он прислушался и взглянул на решётку — не слышно было ни звука, не видно было света внутри.

— Не сломать ли мне замок и удостовериться? — спросил сам себя Мидуинтер. — Нет, это даст повод доктору выгнать меня из дома.



Он отошёл и заглянул в две пустые комнаты в том ряду, где находились комнаты, занимаемые Аллэном и им, потом отошёл к окну у лестницы в коридоре. Там ящик с аппаратом привлёк его внимание. Когда он безуспешно попытался открыть его, подозрения его усилились. Он прошёл вдоль коридора и заметил, что ни у одной комнаты не было ничего подобного. Опять Мидуинтер подошёл к окну, опять посмотрел на аппарат и отвернулся от него, сделав движение, ясно показавшее, что как он ни старался, но не мог угадать, что это могло быть.

Потерпев везде неудачу, Мидуинтер не подавал, однако, вида, что хочет вернуться в свою спальню. Он стоял у окна, устремив глаза на дверь комнаты Аллэна, и думал.

Если бы Бэшуд, украдкой наблюдавший за ним через решётку, мог разгадать, что задумывает Мидуинтер в эту минуту, сердце его, может быть, забилося бы ещё сильнее в ожидании следующего события.

Чем были заняты его мысли, когда он стоял один ночью в этом незнакомом доме? Мысли его были заняты сведением отрывочных впечатлений мало-помалу к одному мнению. Он почувствовал с самого начала, что какая-то скрытная опасность угрожала Аллэну в лечебнице, и его все усиливавшееся недоверие к этому месту, к своей жене (он был твёрдо убеждён, что она находится под одной крышей с ним), к доктору, который, по-видимому, пользовался её доверием так же, как и Бэшуд, теперь упорно сосредоточилось на комнате Аллэна. Он отказался от всяких дальнейших усилий соединить своё подозрение о заговоре против его друга с оскорблением, нанесённым ему самому накануне, усилий, которые привели бы его, если бы он мог поддерживать их, к раскрытию обмана, замышляемого его женой, и его мысли, неясные и сбитые с толку тревожными событиями, бессознательно складывались под влиянием отрывочных фактов, как они появлялись с тех пор, как он вошёл в этот дом. Всё, что он заметил внизу, привело к мысли, что если Аллэн ночует в лечебнице, то благодаря этому будет достигнута какая-то тайная цель. Всё, что он заметил наверху, давало ему повод думать, что вся опасность заключалась в комнате Аллэна. Прийти к этому заключению и решить расстроить заговор, каков бы он ни был, заняв место Аллэна, было для Мидуинтера минутным делом. Когда он столкнулся лицом к лицу с действительной опасностью, то сильный характер этого человека

бессознательно освободился от слабостей, стеснявших его в более счастливые и спокойные времена. Ни тени прежнего суеверия не оставалось в душе его теперь, никакое прежнее недоверие к себе не расстроило его твёрдой решимости. Одно только последнее сомнение, которое волновало его, когда он стоял у окна и думал, заключалось в том, может ли он убедить Аллэна перемениться с ним комнатами, не вступая в объяснение, могущее побудить Аллэна начать подозревать истину...

В ту минуту, которая пролетела, пока он ждал, не спуская глаз с комнаты, сомнение его разрешилось — он нашёл тривиальный, но убедительный предлог для того, что он задумал. Бэшуд видел, как он подошёл к двери, Бэшуд слышал, как он тихо постучался и прошептал:

— Аллэн, вы в постели?

— Нет, — ответил голос изнутри. — Войдите.

Он, по-видимому, хотел войти в комнату, но вдруг остановился, как-будто вспомнил что-то.

— Подождите минуту, — сказал он через дверь и, повернувшись, прямо пошёл к крайней комнате.

— Если кто-нибудь наблюдает за нами оттуда, — сказал он вслух, — пусть себе наблюдает сквозь это!

Он вынул носовой платок и заткнул им промежутки решётки, принудив таким образом шпиона (если он там был) или обнаружить себя, сняв носовой платок, или не видеть ничего того, что потом случится. Мидуинтер вошёл в комнату Аллэна.

— Вы знаете, какие слабые у меня нервы, — сказал он, — и как я дурно сплю, даже когда совсем здоров. Я никак не могу заснуть. Окно в моей комнате стучит каждый раз, как только подует ветер. Я сожалею, зачем оно не так закреплено, как ваше.

— Любезный друг, — сказал Аллэн, — мне всё равно, стучит окно или не стучит. Обменяемся комнатами. Какой вздор! Зачем вам извиняться передо мною? Разве я не знаю, как легко пустяки расстраивают ваши больные нервы? Теперь, когда доктор успокоил меня насчёт бедной Нили, я начинаю чувствовать усталость от дороги и ручаюсь, что засну в любой комнате до завтрашнего утра.

Он взял свой дорожный мешок.

— Нам надо поторопиться, — прибавил он, указывая на свою свечу. — Мне оставили не очень большую свечу, чтобы, видно, скорее

лёг спать.

— Идите тише, Аллэн, — сказал ему Мидуинтер, отворяя дверь. — Нам не надо лишнего шума в доме в такое позднее время.

— Да-да, — отвечал Аллэн шёпотом. — Спокойной ночи. Я надеюсь, что вы заснёте так же хорошо, как и я.

Мидуинтер проводил Аллэна в комнату под номером третьим и заметил, что его свеча, которую он там оставил была так же коротка.

— Спокойной ночи, — сказал он и снова вышел в коридор. Он прямо подошёл к решётке и опять стал смотреть и прислушиваться. Носовой платок оставался точно так, как он его оставил, и изнутри не слышалось никакого шума. Он медленно вернулся к двери своей комнаты и в последний раз подумал о принятых им предосторожностях. Неужели не было никакого другого способа, кроме того, который он попробовал теперь? Никакого. Открытая защита — тогда как характер опасности и незнание, от кого она могла происходить, были одинаково неизвестны — была бы бесполезна сама по себе и больше чем бесполезна по своим последствиям, заставив людей в доме остерегаться. Не имея ни одного факта, который мог бы оправдать в глазах других его беспокойство о том, что могло случиться в эту ночь; бессильный поколебать доверчивость Аллэна, поверившего благородной внешности доктора, в которой он предстал перед ним, Мидуинтер мог придумать только одно средство для безопасности своего друга — перемену комнат, мог следовать только одной тактике — что бы ни случилось, тактике ожидания развития событий.

— Я могу положиться только на одно, — сказал он сам себе, обводя глазами коридор. — Я могу положиться на то, чего я не знаю.

Бросив взгляд на часы, висевшие на противоположной стене, Мидуинтер вошёл в комнату под номером четвёртым. Послышался звук запиравшейся двери, за которым последовал звук повернутого ключа, потом снова в доме воцарилась мёртвая тишина.

Мало-помалу управитель в тишине и темноте преодолел свой страх и решил снять носовой платок. Он осторожно приподнял один угол платка, подождал, посмотрел и, наконец, собрался с мужеством, чтобы вынуть весь платок. Спрятав его сначала в свой карман, он подумал о последствиях, если его найдут у него, и бросил платок в угол комнаты. Он задрожал, бросая платок, посмотрел на свои часы и стал у решётки ждать мисс Гуильт.

Часовая стрелка обошла половину круга на циферблате. Когда она дошла до четверти второго, мисс Гуильт тихо вышла в коридор.

— Выходите, — шепнула она в решётку, — и ступайте за мной.

Она вернулась к лестнице, с которой только что спустилась, тихо затворила дверь после того, как Бэшуд последовал за нею, и поднялась на площадку второго этажа. Тут она задала ему вопрос, который не решилась задать внизу.

— Ввели мистера Армадэля в комнату под номером четвёртым? Бэшуд, не говоря ни слова, кивнул головой.

— Отвечайте мне словами: выходил мистер Армадэль из комнаты после этого?

Он отвечал:

— Нет.

— Вы ни разу не теряли из виду комнату под номером четвёртым с тех пор, как я оставила вас?

Он отвечал:

— Ни разу.

Мисс Гуильт взглянула на него, обманутая последним человеком на свете, которого она могла подозревать в обмане, человеком, которого она обманула сама.

— Вы, кажется, очень взволнованы, — сказала мисс Гуильт спокойно. — Эта ночь была слишком трудна для вас. Ступайте наверх и отдохните. Вы найдёте дверь одной из комнат открытой, эта комната, которую вы должны занять. Спокойной ночи.

Она поставила свечу на стол и подала Бэшуду руку. Он с отчаянием задержал её руку, когда она повернулась, чтобы оставить его. Страх при мысли о том, что могло случиться, когда она останется одна, вынудил Бэшуда произнести слова, которые он побоялся бы сказать в любое другое время.

— Не ходите, — умолял он шёпотом. — О! Не ходите, не ходите, не ходите вниз сегодня.

Она освободила свою руку и сделала ему знак взять свечу.

— Вы увидите меня завтра, — сказала она. — Теперь ни слова более!

Её сильная воля победила Бэшуда и в эту последнюю минуту, как побеждала всегда.

— Ночь пройдёт скоро, — сказал он сам себе, когда мисс Гуильт скрылась из глаз. — Я буду мечтать о ней, пока не наступит утро.

Она заперла дверь у лестницы, когда прошла в неё, прислушалась и удостоверилась, что кругом все тихо; потом прошла по коридору к окну. Облокотившись о подоконник, она смотрела в ночную темноту. Тучи закрывали в эту минуту луну, ничего нельзя было увидеть в темноте, кроме газовых рожков, разбросанных по предместью. Отойдя от окна, она посмотрела на часы: было двадцать минут второго.

В последний раз решимость, овладевшая мисс Гуильт в начале этой ночи, когда она узнала, что муж её в этом доме, заняла плавное место в её мыслях. В последний раз внутренний голос сказал ей: «Подумай, нет ли другого способа!» Мисс Гуильт обдумывала это до тех пор, пока стрелка часов не показала полчаса второго.

— Нет, — сказала она, все думая о своём муже, — осталось только идти до самого конца. Он не сделает того, зачем приехал сюда, он не произнесёт слов, которые приехал сюда сказать, когда узнает, что его поступок может сделать меня предметом публичной огласки, а его слова могут послать меня на эшафот!

Румянец вспыхнул на её лице, и она улыбнулась с отвратительной иронией, посмотрев на дверь комнаты.

— Я буду твоей вдовой, — сказала мисс Гуильт, — через полчаса!

Она отперла ящик с аппаратом и взяла в руку пурпуровый флакон. Заметив время по часам, она опустила в стеклянную трубку первый из шести отдельных приёмов, которые были размерены для неё бумажкой.

Поставив опять флакон в ящик, она приложила ухо к отверстию трубки — ни малейшего звука не донеслось до её слуха; гибельный процесс делал своё дело в гробовой тишине. Когда она приподнялась и подняла глаза, луна сияла в окно и холодный ветер стих.

О время! Время! Если бы только это могло начаться и кончиться первым приёмом! Мисс Гуильт сошла вниз в переднюю, ходила взад и вперёд и прислушивалась у открытой двери, которая вела на кухонную лестницу. Она снова поднялась вверх, затем опять спустилась вниз. Первый из пятиминутных промежутков тянулся бесконечно. Время точно стояло неподвижно. Неизвестность сводила с ума.

Промежуток прошёл. Когда мисс Гуильт взяла флакон во второй раз и налила второй приём, тучи закрыли свет луны и ночной вид из окна начал медленно помрачаться.

Только когда луна опять выбралась из облаков, она вдруг опомнилась. Мисс Гуильт быстро обернулась и посмотрела на часы: прошло семь минут после второго приёма.

Когда она схватила флакон и вылила жидкость в трубку в третий раз, ясное сознание своего положения вернулось к ней. Горячая волна опять ударила в голову, и ярким румянцем вспыхнула на щеках. Быстро и бесшумно прошла она с одного конца коридора до другого, сложив руки под шалью и время от времени поглядывая на часы.

Рука мисс Гуильт начала сильно дрожать, когда она наполнила трубку в четвёртый раз. Боязнь встречи с мужем опять вернулась в её сердце. Что если какой-нибудь шум разбудит его раньше шестого приёма? Что если он вдруг проснётся (как он часто просыпался) без всякого шума?

Она осмотрела коридор. Крайняя комната, в которой был спрятан Бэшуд, показалась ей удобным убежищем.

«Я могу войти туда, — подумала она. — Оставил он ключ?»

Она открыла дверь, чтобы заглянуть, и увидела носовой платок, брошенный на пол. Не Бэшуда ли это платок, оставленный тут нечаянно? Она осмотрела все углы платка, в одном из них мисс Гуильт нашла имя своего мужа!

Первым её побуждением было подняться по лестнице, разбудить управителя и потребовать объяснений. Через минуту она вспомнила о пурпуровом флаконе и об опасности оставить коридор. Она обернулась и посмотрела на дверь под номером третьим. Муж её, что подтверждала находка здесь носового платка, непременно выходил из своей комнаты, а Бэшуд ей не сказал об этом. В своей ли комнате он теперь?

— Все двери в этом доме отворяются тихо, — сказала она сама себе. — Мне нечего бояться, что я разбужу его.

Тихо, помаленьку отворила она незапертую дверь и заглянула в довольно широкую щель. При том немногом свете, который проходил в комнату из коридора, только голова спящего чернела на изголовье. Так ли она казалась чёрной на фоне белого изголовья, какой казалась

голова её мужа, когда он лежал в постели? Было ли дыхание так же легко, как дыхание её мужа, когда он спал?

Она пошире приоткрыла дверь и заглянула в комнату при более ярком свете.

На кровати лежал человек, на жизнь которого она покушалась в третий раз. Он спокойно спал в комнате, отданной её мужу, и дышал воздухом, который никому не мог сделать вреда.

Роковой вывод поверг в ужас мисс Гуильт. Иступлённо подняв кверху руки, она снова вышла в коридор. Дверь Аллена захлопнулась — но не с таким шумом, чтобы разбудить его. Она обернулась, когда дверь затворилась. С минуту мисс Гуильт стояла и смотрела на неё, как безумная. Через минуту, прежде чем вернулся рассудок, инстинкт побудил её к действию. Несколько секунд — и она уже у двери под номером четвёртым.

Дверь была заперта. Мисс Гуильт судорожно и неловко начала искать в стене кнопку, которую нажимал доктор, когда показывал комнату посетителям. Два раза она не попала на неё. В третий раз она нашла кнопку и нажала её. Пружина сработала, и дверь отворилась.

Без малейшей нерешительности она вошла в комнату. Хотя дверь была широко открыта, хотя довольно короткое время прошло после четвёртого приёма, так что только половина нужного количества газа заполнило комнату, отравленный воздух охватил её, как сильная рука за горло, как проволока, стиснувшая голову. Она нашла мужа на полу, у кровати. Его голова и одна рука были обращены к двери, видимо, он проснулся, вскочил и тут же упал, пытаясь выйти из комнаты. Мисс Гуильт собрала все силы, — а женщины способны на многое в непредвиденных случаях, — приподняла Мидуинтера и вытащила его в коридор. Голова её кружилась, когда она, положив его на пол и доползла на коленях до комнаты, чтобы закрыть её и не допустить проникновения отравленного воздуха в коридор. Заперев дверь, мисс Гуильт подождала, не решаясь посмотреть на мужа, пока вернутся силы, чтобы встать и подойти подышать к окну над лестницей. Когда окно было открыто, в коридор ворвался холодный воздух раннего зимнего утра, она решила вернуться к мужу, приподняла его голову и в первый раз пристально посмотрела ему в лицо.

Смерть ли разлила мертвенную бледность по лбу и щекам Мидуинтера и свинцовую краску на веках и губах?

Она развязала ему галстук, расстегнула жилет и подставила к свежему воздуху голову и грудь. Приложив свою руку к сердцу, она положила его голову к себе на грудь, так, чтобы она по-прежнему была обращена к окну, ждала, что будет дальше. Прошло некоторое время, время довольно короткое для того, чтобы считать его минутами на часах, и вместе с тем вполне достаточное для того, чтобы в памяти упрямой чередой прошли воспоминания о супружеской жизни с ним, вполне достаточное для того, чтобы окончательно созрела решимость, зародившаяся в душе, как единственный результат захвативших мисс Гуильт воспоминаний. Когда глаза её покоились на Мидуинтере, странное спокойствие медленно разливалось по её лицу. Она выглядела как женщина, которая решилась одинаково испытать как радость при его выздоровлении, так и горе в случае его смерти.

У мисс Гуильт не вырвалось из груди ни крика, но потекли из глаз слезы, когда через некоторое время она уловила первое слабое биение его сердца и заметила первое слабое дыхание, слетевшее с его губ. Она молча наклонилась к Мидуинтеру и поцеловала его в лоб. Когда она опять подняла глаза, выражение глубокого отчаяния покинуло её лицо. В глазах появилась какая-то светлая радость, которая озарила все её лицо как бы внутренним светом и сделала её опять милостивой и женственной.

Она опустила мужа на пол и, сняв с себя шаль, подложила её под его голову.

— Тебе было очень трудно, мой возлюбленный, — сказала она, чувствуя, что слабое биение его сердца усилилось. — Теперь тебе станет легче.

Она встала и, отвернувшись от мужа, заметила пурпуровый флакон на том месте, где и оставила после четвёртого приёма.

«Ах, — подумала мисс Гуильт спокойно, — я забыла моего лучшего друга — я забыла, что ещё не все вылиты».

Твёрдой рукой, с совершенно спокойным лицом она налила в трубку в пятый раз.

— Ещё пять минут, — сказала она, поставив флакон и посмотрев на часы.

Мисс Гуильт задумалась, и эта задумчивость немного омрачила кроткое спокойствие её лица.



— Не написать ли мне ему прощального слова? — спросила она себя. — Не сказать ли всей правды, прежде чем я оставлю его навсегда?

Её маленький, оправленный в золото карандашик висел на часовой цепочке. Посмотрев на него с минуту, она встала на колени возле мужа и засунула руку в карман сюртука: его записная книжка была тут. Какие-то бумаги выпали из неё, когда мисс Гуильт отперла застёжку. Одна из этих бумаг была письмом, которое Мидуинтер получил со смертного одра Брока. Мисс Гуильт перевернула два листа почтовой бумаги, на которой ректор написал слова, оказавшиеся теперь справедливыми, и нашла последнюю страницу последнего листа пустой. На этой странице она написала свои прощальные слова, стоя на коленях возле мужа.

«Я хуже всего того, что ты мог подумать плохого обо мне. Ты спас Армадэля, поменявшись с ним комнатами сегодня, и ты спас его от меня. Ты можешь угадать теперь, чьей вдовой я выдала бы себя, если бы ты не спас ему жизни. Узнаешь, на какой злодейке ты женился, когда женился на женщине, пишущей эти строки. Всё-таки у меня в жизни бывали и чистые минуты, и тогда я нежно любила тебя. Забудь меня, мой возлюбленный, встретив женщину, которая будет лучше меня. Я, может быть, сама была бы лучшей женщиной, если бы обстоятельства не искалечили мою жизнь, прежде чем ты встретился со мною. Теперь это всё равно. Я могу загладить свою вину перед тобой только своей смертью. Мне нетрудно умереть теперь, когда я знаю, что ты останешься жив. Даже за своё злодейство получила по заслуге, — оно не удалось. Я никогда не была счастлива».

Мисс Гуильт снова сложила письмо и положила его в руки Мидуинтера, чтобы оно привлекло внимание, когда он придёт в себя. Мисс Гуильт тихо сомкнула его пальцы на письме и подняла глаза. Часы показывали, что идёт последняя минута последнего промежутка. Она наклонилась над Мидуинтером и запечатлела прощальный поцелуй.

— Живи, мой ангел, живи! — нежно прошептала она, коснувшись своими губами его губ. — Вся твоя жизнь впереди, счастливая жизнь и честная, если ты освободишься от меня!

В последний раз с невыразимой нежностью мисс Гуильт откинула ему волосы со лба.

— Любить тебя не было заслугой, — сказала она. — Ты один из тех мужчин, которые нравятся всем женщинам.

Она вздохнула и оставила его. Эта была её последняя слабость. Мисс Гуильт утвердительно склонила голову перед часами, как будто это было живое существо, говорящее с нею, и последний раз наполнила трубку последней каплей, оставшейся в флаконе.

Закрываемая тучами луна слабо светила в окно. Положив руку на ручку двери комнаты, она повернулась и посмотрела на свет, медленно исчезающий с пасмурного неба.

— О Боже, прости меня! — сказала она. — О Христос, будь свидетелем, я так страдала!

Ещё с минуту медлила она на пороге, медлила, чтобы бросить свой последний взгляд на этом свете, и обратила этот взгляд на него.

— Прощай! — сказала она нежно.

Дверь комнаты отворилась и затворилась за ней. Наступили минуты тишины. Потом послышался глухой шум, похожий на падение. Затем опять настала тишина.

Часовые стрелки отсчитывали минуты одну за одной. Пошла десятая минута с того момента, как дверь комнаты затворилась, прежде чем Мидуинтер пошевелился и, пытаясь приподняться, почувствовал в своей руке письмо.

В эту самую минуту в двери на лестнице повернулся ключ, и доктор, с тревогой смотря на дверь роковой комнаты, увидел пурпуровый флакон на подоконнике и лежащего на полу человека, старавшегося приподняться.

# ЭПИЛОГ

## Глава I

# ИЗВЕСТИЕ ИЗ НОРФОЛЬКА

«От мистера Педгифта-старшего (из Торп-Эмброза) к мистеру Педгифту-младшему (в Париж:)

Декабря 20

*Любезный Аугустус.*

*Твоё письмо я получил вчера. Ты, кажется, пользуешься своей молодостью, как ты это называешь, да ещё и горячо. Ну, наслаждайся своим свободным временем. И я радовался прелестям юности, когда был в твоих летах, и с удивлением замечаю, что ещё этого не забыл.*

*Ты просишь рассказать о всех наших новостях, а особенно об этом таинственном происшествии в лечебнице.*

*Любопытство, мой милый сын, есть качество, которое особенно в нашей профессии иногда приводит к великим открытиям. Однако я сомневаюсь, дождёшься ли ты, чтобы оно привело ко многому в этом случае. Всё, что я знаю о событиях в лечебнице, я узнал от мистера Армадэля, а ему, к сожалению, неизвестны многие важные факты. Я уже сообщал тебе, как их заманили в дом и как они провели там ночь. К этому могу теперь прибавить, что, наверно, с мистером Мидуинтером случилось что-нибудь, лишившее его сознания, и что доктор, который, вероятно, был замешан в этом деле, повёл дело умело и сумел настоять на том, чтобы ему разрешили поступить по-своему в его собственной лечебнице. Нет ни малейшего сомнения, что несчастная женщина (каким бы образом ни случилась с ней смерть) была найдена мёртвой. Коронёр провёл следствие. Из показаний свидетелей стало известно, что она поступила в дом как пациентка, а из медицинского заключения следовал вывод, что она умерла от апоплексического удара. Я думаю, что мистер Мидуинтер*

*имеет свои причины не давать показания, которые он мог бы дать. Я имею также причины подозревать, что мистер Армадэль из уважения к нему последовал его примеру и что выводы следствия, не обвинившие никого, были сделаны подобно многим другим приговорам в том же роде из-за совершенно поверхностного расследования обстоятельств.*

*Я твёрдо убеждён, что ключ ко всей этой тайне можно найти в попытке этой несчастной женщины выдать себя за вдову мистера Армадэля, когда известие о его смерти появилось в газетах. Но что сначала побудило её к этому и каким непостижимым путём обманов могла она убедить мистера Мидуинтера жениться на ней (как доказывает брачное свидетельство) под именем мистера Армадэля — этого не знает даже сам мистер Армадэль. Факт этот не был затронут на следствии по той простой причине, что следствие касалось только обстоятельств, связанных с её смертью. Мистер Армадэль по просьбе своего друга увиделся с мисс Блэнчард и убедил её заставить старика Дарча молчать насчёт прав, которые она предъявила на вдовый доход. Так как это право не было ещё признано, то даже наш чопорный собрат согласился раз в жизни исполнить просьбу. Показание доктора, что его пациентка была вдова джентльмена по имени Армадэль, также было оставлено без внимания. Таким образом дело и замяли. Она похоронена на большом кладбище, недалеко от того места, где она умерла. Никто, кроме мистера Мидуинтера и мистера Армадэля, который настоял, чтобы ехать с ним, не провожал её до могилы, и ничего не было написано на её надгробном памятнике, кроме начальной буквы её имени и дня её смерти. Итак, после всего плохого, сделанного ею, она наконец успокоилась. Итак, два человека, которых она оскорбила, простили ей.*

*Есть ли что ещё у меня рассказать об этом случае, прежде чем мы его оставим? Перечитывая твоё письмо, я нахожу, что ты коснулся ещё другого факта, который, может быть, заслуживает минутного внимания.*

*Ты спрашиваешь, есть ли причины полагать, что доктор вышел из этого дела с руками действительно такими чистыми, как они кажутся? Любезный Аугустус, я полагаю, что доктор замешан в этом деле гораздо больше, чем мы узнаем когда-нибудь, и воспользовался добровольным молчанием мистера Мидуинтера и мистера Армадэля, как мошенники часто пользуются несчастиями и нежеланием огласки честных людей. Это доказанный факт, что он участвовал в лживом сообщении относительно мисс Мильрой, с помощью которого заманил двух джентльменов в свой дом, и этого одного обстоятельства (из моего опыта работы в уголовном суде) довольно для меня. Улик же против него нет никаких; а что касается до того, постигнет ли его возмездие, я могу только сказать, что искренно надеюсь, что возмездие наконец окажется хитрее его. Пока же на это ещё мало надежды. Я слышал, что друзья и поклонники доктора хотят поднести ему свидетельство, выражающее сочувствие к печальному обстоятельству, бросившему тень на открытие его лечебницы, и их прежнее доверие его честности и искусству врача. Мы живём, Аугустус, в век чрезвычайно благоприятный для процветания всякого мошенничества, которое позаботится поддерживать видимость благопристойности. В этом просвещённом девятнадцатом столетии я смотрю на доктора как на одного из наших будущих деятелей.*

*Обращаясь теперь к более приятному предмету, чем лечебница. Я могу сообщить тебе, что мисс Нили выздоровела и, по моему смиренному мнению, ещё похорошела. Она гостит в Лондоне у одной родственницы, и мистер Армадэль подтверждает ей, что он жив (на случай, если бы она забыла об этом) аккуратно каждый день. Они будут венчаться весной, если только смерть миссис Мильрой не заставит отложить свадьбу. Доктора думают, что бедная миссис Мильрой приближается к роковому концу, это может продолжаться несколько недель или месяцев — они сказать не могут. Она очень*

изменилась — спокойна, кротка и чрезвычайно ласкова с мужем и дочерью. Но в её болезни эта счастливая перемена (с медицинской точки зрения) признак приближающейся кончины. Бедному старому майору трудно это растолковать. Он только видит, что она снова стала так же добра, как была, когда он женился на ней, и теперь сидит по целым часам у её постели и рассказывает ей о своих удивительных часах. Мистер Мидуинтер, о котором, как ты теперь ожидаешь, я скажу что-нибудь, быстро выздоравливает. Причинив сначала уйму беспокойства своим докторам, которые объявили, что он страдает от какого-то серьёзного нервного потрясения, вызванного обстоятельствами, о которых из-за упорного молчания их пациента им ничего неизвестно, он поправился так, как только люди с его нервным темпераментом (опять ссылаясь на докторов) могут поправляться. Он живёт в одной квартире с мистером Армадэлем. Я видел мистера Мидуинтера на прошлой неделе, когда был в Лондоне. Лицо его обнаруживает признаки усталости и печали, что грустно видеть в таком молодом человеке. Но он говорил о себе и о своём будущем с мужеством и с надеждой, которым люди вдвое старше его (если он страдал так, как я подозреваю) могли бы позавидовать. Если я что-нибудь понимаю в людях, то это человек необыкновенный, и мы услышим ещё о нём в обозримом будущем.

Ты удивишься, как я попал в Лондон. Я поехал, взяв обратный билет (от субботы до понедельника) насчёт спорного дела наших агентов. Мы крепко поспорили. Довольно странно, но мне пришёл в голову один факт, когда я встал, чтобы уйти. Я вернулся к своему креслу и тотчас же решил вопрос. Разумеется, я останавливался в нашей гостинице в Ковент-Гардене. Уильям, слуга, спрашивал о твоём здоровье с отеческой любовью, а Матильда, служанка, сказала, что ты в последний раз почти уговорил её выдернуть гнилой зуб из нижней челюсти. Я пригласил второго сына нашего агента (юношу, которого ты прозвал Мустафой, когда он заварил эту страшную кашу с

турецкими фондами) обедать у меня в воскресенье. Вечером случилось одно небольшое происшествие, о котором стоит упомянуть, так как оно относится к той старухе, которой не было дома, когда ты и мистер Армадэль ездили в тот дом в Пимлико в прошлые времена.

Мустафа походил на всех вас, молодых людей теперешнего времени. Он пришёл в приподнятое настроение после обеда.

«Пойдёмте в какое-нибудь публичное увеселение, мистер Педгифт», — сказал он.

«В публичное увеселение? Да ведь сегодня воскресенье», — говорил я.

«Это не мешает, сэр, — говорит Мустафа. — В театре не разрешают представлять по воскресеньям, а на кафедре не препятствуют. Пойдёмте посмотрим на новую актрису».

Так как он не хотел более пить вино, то не оставалось ничего более, как ехать. Мы отправились на одну из улиц в Уэст-Энде и нашли её заставленную экипажами. Если бы это было не воскресенье, я подумал бы, что мы едем в оперу.

«Что я вам говорю?» — сказал Мустафа, ведя меня в открытую дверь, на которой была прибита афиша. Я только что заметил, что попал на одну из «воскресных вечерних речей о суетах мира сего, говоренных грешницей, служившей им», когда Мустафа толкнул меня и шепнул: «Полкроны — самая фешенебельная плата».

Я очутился между двумя степенными и молчаливыми джентльменами, с блюдами в руках, уже значительно наполненными фешенебельной платой. Мустафа положил на одно блюдо, а я на другое. Мы прошли через двери в длинную комнату, наполненную людьми. Там, на платформе, в дальнем конце, держала речь женщина, и эта женщина была миссис Ольдершо! Ты никогда не слышал ничего красноречивее в своей жизни. Пока я слушал её, она ни разу не остановилась, не умолкла. После этого воскресного вечера я всю свою жизнь не буду считать красноречие



большим дарованием. Сущность же проповеди заключалась в рассказе о житейском опыте миссис Ольдершо, приобретённом в общении с легкомысленными женщинами, с обильными примерами самого благочестивого раскраивания. Ты спросишь, какого рода были слушатели. Большею частью женщины, Аугустус, и, кажется, все старые светские ведьмы, которых миссис Ольдершо раскраивала в своё время, важно сидевшие на передних местах, с наруганными щеками, с набожным выражением, поистине изумительным! Я оставил Мустафу слушать до конца, а сам думал, выходя, о том, что Шекспир сказал где-то: «Боже, какие мы дураки!»

Не осталось ли ещё чего рассказать тебе, прежде чем закончу своё письмо? Только одно и могу припомнить.

Несчастный старик Бэшуд подтвердил мои опасения, о которых я уже сообщал тебе, когда его привезли сюда из Лондона. Нечего сомневаться, что он лишился и того остатка рассудка, какой имел. Бэшуд совершенно безвреден и абсолютно счастлив. Он жил бы очень хорошо, если бы только можно было не допускать его выходов в новой паре платьев и приглашений с улыбкой каждого встречного на свою свадьбу с красивейшей женщиной Англии. Эти выходы кончаются тем, что мальчишки кидают в него грязью, и он, весь запачканный, возвращается ко мне со слезами. Только-только вычистят ему платье, он опять начинает свою любимую игру и чванно расхаживает перед церковью, как жених, ожидающий миссис Гуильт. Нам надо пристроить куда-нибудь бедного старика на то небольшое время, которое остаётся ему прожить. Кто подумал бы, что вред, принесённый красотой этой женщины, мог даже коснуться и нашего престарелого клерка?

Прощай пока, мой милый. Если ты увидишь какую-нибудь особенно красивую табакерку в Париже, вспомни, что, хотя твой отец презирает презенты, он не прочь принять подарок от своего сына.

Любящий тебя А. Педгифт-старший.

*Постскриптум. Мне кажется, что известие, помещённое во французских газетах о гибельной ссоре между иностранными моряками на одном из Линарских островов и о смерти их капитана, может быть, касается тех мошенников, которые обокрали мистера Армадэля и потопили его яхту. Такие люди, к счастью для общества, не могут всегда быть благоразумными, и в их случае плуты и Возмездие, видимо, пришли в столкновение друг с другом».*

## Глава II

# МИДУИНТЕР

Весна была в разгаре, наступил конец апреля. Накануне дня свадьбы Аллэна Мидуинтер и он проговорили в большом доме до поздней ночи, так что давно пробило полночь и свадебный день уже настал.

По большей части разговор шёл о планах и проектах жениха. Только тогда уже, когда оба друга встали, чтобы отправиться спать, Аллэн настоял, чтобы Мидуинтер поговорил о себе.

— Мы уже достаточно говорили о моём будущем, — начал он по-своему прямо и резко. — Поговорим-ка теперь, Мидуинтер, о вашем будущем. Вы обещали мне, я помню, что если вы займётесь литературой, то она не разлучит нас, и что если отправитесь путешествовать по морю, то вспомните, когда вернётесь, что мой дом — ваш дом. Но эта последняя возможность, которую мы имеем поговорить вдвоём по-старому, и, признаюсь, мне хотелось бы знать... — Голос его прервался, и глаза наполнились слезами. Он не закончил фразы.

Мидуинтер взял Аллэна за руку и помог ему, так как он часто ему помогал, договорить фразу до конца.

— Вам хотелось бы знать, Аллэн, — сказал он, — не будет ли болеть моё сердце в ваш свадебный день? Если вы мне позволите вернуться на минуту к прошлому, я думаю, что смогу исполнить ваше желание.

Они опять сели. Аллэн видел, что Мидуинтер был взволнован.

— Зачем вам огорчаться? — спросил он ласково. — Зачем возвращаться к прошлому?

— По двум причинам, Аллэн. Я должен был бы давно поблагодарить вас за то, что вы ради меня молчали при расследовании дела, которое должно было казаться вам очень странным. Вы знаете, какое имя стоит в моём брачном свидетельстве, а между тем вы не спрашивали об этом из опасения огорчить меня. Прежде чем вы начнёте вашу новую жизнь, объяснимся на эту тему в первый и последний раз. Я прошу вас как ещё один лишний знак вашей

доброты ко мне принять моё уверение (как ни странно должно это показаться вам), что я невинен в этом деле, и умоляю вас верить, что причины, которые заставляют меня не объяснять этого, одобрил бы сам мистер Брок, если бы он был жив.

Произнеся эти слова, Мидуинтер сохранил тайну двух имён и оставил память о матери Аллена такой же священной, какой она всегда была в сердце её сына.

— Ещё одно слово, — продолжал он, — одно слово, которое перенесёт нас на этот раз от прошедшего к будущему. Было сказано, и справедливо, что из зла может произойти добро. Трагедия ночи, известной вам, заставили умолкнуть сомнения, когда-то делавшие мою жизнь несчастной от неосновательной тревоги относительно вас и меня. Теперь между нами уже не будет туч, собранных моим суеверием. Я не могу сказать вам по совести, что я теперь больше готов, чем тогда, когда мы были на острове Мэн, смотреть на ваш сон с более разумной точки зрения. Хотя я знаю, какое необыкновенное стечение обстоятельств постоянно случается в жизни всех нас, я всё-таки не могу объяснить простым стечением обстоятельств исполнение видений, которые мы видели нашими собственными глазами. Я могу только искренно сказать за себя, и это, я думаю, удовлетворит вас, что научился смотреть на смысл сновидения с новой точки зрения. Я верил когда-то, что оно было послано вам для того, чтобы возбудить ваше недоверие к одинокому человеку, которого вы приняли к своему сердцу как брата. Я знаю теперь, что это сновидение явилось вам как заблаговременное предупреждение допустить его к вашему сердцу ещё ближе. Поможет ли это вам убедиться, что и я также стою с надеждой на рубеже новой жизни и что, пока мы будем живы, брат, ваша любовь и моя никогда не будут разделены?

Они молча пожали друг другу руки. Аллен пришёл в себя первый. Он ответил несколькими словами, которые были самыми сердечными, с какими он только мог обратиться к своему другу.

— Я слышал всё, что хотел услышать о прошлом, — сказал он, — и знаю то, что я больше всего желал бы знать о будущем. Все говорят, Мидуинтер, что вам предстоит блестящая карьера, и я думаю, что они правы. Кто знает, какие события могут произойти, прежде чем мы станем старше на несколько лет.

— Кому это нужно знать? — спокойно сказал Мидуинтер. — Что бы ни случилось, Господь милосерд, Господь премудр. — Эти слова когда-то написал наш дорогой старый друг. С этой верой я могу оглядываться без ропота на прошедшие годы и могу смотреть без сомнения на годы будущие.

Он встал и подошёл к окну. Пока они разговаривали, наступило утро. Первые лучи света нового дня встретили Мидуинтера, когда он посмотрел в окно, и ласково заиграли на его лице.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

<b>notes</b>
--------------

# Примечания

**1**

На промакательной бумаге.

Гиг — лёгкий быстроходный экипаж.



**3**

Шемизетка — вставка на груди блузки, платья.

4

Лаудан — снотворное

Коронёр — особый судебный следователь, занимающийся расследованием случаев насильственной или внезапной смерти.

Горгона — в древнегреческой мифологии крылатая женщина-чудовище, от взгляда которой люди превращались в камень.

7

Sotto voce — вполголоса (итал.).

Влюблённые, венчающиеся без ведома родителей, обращаются в Гретна-Грин к кузнецу, который венчает по обрядам английской церкви, и этот брак считается действительным. — Примечание автора.

9

Звание, равняющееся министру.

Друиды — жрецы у древних кельтов Галлии, Британии и Ирландии, которые выполняли также судебные функции.



До востребования.